

Это цифровая копия книги, хранящейся для потомков на библиотечных полках, прежде чем ее отсканировали сотрудники компании Google в рамках проекта, цель которого - сделать книги со всего мира доступными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских прав на эту книгу истек, и она перешла в свободный доступ. Книга переходит в свободный доступ, если на нее не были поданы авторские права или срок действия авторских прав истек. Переход книги в свободный доступ в разных странах осуществляется по-разному. Книги, перешедшие в свободный доступ, это наш ключ к прошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохранятся все пометки, примечания и другие записи, существующие в оригинальном издании, как минимум о том долгом пути, который книга прошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использования

Компания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы перевести книги, перешедшие в свободный доступ, в цифровой формат и сделать их широкодоступными. Книги, перешедшие в свободный доступ, принадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, поэтому, чтобы и в дальнейшем предоставлять этот ресурс, мы предприняли некоторые действия, предотвращающие коммерческое использование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические запросы.

Мы также просим Вас о следующем.

- Не используйте файлы в коммерческих целях.
Мы разработали программу Поиск книг Google для всех пользователей, поэтому используйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.
- Не отправляйте автоматические запросы.
Не отправляйте в систему Google автоматические запросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного перевода, оптического распознавания символов или других областей, где доступ к большому количеству текста может оказаться полезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем использовать материалы, перешедшие в свободный доступ.
- Не удаляйте атрибуты Google.
В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он позволяет пользователям узнать об этом проекте и помогает им найти дополнительные материалы при помощи программы Поиск книг Google. Не удаляйте его.
- Делайте это законно.
Независимо от того, что Вы используете, не забудьте проверить законность своих действий, за которые Вы несете полную ответственность. Не думайте, что если книга перешла в свободный доступ в США, то ее на этом основании могут использовать читатели из других стран. Условия для перехода книги в свободный доступ в разных странах различны, поэтому нет единых правил, позволяющих определить, можно ли в определенном случае использовать определенную книгу. Не думайте, что если книга появилась в Поиске книг Google, то ее можно использовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских прав может быть очень серьезным.

О программе Поиск книг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне доступной и полезной. Программа Поиск книг Google помогает пользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый поиск по этой книге можно выполнить на странице <http://books.google.com/>

UP 11/10

UP
11/11

ПОЛНОЕ СОБРАНИЕ

СОЧИНЕНИЙ

РУССКИХЪ АВТОРОВЪ.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ:

**съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлено было въ
Ценсурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ.
С. Петербургъ, 21-го Мая 1847 года.**

Ценсоръ *А. Крыловъ.*

Карамзин, Н.М.
"

СОЧИНЕНИЯ

КАРАМЗИНА.

ТОМЪ ПЕРВЫЙ.

Издание Александра Смирдина.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

ВЪ ТИПОГРАФІИ КАРЛА КРАЙЯ.

1848.

219

PG 3314

A1

1848

v. 1

Цѣна за три тома три рубля серебромъ.

СТИХОТВОРЕНІЯ
И
СТАТЬИ ИСТОРИЧЕСКІЯ.

ОГЛАВЛЕНІЕ

КЪ

СОЧИНЕНІЯМЪ

КАРАМЗИНА.

ТОМЪ I.

СТИХОТВОРЕНІЯ.

Стр.

Опытная Соломонова мудрость, или мысли, выбран- ныя изъ Экклезіаста	1
Волга.	9
Къ милости	13
Кладбище.	16
Къ богинѣ здравія	18
Къ прекрасной.	19
Ранса, древняя баллада	20
Эпитафін	24
Молитва о дождѣ	25
Веселый часъ	27
Военная пѣснь.	28
Пѣснь мира	29
Осень.	33
Пѣснь божеству	34
Посланіе къ Дмитріеву	36

	Стр.
Къ Д	42
Къ соловью	44
Филлидѣ	45
На разлуку съ П.	47
Прости	49
Надгробная надпись Боннету	51
Любезной, въ день ея рожденія	52
Странность любви, или безеонница	—
Весеннее чувство	55
Надежда	57
На смерть князя Хованскаго	59
Къ бѣдному поэту	62
Отставка	66
Посланіе къ А. А. Плещееву	69
Отвѣтъ моему пріятелю	76
Къ ней	77
Двѣ пѣсни: 1) Мы желали — и свершилось	78
2) Доволенъ я судьбою	80
Приписаніе къ Г-жѣ N.	81
Басня соловей, галки и вороны	82
Прощаніе	—
Къ самому себѣ	83
Пѣсня, Нѣтъ, полно, впредь не буду	85
Время. Подражаніе	87
Къ портрету Императрицы Елисаветъ Алексеевны	—
Въ день рожденія Императрицы Маріи Феодоровны	88
Къ Мелодору	—
Хлоя	89
Лилей	90
Гекторъ и Андромаха	91
Посланіе къ женщинамъ	96
Графъ Гваринскъ, древняя пѣсня	112
Послѣднія слова умирающаго	118
Любовь и дружба	—

	Стр.
Печаль и радость	119
Страсти и безстрастіе.	—
Спорщикъ.	—
Любовь ко врагамъ.	120
Къ невѣрной.	—
Къ вѣрной	125
Долина Иосафатова, или долина спокойствія	129
Эпитафія	131
Стихи на день рожденія А. А. П—ой	—
Тріолеть Алетъ.	132
Тріолеть Лизетъ	—
Отвѣтъ на стихи одной дѣвицы	133
Импрошту Графинѣ Р**	134
Импрошту двумъ молодымъ дамамъ	—
Делѣны слова	135
Надпись къ дамской табакеркѣ	—
Нескромное эхо	136
Надпись къ портрету жестокой	—
Къ лѣсочку Полины	—
Дарованія.	137
Къ Алинѣ на смерть ея супруга.	156
Къ Лилѣ	157
Выборъ жениха	160
Разлука.	162
Клятва и преступленіе	163
Хоръ и куплеты, пѣтые въ Марѣннской Рошѣ	—
Куплеты на тотъ же голосъ	167
Надписи на статую Купидона	168
Два сравненія	171
Дурной вкусъ	—
Вопросы и отвѣты	172
Характеръ Нисы	—
Покой и слава	—
Исправленіе	174

	Стр.
Непостоянство	176
Эпиграмма	177
Истина	—
Мыслѣть и не мыслѣть	—
Надгробіе Шарлатана	—
Перемѣна цвѣта	178
Желаніе	—
Тацитъ	—
Къ Шекспирову подражателю	179
Куплеты изъ сельской комедіи	180
Протей, или несогласія стихотворца	185
Его Императорскому Величеству Александру I, Само- держцу Всероссійскому, на восшествіе Его на пре- столь	198
На торжественное коронованіе Его Императорскаго Величества Александра I, Самодержца Всероссій- скаго	204
Меланхолія. Подражаніе Демилю	211
Гимнъ глупцамъ	213
Васня, Филины и соловей, или просвѣщеніе	217
Эпитафія Калифа Абдурана	218
Стихи на слова, заданныя мнѣ Хлоєю	219
Стихи къ портрету И. И. Дмитріева	223
Къ Эмили	—
Верегъ	227
Къ добродѣтели	228
Стихи на смерть П. А. Пельскаго	233
Пѣснь воиновъ 1806 г.	236
Освобожденіе Европы и слава Александра I.	238
Илья Муромецъ богатырская сказка	255

ПРОЗА.

СТАТЬИ ИСТОРИЧЕСКІЯ.

	Стр.
Историческое похвальное слово Императрицѣ Екате- ринѣ II	275
Извѣстіе о Марѣ Посадницѣ, взятое изъ житія Св. Зосимы	381
О російскомъ посольствѣ въ Японію	388
О московскомъ мятежѣ въ царствованіе Алексѣя Ми- хаиловича.	398
О Тайной Канцеляріи.	418
Записка о Московскихъ достопамятностяхъ	427
Путешествіе вокругъ Москвы	448
Историческія воспоминанія и замѣчанія на пути къ Троицѣ	458
Русская старина	502
Статьи политическія изъ Вѣстника Европы	525
Пантеонъ російскихъ авторовъ	561
О Богдановичѣ и его сочиненіяхъ	603

ОПЫТНАЯ СОЛОМОНОВА МУДРОСТЬ.

■ ■ ■

МЫСЛИ, ВЫВРАННЫЯ ИЗЪ ЭККЛЕЗИАСТА.

Во цвѣтѣ пылкихъ, юныхъ лѣтъ
Я вѣжной страстью услаждался;
Но ахъ! увялъ прелестный цвѣтъ,
Которымъ взоръ мой восхищался!
Осталась въ сердцѣ нустота,
И я сказалъ: «любовь мечта!»

Любилъ я пышность въ лѣтахъ зрѣлыхъ,
Ботатствомъ, роскошью блисталъ;
Но вмѣсто счастья, дней веселыхъ,
Заботы, скуку обрѣталъ;
Простился въ старости съ мечтою,
И назвалъ пышность суетою.

Искалъ я къ истинѣ пути,
Хотѣлъ узнать всему причину:
Но намъ ли тайнствъ ключъ найти,
Измѣрить мудрости пучину?

Всѣ наши знанія мечта,
Вся наша мудрость суета!

Къ чему намъ служить власть, когда, ее имѣя,
Не властны мы себя щастливыми творить,
И сердца своего поконть не умѣя,
Возможемъ ли другимъ спокойствіе дарить?
Въ чертогахъ кедровыхъ, среди садовъ прекрас-
ныхъ,
Въ объятіяхъ Сиренъ, ко мнѣ любовью страст-
ныхъ,
Томился и скучалъ я жизнию своей;
Нѣтъ щастья для души, когда оно не въ ней.

Уныніе мое казалось непонятно
Напереникамъ, рабамъ: я вкусъ свой притупилъ,
Излишней нѣгою всѣ чувства изнурилъ —
Ненужное для насъ бываетъ ли пріятно?

Старался я узнать людей;
Узналъ — и въ горести своей
Оплакалъ жребій ихъ ужасный.
Сердца ихъ злобны — и несчастны;
Они враги врагамъ своимъ,
Враги друзьямъ, себѣ самимъ.

Тамъ бѣдный проливаетъ слезы,
Въ судѣ невинный осужденъ,
Глупецъ уваженъ и почтенъ;
Злодѣй находитъ въ жизни розы,
Для добрыхъ терніе растеть:
Темницей кажется имъ свѣтъ.

Смотри: невѣрная смѣется —
Любовникъ горестью сраженъ —
Она другому отдается,
Который ею восхищенъ;
Но скоро клятву онъ забудеть,
И скоро . . . самъ обмануть будетъ.

Ехидны зависти вездѣ, вездѣ шипятъ;
Достоинство, талантъ и трудъ безъ награжденья.
Творите ли добро, вамъ люди зло творятъ.
Отъ каменныхъ сердецъ не ждите сожалѣнья.

Злословіе свой ядъ на имя мудрыхъ льетъ;
Не судить ни объ комъ разсудокъ безпристраст-
ный:
Лишь страсти говорятъ. — Кто въ роскоши живетъ,
Не знаетъ и того, что въ свѣтѣ есть несчастный.

Но онъ несчастливъ самъ, не зная, отъ чего;
Желаеть получить, имѣеть и скучаетъ;
Желаеть новаго — и только что желаетъ.
Онъ врагъ наслѣднику, наслѣдникъ врагъ его.

По грозной влагѣ Океана
Мы всѣ плывемъ на кораблѣ
Во мракѣ бури и тумана;
Плывемъ, спѣшимъ пристать къ землѣ —
Но вѣтръ ярится съ новой силой,
И море . . . служить намъ могилой.

Умы людей ослѣплены.
Что предковъ нашихъ обольщало,

И мы хотимъ мечтамъ служить,
Любить, чего любить не должно —
Искать, чего найти не можно!

Нешастный, слабый человѣкъ!
Ты жизнь проводишь въ огорченьи,
И кончишь дни свои въ мученьи.
Ахъ! лучше не родиться ввѣкъ,
Чѣмъ въ жизни каждый мигъ терзаться
И смерти каждый мигъ бояться!

Ничтожество! ты благо намъ;
Ты лучше капли наслажденій
И моря страшныхъ огорченій,
Ты другъ чувствительнымъ сердцамъ,
Всегда надеждой обольщеннымъ,
Всегда тоскою изнуреннымъ!

Что насъ за гробомъ ждетъ, не знаетъ и
мудрецъ.
Могла, тѣбѣ всему ли есть конецъ?
Угаснетъ ли душа съ разрушеннымъ покровомъ,
На небо ль воспаривъ, жить будетъ въ тѣлѣ но-
вомъ?

Сей тайны изъ людей никто не разрѣшилъ.
И червя произвелъ Творецъ непостижимый;
Животныя и мы Его рукой хранимы;
Имъ такъ же, какъ и намъ, Онъ чувство сообщилъ.

Подобно намъ, они рождаются, умираютъ:
Гдѣ будетъ ихъ душа? гдѣ будетъ и твоя,

О бранный человекъ? Въ нихъ чувства исчезаютъ,
Исчезнуть и во мнѣ: увы! чтожь буду я?

Но кто изъ смертныхъ разсуждаетъ?
Скупецъ богатство собираетъ,
Какъ будто вѣкъ ему здѣсь жить;
Пловцы сражаются съ волнами—
За чѣмъ? чтобъ Тирскими коврами
Глаза роскошнаго прельстить.

Предъ мощнымъ слабость трепетала;
Онъ громъ держалъ въ своихъ рукахъ:
Чело скрывая въ облакахъ,
Гремѣлъ, разилъ—земля пылала—
Но меркнетъ свѣтъ въ его очахъ,
И богъ земный . . . падетъ во прахъ.

Какъ розы юныя прелестны!
И какъ прелестна красота!
Но что же есть она? мечта.
Темнѣетъ цвѣтъ ея небесный:
Минута — и прекрасной нѣтъ!
Вздѣхнувъ, любовникъ прочь идетъ.

Такъ все проходитъ здѣсь — и скоро гласъ при-
ятный
Умолкнетъ навсегда для слуха моего;
Свирѣли, звуки арфы ему не будутъ вняты;
Застынетъ въ жилахъ кровь отъ хлада своего.

Исчезнуть для меня всѣ прелести земныя;

Ливанское вино престанетъ вкусу льстить;
Преклонится отъ лѣтъ слабѣющая выя,
И томною ногой я долженъ въ гробъ ступить.

Подруги нѣжныя, которыхъ ласки были
Блаженствомъ дней моихъ! простите навсегда!
Уже Судьбы меня съ любовью разлучили;
Весна не расцвѣтетъ для старца никогда.

А ты, о юноша прелестный!
Спѣши цвѣты весною рвать,
И время жизни, даръ Небесный,
Умѣй въ забавахъ провождать;
Забава есть твоя стихія:
Улыбка красить дни младыя.

За чашей свѣтлаго вина
Бесѣдуй съ умными мужами;
Когда же тихая луна
Явится на небѣ съ звѣздами,
Спѣши къ возлюбленной своей —
Забудь... на время мудрость съ ней.

Люби!... но будь во всемъ умѣренъ;
Погь нѣжный часто намъ не вѣренъ;
Любя, умѣй и разлюбить.
Привычки, склонности и страсти
У мудрыхъ должны быть во власти:
Не мудрымъ цѣпи ихъ носить.

**Нашъ все употреблять для щастія возможно:
Во зло употреблять не должно ничего;**

Спокойно разбирай, что истинно, что ложно:
Спокойствіе души зависить отъ сего.

Самъ Богъ тебѣ велитъ пріятнымъ наслаждаться,
Но помнишь своего великаго Творца:
Онъ ижежнй вамъ отецъ, о ижежныя сердца!
Какъ сладостно Ему во всемъ повиноваться!

Какъ сладостно предъ Нимъ и плакать и взды-
хаться!

Онъ любить въ горести несчастныхъ утѣшать,
И солнечнымъ лучемъ ихъ слезы осушаетъ;
Прохладнымъ вѣтеркомъ ихъ сердце освѣжаетъ.

Не будь ни въ чемъ излишно строгъ;

Щади безумцевъ горделивыхъ,

Щади невѣждъ самолюбивыхъ;

Безъ гнѣва обличай пороки:

Добро всегда собой прекрасно,

А зло и гнусно и ужасно.

Прощая слабости другимъ,

Ты будешь слабыми любимъ:

Любовь же есть святой учитель.

И кто не падалъ никогда?

Мудрецъ, народовъ просвѣтитель,

Бывалъ ли мудръ и твердъ всегда?

Въ какихъ странахъ благословенныхъ

Сіяетъ вѣчно солнца лучь,

И гдѣ не видимъ бурныхъ тучь,

Огнями молній воспаленныхъ?

Ахъ! самый лучший изъ людей
Бывагь игралнщемъ страстей.

Не только для благихъ, будь добръ и для ковар-
ныхъ,
Подобно какъ Творецъ на всѣхъ дары лиеть.
Прекрасно другомъ быть сердець неблагодарныхъ!
Награды никогда великій мужъ не ждетъ.

Награда для него есть совѣтъ, духъ покойный
(Безуміе и злость всегда враги Уму;
Вниманія его ихъ стрѣлы не достойны;
Онъ ими не язвимъ: премудрость щить ему.)

Сіяютъ передъ нимъ безсмертія свѣтлы;
Божественный огонь блеститъ въ его очкы.
Ему не страшень видъ отверстыя мощны:
Онъ тѣломъ на землѣ, но сердцемъ въ небесахъ.

1796 г.

ВОЛГА.

Рѣка священнѣйшая въ мірѣ,
Кристалльныхъ водъ царица, мать!
Дерзну ли я на слабой лирѣ
Тебя, о Волга! величать,
Богиней Пѣсни вдохновенный,
Твоею славой удивленный?
Дерзну ль игрою струнъ моихъ,

Подъ шумомъ гордыхъ волнъ твоихъ—
Ихъ тонкой пѣной орошаясь,
Прохладой въ сердцѣ освѣжаясь —
Хвалить красу твоихъ береговъ,
Гдѣ грады, вси процвѣтають,
Поля волнистыя сияють
Подъ тѣнію густыхъ лѣсовъ,
Въ которыхъ древле раздавался
Единый страшный ревъ звѣрей,
И эхомъ вѣкъ не повторялся
Любезный слуху гласъ людей —
Береговъ, гдѣ прежде обитали
Орды Златыя племена;
Гдѣ стрѣлы въ воздухѣ свистали,
И гдѣ невѣрныхъ знамена
Нерѣдко кровью обагрились
Святыхъ, но слабыхъ Христіанъ;
Гдѣ враны трупами питались
Нещастныхъ древнихъ Россіянъ;
Но гдѣ теперь одной державы
Народы въ тишинѣ живутъ,
И всѣ одну Богиню чтутъ,
Богиню щастія и славы * —
Гдѣ въ первый разъ открылъ я взоръ,
Небеснымъ свѣтомъ озарился,
И чувствомъ жизни наслаждался;
Гдѣ птичекъ нѣжныхъ громкій хоръ
Воспѣлъ рожденіе младенца;
Гдѣ я Природу полюбилъ, —

* Писано въ царствованіе Екатерины.

Ей первенцы души и сердца,
Слезу, улыбку посвятилъ,
И ростъ въ веселіи невинномъ,
Какъ юный миртъ въ лѣсу пустынномъ?
Дерзну ли пѣть, о мать рѣка!
Какъ ты, красуясь въ теченьѣ
По злату чистаго песка,
Несешь земли благословенье *
На серебряномъ хребтѣ своемъ,
Вездѣ щедроты разливаешь,
Вездѣ страны обогащаешь
Въ блистательномъ пути твоемъ;
Какъ быстро плаватель безстрашной
Летитъ на парусныхъ крылахъ
Среди пучинъ стихіи влажной,
Въ твоихъ лазоревыхъ зыбяхъ,
Хваля свой жребій, милость Неба,
Хваля благоприятный вѣтръ,
И какъ, прельщенный свѣтомъ Феба,
Со дна подѣмлется осетръ,
Играетъ на верху съ волнами,
Съ твоими пѣнными буграми,
И плесомъ разсѣкаетъ ихъ?—
Когда жъ подъ тучами со гнѣвомъ,
Съ ужаснымъ шумомъ, грознымъ ревомъ,
Начнешь кипѣть въ брегахъ своихъ—
Какъ вихри воздухъ раздирають,
Какъ громы съ трескомъ ударяють,
И молніи шипятъ въ волнахъ —

* То есть, суда съ хлѣбомъ и съ другими плодами земли.

Когда пловцы, спастись не чая,
И къ небу руки простирая,
Хладъ смерти чувствуютъ въ сердцахъ: —
Какая кисть дерзнетъ представить
Великость зрѣлища сего?

Какая пѣснь возможетъ славить
Ужасность гнѣва твоего?...

Едва и самъ я въ лѣтахъ нѣжныхъ,
Во цвѣтѣ радостной весны,
Не кончилъ дней въ водахъ мятежныхъ
Твоей, о Волга! глубины.

Уже безъ вѣтриль, безъ кормила,
По безднамъ буря насъ носила;

Гребецъ отъ страха цѣпенѣлъ;
Уже сіяла хлябь подъ нами

Своими пѣнными устами;
Надежды лучъ въ душахъ блѣднѣлъ;

Уже я съ жизнію прощался,
Съ ея-прекрасною зарей;

Въ тоскѣ слезами обливался,
И ждалъ погибели своей...

Но вдругъ Творецъ изрекъ *спасенье* —
Утихло бурное волненье,

И брегъ съ улыбкой намъ предсталъ.
Какой восторгъ! какая радость!

Я землю страстно лобызалъ,
И чувствовалъ всю жизни сладость. —

Сколь ты въ величїи своемъ,
О Волга! яростна, ужасна,

Столь въ благодети мила, прекрасна:
Ты образъ Божїи въ мїрѣ семъ!

Теки, Россію украшая;
Шуми, священная рѣка,
Свою великость прославляя, —
Доколѣ времени рука
Не истощитъ твоей пучины...
Увы! сей горестной судьбицы
И ты не можешь избѣжать:
И ты должна свой вѣкъ скончать!—
Но прежде многіе народы
Истлѣютъ, превратятся въ прахъ,
И блескъ цвѣтущая Природа
Померкнетъ на твоихъ брегахъ.*

1793 г.

—
КЪ МИЛОСТИ.**
=

Что можетъ быть Тебя святѣе,
О Милость, дщерь благихъ Небесъ?
Что краше въ мірѣ, что милѣе?
Кто можетъ безъ сердечныхъ слезъ,
Безъ радости и восхищенья,

* Мысль, что Природа старѣется, есть не только поэтическая мысль; самые Философы и Натуралисты не отвергають ее.

** Писано въ царствованіе Екмигирны.

Безъ сладкаго въ крови волненья,
Взирать на прелести Твои?

Какая ночь не озарится
Отъ солнечныхъ Твоихъ очей?
Какой мятежъ не укротится
Одной улыбкою Твоей?
Речешь, и громы онѣмбуютъ;
Гдѣ ступишь, тамъ цвѣты албуютъ,
И съ неба льется благодать.

Любовь Твои стопы лобзаетъ,
И нѣжной Матерью зоветъ;
Любовь Тебя на тронъ вѣнчаетъ,
И скиптръ въ десницу подаетъ.
Текутъ, текутъ земные роды,
Какъ съ горъ высокихъ быстры воды,
Подъ сѣнь державы Твоя.

Блаженъ, блаженъ народъ, живущій
Въ пространной области Твоей!
Блаженъ Пѣвецъ, Тебя поющій
Въ жару, въ огнѣ души своей! —
Доколѣ Милостію будешь,
Доколѣ права не забудешь,
Съ которымъ человекъ рожденъ;

Доколѣ гражданинъ довольный
Безъ страха можетъ засыпать,
И дѣти - подданные вольны
По мыслямъ жизнь располагать,

Природой наслаждаться,
Вездѣ наукой украшаться,
И славить прелести Твои;

Доколѣ злоба, дщерь Тифона,
Пребудетъ въ мракъ удалена
Отъ свѣтлозолотаго трона;
Доколѣ правда не страшна,
И чистый сердцемъ не боится
Въ своихъ желаніяхъ открыться
Тебѣ, Владычицѣ души;

Доколѣ всѣмъ даешь свободу,
И свѣта не темнишь въ умахъ;
Пока довѣренность къ народу
Видна во всѣхъ Твоихъ дѣлахъ:
Дотолѣ будешь свято чтима,
Отъ подданныхъ боготворима
И славима изъ рода въ родъ.

Спокойствія Твоей Державы
Ничто не можетъ возмутить;
Для чадъ Твоихъ нѣтъ большей славы,
Какъ вѣрность къ Матери хранить.
Тамъ тронъ вовѣкъ не потрясется,
Гдѣ онъ любовію брежется,
И гдѣ на тронѣ — Ты сидишь.

1792 г.

=

КЛАДВИЩЕ .

ОДИНЪ ГОЛОСЪ .

Страшно въ могилѣ, хладной и темной! —
Вѣтры здѣсь воютъ, гробы трясутся,
Бѣлыя кости стучать.

ДРУГОЙ ГОЛОСЪ .

Тихо въ могилѣ, мягкой, покойной.
Вѣтры здѣсь вѣютъ; спящимъ прохладно;
Травки, цвѣточки растутъ.

ПЕРВЫЙ .

Червь кровоглавый точитъ умершихъ;
Въ черепахъ желтыхъ жабы гнѣздятся;
Змии въ кропивѣ шипятъ.

ВТОРЫЙ .

Крѣпокъ сонъ мертвыхъ, сладостенъ, кротокъ;
Въ гробѣ нѣтъ бури; нѣжные птвички
Пѣснь на могилахъ поютъ.

ПЕРВЫЙ .

Тамъ обитаютъ черные враны,

Алчныя итицы; хищныя звѣри
Съ ревомъ копаютъ въ землѣ.

ВТОРЫЙ.

Маленькой кроликъ въ травкѣ зеленой
Съ милой подружкой тамъ отдыхаетъ;
Голубь на вѣточкѣ спитъ.

ПЕРВЫЙ.

Сырость со мглою, густо мѣшаясь,
Плаваютъ тамо въ воздухѣ душномъ;
Древо безъ листьевъ стоитъ.

ВТОРЫЙ.

Тамо струится въ воздухѣ свѣтломъ
Паръ благовонный синихъ фіалокъ,
Бѣлыхъ ясиновъ, лилей.

ПЕРВЫЙ.

Странникъ боится мертвой юдоли;
Ужась и трепеть чувствуя въ сердцѣ,
Мимо кладбища спѣшить.

ВТОРЫЙ.

Странникъ усталый видитъ обитель
Вѣчнаго мира — посохъ бросая,
Тамъ остается навѣкъ.

КЪ ВОГИНЬ ЗДРАВІЯ.

Сойди, сойди, богиня!
Сойди ко мнѣ съ небесъ,
Цвѣтущая Игея!
Снеси златый сосудъ
Съ цѣлебнымъ питіемъ!

Уста мои завяли,
Въ глазахъ весь огонь погасъ,
И сердце томно бьется;
Едва дышать могу —
Едва, едва живу.

И червя оживляетъ
Прохладный вѣтерокъ;
И травку освѣжаетъ
Небесная роса:
Всегда ли мнѣ страдать?

Хотя одну каплю,
Посланица боговъ,
Хотя одну каплю
Пролей въ мои уста —
И буду исцѣленъ.

Сойди, сойди, богиня!
Сойди ко мнѣ съ небесъ,

Цвѣтущая Игея!
Снеси златый сосудъ
Съ цѣлебнымъ питіемъ!

1792 г.

КЪ ПРЕКРАСНОЙ.

Гдѣ ты, Прекрасная, гдѣ обитаешь?
Тамъ ли, гдѣ пѣсни поетъ Филомела,
Кроткая ночи пѣвица,
Сидя на миртовой вѣтви?

Тамъ ли, гдѣ съ тихимъ журчаньемъ стремится
Чистый ручей по зеленому лугу,
Душу мою призывая
Къ сладкой дремотѣ покоя?

Тамъ ли, гдѣ юная, пышная роза,
Утромъ кропимая, вѣжно алеетъ,
Скромно съ Зефиромъ лобзаясь,
Сладостью воздухъ питая?

Тамъ ли, гдѣ солнечный лучъ освѣщаетъ
Горь неприступныхъ хребетъ разноцвѣтный * ,

* Когда въ хорошій вечеръ, передъ заходомъ солнца, изъ нѣкотораго отдаленія смотришь на высокія, свѣгомъ покрытыя горы, то верхи ихъ кажутся разноцвѣтными.

Гдѣ обитали издревле
Вышшія Силы и боги?
Гласъ твой божественный часто внимаю;
Часто сквозь облако образъ твой вижу, —
Руки къ нему простираю —
Облако, воздухъ объемлю!

1794 г.

РАЙСА.

ДРЕВНЯЯ БАЛЛАДА.

Во тьмѣ ночной ярилась буря;
Сверкаль на небѣ грозный лучь;
Гремѣли грома въ черныхъ тучахъ,
И сильный дождь въ лѣсу шумѣлъ.

Нигдѣ не видно было жизни;
Сокрылось все подъ вѣрной кровь.
Раиса, бѣдная Раиса,
Скиталась въ темнотѣ одна.

Нося отчаяніе въ сердцѣ,
Она не чувствуетъ грозы,
И бури страшный вой не можетъ
Ея стenanій заглушить.

Она блѣдна какъ листь увядшій,

Какъ мертвый цвѣтъ уста ея;
Глаза покрыты томнымъ мракомъ,
Но сильно бьется сердце въ ней.

Съ ея открытой бѣлой груди,
Язвимою вѣтвими деревь,
Текутъ ручьи кипящей крови
На зелень влажныхъ земли.

Надъ моремъ гордо возвышался
Хребетъ гранитныхъ горы:
Между стреминнѣ, по камнямъ острымъ
Ранса всходитъ на него.

(Тутъ бездна яростно кипѣла
При блескѣ огненныхъ лучей;
Громады волкъ неслися съ ревомъ,
Гроза всю землю потопить.)

Она взираетъ, умолкаетъ;
Но скоро жалкой стонъ ея
Слишался вновь съ шумящей бурей:
- Увы, увy! погибла я!

- Крoвидь, Крoвидь, жестокой, милой!
Куда ушелъ ты отъ меня?
Почто Рансу оставляешь
Одну среди ужасной тьмы?

- Крoвидь! поди ко мнѣ! Забуду,
Забуду все, прощу тебя! —

Но ты нейдешь къ Раисѣ бѣдной!...
Почто тебя узнала я?

«Отецъ и мать меня любили,
И я любила вѣжно ихъ;
Въ невинныхъ радостяхъ, въ забавахъ
Часы и дни мои текли.

«Когда жь явился ты какъ Ангелъ,
И съ нѣжнымъ вздохомъ мнѣ сказалъ:
Люблю, люблю тебя, Раиса!
Забыла я отца и мать.

«Въ восторгѣ, съ трепетомъ сердечнымъ
И съ пламенной слезой любви
Въ твои объятія упала,
И сердце отдала тебѣ.

«Душа моя въ твою вселилась,
Въ тебѣ жила, дышала я;
Въ твоихъ глазахъ свѣтъ солнца зрѣла,
Ты былъ мнѣ образъ Божества.

«Почто я жизни не лишилась
Въ объятіяхъ твоей любви?
Не зрѣла бъ я твоей измѣны,
И щастливъ былъ бы мой конецъ.

«Но рокъ судилъ, чтобъ ты другую
Раисѣ вѣрной предпочелъ;
Чтобъ ты меня навѣкъ оставилъ,
Когда сномъ крѣпкимъ я спала,

«Когда мечтала о Кронидѣ,
И мнила обнимать его!
Увы! я воздухъ обнимала...
Уже далеко былъ Кронидъ!

«Мечта исчезла, я проснулась;
Звала тебя, но ты молчалъ;
Искала взоромъ, но не зрѣла
Тебя нигдѣ передъ собой.

«На холмъ высокой я спѣшила...
Нешастная!.. Кронидъ вдали
Бѣжалъ отъ глазъ моихъ съ Людмилой!
Безъ чувствъ тогда упала я.

«Съ сея ужасныя минуты
Крушусь, тоскую день и ночь;
Ищу вездѣ, зову Кронидъ —
Но ты не хочешь мнѣ внимать.

«Теперь злощастная Раиса
Звала тебя въ послѣдній разъ...
Душа моя покоя жаждетъ...
Прости!.. Будь счастливъ безъ меня!»

Сказавъ сія слова, Раиса
Низверглась въ море. Грянулъ громъ:
Снимъ Небо возвѣстило гибель
Тому, кто погубилъ ее.

1791 г.

=

ЭПИТАФИИ.

1.

Небесная друша на небо возвратилась,
Къ Источнику всего, въ объятія Отца.
Порокомъ здѣсь она еще не омрачилась;
Невинностью своей плѣнила всѣ сердца.

2.

И на землѣ она какъ Ангель улыбалась:
Чтожь тамъ, на небесахъ?

3.

Въ объятіяхъ земли покойся, милый прахъ!
Небесная душа, ликуй на небесахъ!

4.

Едва блеснула въ ней небесная душа,
И къ Солнцу всѣхъ міровъ поспѣшно возвратилась.

5.

Покойся, милый прахъ, до радостнаго утра!

1792 г.

* Одна нѣжная мать просила меня сочинить на гробовую надпись для умершей двулѣтней дочери ея. Я предложилъ ей на выборъ слѣдующія пять эпиграфій; она выбрала послѣднюю, и приказалъ вырѣзать ее на гробѣ.

МОЛИТВА О ДОЖДЕ.

Мать любезная, Природа!
Отъ лазореваго свода
Дождь шумящій ниспошли
Оросить лице земли!

Все томится, увядаетъ;
Зелень въ полѣ увядаетъ;
Сохнетъ травка и цвѣтокъ —
Нѣжный ландышъ, василѣкъ,
Пылью сѣрою покрыты —
Не питаетъ ихъ роса...
Дѣти матерью забыты!

Солнце жжетъ, палитъ лѣса,
Птички въ росяхъ замолчали;
Ищутъ только холодка,
Ручейки журчатъ престали;
Истошилася рѣка,
Агнецъ пищи не находитъ;
Черенъ холмъ и черенъ долъ,
Конь въ степи печально бродитъ;
Тошь и слабъ ревущій волъ.

Ахъ! такой ли ждалъ награды
Земледѣецъ за труды?
Гибнутъ всѣ его плоды!...

Въ горькой части безъ отрады,
Онъ терзается тоской;
За себя, за чадъ страдаетъ,
И блестящею слезой
Хлѣбъ изсохшій орошаетъ.
Дѣти плачутъ вмѣстѣ съ нимъ;
Игры всѣ не милы имъ!

Мать любезная, Природа!
Отъ лазореваго свода
Дождь шумящій ниспошли
Оросить лице земли!

Ахъ! доселѣ ты внимала
Крику слабаго птенца,
И въ печаляхъ утѣшала
Наши томныя сердца:
Не ужель теперь забудешь
Въ нуждѣ, въ скорби чадъ своихъ?
Не ужель теперь не будешь
Нѣжной матерью для нихъ?—
Нѣтъ, тобою оживятся
Наши мертвыя поля;
Вновь украсится земля —
Пѣсни въ рощи возвратятся —
Благодарный опміамъ
Воскурится къ небесамъ!

ВЕСЕЛЫЙ ЧАСЪ.

Братья, рюмки наливайте!
Лейся черезъ край вино!
Все до капли выпивайте!
Осушайте въ рюмкахъ дно!

Мы живемъ въ печальномъ мѣрѣ;
Всякой горе испыталь,
Въ бѣдномъ рубищѣ, въ порфирѣ —
Но и радость Богъ намъ далъ.

Онъ вино намъ далъ на радость,
Говоритъ святой Мудрецъ:
Старецъ въ немъ находитъ младость,
Бѣдный горестямъ конецъ.

Кто все плачетъ, все вздыхаетъ,
Вѣчно смотритъ Сентябремъ:
Тотъ науки жить не знаетъ,
И не видитъ свѣта днемъ.

Все печальное забудемъ,
Что смущало въ жизни насъ;
Пѣть и радоваться будемъ
Въ сей пріятной, сладкой часъ!

Да свѣтлѣетъ сердце наше,

Да сіяетъ въ немъ покой,
Какъ вино сіяетъ въ чашѣ,
Осребряемо луной!

• 1791 г.

ВОЕННАЯ ПЯСНЯ.

Въ чьихъ жилищъ льется шорохъ Гаршнѣ;
Кто сердцемъ мулъ, кто духомъ Россѣ:
Тотъ презри нѣгу, роскошь, праздность,
Забавы, радость слабыкъ души!

Туда, гдѣ знамя брани вѣстѣ—
Туда, гдѣ громъ войны гремитъ—
Гдѣ воздухъ стонетъ, солнце меркнетъ,
Земля дымится и дрожитъ;

Гдѣ жизнь блѣднѣетъ и тревещетъ,
Гдѣ злобы, клятвы, ада дщерь, —
Гдѣ смерть съ улыбкой пожираетъ
Тьмы жертвъ, и кровь ихъ жадно пьетъ:

Туда спѣши, о сынъ Россіи!
Разить безчисленныхъ враговъ.
Какъ столпъ огня, палящій нивы,
Теки, стремись по ихъ рядамъ!

Перуномъ будь, и стрѣлы грома
Бросай на нихъ и всѣхъ губи!
Да въ бурѣ гнѣва гласъ промчится:
Уми, уми, Россіи врагъ!

Губи! — Когда же врагъ погибнетъ,
Сраженный храбростью твоей,
Смой кровь съ себя слезами сердца:
Ты ближнихъ, братій поразилъ!

1789 г.

ПѢСНЬ МИРА.

Миръ блаженный, чадо Неба,
Къ намъ съ оливою летитъ,
И вънецъ свѣтлѣ Феба
На главѣ его блестятъ.
Онъ въ дыханіи Зефира
Ниспускается въ нашъ край,
И отъ горнихъ странъ Зефира
Въ тьму низноситъ свѣтлый рай.

Х О Р Ъ.

Бури, громы умолкаютъ;
Тучи черны исчезаютъ;
Исчезаетъ, какъ призракъ,
Ужасъ блѣдный, дымъ и мракъ.

Все въ Природѣ оживаетъ;
Свѣтъ проникъ въ густую тѣнь;
Пышно роза расцвѣтаетъ,
Какъ весною въ красный день;
Лугъ пушится, зеленѣетъ,
Класъ сребрится вдалекѣ,
Плодъ золотой на дровѣ зрѣетъ,
Бальзамъ вѣетъ въ вѣтеркѣ.

Х О Р Ъ .

Милліоны веселитесь,
Милліоны обнимитесь,
Какъ объемятъ брата брата!
Лобызайтесь всѣ стократъ!

Птички снова прилетаютъ
Въ наши рощи и лѣса;
Снова въ пѣсняхъ прославляютъ
Миръ, свободу, Небеса.
Агнецъ тигра не боится,
И гуляетъ съ нимъ въ лугахъ;
Все твореніе дружится,
На землѣ и на водахъ.

Х О Р Ъ .

Милліоны да ликуютъ!
Милліоны торжествуютъ!
Вѣкъ Астреидъ оживи!
Съ цѣлымъ міромъ мы въ любви!

Въ рощахъ слышны звуки лиры;
На берегахъ кристальныхъ водъ
Нимфы, Фауны, Сатиры
Составляютъ хороводъ.
И Сялень неутомимой
Громкимъ голосомъ поетъ;
Пляшетъ съ Нимфою любимой,
И къ веселью всѣхъ зоветъ.

Х О Р Ъ.

Пойте, пойте духа радость!...
Лейте, лейте въ сердца сладость!...
Вѣкъ Астрейнъ оживи!
Съ цѣлымъ міромъ мы въ любви!

Музы, Граціи сплетая
Цѣпь изъ лавровъ и лилей,
Ею крылья обвивая
Бога тихихъ, райскихъ дней,
Нѣжно всѣ его ласкаютъ
Съ видомъ щастливой любви,
И въ восторгѣ восклицають:
«Вѣчно съ нами, Миръ, живи!»

Х О Р Ъ.

Вѣчно съ нами, Миръ прелестный,
Вѣчно съ нами, сынъ небесный,
Вѣчно съ нами обитай,
И блаженствомъ насъ питай!

Полно намъ губить другъ друга,
Сирымъ слезы проливать!
И печальная супруга
Да престанетъ горевать!
Долго смертные не знали,
Что блаженство есть любовь;
Щастья въ хищности искали,
И лилась рѣками кровь.

Х О Р Ъ.

Смертный нынѣ просвѣтился,
И ко дружбѣ обратился.
Вѣкъ Астреинъ оживи!
Съ цѣлымъ міромъ мы въ любви!

Цѣпь составьте, милліоны,
Дѣти одного отца!
Вамъ даны одни законы,
Вамъ даны одни сердца!
Братски, нѣжно обнимитесь,
И клянитесь — любить!
Чувствомъ, мыслию клянитесь:
Вѣчно, вѣчно въ мирѣ жить!

Х О Р Ъ.

Мы клянемся всѣ сердечно
Въ мирѣ съ братьями жить вѣчно!
Отче! слышишь клятву чадъ!
Мы твердимъ ее стократъ.

1791 г.

О С Е Н Ъ .

Вѣютъ осенніе вѣтры
Въ мрачной дубравѣ;
Съ шумомъ на землю валятся
Желтые листья.

Поле и садъ опустѣли;
Сѣтуютъ холмы;
Пѣніе въ рощахъ умоляю —
Скрылися птички.

Поздніе гуси станицей
Къ югу стремятся,
Плавнымъ полетомъ несяся
Въ горнихъ предѣлахъ.

Вьются сѣдые туманы
Въ тихой долинѣ;
Съ дымомъ въ деревнѣ мѣшаясь,
Къ небу восходятъ.

Странникъ, стоящій на холмѣ,
Взоромъ унылымъ
Смотритъ на блѣдную осень,
Томно вздыхая.

Странникъ печальный утѣшся!
Вянетъ Природа

Только на малое время;
Все оживится,

Все обновится весною;
Съ гордой улыбкой
Снова Природа возстанетъ
Въ брачной одеждѣ.

Смертный, ахъ! вянетъ навѣки!
Старець весною
Чувствуетъ хладную зиму
Ветхія жизни.

ЖЕНЕВА, 1789 г.

=

ПѢСНЬ ВОЖЕСТВУ *.

—

Господь Природы, — Безконечный,
Міровъ безчисленныхъ Творецъ,
Источникъ бытія всевѣчный,
Отець чувствительныхъ сердець:

Всего, что жизнь въ себѣ питаетъ;
Что видитъ славу, блескъ небесъ,

* Сочиненная на тотъ случай, какъ безумецъ Дюмонъ сказалъ во Французскомъ Конвентѣ: *мать Боев!*

Улыбкой радость изъясляетъ
И въ скорби лютъ потоки слезъ!

Отъ вѣка Самъ въ Себѣ живущій,
Держащій все въ рукахъ Своихъ;
Нигдѣ не зримый, всюду сущій,—
Въ странахъ эфирныхъ и земныхъ!

Блаженство, свѣтъ, душа вселенной,
Святый, премудрый, дивный Богъ!
Кто — сердцемъ, чувствомъ одаренной —
Тебя назвать мечтою могъ?

Тебя? ... И страшнымъ громомъ неба,
Сей извергъ въ прахъ не обратишь?
Огнемъ пылающаго Феба
Сей злобный смертный не сожжешь?

Но Ты великъ! но Ты не знаешь,
Какъ мстить, — наказывать враговъ:
Они ничто — Ты ихъ прощаешь;
Ты зришь въ врагахъ — Своихъ сыновъ,

И льешь на нихъ дары благіе;
Щадишь безумцевъ жалкихъ кровь.—
Исчезнетъ тьма въ умахъ, и злые
Твою почувствуютъ любовь.

Любовь! ... и съ кроткимъ удивленьемъ,—
Въ минуту славы, торжества, —
Съ живымъ сердечнымъ восхищеньемъ
Падутъ предъ трономъ Божества;

Обвинуть руку всеблагую,
Отцемъ простертую къ сынамъ;
Восхвалять милость пресвятую —
Рекутъ: *есть Богъ: мръ Божій зрадь!*

1793 г.

ПОСЛАНИЕ КЪ ДМИТРИЕВУ *.

Конечно такъ — ты правъ, мой другъ!
Цвѣтъ счастья скоро увядаетъ,
И юность наша есть тотъ лугъ,
Гдѣ сей красавецъ расцвѣтаетъ.
Тогда въ зѣмрѣ мы живемъ,
И нектаръ сладостный пиемъ
Изъ полной Олимпійской чаши;
Но жизни алая весна
Есть мигъ — увы! пройдетъ она,
И съ нею мысли, чувства наши
Лишатся свѣжести своей.
Что прежде душу веселило,
Къ себѣ съ улыбкою манило,
Не мило, скучно будетъ ей.
Надежды и мечты златыя
Какъ птички быстро улетятъ,

* Въ отвѣтъ на его стихи, въ которыхъ онъ жалуется на скоротечность счастливой молодости.

И тѣни хладныя, густыя
Надъ нами солнце затемнять —
Тогда, подобно Иксиону,
Не милою свою Юнону,
Но дымъ увидимъ предъ собой!

И я, о другъ мой! наслаждался
Своею красною весной;
И я мечтами обольщался —
Любилъ съ горячностью людей,
Какъ нѣжныхъ братіи и друзей;
Желалъ добра имъ всей душею;
Готовъ былъ кровію моею
Пожертвовать для счастья ихъ,
И въ самыхъ горестяхъ своихъ
Надеждой сладкой веселился
Не бесполезно жить для нихъ —
Мой духъ сей мыслию гордился!
Источникъ радостей и благъ
Открытъ въ чувствительныхъ душахъ;
Плѣнить ихъ истиной святою,
Ея нетлѣнной красотой;
Орудіемъ Небеснымъ быть,
И въ памяти потомства жить,
Казалось мнѣ всего славнѣе,
Всего прекраснѣе, милѣе!
Я жребій свой благословлялъ,

* Известно изъ Мифологіи, что Иксионъ, желая обнять Юнону, обнялъ облако и дымъ.

Любуясь прелестью награды —
И тихій свѣтъ моей лампы
Съ звѣздою утра угасая.
Златое, дневное свѣтило
Примѣромъ, образцемъ мнѣ было...
Почто, почто, мой другъ, не вѣкъ
Обманомъ щастливъ человекъ?

Но время, опыты разрушаютъ
Воздушный замокъ юныхъ лѣтъ;
Красы волшебства исчезаютъ...
Теперь иной я вижу свѣтъ, —
И вижу ясно, что съ Платономъ
Республикѣ намъ не учредить, —
Съ Питтакомъ, Фалесомъ, Зенономъ
Сердце жестокихъ не смягчить.
Ахъ! зло подъ солнцемъ безконечно,
И люди будутъ — люди вѣчно.
Когда несчастныхъ Данаидъ *
Сосудъ наполнится водою,
Тогда, чудесною судьбою,
Нашъ шаръ приметъ лучшей видъ:
Сатурнъ на землю возвратится,
И тигра съ агнцемъ помирить;
Богатый съ бѣднымъ подружится,
И слабый сильнаго простить.
Дотолъ истина опасна,

* Онѣ въ подземномъ мѣрѣ льютъ безпрестанно воду въ худой сосудъ.

Однимъ скучна, другимъ ужасна ;
Никто не хочетъ ей, внимать —
И часто ядъ тому есть плата,
Кто гласомъ мудраго Сократа
Дерзаетъ буйству угрожать.
Гордецъ не любитъ наставленья,
Глупецъ не терпитъ просвѣщенья —
И такъ лампаду угасимъ,
Желая доброй ночи пмъ.

Но что же намъ, о другъ любезный !
Осталось дѣлать въ жизни сей,
Когда не можемъ быть полезны,
Не можемъ премѣнить людей?
Оплакать бѣдныхъ смертныхъ долю,
И мрачный свѣтъ предать на волю
Судьбы и Рока: пусть они,
Симъ міромъ правя мѣсяци,
И впредь творять, что имъ угодно !
А мы, любя дышать свободно,
Себѣ построимъ тихіи кровъ,
За мрачной стѣною лѣсовъ,
Куда бы злые и невѣжды
Вовѣкъ дороги не нашли,
И гдѣ бъ, безъ страха и надежды,
Мы въ мирѣ жить съ собой могли,
Гнушаться издали порокомъ,
И яснымъ, терпѣливымъ окомъ
Взирать на тучи, вихрь суетъ,
Отъ грома, бури укрываясь,
И въ чистомъ сердцѣ наслаждаться

Мерцаіемъ вечернихъ лѣтъ,
Остаткомъ теплыхъ дней осеннихъ.
Хотя ужъ нѣтъ цвѣтовъ весеннихъ
У насъ на лицахъ, на устахъ,
И юный огонь погасъ въ глазахъ ;
Хотя красавицы престаи
Меня любезнымъ называть —
Зефры съ нами отыграли !)
Но мы не должны унывать :
Живемъ по общему закону!...
Отелло въ старости своей
Плѣнилъ младую Дездемону *,
И вкрался тихо въ сердце къ ней
Любозныхъ Музъ прелестнымъ даромъ.
Онъ съ нѣжнымъ, трогательнымъ жаромъ
Въ картинахъ ей изображалъ,
Какъ случай въ жизни имъ игралъ ;
Какъ онъ за дальними морями,
Необозримыми степями,
Между ревущихъ, пѣнныхъ рѣкъ,
Среди лѣсовъ густыхъ, дремучихъ,
Песковъ горящихъ и сыпучихъ,
Гдѣ люди не бывали ввѣкъ,
Безстрашно въ юности скитался,
Со львами, тиграми сражался,
Терпѣлъ жестокой зной и холодъ,
Терпѣлъ усталость, жажду, гладь.
Она внимала, удивлялась ;

* Смотри Шекспирову трагедію Отелло.

Брала участіе во всемі ;
Въ опасностьъ вѣстѣ съ нимъ вдалася.
И въ вѣжномъ пламени своемъ,
Съ блестящею въ очахъ слезою,
Сказала: я люблю тебя!
И мы, любезный другъ, съ тобою
Найдемъ подругу для себя,
Подругу съ милою душою.
Она пріятностью своею
Украситъ западъ нашихъ людей.
Бесѣда опытныхъ дней,
Ихъ басни, повѣсти и были
(Насъ лѣта сказкамъ научили!)
Ея вниманіе займутъ,
Ея любовь пріобрѣтутъ.
Любовь и дружба — вотъ чѣмъ можно
Себя подъ солнцемъ утѣшать!
Искать блаженства намъ не должно,
Но должно — менѣе страдать ;
И кто любилъ, кто былъ любимымъ,
Былъ другомъ вѣжнымъ, другомъ чтимымъ,
Тотъ въ мірѣ семъ не даромъ жилъ,
Не даромъ землю бременилъ.

Пусть громы небо потрясаютъ,
Злодѣи слабыхъ угнетаютъ,
Безумцы хвалятъ разумъ свой!
Мой другъ! не мы тому виновны.
Мы слабыхъ здѣсь не угнетали,
И всемі ума, добра желали:
У насъ не черныя сердца!

И такъ безъ тренета и страха
Намъ можно ожидать конца
И лечь во гробъ, жилище праха.
Завѣса вѣчности страшна
Убийцамъ, кровью обагренымъ,
Слезамъ бѣдныхъ орошеннымъ.
Въ комъ духъ и совѣсть безъ пятна,
Тотъ съ тихимъ чувствіемъ встрѣчаетъ
Златую Фебову стрѣлу *
И Ангелъ мира освѣщаетъ
Предъ нимъ густую смерти мглу.
Тамъ — тамъ — за синемъ океаномъ,
Вдали, въ мерцаніи багряномъ,
Онъ зрять.... но мы еще не зримъ.

1793 г.

к ъ д'.

«Многіе Барды, лиру настроивъ,
«Смѣло играютъ, поютъ;
«Звуки ихъ лиры, гласы ихъ пѣсеней
«Мчатся по рощамъ, шумятъ.

* Древніе Поэты говорили, что златая Фебова стрѣла приносила смерть человѣку.

- «Многіе Барды, тоны возвысивъ,
«Страшныя битвы поють ;
«Въ звукахъ ихъ пѣсней слышны удары,
«Стоишь пораженныхъ и смерть.
- «Многіе Барды, тоны унизивъ,
«Сельскую радость поють —
«Нравы невинныхъ, кроткихъ пастушекъ,
«Вздохи, утѣхи любви.
- «Многіе Барды въ шумномъ восторгѣ
«Намъ воспѣваютъ вино.
«Всѣхъ призывая имъ утоляти
«Скуку, заботы, печаль.
- «Всѣ ли ихъ пѣсни трогаютъ сердце,
«Душу приводятъ въ восторгъ?
«Всѣ ли Омиры, Гесперы, Клейсты?
«Гдѣ Авакреонъ другой?
- «Мало осталось Бардовъ великихъ!» —
Такъ воспѣвая, вздохнулъ ;
Слезы изъ сердца тихо катятся ;
Лира упала изъ рукъ.
- Быстро Зефиры съ Невскаго берега,
Быстро песутся ко мнѣ —
Вѣютъ — вливаютъ сладкія пѣсни,
Пѣжныя пѣсни въ мой слухъ....
- Я восхищаюсь! — Въ радости сердца
Громко взываю, пою:

«Древніе Барды думъ свои вліяли
«Въ поваго Барда Невы!»

1792 г.

КЪ СОЛОВЬЮ.

Пой во мракѣ тихой роши,
Нѣжной, кроткой соловей!
Пой при свѣтѣ луной ноши!
Гласъ твой мнѣ душѣ моеи.
Но почтожь рѣкой катятся
Слезы изъ моихъ очей,
Чувства поють и томятся
Отъ гармоніи твоей?
Ахъ! я вспомнилъ незабвенныхъ,
Въ нѣдрахъ хладныхъ земли
Хищной смертью заключенныхъ;
Ихъ могилы заросли
Всѣ высокою травою.
Я остался сиротою....
Я остался въ горѣ жить,
Тосковать и слезы лить!...
Съ кѣмъ теперь мнѣ наслаждаться
Нѣжной пѣснію твоей?
Съ кѣмъ природой утѣшаться?
Все печально безъ друзей!

Съ нимъ духъ нашъ умираеть,
Радость жизни отстаетъ;
Сердцу скучно одному —
Свѣтъ пустыня, мракъ ему.

Скоро ль пѣснию своею,
О любезной соловей!
Надъ могилою моею
Будешь ты плѣцять людей?

1793 г.

Филлида.

Проснись, проснись, Филлида!
Взгляни на день прекрасный,
Въ который ты родилась!
Смотри, какъ онъ гордится,
И яркими лучами
На зелени играетъ!
Смотри, какъ вся Природа
Ликуеть, веселится! —
Взгляни же и на друга,
Который для прелестной
Принесъ цвѣтовъ прелестныхъ,
И арфу златострунну,
Чтобъ радостную пѣснию

Сыграть на ней, Фидель,
Въ счастливой девѣ рожденъ
Красавицы любезной,
И въ нѣжной мелодіи,
Излить желанья дружбы.

Да будетъ годъ твой красной
Единымъ Майскимъ утромъ,
Которое питаетъ
Ясины и лилеи,
И духъ ихъ ароматной
Въ Зефирахъ развѣваетъ!
Будь радостна, безпечна,
Какъ радостенъ, безпеченъ
Пѣвецъ весны и утра,
Віясь подъ облаками!
Когдажь вздохнуть захочешь —
Увы! гдѣ свѣтъ безъ тѣни?
Да будетъ вздохъ твой кротокъ!
И если въ нѣжныхъ чувствахъ
Слезу прольешь изъ сердца,
Блестай она подобно
Росѣ на юныхъ розахъ,
Живящей цвѣтъ ихъ алый!

Въ чудесномъ же искусствѣ,
Любовію найденномъ,
Будь въ годовой Прометеевъ,
Жизнь въ мертвое вливая!
Пиши блестящій образъ
Земнаго совершенства —

Представь нашъ Аномона —
И вдругъ, ~~нигда~~ потушишь,
Что юноша не дышетъ,
Да оживится образъ,
И ставъ передъ тобою —
Филида! я умолкну.

1790 г.

НА РАЗЛУКУ СЪ П...

Насталъ разлуки горькой часъ!
Прости, мой другъ! Въ послѣдній разъ
Тебя я къ сердцу прижимаю;
Хочу сказать: не мачь въ слезы проливаю!
Но такъ назначено судьбой
Прости, — и Ангелъ мира
Въ дыханіи Зефира
Да вѣсть за тобою!

Уже я вижу предъ собою
Весь путь, на космъ златности слара.
Тебя съ дарами ждуть. Души твоей я права
Ничто не премънитъ; ты будешь вѣчно ты —
Я въ томъ, мой другъ, увѣренъ
Не ослѣпятъ тебя блестящія мечты;
Разсудку, совѣсти всегда пребудешь вѣренъ —

И видя вокругъ себя пороки, подлость, лесть,
Которыхъ дѣла есть суетная честь,
Со вздохомъ вспомнишь то пріятнѣйшее время,
Когда со мной жила въ подѣ кровомъ тишины;
Когда намъ жизнь была не тягостное бремя,
Но радостный восторгъ; когда, удалены
Отъ шума, отъ заботъ, съ весельемъ мы встрѣчали
Аврору на лугахъ, и въ знойныя часы
Въ прохладныхъ гротахъ отдыхали;
Когда вечерній красъ
И пѣсни соловья вливали въ духъ нашъ сладость...
Ахъ! часто мракъ темнилъ надъ нами сиціи сводъ;
Но мы, вкушая радость,
Внимали шуму горныхъ водъ,
И сонъ съ тобою забывали!
Не рѣдко огонь блисталъ, тремблѣ надъ нами громъ;
Но мы сердечно ликовали
И улыбались предъ Отцомъ,
Который простиралъ къ намъ съ неба длань бла-
гую;
Въ восторгъ пѣли мы гимнъ славы, пѣнь святую:
На крыльяхъ молніи къ Нему летѣлъ нашъ духъ!
Ты вспомнишь все сіе, и слезы покатятся
По блѣдному лицу. Ахъ милой, пѣжной другъ!
Сія блаженны дни вѣкъ не возвратятся! —
Невольный тяжкій вздохъ колеблетъ грудь мою...
Грядетъ весна въ нашъ міръ, и холмы зеленѣютъ,
И утренній пѣвецъ * гласитъ намъ пѣсть свою —

* Жаворонокъ.

Увы! тебя здѣсь вѣтъ!.. цветы вездѣ нестрѣютъ,
Но сердце у меня въ печали не ~~превратитъ~~..
Прости! благій Отець и Геній твой съ тобою.
Кто въ мирѣ и любви думаетъ жить съ собою,
Тотъ радость и любовь во всѣхъ странахъ най-
детъ.

Прости! твой другъ умретъ тебя достойнымъ,
Послушнымъ истинѣ, въ душѣ своей покойнымъ.
Не скажутъ ввѣкъ объ немъ, чтобъ онъ чиновъ
искалъ;
Чтобъ знатымъ подлецамъ когда нибудь ласкалъ.
Предъ Богомъ только онъ козѣнъ преклоняетъ;
Страшится — одного себя;
Достоинства одинъ сердечнo уважаетъ,
И любить всей душой тебя.

1792 г.

ПРОСТИ.

Кто могъ любить такъ страстно;
Какъ я любилъ тебя?
Но я вздыхалъ напрасно,
Томилъ, крушилъ себя!

Мучительно плавиться,
Быть страстнымъ одному!

Насильно полюбится —
Не можно никому.

Не знатенъ, я не славенъ:
Могуль кого прельстить?
Не веселъ, не забавенъ:
Зачто меня любить?

Простое сердце, чувство,
Для свѣта ничего.
Тамъ надобно искусство —
А я не зналъ его!

(Искусство величаться,
Искусство ловкимъ быть,
Умнѣе всѣхъ казаться,
Пріятно говорить.)

Не зналъ — и ослѣпленный
Любовію своею,
Желалъ я дерзновенный
И самъ любви твоей!

Я плакала, ты смѣялась,
Шутила надо мной, —
Моею забавлялась
Сердечною тоской! —

Надежды лучъ блѣднѣеть
Теперь въ душѣ моей...
Уже другой владеетъ
Навѣкъ рукой твоей!...

Будь счастлива — покойна,
Сердечно весела,
Судьбой всегда довольна,
Супругу — вѣкъ мила! —

Во тьмѣ лѣсовъ дремучихъ,
Я буду жизнь вести,
Лить токи слезъ горючихъ,
Желать конца — прости!

1792 г.

НАДГРОВНАЯ НАДЦІСЬ БОННЕТУ *

Онъ былъ великъ душой своей,
И міру жизни' полезенъ;
Любилъ Природу и людей, —
Природѣ, людямъ былъ любезенъ;
Гремящимъ гласомъ прославлялъ
Величіе Творца всемогущей,
И бѣдныхъ смертныхъ утѣшалъ
Надеждой вѣчности блаженной, —
Леманъ **! въ зеркалѣ водъ твоихъ

* Которая излилась изъ души моей въ самый тотъ часъ, какъ я получилъ извѣстіе о смерти сего незабвеннаго друга человечества, сего великаго Философа, сего истиннаго мудреца, любезнаго моему сердцу.

** Женевское озеро. — Боннетъ жилъ на берегу его.

Затмился зракъ его священнѣй;
Но умъ, во духъ его нетлѣнный
Живеть въ твореніяхъ своихъ.

1793 г.

ЛЮБЕЗНОЙ.

ВЪ ДЕНЬ ЕЯ РОЖДЕНІЯ.

Въ сей день тебя Любовь на свѣтъ произвела,
Красою свѣта быть, владѣть людей сердцами;
Осыпала тебя пріятностей цвѣтами;
Сказала: будь мила!...
«Будь счастлива!» сказать богиня не могла.

1793 г.

СТРАННОСТЬ ЛЮБВИ,

ИЛИ

БЕЗСОННИЦА.

Кто для сердца всѣхъ страшнѣе?
Кто на свѣтѣ всѣхъ милѣе?
Знаю: милая моя!

«Кто же иная Чвоя?»

Я стыжусь; мнѣ право больно
Странность чувствъ моихъ открыть
И предметомъ шутокъ быть.
Сердце въ выборѣ не вольно!...
Что сказать? Она... она...
Ахъ! ни мало не важна,
И талантовъ за собою
Не имѣетъ никакихъ;
Не блистаетъ острою,
И движенемъ глазъ своихъ
Не умѣетъ изъясняться;
Не умѣетъ восхищаться
Аполлоновымъ огнемъ;
Философовъ не читаетъ,
И въ невѣжествѣ своемъ
Всю ученость презираетъ.
Знайте также, что она
Не Венера красотою —
Такъ худа, блѣдна собою,
Такъ эфирна и томна,
Что безъ жалости не можно
Бросить взора на нее.
Странно!... я люблю ее!

«Что жь такое думать должно?
«Увѣряютъ старики
«(Въ этомъ дѣлѣ знатоки),
«Что любовь любовь рождаетъ,
«Сердце правится любви;
«Можетъ быть она правяетъ»

«Жаромъ чувствъ своихъ тебя ;
«Можетъ быть она на свѣтѣ
«Не имѣетъ ничего
«Для души своей въ предметъ,
«Кромѣ сердца твоего?
«Ахъ ! любовь и страсть такая
«Есть небесная, святая !
«Умъ блестящій, красота
«Передъ нею суета.»

Нѣтъ!... Къ чему теперь скрываться?
Лучше искренно признаться
Вамъ, любезные друзья,
Что жестокая моя
Нѣжной, страстной не бывала,
И съ любовью на меня
Глазъ своихъ не устремляла.
Нѣтъ въ ея душѣ огня!
Тщетно пламенемъ пылаю —
Въ миломъ сердцѣ ледъ, не кровь!
Такъ какъ эхо * изсыхаю —
Нѣтъ отвѣта на любовь!

Очарованъ я тобою,
Богъ, играющій судьбою.
Богъ коварный — Купидонъ!
Ядовитою стрѣлою

* Т. е. нимфа, которая отъ любви къ Нарциссу превратилась — въ ничто, и которой вздохи слышны нынѣ иногда въ лѣсахъ и пустыняхъ и называются — эхою.

Ты лишилъ меня покою.
Какъ ужасенъ твой законъ,
Мудрыхъ мудрости лишая,
И ученыхъ кабинетъ
Въ жалкой Бедламъ * превращая,
Гдѣ безуміе живетъ !
Щастливъ, кто не знаетъ страсти !
Щастливъ хладной человѣкъ,
Не любившій весь свой вѣкъ ! ..
Я завидую сеѣ части,
И съ Титаніей люблю
Всѣмъ насмѣщикамъ въ забаву ! **
Но Небесному уставу
Днемъ зѣваю, ночь не сплю.

1793 г.

ВЕСЕННЕЕ ЧУВСТВО

Пришла весна — цвѣтеть земля ;
Древа шумятъ въ вѣщахъ зеленыхъ,
Лучами солнце позлащенныхъ ;
Красуются луга, поля ;

** Домъ сумасшедшихъ въ Лондонѣ.

** Любопытные могутъ прочесть третіе дѣйствіе,
вторую сцену Шекспировой пьесы: *Midsummer-night's
dream.*

Стада вокругъ холмовъ играютъ;
На вѣтвяхъ птички воспѣваютъ
Пріятность теплыхъ, ясныхъ дней,
Блаженство участи своей!

И левъ, среди песковъ сыпучихъ,
Любовь и нѣжность ощутилъ;
И хищный тигръ въ лѣсахъ дремучихъ
Союзъ съ Природой заключилъ.
Любовь! вездѣ твоя держава;
Вездѣ твоя сіяетъ слава;
Земля есть твой огромный храмъ.
Тебѣ курится опміамъ
Цвѣтовъ и дровъ и травъ душистыхъ,
На сушѣ, на водахъ сребристыхъ, —
Во всѣхъ подсолнечныхъ странахъ,
Во всѣхъ чувствительныхъ сердцахъ!
Но кто дерзаетъ миръ священный,
Миръ кроткій, миръ блаженный,
Своею злобой парусать? . . .
Безсмертный человекъ! . . . созданный
Собой Натуру украшать! . . .
Любимецъ Божества избранный!
Вѣнецъ творенія и цвѣтъ!

Когда Природа оживаетъ,
Любовь сердца звѣрей питаетъ,
Онъ кровь себѣ подобныхъ льетъ *;

* Начало военныхъ дѣйствій весной.

Безумства мракомъ ослѣпленный
И адской желчью упоенный,
Терзаетъ братій и друзей,
Ко счастью вмѣстѣ съ нимъ рожденныхъ,
Душею, чувствомъ одаренныхъ,
Отца единого дѣтей!

1792 г.

НАДЕЖДА.

*Il est doux quelquefois de
revoir le bonheur.*

Среди песковъ, степей ужасныхъ,
Гдѣ солнце пламенемъ горить,
Что душу странниковъ несчастныхъ
Отрадой сладкою живить?
Надежда — что труды не вѣчны;
Что степь, пески не безконечны;
Что странникъ въ хижинѣ своей,
Въ прохладѣ нѣжнаго Зефира,
Въ объятіяхъ любви и мира,
Жить будетъ съ милою семьей.

Надежда! ты моя богиня!
Надежда, лучь души моей!
Мнѣ жизнь печаль, мнѣ свѣтъ пустыня:
Дышу отрадою твоей!

Хотя томлюсь и страдаю,
Но ты во мнѣ . . . не умираю!
За тучей вижу я зарю,
И сердце бьется въ ожиданьи —
Живу въ любезнѣйшемъ желаньи;
Вдали возможность счастья зрю!

Еще мы можемъ, Ангель милой,
Другъ друга радостно любить!
Въ душѣ моей, теперь унылой,
Твой образъ можетъ съ счастьемъ жить!
Когда? когда? — увы! не знаю;
Но вѣря чувству, ожидаю,
Что намъ готовится вѣнецъ;
Что мы навѣкъ соединимся,
И въ жизни раемъ насладимся:
Умремъ въ слияннѣ сердець.

Ручей два древа раздѣляетъ,
Но вѣтви ихъ сплетая растутъ;
Судьба два сердца разлучаетъ,
Но вмѣстѣ чувства ихъ живутъ.
Препятствій страшныхъ мнѣюны,
Тираниство рока и законы
Но могутъ страсти прохладить:
Она всего, всего сильнѣе;
Всего, мой милой другъ, святѣе —
Самъ Богъ велитъ намъ такъ любить!

Онъ влилъ мнѣ въ грудь небесный пламень
Любви, всемогущая любовь.

Могуль сказать: «буди, сердце, папень, —
«Угасни огонь въ моей крови?»»

Могуль сказать *прости надежд?*

Мы видимъ — любимъ, другъ мой, прежде,

Чѣмъ знаемъ; должно ли любить;

Полюбимъ; и въ себѣ не властны;

Умолкнетъ разумъ безпристрастный —

Лишь сердце будетъ говорить.

Когдажъ, о милой другъ! намъ должно

Въ семъ мірѣ только слезы лить,

Въ другомъ, въ другомъ еще возможно

Нешастнымъ счастливыми быть!

Клянуся . . . Небо будь свидѣтель! . . .

Любить святую добродѣтель;

Чтобъ рай въ томъ мірѣ заслужить,

Гдѣ все прошедшее забудемъ,

Гдѣ только милыхъ помнить будемъ;

А рай мой . . . тамъ съ тобою жить!

1796 г.

НА СМЕРТЬ КНЯЗЯ Г. А. ХОВАНСКАГО.

Декабря 1, 1796.

Друзья! Хованскаго не стало!

Увы! намъ въ гробѣ всѣмъ лежать;

На всёхъ тронится смерти жало:
Лишь тронеть, должно умирать!

Иной сидѣлъ въ златой коронѣ,
Какъ Богъ величаемъ: сіяль;
Взгляни . . . вѣнецъ лежить на тронѣ,
Но вѣнецъ пражомъ сталъ.

Гроза земли, людей губитель,
Какъ Зевсъ яряся въ бурной мглѣ,
Взывалъ: «я міра побѣдитель!»
Но пуля, въ лобъ, Герой въ землѣ.

Нарциссъ гордился красотою,
И жизнь любовью украшалъ;
Но вдругъ смететь махнулъ косою . . .
Прости любви! Нарциссъ увядъ.

Другой сидѣлъ надъ сундуками,
Отъ вора золото стерегъ;
Но, ахъ! за крѣпкими замками
Себя отъ смерти не сберегъ!

Она и въ пору и не въ пору
Велитъ намъ домъ перемѣнять;
Младенцевъ, старцевъ безъ разбору
Спѣшитъ за гробъ переселять;

Блаженъ, кто жизнь свою кончая,
Еще надеждою живеть,
И міръ покойно оставляя,
Безъ страха въ темный путь идетъ!

Друзья! такъ умеръ нашъ пріятель.
Онъ вѣрилъ, что есть Богъ сердець;
Онъ вѣрилъ, что міровъ Создатель
И здѣсь и тамъ для насъ Отець.

Чего жь чюдъ Его покровомъ,
Бояться добрымъ въ смертный часъ?
И тамъ, и тамъ, въ жилищѣ новомъ,
Найдутся радости для насъ.

Ничѣмъ Хованскій не былъ славенъ,
Онъ былъ...! лишь доброй человекъ,
Въ бесѣдахъ дружескихъ забавенъ,
И прожилъ безъ злодѣевъ вѣкъ.

Писалъ стихи, но не пасквили;
Писалъ, но зависти не зналъ;
Его не многіе хвалили:
Онъ всѣхъ охотно прославлялъ.

Богатства Крезовъ не имѣя,
Онъ добрымъ сердцемъ былъ богатъ;
Чѣмъ могъ, дѣлился не жалься;
Отдать послѣднее былъ радъ.

Друзья! пойдемъ съ душой унылой
Ему печальный долгъ воздать:
Поплакаты надъ его могилой.
Намъ также будетъ умирать!

КЪ ВЪДНОМУ ПОЭТУ.

Престань, мой другъ, Поэтъ унылый!
Роптать на скудный жребій свой,
И звай, что бѣдность и покой
Еще быть могутъ сердцу мило.
Фортуна ^{умачила} тебя,
За что-то очень не влюбя,
Пустой сумою наградила
И въ міръ съ клюною отпустила;
Но истинно-родная мать,
Природа, любитъ награждать
Нешастныхъ пасынковъ Фортуны:
Даетъ имъ умъ, сердечный жаръ,
Искусство пѣть, чудесный даръ
Вливать огонь въ златыя струны,
Сердца гармоніей плѣнять.
Ты сей безцѣнный даръ имѣешь;
Стихами чистыми умѣешь
Любовь и дружбу прославлять;
Какъ птичка въ бѣломъ свѣтѣ воленъ,
Не знаешь клѣтки, ни оковъ —
Чего же больше? будь доволенъ;
Вздыхать, роптать, есть страсть глушцовъ.

Взгляни на солнце, сводъ небесный,
На свѣжій лугъ, для глазъ прелестный;
Смотри на быструю рѣку,
Летающую съ серебристой пѣной

По свѣтло-желтому песку;
Смотри на лѣсъ густой, зеленой,
И слушай пѣсни соловья:
Поэтъ! Натура вся твоя.
Въ ея любезномъ сердцу лонѣ
Ты царь на вельяномъ тронѣ.
Оставь другимъ носить вѣнецъ:
Гордися, пѣжныхъ чувствъ пѣвецъ,
Вѣнкомъ, изъ вѣжныхъ розъ смородиновыхъ,
Тобой отъ Грацій полученнымъ!
Тебѣ никто не хочетъ льстить:
Что нужды? кто въ душѣ спомнитъ,
Кто истинной хвалы достоинъ,
Тому не скучно вѣкъ прожить
Безъ шума, безъ льстецовъ коварныхъ.
Не можешь ты чиновъ давать,
Но можешь зернами питать
Семейство птицъ благодарныхъ;
Онѣ хвалу тебѣ споютъ
Гораздо лучше стиходвѣтъ,
Тирановъ слуха, лже-Ораевъ,
Которыхъ Музы, въ одахъ лгутъ
Нескладно, пышными словами.
Мой другъ! существованность бѣдна:
Играй въ душѣ своей мечтани,
Иначе будетъ жизнь скучна.
Не Крезъ съ мѣшками, сундуками
Здѣсь можетъ веселѣе жить,
Но тотъ, кто въ бѣдности умѣетъ
Себя богатствомъ веселить;
Кто даръ воображать имѣетъ

Въ карманѣ тысячу рублей,
Копѣйки въ домѣ не имѣя.
Поэтъ есть хитрый чародѣй:
Его живая мысль какъ Фея
Творитъ красавицъ изъ цвѣтка;
На соснѣ розы производитъ,
Въ крапивѣ вѣжнѣй миртъ находитъ
И строить замки изъ песка.
Лукуллы въ вѣгѣ утонченной
Напрасно вкусъ свой притупленной
Хотятъ чѣмъ новымъ усладить.
Сатрапъ съ Лансою зѣваетъ;
Платокъ ей бросивъ, засыпаетъ.
Ихъ жребій: дни считать, не жить;
Душа ихъ въ роскоши истлѣла,
Подобно камню онѣмѣла
Для чувства радостей земныхъ.
Избытокъ благъ и наслажденья
Есть хладный гробъ воображенья;
Въ мечтахъ, въ желаніяхъ своихъ
Мы только щастливы бываемъ;
Надежда золото для насъ,
Призракъ любезнѣйшій для глазъ,
Въ которомъ щастье лобызаемъ.

Не сытому хвалить обѣдъ,
За коимъ Нямфы, Ганимедъ
Гостямъ амврозію разносятъ.
И не въ объятіяхъ Лизетъ
Пѣвцы красавицъ перевозносятъ;
Все лучше кажется вдали.

Сухими флгами питаюсь,
Но въ мысляхъ царски наслаждаюсь
Дарамъ моря и земли,
Зови къ себѣ въ стихахъ игривыхъ
Друзей любезныхъ и щастливыхъ
На сладкой и роскошной пирѣ,
Сбери красотокъ несравненныхъ,
Веселымъ чувствомъ оживленныхъ;
Вели имъ съ нѣжнымъ звукомъ лиръ
Пѣть въ громкомъ и пріятномъ хорѣ,
Летать подобно Терпсихорѣ
При плескѣ радостныхъ гостей,
И милой ласкою своей,
Умильнымъ, сладострастнымъ взоромъ,
Нѣмымъ, но внятнымъ разговоромъ,
Сердца къ тому приготавливать,
Чего.... въ стихахъ нельзя сказать.
Или, подобно Довъ-Кипшоту,
Имѣя къ рыцарству охоту,
Въ шпакъ и панцырь нарядись,
На борзого коня садись,
Ищи опасныхъ приключеній,
Волшебныхъ замковъ и сраженій,
Чтобъ добрымъ Принцамъ помогать,
Принцессъ отъ узъ освобождать.
Или, Платоновъ воскрешая,
И съ ними умъ свой изощряя,
Законъ Республикамъ давай,
И землю въ небо превращая.
Или.... по какъ все то исчислить,

Что можетъ стихотворецъ мыслить
Въ укромной хижинкѣ своей?

Мудрецъ, которой зналъ людей,
Сказалъ, что міръ стоитъ обманомъ;
Мы всё, мой другъ, лжецы:
Простые люди, мудрецы;
Непроницаемымъ туманомъ
Покрыта истина для насъ.
Кто можетъ вымышлять пріятно,
Стихами, прозой — въ доброй часъ!
Лишь только бъ было вѣроятно.
Что есть Поэтъ? искусный лжець:
Ему и слава и вѣнецъ!

1796 г.

ОТСТАВКА.

*Amour, né d'un soupir, est
comme lui léger.*

И такъ въ отставку ты уволенъ!...
Что дѣлать, нѣжной пастушокъ?
Взять въ руки шляпу, посошокъ;
Сказать: спасибо; я доволенъ!
Птти, и слезки не пролить.

Иду, желая милой Хлоѣ
Пріятно съ новымъ другомъ жить.

Свобода дѣлю золотое,
Свобода въ мысляхъ и въ любви.
Минута чувства восплаляется,
Минута гаситъ огонь въ крови.
Сердца любовниковъ смыкаетъ
Не цѣпь, но тонкой волосокъ :
Дохнетъ ли рѣзвой вѣтерокъ,
Порхнетъ ли бабочка межъ ими...
Всему конецъ, и связи нѣтъ!
На что упреками пустыми
Терзать другъ друга? бѣлой свѣтъ
Своимъ порядкомъ вѣкъ идетъ.
Всѣ любятъ, Хлоя, разлюбляютъ :
Клянутся, клятву преступаютъ :
Гдѣ судъ на вѣтренность сердець?
Что нынѣ взору, чувству мило,
То завтра будетъ имъ постыло.
Теперь вамъ нравится мудрецъ,
Черезъ часъ понравится глупецъ,
И часто бога Аполлона
(Чему свидѣтель древній міръ)
Смѣнялъ въ любви лѣсной Сатурнъ.
Подъ скиптромъ душегубца Крона *
Какому постоянству бытъ?
Гдѣ время царь, тамъ все конечно,
И развѣ въ вѣчности вамъ вѣчно
Придется одного любить!

И такъ смотри въ глаза мнѣ смѣло;
Я право, Хлоя, не сердить.

* Сатурна.

Шумѣть мужей несносныхъ дѣло;
Любовникъ видѣть, и молчитъ:
Укажутъ дверь — и онъ съ поклономъ
Ее затворитъ за собой;
Не ссорясь съ новымъ Селадомъ,
Пойдетъ... стихи писать домой.

Я жилъ въ Аркадіи съ тобою
Не часъ, но цѣлыхъ сорокъ дней.
Довольно — лучшей соловей
Поетъ не долѣе весною...
Я также, Хлоя, пѣлъ тебя!...
И ты съ восторгомъ мнѣ внимала;
Рукою... на песокъ писала:
Люблю — люблю — умру любя!

Но старой другъ твой не забудеть,
Что кто о старомъ помнить будетъ,
Лишится глаза какъ Циклопъ*:
Пусть, Хлоя, мой обширной лобъ
Подъ часъ украсится рогами;
Лишь только былъ бы я съ глазами!

1796 г.

* Русская пословица: «кто старое помянетъ, тому глазъ
лопъ.»

ПОСЛАНИЕ

къ

АЛЕКСАНДРУ АЛЕКСѢЕВИЧУ ПЛЕЩЕЕВУ.

Мой другъ! вступаая въ шумный свѣтъ
Съ любезной, искренней душою,
Въ весеннемъ цвѣтѣ ювыхъ лѣтъ,
Ты хочешь съ Музою моею
Въ свободный часъ поговорить
О томъ, чего всѣ ищутъ въ свѣтѣ;
Что вѣчно у людей въ предметъ;
О чемъ позволено судить
Ученымъ, мудрымъ и невѣждѣ, —
Богатымъ въ золотой одеждѣ
И бѣднымъ въ рубищѣ худомъ, —
На тронахъ, славой окруженныхъ,
И въ сельскихъ хижинахъ смиренныхъ; —
Что въ каждомъ климатѣ земномъ
Надежду смертныхъ составляетъ,
Сердца всечасно обольщаетъ,
Но, ахъ!... не зримо ни въ одномъ!

О счастья слово. Удалимся
Подъ вѣтви сихъ зеленыхъ нвѣ;
Прохладой чувства освѣживъ,
Мы тамъ бесѣдой насладимся
Въ любезной Музамъ тишинѣ *.

* Сія стихи писаны въ самомъ дѣлѣ подъ тѣшою нвѣ.

Мой другъ! повѣришь ли ты мнѣ,
Чтобъ десять тысячъ было мнѣнй,
Ученыхъ философскихъ прѣнй,
Въ архивахъ древности сѣдой *
О средствахъ жить щастливо въ свѣтѣ,
О средствахъ обрѣсти покой?
Но точно такъ, мой другъ; въ семь счетѣ
Ошибки нѣтъ. Оалесь, Хилонъ,
Питтакъ, Эпименидъ, Критонъ —
Біоны, Симмій, Стильпоны,
Эхпны, Эммін, Зеноны,
Въ Лицеѣ, въ храмахъ и садахъ,
На бочкахъ, темныхъ чердакахъ,
О благѣ вышнемъ говорили
И смертныхъ къ щастію мавили
Своею... нищенской клюкой,
Клянясь священной бородой,
Что плодъ земнаго совершенства
Въ саду ихъ мудрости растеть;
Что въ немъ нетлѣнный цвѣтъ блаженства
Какъ роза пышная цвѣтеть.
Слова казались прекрасны,
Но только были несогласны.
Одинъ кричалъ: ступай туда!
Другой: нѣтъ, нѣтъ; поди сюда!
Чтожь Греки дѣлали? Смѣялись;

* Десять тысячъ!! Читатель можетъ сомнѣваться въ вѣрности счета; но одинъ изъ древнихъ же Авторовъ пишетъ, что ихъ было точно десять тысячъ.

Ученой распрей забавлялись,
А счастье... называли сномъ!

И въ наши времена о томъ
Бываетъ много-шуму, спору.
Не мало новыхъ гордецовъ,
Которымъ часто безъ разбору
Даютъ названье мудрецовъ;
Они намъ также общаются
Открыть прямой ко счастью слѣдъ;
Въ глаза же счастья не знаютъ;
Живутъ, какъ всѣ, подъ игромъ бѣдъ;
Живутъ, и горькими слезами
Судьбѣ тихонько платятъ сами
За право умиками слыть,
О счастье въ книгахъ говорить!

Престанемъ льстить себя мечтою,
Искать блаженства подъ луною!
Скорѣе, другъ мой, ты найдешь
Чудесный Философскій камень,
Чѣмъ вѣкъ безъ горя проживешь.
Япетовъ сынъ зѣрный пламень
Похитилъ для людей съ небесъ,
Но счастья къ нимъ онъ не принесъ;
Оно въ удѣлъ намъ не досталось,
И тамъ, съ Юпитеромъ, осталось.
Вздыхай, тужи; но пользы нѣтъ!
Судьбы рекли: «да будетъ свѣтъ
«Жилищемъ призраковъ, суетъ,
«Немногихъ благъ и многихъ бѣдъ!»

Рекли. — и Суеты спустились
На землю шумною толпой:
Герои въ латы нарядились,
Плѣняя Славы красотой;
Мечемъ махнули, полетѣли
Въ забаву умершвлять людей;
Одни престоловъ захотѣли,
Другіе самыхъ оltарей;
Одни шумящими рулями
Разсѣкли пѣну дальнихъ водъ;
Другіе мощными руками
Отверзли въ землю темный ходъ,
Чтобъ взять пригоршни свѣтлой пыли!...
Мечты всѣмъ головы вскружили,
А горестъ врѣзалась въ сердца.
Народовъ сильныхъ побѣдителей
И странъ безчисленныхъ властителей
Подъ блескомъ свѣтлаго вѣнца
Въ душевномъ мракѣ унываетъ,
И часто самъ того не знаетъ,
На что величія желалъ
И кровью лавры омочалъ!
Смѣльчакъ, Америку открывшій,
Пути ко счастью не открылъ;
Индѣйцовъ въ цѣпи заключившій
Цѣпями самъ окованъ былъ,
Провелъ и кончилъ жизнь въ страданьѣ —
А сей вздыхающій скелетъ,
Который богомъ чтить стаяйе,
Среди богатствъ въ тоскѣ живетъ!...
Но кто, мой другъ, въ морской пучинѣ

Глазами волны перечесть?
И кто представитъ намъ въ картинѣ,
Ничтожность всѣхъ земныхъ суетъ?

Чтожь дѣлать намъ? Ужель сокрыться
Въ пустыню Муромскихъ лѣсовъ,
Въ какой нибудь безвѣстный кровъ,
И съ міромъ навсегда проститься,
Когда, къ несчастью, міръ таковъ?
Увы! Анахоретъ не будетъ
Въ пустынѣ щастливѣе насъ!
Хотя земное и забудетъ;
Хотя умолкнетъ страсти гласъ
Въ его душѣ уединенной,
Безмолвнымъ мракомъ огражденной:
Но сердце станетъ унывать,
Въ груди холодной тосковать,
Не зная, чѣмъ ему заняться:
Тогда пустыннику явятся
Химеры, адскія мечты,
Плоды душевной пустоты!
Чудовищъ грозныхъ миліоны,
Змѣи летучія, драконы,
Надъ нимъ крылами зашумятъ,
И страхомъ умъ его затмятъ *...
Въ тоскѣ онъ жизнь свою скончаетъ!

* Многие пустынники, какъ извѣстно, сходили съ ума въ уединеніи.

Каковъ, ни есть подлунный свѣтъ;
Хотя блаженства въ ономъ нѣтъ;
Хотя въ немъ горестъ обитаетъ:
Но мы для свѣта рождены,
Душей, умомъ одарены,
И должны въ немъ, мой другъ, остаться.
Чѣмъ можно, будемъ наслаждаться,
Какъ можно менѣе тужить,
Какъ можно лучше, тише жить,
Безъ всякихъ суетныхъ желаній,
Пустыхъ, блестящихъ ожиданій;
Но что пріятное найдемъ,
То съ радостью себѣ возьмемъ.
Въ лѣсахъ унылыхъ и дремучихъ
Бываетъ краше анемонъ,
Когда украдкой выдетъ онъ
Одинъ среди песковъ сыпучихъ;
Во тѣмъ густой, въ печальной мглѣ
Сверкнетъ лучъ солнца веселѣе: —
Добра не много на землѣ,
Но есть оно — и тѣмъ милѣе
Ему быть должно для сердець.
Кто малымъ можетъ быть доволенъ,
Не скованъ въ чувствахъ, духомъ воленъ,
Не есть чиновъ, богатства льстець,
Душею такъ же прямъ, какъ станомъ,
Не ищетъ благъ за океаномъ
И съ моря кораблей не ждетъ,
Шумящихъ вѣтровъ не робѣетъ,
Подъ солнцемъ домикъ свой имѣетъ,
Въ сей день для дня сего живетъ

И мысли въ даль не простираетъ;
Кто смотритъ прямо всѣмъ въ глаза;
Кому несчастнаго слеза
Отравы въ пищу не вливаетъ;
Кому работа не трудна,
Прогулка въ полѣ не скучна,
И отдыхъ въ знойный часъ любезенъ;
Кто ближнимъ иногда полезенъ
Рукой своей или умомъ;
Кто можетъ быть приятнымъ другомъ,
Любимымъ, счастливымъ супругомъ
И добрымъ милыхъ чадъ отцомъ;
Кто Музу отъ скуки призываетъ
И нѣжныхъ Грацій, спутницъ ихъ;
Стихами, прозой забавляетъ
Себя, домашнихъ и чужихъ;
Отъ сердца чистаго смѣется
(Смѣяться, право, не грѣшно!)
Надъ всѣмъ, что кажется смѣшно:
Тотъ въ мирѣ съ миромъ уживется
И дней своихъ не прекратитъ
Желѣзомъ острымъ или ядомъ;
Тому сей миръ не будетъ адомъ;
Тотъ путь свой розой оцвѣтитъ
Среди колючихъ жизни терній,
Отраду въ горестяхъ найдетъ,
Съ улыбкой встрѣтитъ часъ вечерній,
И въ полночь тихимъ сномъ заснетъ.

**ОТВѢТЬ МОЕМУ ПРІЯТЕЛЮ,
КОТОРОЙ ХОТѢЛЪ, ЧТОБЫ Я НАПИСАЛЪ ПОХВАЛЬНУЮ
ОДУ ВЕЛИКОЙ ЕКАТЕРИНѢ.**

Мнѣ ли славить тихой лирой
Ту, которая порфирой
Скоро весь обниметь свѣтъ?
Лишь безумецъ зажигаетъ
Свѣчку тамъ, гдѣ Фебъ сіяетъ.
Бѣдной чижикъ не дерзнетъ
Пѣть гремящей Зевса славы:
Онъ любовь одну поетъ;
Съ нею въ рощицѣ живетъ.

Блескъ Россійскія Державы
Очи брѣнныя слѣпятъ:
Тамъ на первомъ въ свѣтѣ тронѣ,
Въ лучезарнѣйшей коронѣ
Мать отечества сидитъ,
Правитъ царствъ земныхъ судьбами,
Правитъ міромъ и сердцами,
Скиптромъ щастіе даритъ,
Взоромъ бури укрощаетъ,
Словомъ милость изливаетъ
И улыбкой все живитъ.
Что Богинѣ наши Оды?
Что Великой пѣснь моя?

Ей пѣвцы — Ея народы,
Похвала — дѣла Ея;
Имъ дивяся, умолкаю
И хвалить позабываю.

г. 1793.

=

КЪ НЕЙ.

—

Тебѣ ли думать, другъ безцѣнный,
Что есть измѣнники въ любви?
Огонь, тобою воспаленный,
Погаснетъ ли когда въ крови?
Погаснетъ съ жизнію, не прежде!

И мнѣ ль непостояннымъ быть?
Мнѣ ль порхать бабочкой, въ надеждѣ
Другую болѣе любить?
Я всѣхъ невѣрныхъ презираю,
И съ ними нашъ холодной вѣкъ.
Какъ можетъ въ жизни человѣкъ
Два раза быть влюбленъ, не знаю:
Не станетъ сердца, милой другъ,
И сила въ чувствахъ ослабѣетъ.
Однажды роза въ годъ алѣетъ,
Однажды красится ей лугъ;
Однажды любимъ всей душою —

Чтобъ счастье райское вкусить,
Или глаза навѣкъ закрыть
Со вздохомъ горести, съ тоскою!

г. 1794.

ДВА ПЬСНИ.

I.

Мы желали — и свершилось!...
Лиза! Небо любить насъ.
Постоянство наградило съ:
Ты моя! — Блаженный часъ!

Быть счастливейшимъ супругомъ,
Быть любимымъ и любить,
Быть любовникомъ и другомъ...
Ахъ! я радъ на свѣтъ жить!

Радъ терпѣть, чего не можно
Въ здѣшней жизни избѣгать;
Радъ и плакать, если должно
Смертнымъ слезы проливать.

Нѣжность горе улаждаетъ;
Дружба милою рукой
Слезъ потокитираетъ
И вселяетъ въ грудь покой.

Будь единственнымъ предметомъ
Страсти сердца моего!
Я навѣкъ простился съ свѣтомъ;
Мнѣ наскучилъ шумъ его.

Пусть Прелесты тамъ сіяютъ
Блескомъ хитростей своихъ;
Пусть онѣ другихъ прельщаютъ;
Пусть другіе любятъ ихъ!

Было время заблужденій;
Я какъ бабочка леталъ
Вкругъ блестящихъ привидѣній —
Сердца въ мраморѣ искалъ!

Сонъ исчезъ — и я увидѣлъ,
Что игрушкой хитрыхъ былъ;
Всѣхъ Прелесть возненавидѣлъ,
И невинность полюбилъ.

Ты одна любви достойна;
Я нашелъ, чего искалъ,
И душа моя спокойна.
Все сбылось, чего желалъ!

Свѣтъ забудетъ насъ съ тобою!
Что намъ нужды, Лиза, въ немъ?
Мы съ любовію одною
Вѣкъ безъ скуки проживемъ.

Н.

Доволенъ я судьбою,
И милою богатъ.
О Лиза! кто съ тобою
И бѣдности не радъ?

Съ тобою жизни бремя
Меня не тяготитъ;
Съ тобою, другъ мой, время
Какъ молнія летитъ.

Не зная, что есть слава,
Я славлю жребій свой.
Труды съ тобой забава;
Въ твоихъ глазахъ покой.

Ты взглянешь — забываю
Суровость мрачныхъ дней;
Въ болѣзняхъ оживаю
Улыбкою твоей.

Когда ты скажешь: милой!
Проходить грусть моя, —
Свѣтлѣетъ взоръ унылой, —
Спокоенъ, весель я!

Тотъ бѣденъ, кто въ семь мѣрѣ
Живетъ лишь для себя.
Я былъ бы и въ порфирѣ
Нешастливъ безъ тебя.

Но естъли рокъ ужасной
Нась, Лиза, разлучить?
Что буду я несчастной?...
Сырой землей покрыть!

Двѣ горлицы покажутъ
Тебѣ мой хладный прахъ;
Воркуя тонно, скажутъ:
Онъ умеръ во слезахъ!

ПРИПИСАНИЕ ЖЪ Г-ЖЪ И.

КОТОРАЯ ЖЕЛАЛА, ЧТОБЪ Я СПИСАЛЪ ДЛЯ НЕЕ СМ

ДВА ПЬСНИ.

Невольникъ въ тягостныхъ цѣпяхъ
О волѣ милой помышляетъ,
Старикъ о юныхъ, красныхъ дняхъ;
Томимый жаждой, вспоминаетъ
О свѣтлыхъ, ясныхъ ручейкахъ.
А я чѣмъ сердце занимаю?
О щастливой любви мечтаю!

СОЛОВЕЙ, ГАЛОКЪ И ВОРОНЫ.

ВАСНЯ.

Прошедшею весною,
Вечернею зарёю
Въ лѣсочкѣ семъ пѣвалъ любезный соловей.
Пришла опять весна: гдѣ другъ души моей?
Ахъ, нѣтъ его! Зачѣмъ онъ скрылся? —
За чѣмъ? въ лѣсочкѣ поселился
Хоръ галокъ и воронъ. Онѣ и день и ночь
Кричатъ, усталости не знаютъ,
И слухъ людей (увы!) безжалостно терзаютъ!
Чтожь дѣлать соловью? — Летѣть подалѣ прочь!
Жестокіе враги и прозой и стихами!
Какому соловью пѣть можно вмѣстѣ съ вами?

г. 1793.

ПРОЩАНІЕ.

Ударилъ часъ — друзья, простите!
Иду — куда, вы знать хотите?
Въ страну покойниковъ — за чѣмъ? —
Спросить тамъ, для чего мы здѣсь, друзья, жи-
вемъ!

г. 1796.

КЪ САМОМУ СЕБѢ.

Прости, надежда!... и навѣкъ!...
Исчезло все, что сердцу льстило,
Душѣ моей казалось мило;
Исчезло! Слабой человѣкъ!
Что хочешь дѣлать?... обливаться
Рѣкою горькихъ, тщетныхъ слезъ?...
Стенать во прахъ и терзаться?...
Что пользы?... Рока и Небесъ
Не тронешь ты своей тоскою,
И будешь жалокъ лишь себѣ!
Нѣтъ, лучше докажи судьбѣ,
Что можешь быть великъ душою,
Спокоенъ, вопреки всему.
Чего робѣть? ты самъ съ собою!
Прибѣгни къ сердцу своему:
Оно твой другъ, твоя отрада,
За всѣ несчастія награда —
Еще ты въ свѣтѣ не одинъ! —
Еще ты міра гражданинъ!...
Смотри, какъ солнце надъ тобою
Сіяетъ славой, красотою;
Какъ ясенъ, чистъ небесный сводъ;
Какъ мирно, тихо все въ Природѣ!
Зефиръ струитъ зеркало водъ,
И птички въ радостной свободѣ
Поютъ: «будь веселъ, улыбнись!»

Поютъ тебѣ согласнымъ хоромъ.
А ты стоишь съ унылымъ взоромъ,
Съ душею мрачной?... Ободришь,
И вспомни, что бывалъ ты прежде,
Какъ мудрымъ въ чувствахъ подражалъ,
Сократа сердцемъ обожалъ,
Съ Катонемъ смерть любилъ, въ надеждѣ
Носить безсмертія вѣнецъ.
Житейскихъ радостей конецъ
Да будетъ для тебя началомъ
Геройской твердости въ душѣ!
Язвимый лютыхъ бѣдствій жаломъ,
Забвенный въ темномъ шалашѣ
Всѣмъ свѣтомъ, ложными друзьями,
Умѣй спокойными очами
На міръ обманчивый взирать,
Нещастье съ щастьемъ презирать!

Я столько лѣтъ мечтой плѣнялся,
Хотѣлъ блаженства, восхищался!...
Въ минуту все покрылось тьмой,
И я остался лишь съ тоской!

Такъ вѣкій зодчій, созидая
Огромный, велелѣпный храмъ
На диво будущимъ вѣкамъ,
Гордился духомъ, помышляя
О славѣ дѣла своего;
Но вдругъ огромный храмъ трясется,
Падеть.... упалъ.... и нѣтъ его!...
Чтожь бѣдный зодчій? онъ клянется

Не строить впредь, безопасно жить — —
А я клянуся.... не любить!

г. 1795.

П Ъ С Н Я.

Нѣтъ, полно, полно! впредь не буду
Себя пустой надеждой льстить,
И васъ, красавицы, забуду.
Нѣтъ, нѣтъ! что прибыли любить?

Любилъ я рѣзвую Плѣниру,
Любилъ веселую Темиру,
Любилъ и сердцемъ и душой.
Онѣ шутили, улыбались,
Моею страстью забавлялись;
А я — я слезы лилъ рѣкой!

Нѣтъ, полно, полно! впредь не буду
Себя пустой надеждой льстить,
И васъ, красавицы, забуду.
Нѣтъ, нѣтъ! что прибыли любить?

Мнѣ горы золота сулили;
Надѣйся! взоромъ говорили.
Пришло къ развязкѣ, наконецъ....
И чтожь? мнѣ двери указали!
Учись знать шутку, другъ! сказали —
Онѣ смѣются!... я глупецъ!

Соч. Карамз. Т. I.

Нѣтъ, полно, полно! впередь не буду
Себя пустой надеждой лѣстить,
И васъ, красавицы, забуду.
Нѣтъ, нѣтъ! что прибыли любить?

Тотъ вѣкъ несчастливъ будетъ съ нами,
Кто любить прямо, не словами.
Вамъ мило головы кружить,
Играть невинными сердцами,
Дарить насъ рабствомъ и цѣпями,
И только для тщеславья жить.

Нѣтъ, полно, полно! впередь не буду
Себя пустой надеждой лѣстить,
И васъ, красавицы, забуду.
Нѣтъ, нѣтъ! что прибыли любить?

Ахъ! лучше по лѣсамъ скитаться,
Съ Лапландцами въ снѣгу валяться
И плавать въ лодкѣ по морямъ,
Чѣмъ быть плаксивымъ Селадомомъ,
Твердить увы печальнымъ тономъ,
И вѣкъ служить потѣхой вамъ!

Нѣтъ, полно, полно! впередь не буду
Себя пустой надеждой лѣстить,
И васъ, красавицы, забуду.
Нѣтъ, нѣтъ! что прибыли любить?

ВРЕМЯ.

ПОДРАЖАНІЕ.

—
Всѣ вещи разрушаетъ время,
И мрачной скукой насъ томить;
Оно какъ тягостное бремя
У смертныхъ на плечахъ лежитъ.
Намъ, право, согласиться должно
Ему такимъ же зломъ платить,
И дѣлать все, чѣмъ только можно
Его скорѣе погубить.

—

КЪ ПОРТРЕТУ

**ЕЯ ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА ГОСУДА
ИМПЕРАТРИЦЫ**

ЕЛИСАВЕТЫ АЛЕКСѢВНЫ

—
Корона на главѣ, а въ сердцѣ добродѣтели
Душей плѣняетъ умъ, умомъ душъ мила
Въ благотвореніяхъ ЕЯ только Богъ свѣтъ
Хвалима.... но предъ НЕЙ безмолвствуетъ

г. 1819.

—

ЖЕВРОБИ
ГОСУДАРЫНЪ ИМПЕРАТРИЦЪ

МАРИИ ФЕОДОРОВНЪ.

ВЪ ДЕНЬ ЕЯ РОЖДЕНИЯ.

Живи, Монархиня, ко щастію людей!
Для суетныхъ забавъ жизнь наша скоротечна:
Для добродѣтели всегда есть время въ ней.
Добромъ безсмертна ТЫ: такъ будь же долго-
вѣчна!

г. 1820.

КЪ МЕЛОДОРУ.

ВЪ ОТВѢТЪ НА ЕГО ПѢСНЬ ЛЮБВИ.

Когда блѣднѣетъ все въ подлунномъ мрачномъ
мірѣ,
И жертвы плаваютъ въ дымящейся крови *,
Тогда, о Мелодоръ! на кроткой, вѣжной лирѣ
Играя, ты поѣшь о сладостяхъ любви?

* Тогда была война.

Умолкни, милой другъ!... Кто будетъ наслаж-
даться
Гармоніей твоей? кто ею восхищаться?
Но вѣтъ! играй и пой, любезнѣйшій Орфей!
Поеть и въ страшный громъ на миртахъ соло-
вей! *

г. 1795.

=

Х л о я.

Пусть свѣтъ злословный утверждаетъ,
Что въ Хлоѣ постоянства нѣтъ;
Что Хлоя всякой день мѣняетъ
Любви своей предметъ!
Не правда: Хлоя обожаетъ
Всегда одинъ предметъ;
Его всему предпочитаетъ —
«Кого же? вѣрно не тебя?»
Ахъ, нѣтъ!... себя!

г. 1795.

=

* Сии стихи писаны во время грому — и въ самую ту минуту пѣлъ соловей.

Л И Л Е Я.

Я вижу тамъ лилею.
Ахъ! какъ она бѣла,
Прекрасна и мила!
Душа моя плѣнилась ею.
Хочу ее сорвать,
Держать въ рукахъ и цѣловать; —
Хочу — но рокъ меня съ лилеей различаетъ:
Ахъ! бездна между насъ зияетъ!...
Тоска терзаетъ грудь мою;
Стою печально, слезы лью.
Взираю издали на нѣжную лилею —
Она сотворена быть, кажется, моею,
И тихой вѣтерокъ
Ко мнѣ склоняетъ стебелѣкъ
Ея зеленой, изумрудной;
Ко мнѣ же обращенъ и бѣленькой цвѣтокъ,
Головка снѣжная, ко мнѣ... но рокъ
(Жестокой, безразсудной!)
Сказалъ: «она не для тебя!»
Увянетъ не съ твоей слезою;
Другой сорветъ ее холодною рукою;
А ты... смотри, терзай себя!»

О Лиза! я съ тобою
Душею дѣлиться сотворенъ,
Но бездной разлученъ!

г. 1796.

ГЕКТОРЪ И АНДРОМАХА.

ПЕРЕВОДЪ ИЗЪ ШЕСТОЙ КНИГИ ИЛИАДЫ.

(Во время сраженія Троянъ съ Греками, Гекторъ у воротъ городскихъ прощается съ Андромахою; подѣе не стоитъ коринѣца, держа на рукахъ маленькаго сына ихъ. Сія сцена изображена на многихъ картинахъ и эстампахъ.)

Безмолвствуя, Герой на милую взираетъ,
И къ сердцу нѣжному супругу прижимаетъ;
Тоска въ ея душѣ, уныніе и страхъ.
«О Гекторъ!» — говоритъ печальная въ слезахъ —
«Ты хочешь умереть! оставить сиротою
«Младенца бѣднаго, меня навѣкъ вдовою!
«Ахъ! можно ль жить тому, кто жизни не щадить?
«Геройство, храбрый духъ тебѣ не защититъ.
«Враги безчисленны: тебѣ погибнуть должно!...
«О боги! естли вамъ спасти его не можно,
«Пусть прежде я навѣкъ сомкну глаза свои!
«Въ печали, въ горести возникли дни мои:
«Въ печали, въ горести имъ должно и скончаться!

«Почто мнѣ въ свѣтѣ жить? кѣмъ буду утѣшаться?»

«Всѣ ближніе мои въ сырой землѣ лежатъ.

«Озлобленный Ахиллъ разрушилъ славный градъ,

«Гдѣ царствовалъ нашъ родъ; убійственной рукою

«Лишивъ меня отца, Ахиллъ почтилъ слезою —

«Его пустынный гробъ, надъ коимъ царскій щитъ,

«Блестящее копьё и шлемъ съ мечемъ виситъ;

«Гдѣ тлѣетъ прахъ его подъ тѣнью древъ священныхъ,

«Руками Ореадъ въ семь мѣстѣ насажденныхъ.

«И братія мои въ невинности своей

«Погибли на зарѣ цвѣтущихъ, юныхъ дней.

«Зеленые луга ихъ кровью обагрились,

«Гдѣ съ агнцами они играя веселились.

«Смерть въ младости страшна! Осталась мать моя;

«Но строгій, тяжкій плѣнъ былъ жребіемъ ея;

«Когда же наконецъ въ отчизну возвратилась,

«Отъ горести и слезъ въ міръ тѣней преселилась.

«Но я не сирота, пока супругъ мой живъ;

«И съ Гекторомъ судьбу мою соединивъ,

«Родителей, друзей и братій въ немъ имѣю.

«Въ тебѣ они живутъ: ты смертію своею

«Ихъ снова умертвишь. — Ахъ! сжался надо мною...

«Надъ бѣднымъ, плачущимъ, безмолвнымъ сиротой!

«Сей день ужасенъ мнѣ: останься, Гекторъ, съ нами!

«Пусть войны твои сражаются съ врагами;
«Но ты останься здѣсь и городъ защищай.
«Смотри, какъ вождь Атридъ, какъ храбрый Ме-
недай,
«Аяксъ, Идомей, Ахейскіе Герои,
«Стремятся дерзостно къ вратамъ священной Трои!
«Будь стражемъ нашихъ стѣнъ; супругу успокой!»

«Что скажутъ обо мнѣ (отвѣтствуетъ Герой)
Фригійскіе сыны и дщери Иліона,
Когда укроюсь здѣсь? Не я ль защитникъ трона
Родителей моихъ? — Кто съ самыхъ юныхъ дней
Учился не робѣть сверкающихъ мечей;
Кто въ битвахъ возмужалъ, и дышетъ только
славой,
Тому опасности всѣ должны быть забавой.
Сіянье дѣлъ моихъ затмится ль нынѣ вдругъ?...
Погибнетъ не въ стѣнахъ, но въ полѣ твой су-
пругъ.
Увы! настанетъ день, предсказанный Судьбою,
Настанетъ въ ужасѣ, и въ прахъ низвергнетъ
Трою!...
Падетъ, разрушится священный Иліонъ!
Падетъ, разрушится Пріамовъ свѣтлый тронъ!
Падутъ его сыны!... Фригійская держава
Исчезнетъ какъ мечта — умолкнетъ наша слава!...
Но что душѣ моей ужаснѣе всего?
Не гибель Фригии и рода моего,
Не жалостная смерть родителей почтенныхъ,
И братій, въ юности цвѣтущей убиенныхъ,
Но участь слезная супруги моей...

Стенаніе, тоска неволи твоея
Въ отечествѣ враговъ!... Тамъ гордый побѣди-
тель,
Троянскихъ древнихъ стѣнъ свирѣпый сокруши-
тель,
Захочетъ при тебѣ сей подвигъ величать,
Чтобъ горестью твоей свой злобный духъ питать;
Велитъ тебѣ идти съ фіалюю златою
На Гиперійскій ключъ, за нѣбистой водою —
И мстительный народъ, твою печаль любя,
Съ коварной радостью тамъ спроситъ у тебя:
«Супругу ль Гектора мы видимъ предъ собою?»
Ты тяжко воздохнешь, и слезною рѣкою
Омоешь грудь свою!... Но прежде боги маѣ
Откроютъ путь во гробъ. Въ глубокомъ, вѣчномъ
снѣ
Не буду зрѣть, что ты, любезная, страдаешь —
Пока твой Гекторъ живъ, печали не узнаешь!»

Сказавъ сіе, Герой младенца хочетъ взять,
Чтобъ съ нѣжной ласкою прелестнаго обнять;
Но грозный шлемъ его младенца устрашаетъ:
Онъ плачетъ, и глаза рукою закрываетъ. —
Съ улыбкой Гекторъ зритъ на сына своего,
И черный, грозный шлемъ снимаетъ для него;
Беретъ любезнаго, цѣлуетъ съ восхищеньемъ,
И вверхъ его поднявъ, вѣщаетъ съ умиленьемъ:
«Премудрый царь боговъ, всесильный богъ Зѣвесь!
И вы, бессмертные властители небесъ!
Храните дни его! Подъ вашею защитой
Да будетъ онъ Герой, въ потомствѣ знаменитой;

Да будетъ Гекторомъ счастливейшихъ времени...
Украшенъ славою и храбрыми почтенъ,
Ужасенъ для враговъ, непобѣдимый воинъ!
Да скажутъ всѣ объ немъ: «сей сынъ отца до-
стоинъ,
Безсмертенъ по дѣламъ и подвигамъ своимъ!...
И сердце матери да радуется имъ!» —

Сказавъ, любезнаго младенца ей вручаетъ.
Она беретъ его и къ сердцу прижимаетъ,
Поконитъ на груди, усмѣшкой веселитъ.
Но нѣжная слеза въ очахъ ея блеститъ;
Трепещетъ грудь ея, волнуется отъ страха. —
Со вздохомъ Гекторъ ей вѣщаетъ: «Андромаха!
«Ты плачешь?... Ахъ! почто безвременно стра-
дать?
«Не властенъ у меня врагъ злобный жизнь отнять,
«Доколѣ я хранимъ державными богами.
«Назначенъ всѣмъ предѣлъ небесными Судьбами,
«И рано ль, поздно ли скончается нашъ вѣкъ;
«Неустрашимый вождь и робкій человекъ —
«Со славой или стыдомъ — низыдетъ въ гробъ
безмолвно,
«Оставя милыхъ, всѣхъ родныхъ, друзей... Но
полно!
«Поди, любезная! и дома скорбь разсѣй
«Трудами-нѣжныхъ рукъ. Гласъ трубный, стукъ
мечей
«Зоветь меня на брань. Тому, кто всѣхъ славнѣе,
«Быть должно впереди, — быть тамъ, гдѣ врагъ
сильнѣе.»

Герой въ послѣдній разъ на милую воззрѣлъ,
Обтеръ ея слезу... и грозный шлемъ надѣлъ.
Супруга нѣжная должна повиноваться —
Идетъ въ свой тихій домъ слезами обливаться —
Взираетъ издали на друга своего —
Взираетъ.... но уже вдали не зрить его!
Вздохнувъ, спѣшитъ она въ чертогъ уединенный,
Древями мрачными печально оѣбренный.
Тамъ въ горести своей желаетъ умереть;
Предчувствуя ударъ, оплакиваетъ смерть
Супруга своего; зритъ въ мысляхъ предъ собою
Его кровавый трупъ, несомый тихо въ Трою
На Греческихъ щитахъ... И солнце для нее
Утратило на вѣкъ сіяніе свое.

г. 1795

=

ПОСЛАНИЕ КЪ ЖЕНЩИНАМЪ.

The gen'rous God, who wit ad gold resines, *
And ripens spirits as he ripens minds,
To you gave sense good humour ad... a Poet. —

Pope.

О вы, которыхъ мнѣ любезна благосклонность,
Любезнѣе всего! которымъ съ юныхъ лѣтъ
Я въ жертву приносивъ, чего дороже нѣтъ:

* То есть, Фебъ или Аполлонъ.

Спокойствіе и вольность; —
Которыхъ милые глаза,
Улыбка и слеза
Законъ въ душѣ моей писали,
И мною такъ играли,
Какъ рѣзвый вѣтерокъ перомъ,
Тогда еще какъ я гонялся
За пестрымъ мотылькомъ,
Считалъ себя богатырёмъ,
Когда на дерево взбирался
За пташкинымъ гнѣздомъ . . .
(И все лишь для того, чтобъ милой, нѣжной *Розь*,
Красоткѣ нашего села,
Подобной въ самомъ дѣлѣ розѣ,
Подаркомъ угодить; чтобъ *Роза* мнѣ была
Обязана своей забавой)
О вы, для коихъ я хотѣлъ враговъ разить, *
Не сдѣлавшихъ мнѣ зла! хотѣлъ воинской славой
Почтеніе людей, отличность заслужить,
Чтобъ съ лавромъ на главѣ предъ вашими очами
Явиться и сказать: «Для васъ, для васъ и вами!
Возьмите лавръ, а мнѣ въ награду.... поцѣлуй!»
Для коихъ послѣ я, въ войнѣ добра не видя,
Въ чиновныхъ гордецахъ чины возненавидя,
Вложилъ свой мечъ въ ножны («Россія торже-
ствуй,
Сказалъ я, безъ меня!») . . . и, вмѣсто острой
шпаги,

* Авторъ, будучи семнадцати лѣтъ, думалъ ѣхать въ армию.

Взялъ въ руки листъ бумаги,
Чернилицу съ перомъ,
Чтобъ быть писателемъ, творцомъ,
Для васъ, красавицы, приятнымъ;
Чтобъ слогомъ чистымъ, сердцу внятнымъ,
Оттѣнки вамъ изображать
Страстей щастливыхъ и несчастныхъ,
То кроткихъ, то ужасныхъ;
Чтобъ вы могли сказать:

«Онъ право милъ, и вѣрно переводитъ
«Все темное въ сердцахъ на ясный намъ языкъ;
«Слова для тонкихъ чувствъ находитъ!» —

О вы, въ которыхъ я привыкъ
Любить себя, Природу
И все, что смертныхъ роду
Въ предметъ любви дано!

Я къ вамъ хочу писать посланіе стихами.

Дамъ волю сердцу: пусть оно
Съ своими милыми друзьями
Что хочетъ, говоритъ!

Не нужно думать мнѣ: слова текутъ рѣкою
Въ бесѣдѣ съ тѣмъ, кого мы любимъ всей душою.

Любовь стихи животворятъ,
И старому даетъ видъ новой.

Скажу вамъ, милыя — и чѣмъ другимъ начать? —

Что вы родитесь свѣтъ подлунный украшать,
Который бы безъ васъ въ угрюмости суровой

Былъ самой мрачной свѣтъ.

Несчастный Мизогинъ * въ Сибири ввѣкъ живетъ:

* То есть, ненавистникъ женскаго пола.

Напрасно Фебъ надъ нимъ въ величїи сіяетъ —

Душа его отъ хлада умираетъ.

Къ сердцамъ и къ щастїю Судьбой вамъ отданъ
ключъ;

У васъ въ очахъ блещитъ небесный, тихій лучъ,
Который показать намъ долженъ путь къ бла-
женству,

Добру и совершенству.

Другимъ путемъ къ тому вовѣки не дойдемъ.

Три страсти правятъ свѣтомъ:

Одна имѣетъ *честь* предметомъ,

Другая *золото*, а третьею живемъ

Для вашихъ милыхъ глазъ. Ахъ! первая доводитъ
Людей до страшныхъ бѣдъ, злодѣевъ производитъ,

Жестокихъ, мрачныхъ Силъ

И яростныхъ Аттилъ.

Тамъ льется кровь рѣкой, здѣсь градъ въ огнѣ
пылаетъ —

На что? . . . Герой * жагаетъ

Сказать: «я побѣдилъ»

«И честь безсмертія геройствомъ заслужилъ!»

Но дни побѣдами считая,

Пусть скажетъ, много ли минутъ блаженныхъ
счелъ

Онъ въ жизни для себя? и лавромъ *оспѣня*

* То есть, ложной Герой, Аттила и подобные ему. Истинные Герои сражаются для пользы своего отечества. — Здѣсь Авторъ представляетъ *гестолобіе* только съ худой стороны: о хорошей — молчать.

Надменное чело, не часто ли хотѣлъ
Укрыться въ сѣнь лѣсовъ, чтобъ жертвъ, его руб-

Сраженныхъ не видать,
Ихъ вопля не слышать?

Путь славы не ведетъ къ сердечному покою;
Мы зримъ на немъ довольно розъ,
Но больше терній, больше слезъ.
Ахъ! счастье любить миръ, отъ шума убѣгаетъ:
Таковъ Небесъ уставъ!

Кто жъ въ златѣ душу полагаетъ,
Тотъ, всѣ сокровища собравъ,
Еще души не обрѣтаетъ
Ни въ златѣ, ни . . . въ самомъ себѣ!
Всегда какъ червь ползетъ во прахѣ;
Всегда живетъ въ ужасномъ страхѣ,
Чтобъ вдругъ не вздумалось Судьбѣ
Лишить его сокровищъ милыхъ;
Тантся какъ сова въ тѣни ночей унылыхъ,
Бояся, чтобы Фебъ его не освѣтилъ
И золота въ мѣшкахъ лучемъ не растопилъ.
Трепещетъ листъ, и сердце въ немъ трепе-
щеть . . .

«Конечно воръ ко мнѣ идетъ!» . . .

Гдѣ искра въ воздухѣ сверкнетъ,
Тамъ, кажется ему, кинжалъ убійцы блещетъ —
И сей безумный человекъ
Съ тоскою на часахъ проводитъ весь свой вѣкъ.

Но кто плѣнится вами,
Любезныя мои, какъ милъ бываетъ тотъ,
Какъ нѣженъ сердцемъ, добръ дѣлами!
Природа для него есть зрѣлище красотъ.
Не ищетъ рая онъ въ предѣлахъ, намъ безвѣ-
стныхъ,—

Вверху, за солнцемъ, выше звѣздъ;
Онъ рай нашелъ въ глазахъ прелестныхъ
Любовницы своей; и тѣхъ священныхъ мѣсть,
Гдѣ милая гуляетъ,
Гдѣ, сидя надъ ручьемъ, о другѣ помышляетъ,
Не промѣняетъ онъ на вѣчную веспу
Полей блаженныхъ, Елисейскихъ.
Онъ умеръ — для суетъ житейскихъ;
Живетъ—лишь для любви, и зритъ любовь одну
Во всемъ твореніи обширномъ;
Бѣжитъ отъ скуки городской,
Чтобъ въ сельскомъ кровѣ мирномъ
Питать въ груди своей чувствительность, покой.
Гдѣ тихо горлицы воркуютъ,
Другъ друга съ нѣжностью милоютъ,
И гнѣздышко себѣ на юныхъ миртахъ вьютъ;
Гдѣ двѣ малиновки поютъ;
Гдѣ всѣ богатства Флоры
Сіяютъ на лугахъ,
Какъ пурпуръ, золото Авроры
Въ часъ утренній блещутъ на тонкихъ облакахъ:
Тамъ онъ, подъ сѣнью дровъ душистыхъ,
Тамъ онъ, подъ шумомъ водъ серебристыхъ,
Съ любезною своей въ восторгъ дни ведетъ,
И только лишь отъ нѣжныхъ чувствъ вздыхаетъ,

И только лишь отъ счастья слезы леть.
Вкушая радости, онъ радость сообщаетъ
Всему вокругъ себя: приблизится ль къ нему
Печальный во слезахъ? онъ слезы осушаетъ —
Убогой ли придетъ? онъ все даетъ ему,
Желая, чтобъ весь міръ съ нимъ вѣсть наслаж-
дался,

Любился, восхищался

Велите мнѣ избрать подсолнечной царя:
Кого я выберу, усердіемъ горя
Ко счастью людей? Того, кто всѣхъ ибже,
Того, кто всѣхъ страстибъ
Умѣетъ васъ любить — и свѣтъ бы счастливъ
былъ!

Ахъ! самой лютой воинъ,
Который ввѣкъ на ратномъ полѣ жилъ,
(И жизни былъ едвадь достоинъ!)
Смягчается душой, восчувствовавъ любовь;
Услышавъ имя той, которою пылаетъ,
Щадить враговъ сраженныхъ кровь,
И мечъ подъятый . . . опускаетъ,
Не рѣдко и скупецъ, чтобъ милой угодить,
Пріятный взоръ ея, улыбку заслужить,
Бываетъ сирыхъ другъ и нищихъ благодѣтель.

Вотъ дѣйствіе любви — вотъ ваша добродѣтель!
Пусть строгій мужъ Зенонъ въ угрюмости своей
Кричитъ, что должно жить намъ въ свѣтѣ безъ
страстей,

Людьми лишь называться,
Но камнемъ въ сердца бытъ:

Учению сему въ архивахъ оставаться,
 Въ сердца жь вовѣки не входить;
 Природа, истина его не освятили
 Печатию своей. Сей разумъ, коимъ насъ
 Судьбы благія одарилъ,
 О новомъ мудрецы твердятъ намъ всякой часъ,
 Не есть ли тщетный даръ безъ склонностей сер-
 дечныхъ?

Онѣ-то движуть насъ; безъ нихъ и умъ молчить.
 Погибель ждетъ пловцевъ безпечныхъ,
 Когда ихъ кормщикъ въ бурю спитъ;
 Но кормщику не можно
 Безъ вѣтра моремъ плыть. Уму лишь править
 должно

Кормиломъ жизни сей:

Насъ по морю несеть шумящій вѣтръ страстей...
 Блажедъ, кто съ вѣющимъ Зефиромъ,
 Съ любовью въ сердцѣ и въ очахъ,
 Летитъ на парусныхъ крылахъ
 Къ щастливой пристани, гдѣ съ миромъ
 Насъ Теней тихой смерти ждетъ!

«Но часто страсть любви насъ къ горестямъ ве-
 детъ!»

Не часто, — иногда: такъ тихая лампада,
 Во тьмѣ для мудраго отрада,
 Бываетъ пагубна для рѣзныхъ мотыльковъ;
 Уже ли для того во мракъ вечеровъ
 Сидѣть намъ безъ огня? О бабочкѣ вздыхаю,
 Но свѣчку снова зажигаю.

Злощастный Вертеръ не законъ;
 Тамъ гробъ его: глаза рукою закрываю ...

Но здѣсь цвѣтами осыпаю
Тѣму брачныхъ олтарей, гдѣ рѣзвый Купидонъ
И скромный Гименей навѣкъ соединяють
Любовниковъ сердца,
И чашу жизни ихъ блаженствомъ наполняютъ.

Но за одну ли страсть достойны вы вѣнца?
Вамъ юная душа поручена Судьбою;
Младенецъ съ первою слезою
Вамъ, милья, себя въ науку отдаетъ;
Съ улыбкой, чувствомъ оживленной,
Отъ васъ онъ первыхъ мыслей ждетъ.
Сей цвѣтъ одушевленной
Лишь вашею рукой быть можетъ возвращенъ,
Отъ хлада, бури сохраненъ.
Съ любовью матери онъ мило расцвѣтаетъ;
Изъ глазъ ея въ себя лучъ кротости вливаетъ,
И зрѣтъ нѣжною душой.

Ахъ! я не зналъ тебя!... ты, давъ мнѣ жизнь,
сокрылась!

Среди весеннихъ ясныхъ дней
Въ жилище мрака преселилась!
Я въ первый жизни часъ наказанъ былъ Судьбой!
Не могъ тебя ласкать, ласкаемъ быть тобой!
Другіе на колѣняхъ
Любезныхъ матерей въ веселіи цвѣли,
А я въ печальныхъ тѣняхъ
Рѣкою слезы лилъ на мохъ сырой земли,
На мохъ твоей могилы!...
Но образъ твой священный, милый

Въ груди моей напечатлѣвъ,
И съ чувствомъ въ ней соединенъ!
Твой тихій нравъ остался мнѣ въ наследство;
Твой духъ всегда со мной.
Невидимой рукой.

Хранила ты мое безопытное дѣтство;
Ты въ лѣтахъ юности меня къ добру влекла,
И совѣстью моею въ часъ слабостей была.
Я часто тѣнь твою съ любовью обнимаю,
И въ вѣчности тебя узнаю !...

Простите мнѣ, что я о мертвой вспоминаю,
И съ горестью вздохнулъ!
Подобно какъ въ саду, гдѣ роза съ пѣжнымъ кри-

номъ,
Нарцисъ и анемонъ, аврикула съ ясниномъ,
И тысячи цвѣтовъ

Пестрѣютъ на берегу кристалльныхъ ручейковъ,
Не знаешь, что хвалить, надъ чѣмъ остановиться,
На что сморгать, чему дивиться:

Такъ я теряюсь въ красотахъ
Прелестныхъ вашихъ душъ — Хвалить ли въ васъ
то чувство,
Которымъ истину находите въ вещахъ *
Скорѣе всѣхъ мушницъ? Намъ надобно искусство,

* Я нѣсколько разъ имѣлъ случай удивляться *остро-*
му понятію женщинъ, которое Лафатеръ называетъ *чув-*
ствомъ истины. Мушцина десять разъ перемѣняетъ мы-
сли свои; женщина остается при первомъ чувствѣ, —
и рѣдко обманывается.

Трудитесь разумомъ, работать, размышлять,
Чтобъ истину сыскать;
Для насъ она живетъ въ лѣсахъ, въ вертепахъ
темныхъ

И въ кладезяхъ подземныхъ :

Для васъ же птичкою летаетъ на лугахъ;
Махнете ей, — и вдругъ она у васъ въ рукахъ....
Скажите, отъ чего мудрецъ Сократъ мнилъ
Всѣхъ прочихъ мудрецовъ? ученіе его
Пріятнѣе другихъ, пріятнѣе, сильнѣе
Насъ къ мудрости влечетъ? Я знаю — отъ того,
Что Грацій онъ любилъ, съ Аспазіей былъ дру-
жень.

Философу совѣтъ вашъ нуженъ,
Чтобъ умъ людей плѣнить, подобно какъ *сердца*
Умѣете плѣнять. Любезность мудреца
Должна быть истинѣ приправой;

Иначе скученъ намъ и самый разумъ здоровой —
Любезность же сія есть вашъ безцѣнный даръ.

Хвалить ли въ васъ тотъ жаръ,
Съ которымъ вы всегда добро творить готовы?

Вамъ милы бѣдныхъ крови;
Для васъ они священный храмъ,
Гдѣ добродѣтели небесной
Рукою вашею прелестной
Курится олимпамъ.

У васъ учиться должно намъ,
Какъ ближнему служить. Я видѣлъ жёнъ прекра-
сныхъ,

Которыхъ юный вѣкъ тому лишь посвященъ,

Чтобъ мунн утолять несчастныхъ *;
Всечасно взоръ ихъ устремленъ
На то, что душу возмущаетъ:
На скорбь, страданіе и смерть!

Съ какою кротостію ихъ голосъ увѣщаетъ
Болищихъ не роптать на Бога, но терпѣть!
Колѣна преклонивъ, одна у Неба проситъ
Имъ здравія, или... спокойнаго конца;
Другая питіе цѣлебное разноситъ,
И ласкою живить тоскующихъ сердца.

Своею красотою
Могли бь онѣ Царей плѣнять;
Но имъ милѣе быть съ болѣзнью, нищетою,
Чтобъ бремя ихъ сколь можно облегчать!
Я былъ тому свидѣтель,
И слезной, пламенной рекой
Излилъ восторгъ души. — Ахъ! благодѣ-
тель

Священнѣе всего являютъ образъ свой
Въ лицѣ красавицы любезной!
Хвалить ли васъ, друзья мои, за даръ полезной
Мушнѣ развеселять
Однимъ пріятнымъ взоромъ?
Безъ васъ что дѣлать намъ? Другъ друга усы-
плять
Холоднымъ, скучнымъ разговоромъ?

* Орденъ такъ называемыхъ *сестръ милосердія*, *Soeurs grises*, которыхъ въжному челоѣколюбію удивлялся я въ Ліонскихъ больницахъ.

Явитесь въ обществѣ съ усмѣшкой на устахъ,

И варуать во всѣхъ очахъ

Веселья лучь сверкнетъ; нашъ разумъ оживитъ;

Чтобъ милымъ полюбится,

Мудница самъ бываетъ миль...

Но кто бъ исчислилъ все, чѣмъ свѣту вы полез-

Чѣмъ сердцу вы любезны,

Тотъ Эйлеръ бы другой въ наукѣ числить былъ.

Довольно, что вы насъ во всемъ, во всемъ до-

Почти во всемъ умнѣ,

И будете всегда намъ въ нѣзности примѣръ,

Пусть васъ злословитъ — лицемеръ,

Который для того красавицъ порицаетъ,

Что средства нравятся красавицамъ не ацаетъ!

Скажите, что любезнѣе

И страшный Мизогинъ вдругъ будетъ... Саладинъ!

Положимъ, что найти въ васъ слабости возможно;

Но развѣ отъ того луна уже не свѣтла?

Что видимъ пятна въ ней? Ахъ, нѣтъ! она мила,

И кроткой свѣтъ ея Поэтамъ ослѣпить должно!

Луна есть образъ вашъ: ея сребристый лучъ

Тѣмъ ночи озаряетъ,

А прелесть ваша намъ отраду въ грудь вливаетъ

Среди печальныхъ жизни тучъ.

Гдѣ только люди просвѣтились,

Жить, мыслить научились,

Мушны обожаютъ васъ.

Гдѣ разумъ, чувство въ уоплени;
Гдѣ смертныхъ родъ во тмѣ невѣжества по-
грязь;

Гдѣ санъ, праза людей въ презрѣнн,
Тамъ презрѣны и вы. — О Азія, раба
Насильствъ, предразсужденій!

Когда всемошная Судба

Въ тебѣ разсвѣтъ мракъ несчастныхъ заблуде-
ній,

И нѣжный полъ отъ узъ освободитъ?

Когда познаешь ты пріятность вольной страсти?

Когда въ тебѣ любовь сердца соединитъ,

Не тяжкая рука жестокой, лютой власти?

Когда не гнусной стражъ, не крѣпость мрачныхъ
стѣнъ,

Но вѣрность красотъ хранительницей будетъ?

Когда въ любви тиранъ-мушнина позабудетъ,

Что больше женщины онъ силой надѣленъ?

Когда? когда?... Уже Дщерь Неба, Другъ Судь-
бины,

Возрѣла на тебя — орлы ЕКАТЕРИНЫ

Къ твоимъ странамъ летятъ,

И челоуѣчества любезной половиной

Такъ вольность возвѣстятъ!...

Хоръ женщинъ загремитъ: *слава и честь Божи-*
нь!

Цвѣти, о нѣжный полъ! и сыпь на насъ цвѣты!

Исчезли для меня прелестныя мечты —

Уже я не могу плѣнять васъ красотой,

Ни юностью своей: весна моя прошла,
Зрю осень предъ собою,
А осень говорятъ, скучна и не мила!
Но все еще вашъ взоръ бываетъ мнѣ отрадой,
И сладкою наградою
За то, что въ жизни я отъ злыкъ мушкетъ терпѣю;
Но все, но все еще люблю
Въ Апрельѣ рвать фиалки съ вами,
Въ жаръ лѣтній отдыхать въ тѣни надъ ручей-
ками,
Въ печальной Октябрь грустить и тосковать,
Зимой передъ огнемъ романы сочинять,
Васъ тѣшить и страшать!
Сказавъ любви: прости! я дружбою святою
Живу и жить хочу. Мнѣ рѣзвой Купидонъ
Отставку подписалъ — любовникъ съ сѣдиною
Не можетъ щастливъ быть: таковъ Судьбы за-
конъ —
Но истинныхъ друзей я въ васъ же обрѣтаю.
Нанина! десять лѣтъ тотъ день благословляю,
Когда тебя, мой другъ, увидѣлъ въ первый разъ;
Гармонія сердець соединила насъ
Въ единый мигъ навѣкъ. Что былъ я? сиротою
Въ пространномъ мѣрѣ семъ; скучалъ самимъ се-
бою,
Печальнымъ бытіемъ. Никто меня не зналъ,
Никто участія въ судьбѣ моей не бралъ.
Чувствительность въ груди питаю,
Въ сердцахъ у всѣхъ людей я камень нахождю;
Среди цвѣтущихъ дней душою увядая,
Не въ свѣтѣ, но въ пустынѣ явлюсь.

Ты дружбой, искренностью милой
Утѣшила мой духъ унылой;
Святой любовью своей
Во мнѣ нефть жизни обновила,
И въ горестной душѣ моей
Источникъ радостей открыла.
Теперь, когда я заслужилъ
Улыбку Грацій, Музъ прелестныхъ,
И гордой свѣтъ меня улыбкою почтилъ;
Не мало слышу я привѣтствій, сердцу лестныхъ,
Отъ добрыхъ, вѣжвыхъ душъ. Славнѣйшіе твор-

цы

И Фебовы друзья, бессмертные Иѣвцы,
Меня въ любви своей, въ пріязни увѣряють,
И слабый мой талантъ къ успѣхамъ ободряють.
Но знай, о вѣрный другъ! что дружбою твоей
Я болѣе всего горжуся въ жизни сей,
И хижину съ тобою,
Безвѣстность, нищету,
Чертогамъ золотымъ и славѣ предпочту.
Что истина своей рукою
Напишетъ надъ моей могилой? Онъ любилъ:
Онъ мужской женщины нѣжнѣйшимъ другомъ
былъ!

1795 г.

=

ГРАФЪ ГВАРИНОСЪ.

ДРЕВНЯЯ ГИШПАВСКАЯ ИСТОРИЧЕСКАЯ ПѢСНЯ.

Худо, худо, ахъ Французы!
Въ Ронцевалѣ было вамъ!
Карлъ Великой тамъ лишился
Лучшихъ рыцарей своихъ.

И Гвариносъ былъ пойманъ
Многимъ множествомъ враговъ;
Адмирала вдругъ плѣнили
Семь Арабскихъ Королей.

Семь разъ жеребей бросаютъ
О Гвариносѣ Цари;
Семь разъ сряду достается
Марлотесу онъ на часть.

Марлотесу онъ дороже
Всей Аравіи большой.
«Ты послушай, что я молвлю,
О Гвариносѣ!» онъ сказалъ:

«Ради Аллы, храбрый воинъ,
Нашу вѣру пріими!
Все возьми, чего захочешь,
Что приглянется тебѣ.

«Дочерей моихъ обѣихъ
Я Гвариносу выдамъ, скажи
На любой изъ нихъ женися,
А другую зинъ возьми, онаши ввнзвдд

«Чтобъ Гвариносу служила,
Мыла, шила на него.
Всю Аравію приданымъ
Я за дочерью отдамъ.»

Тутъ Гвариносъ слово молвилъ;
Марлотесу онъ сказалъ:
«Сохрани Господь небесный
И Марія, Мать Его,

«Чтобъ Гвариносъ, Христіанинъ,
Магомету послужилъ!
Ахъ! во Франціи невѣста
Дорогая ждетъ меня!»

Марлотесь, пришедши въ ярость,
Грознымъ голосомъ сказалъ:
«Вмигъ Гвариноса окуйте,
Нечестиваго раба;

«И въ темницу преисподню
Засадите въ его.
Пусть гниетъ тамъ повенногу,
И умретъ какъ бѣдный червь!»

«Цѣпи тяжки, въ семь сотъ фунтовъ,
Возложите на него,

Отъ плеча до самой шпоры —
Страшенъ въ гнѣвѣ Марлотесь!

«А когда настанетъ праздникъ,
Пасха, Святки, Духовъ день,
Въ кровь его тогда сѣките
Предъ глазами всѣхъ людей.»

Дни проходятъ, дни приходятъ
И насталъ Ивановъ день;
Христіане и Арабы
Вмѣстѣ празднуютъ его.

Христіане сыплютъ галгантъ *;
Мирты мечетъ всякой Мавръ **.
Въ почестъ празднику заводитъ
Разны игры Марлотесь.

Онъ высоко цѣль поставилъ,
Чтобъ попастьъ въ нее копьемъ.
Всѣ свои бросаютъ копья,
Всѣ Арабы мѣтятъ въ цѣль.

Ахъ, напрасно! нѣтъ удачи!
Цѣль для слабыхъ высока.
Марлотесь велѣлъ во гнѣвѣ
Черезъ Герольда объявить:

* Индѣйское растеніе.

** Въ день Св. Іоанна Гишпанцы усыпали улицы
галгантомъ и миртами.

«Дѣтямъ груди не сосати,
А большимъ ни пить, ни ѣсть,
Естьли цѣли сей на землю
Кто изъ Мавровъ не сшибеть!»

И Гваринось шумъ услышалъ
Въ той темницѣ, гдѣ сидѣлъ.
«Мать Святая, чиста Дѣва!
Что за день такой пришелъ?»

«Не Король ли нынѣ вздумалъ
Выдать за-мужъ дочь свою?
Не меня ли съчъ жестоко
Часъ презлой теперь насталъ?»

Стражъ темничный то подслушалъ.
«О Гваринось! свадьбы вѣтъ;
Нынѣ съчъ тебя не будутъ;
Трубный звукъ не то гласитъ....»

«Нынѣ праздникъ Іоанновъ;
Всѣ Арабы въ торжествѣ.
Всѣмъ Арабамъ на забаву
Марлотесъ поставилъ цѣль.»

«Всѣ Арабы копья мечутъ,
Но не могутъ въ цѣль попасть;
По чему Король во гнѣвѣ
Черезъ Герольда объявилъ:

«Пить и ѣсть никто не можетъ,
Буде цѣли не сшибутъ.»

Тутъ Гвардиосъ астронемуси;
Слово молвилъ юнкъ ои:
«Дайте мнѣ коня и сбрую,
Съ коей Карлу я служилъ;
Дайте мнѣ копые булатно,
Конемъ я враговъ разилъ.

«Цѣль тотчасъ сшибу на землю,
Сколь она ни высока.
Естьли мнѣ я сказалъ неправду,
Жизнь моя у васъ въ рукахъ.»

«Какъ! на то тюремщикъ молвилъ:
Ты семь лѣтъ въ тюрьмѣ сидѣлъ,
Гдѣ другіе больше года
Не могли никакъ прожить;

«И ещё ты думать можешь,
Что сшибешь на землю цѣль? —
Я пойду сказать Инванту,
Что теперь ты говоришь.»

Скоро, скоро поспѣшаетъ
Стражъ темничный къ Королю;
Приближается къ Инванту,
И приноситъ вѣсть ему:

«Знай, Гвардиосъ Христианинъ,
Что въ тюрьмѣ семь лѣтъ сидитъ,
Хочетъ цѣль сшибить на землю,
Естьли дать ему коня.»

Марлотесь, сіе услышавъ,
За Гвариносомъ послалъ;
Царь не думалъ, чтобъ Гваринось
Могъ еще конемъ владѣть.

Онъ велѣлъ привести всюобрую
И копя его сыскать.
Сбруя ржавчиной покрыта,
Конь возилъ семь лѣтъ песокъ.

«Ну, ступай!» сказалъ съ насмѣшкой
Марлотесь, Арабской Царь :
«Покажи намъ, храбрый воинъ,
Какъ сильна рука твоя!»

Такъ какъ буря разъярена,
Къ цѣли мчится сей Герой;
Мечеть онъ копье булатно —
На землѣ вдругъ цѣль лежитъ.

Всѣ Арабы взволновались,
Мечутъ копя въ него;
Но Гваринось, воинъ смѣлый,
Храбро ихъ мечеть съчетъ.

Солнца свѣтъ почти затмилъ
Отъ великаго числа
Тѣхъ, которые стремились
На Гвариноса всѣ вдругъ.

Но Гваринось ихъ разсѣялъ,
И до Франціи достигъ,

Гдѣ всѣ Рыцари и Дамы
Съ честью приняли его.

1789 г.

ПОСЛѢДНІЯ СЛОВА УМИРАЮЩАГО.

Богъ далъ мнѣ свѣтъ ума: я истинны искалъ,
И видѣлъ ложь вездѣ — свѣтильникъ погашаю.
Богъ далъ мнѣ сердце: я страдалъ,
И Богу сердце возвращаю.

1795 г.

ЛЮБОВЬ И ДРУЖБА.

П О С М О Т

Любовь тогда лишь намъ полезна,
Какъ съ милой дружбою сходна;
А дружба лишь тогда любезна,
Когда съ любовію равна.

— 110 —
ПЕЧАЛЬ И РАДОСТЬ.

Съ печалью радость здѣсь едва ли не равна :
Надежда съ первую, съ другой болѣзь дана.

СТАКОМЪ ЧИСТУ АВОЛО РИНАРЪСОИ

СТРАСТИ И БЕЗСТРАСТИЕ.

Какъ бѣденъ человекъ! намъ страсти! горе, мука;
Безъ страсти жизнь не жизнь, а скука:
Люби, и слезы проливай;
Покоюсь будь, и вѣкъ зѣвай!

1795 г.

СПОРИЩЕ.

Какъ страненъ Никодимъ!
Онъ вѣчно утверждаетъ
Противное другимъ,
И умникомъ себя для спора называетъ!

1796 г.

УЛОВОВЪ ПО ВРАГАМЪ!

«Взгляните на меня; я въ двадцать лѣтъ старикъ;
Весь высохъ какъ скелеть, едва таскаю ноги;

Смотрю въ очки, пошу парикъ;
Былъ Крезомъ годъ назадъ, теперь я Иръ убогій»
— Какой же адской Духъ съ тобою такъ шу-
тиль? —

«Красавицы: увы! я страстно ихъ любилъ!»
— За чтожъ, когда онѣ тебѣ врагами были? —
«Насъ учать, чтобъ мы враговъ своихъ любили!»

1796 г.

КЪ НЕВЪРНОЙ

Разсудокъ говоритъ: «все въ мѣрѣ есть мечта!
Увы! несчастливъ тотъ, кому и сердце скажетъ:
«Все въ мѣрѣ есть мечта!»
Кому жестокий Рокъ то бынгомъ докажетъ.
Тогда увянетъ жизни цвѣтъ;
Тогда несносенъ свѣтъ;
Тогда нашъ взоръ унылый
На горестной землѣ не ищетъ ничего!
Онъ ищетъ лишь... могилы!...
Я слышалъ страшный гласъ, гласъ сердца моего,

И съ прелестью души, съ надеждою простился;
Надежда умерла: и такъ могу ли жить?

Когда любви твоей я, милая, лишился,
Могу ли что нибудь, могуль себя любить?...

Кто въ жизни испыталъ всю сладость нѣжной
страсти,

И нравился тебѣ, тотъ... жилъ и долго жилъ;

Мнѣ должно умереть: такъ Рокъ опредѣлялъ.

Ахъ! естълибъ было въ нашей власти

Вовѣки пламенно любить,

Вовѣки въ миломъ сердцѣ жить,

Никтобъ не захотѣлъ разстаться съ здѣшнимъ
свѣтомъ;

Тогда бы человекъ былъ зависти предметомъ

Для жителей небесъ. — Упрекамъ тебѣ

Скучать я не хочу: упреки бесполезны;

Насильно никогда не можемъ быть любезны.

Любви покорно все, любовь... одной Судьбѣ.

Когда отъ сердца сердце удалится,

Напрасно звать его: оно не возвратится.

Но странникъ въ горестныхъ мѣстахъ,

Въ пустыняхъ мертвой, на пескахъ,

Пріятности луговъ, долинъ воображаетъ

Черезъ кои нѣкогда онъ шелъ

«Тамъ пѣли соловьи, тамъ мила душастый цвѣтъ!»

Сей мысляю себя страдалецъ, дышу, терзаецъ,

Но всѣ несчастные о счастья говорятъ.

Имъ участь... вспоминать, счастливицу... наслед-

даться.

Я также вспомню рай, питаю въ сердцѣ адъ.

Ахъ! было время мнѣ мечтать и заблуждаться:
Я прожилъ тридцать лѣтъ; съ цвѣточка на пив-
токъ

Съ Зефирами леталъ. Киприда свой вѣнокъ

Мнѣ часто подавала;

Какъ рѣзвый вѣтерокъ рука моя играла

Со флеромъ на груди прелестнѣйшихъ Цирцей;

Армиды Тассовы, Лапсы нашихъ дней

Улыбкою любви меня къ себѣ манили,

И сердце юноши быть вѣтренымъ учили;

Но я влюблялся не любя.

Когда жь узналъ тебя;

Когда дрожащими руками

Обнявъ другъ друга, все забывъ —

Двумя горящими сердцами

Союзъ священный заключивъ —

Мы небо на землѣ вкусили,

И вѣчность въ мигъ одинъ вмѣстили:

Тогда, тогда любовь я въ первый разъ узналъ;

Ея восторгомъ изпуренной,

Лишился мыслей, чувствъ, и смерти ожидалъ,

Прелестнѣйшей, блаженной!...

Но рокъ хотѣлъ меня для горя сохранить;

За счастье должно намъ несчастіемъ платить.

Какая смертная какъ ты была любима,

Какъ ты боготворима?

Какая смертная была

И столь любезна, столь мила?

Любовь въ тебѣ пылала,

И подлѣ сердца моего

Любовь, любовь въ твоёмъ такъ сильно трепе-
тала!

Съ небесной сладостью дыханья твоего

Она лилась мнѣ въ грудь, Что слово, то блажен-
ство;

Что взоръ, то новый даръ. Я цѣлой свѣтъ забылъ,
Природу и друзей: Природы совершенство,
Друзей, себя, Творца, въ тебѣ одной любилъ.

Единый часъ разлуки

Былъ сердцу моему песноснымъ годомъ муки;

Прощаясь съ тобой,

Прощался я съ самимъ собой...

И съ чувствомъ обновленнымъ

Къ тебѣ въ объятія спѣшилъ;

Въ душевной радости рѣкою слезы лилъ;

Въ блаженствѣ трепеталъ... не смертнымъ, бо-
гомъ былъ!

И прахъ у ногъ твоихъ казался мнѣ священнымъ!

Я землю цѣловалъ,

На кою ты ступала;

Какъ Нектаръ воздухъ цилъ, которымъ ты ды-
шала...

Увы! отъ власти здѣсь никто не умиралъ,

Когда не умеръ я!... Оставить мѣръ холодный,

Который врагъ чувствительнымъ душамъ;

Обнявшись перейти въ дружокъ, гдѣ мы свободны!

Жить съ тѣмъ, что илю намъ;

Гдѣ царствуетъ любовь безъ всѣхъ предрасуж-
деній,

Безъ всѣхъ несчастныхъ заблужденій;

Гдѣ Богъ улыбкой встрѣтитъ насъ...

Ахъ! сколько, сколько разъ
О томъ въ восторгѣ мы мечтали,
И вмѣстѣ слезы проливали!...
Я былъ, я былъ любимъ тобой!

Жестокая!... увы! могло ли подозрѣнье
Мнѣ душу омрачить? Ужасною виной
Почемъ бы я тогда малѣйшее сомнѣнье;
Оплакалъ бы его. Тебѣ невѣрной быть!
Скорѣе насъ Творецъ забудетъ,
Скорѣе извергъ здѣсь покоенъ духомъ будетъ,
Чѣмъ милая души мнѣ можетъ измѣнить!
Такъ думалъ я... и чтожь? на розѣ устъ небес-
ныхъ,

На тайной красотѣ твоихъ грудей прелестныхъ
Еще горѣлъ, пылалъ мой страстный поцѣлуй,
Когда сказала ты другому: *торжествуй*:
Люблю тебя!... Еще ты рукъ не опускала,
Которыми меня лаская обнимала,
Другой, другой ужъ былъ въ объятіяхъ твоихъ...
Иль въ сердцѣ... все одно! Безъ тучи громъ ужа-
сный

Ударилъ надо мной. Въ волненьи чувствъ моихъ
Я вѣрить не хотѣлъ глазамъ своимъ, несчастный!
И думалъ на яву, что вижу все во снѣ;
Сомнѣніе тогда блаженствомъ было мнѣ —
Но ты, жестокая, холодною рукою
Завѣсу съ истины сняла!...

Ни вздохомъ, ни одной слезою
Послѣдней дани мнѣ въ любви не принесла!...
Какъ можно разлюбить, что намъ казалось мило,

Кѣмъ мы дышали здѣсь, кѣмъ наше сердце жило?

Однажды чувства истощилъ,

Гдѣ новыхъ взять для новой страсти?

Тобой оставленъ я; но ахъ! въ моей ли власти

Невѣрную забыть? Однажды полюбивъ,

Я долженъ вѣкъ любить; исчезну обожая.

Тебѣ судьба иная;

Иное сердце у тебя —

Блаженствуй! — Самый гробъ меня не утѣшаетъ;

И въ вѣчности я зрю пустыню для себя:

Я буду тамъ одинъ! Душа не умираетъ,

Душа моя и тамъ все будетъ тосковать

И тѣни милыя искать!

1796 г.

КЪ ВѢРНОЙ.

Ты мнѣ вѣрна!... тебя я снова обнимаю!...

И сердце милое твое

Опять, опять мое!

Къ твоимъ ногамъ въ восторгѣ упадаю...

Цѣлую ихъ!... Ты плачешь, милой другъ!...

Сладчайшія слова: *души моей супругъ!*

Опять изъ устъ твоихъ я въ сердце принимаю!...

Ахъ! какъ благодарить Творца!...

Все горе, всю тоску навѣкъ позабываю!...

Ты блѣдность своего лица
Показываешь мнѣ — прощаешь! Не дерзаю
Оправдывать себя:
Заставивъ мучиться тебя,
Преступникомъ я былъ. Но мнѣ казалось ясно
Нешастіе мое. И ты сама... прости...
Воспоминаніе души моей ужасно!...
Къ сей тайнѣ я тогда не могъ ключа найти *.
Теперь, теперь стыжусь, и впредь клянусь не вѣ-
рить

Ни слуху, ни глазамъ;
Не вѣрить и твоимъ словамъ,
Когда бы ты сама хотѣла разувѣрить
Меня въ любви своей. На сердце укажу,
Взгляну съ улыбкою, и съ твердостью скажу:
«Оно, мой другъ, спокойно;
«Оно тебя достойно
«Надежность — своей.
«Испытывай меня!» — Пусть прелестью твоей
«Другіе также заразятся!
Для нихъ надежды *цвѣтъ*, а мнѣ — надежды
плодъ!

Изъ нихъ пусть каждый счастья ждѣтъ:
Я буду счастьемъ наслаждаться.
Ихъ жребій: *милую любить*;
Мой жребій: *милой милымъ быть!*
Хотя при людяхъ намъ нельзя еще словами
Люблю другъ другу говорить;

* Темно; можно только догадываться.

Но страстными сердцами
Мы будемъ всякой мигъ люблю, люблю твер-
дить —

(Другимъ языкъ сей непонятея;
Но голосъ сердца сердцу вятея) —
И взоръ умилный тожъ украдкой подтвердитъ.
Снесу жестокость принужденья —
(Что дѣлать? такъ Судьба велитъ) —
Снесу въ блаженствѣ увѣренъ,
Что ты моя въ душѣ своей.

Ахъ! истинная страсть питается собою;
Восторги чувствъ не нужны ей.

Я знаю, что меня съ тобою
Жестокій Рокъ готовъ надолго разлучить;
Скажу тебѣ... *прости!* и долженъ буду скрыть
Тоску въ груди моей!... Обильными слезами
Ее не облегчу въ присутствіи другихъ;
И Ангела души дрожащими устами
Не буду цѣловать въ объятіяхъ своихъ!...
Разстаться тяжело съ сердечной половиной;
Но... я *любимъ тобой*: сей мыслию единой

Унылой мракъ душевныхъ чувствъ моихъ
Какъ солнцемъ озарится.

Разлука опытъ памъ:

Кто опыта страшится,

Тотъ вѣрно не любимъ, тотъ мало любитъ самъ;
Прямую страсть всегда разлука умножаетъ —
Такъ буря слабый огонь въ минуту погашаетъ,
Но больше силъ огню сильнѣйшему даетъ.

Когда души единственный предметъ

У насъ передъ глазами,

Мы знаемъ то одно, что весело любить;
Но чтобъ узнать всю власть его надъ нами —
Узнать, что безъ него душѣ не можно жить...
Разстанься съ нимъ!... Любовь питается слезами,
Отъ горести растетъ;
И чувство, что не лъзя преодолѣть намъ страсти,
Еще ей болѣе даетъ
Надъ сердцемъ сладкой власти.

Когда нибудь, о мильй другъ!
Судьбы жестокия смягчатся:
Два сердца, двѣ руки навѣкъ соединятся;
Любовникъ... будетъ твой супругъ.
Ахъ! станемъ жить: съ надеждой жизнь прекрасна,
Не намъ, тому она ужасна,
Кто любитъ лишь одинъ, не будучи любимъ. —
Исчезнуть для меня съ отбытіемъ твоимъ
Существенность и міръ: въ одномъ воображеніи
Я буду находить утѣхи для себя;
Далеко отъ людей, въ лѣсу, въ уединеніи,
Построю * домикъ для тебя,
Для насъ двоихъ, надъ тихою рѣкою
Забвенія всего, но только не любви;
Скажу тебѣ: «въ семъ домикъ живи
«Съ любовью, щастьемъ и со мною:
«Для прочаго умремъ. Прельщаяся тобою,
«Я прелести ни въ чемъ иномъ не нахожу.
«Тебѣ все чувства посвящаю:

* Въ мысляхъ

«Взгляну ль на что, когда на милую гляжу?
«Услышу ль что нибудь, когда тебѣ внимаю?
«Душа моя полна: я въ ней тебя вмѣщаю!
«Пусть Богъ вселенную въ пустыню превратитъ;
«Пусть будемъ въ ней мы только двое!
«Любовь ее для насъ украситъ, оживитъ.
«Что сердцу надобно? найти, любить другое;
«А я нашелъ, хочу съ нимъ вѣчность провести,
«И свѣту говорю: *прости!*»

Прелестный *домикъ* сей вдали насъ ожидаетъ;
Теперь его Судьба завѣсой покрываетъ,
Но онъ явится намъ: въ немъ буду жить съ тобой,
Или мечту сію... возьму я въ гробъ съ собой.

1796 г.

ДОЛИНА ЮСАФАТОВА,

ИЛИ

ДОЛИНА СПОКОЙСТВІЯ.

Долина, гдѣ Судьбы рукою
Хранится таинство сердець;
Гдѣ странникъ, жаждущій покою,
Его встрѣчаетъ наконецъ;

Гдѣ взоръ бываетъ вѣчно свѣтель,
И сердце дремлетъ въ тишинѣ;
Заботъ печальный вѣстникъ, пѣтель,
Не будитъ щастливыхъ во снѣ;

Молчать и громы и Борей,
Не слышенъ грозный ревъ звѣрей,
И мило-злобныя Цирцеи
Не ставятъ вѣжности сѣтей;

Гдѣ хитрый богъ, любящій слезы,
Не мечетъ кипарисныхъ стрѣлъ;
Гдѣ нѣтъ змѣи подъ цвѣтомъ розы —
Гдѣ щастья, истины предѣлъ!

Страна блаженная, святая!
Когда, когда тебя найду,
И мирный брегъ благословляя,
Корабль въ пристанище введу?

Къ тебѣ не рѣдко приближаясь,
Хочу ступить на брегъ.... но вдругъ
Съ отливомъ въ море удаляясь,
Бываю жертвой новыхъ мукъ.

Ужель во мрачности тумана
Мнѣ ввѣкъ игралцемъ служить
Шумящимъ вѣтрамъ океана,
Безъ цѣли по волнамъ кружить?

Довольно я терпѣлъ, крушился,
Гоняясь сердцемъ за мечтой;

Любилъ, надѣялся, стращился:
Ахъ! время мнѣ вкусить покой!

Навѣкъ въ груди угасни пламень!
Пусть въ ней живетъ единый хладъ!
Пусть сердце превратится въ камень!
Его чувствительность мнѣ ядъ.

Страна блаженная, святая!
Когда, когда тебя найду,
И мирный брегъ благословляя,
Корабль въ пристанище введу?

1796 г.

ЭПИГРАФИЯ.

Онъ жилъ въ семьъ мѣрѣ для того,
Чтобъ жить — не зная для чего.

СТИХИ

НА ДЕНЬ РОЖДЕНІЯ А. А. П—ой, 14 Октября.

Ты въ мрачномъ Октябрѣ родилась — не весною—
Чтобъ сътующій міръ утѣшенъ былъ тобою.

г. 1795.

• Тридцать летъ прошло въ моемъ
Тридцать летъ! * Жъ ладой
• Тридцать летъ прошло въ оубъ ствѣнъ!
въ тотъ день, какъ ты исполнилось 14 лѣтъ.

1897

Четырнадцать лѣтъ
Быть Флорой право стыдно:

Въ Апрельъ розы вѣтъ!
Четырнадцать лѣтъ

Ты лучше всѣхъ Лизетъ;
Ахъ! это имъ обидно.

Четырнадцать лѣтъ
Быть Флорой право стыдно.

1798 г.

• Жизнь жуди въ блонъ свѣтъ,
Вдохнуть я самъ себя сказалъ:
• Красой подобныхъ вѣтъ Лизетъ;
• Лизета чудо въ блонъ свѣтъ;

• Тридцать есть игрушка въ стихотворствѣ. Наблюдо, чтобъ оны состояли изъ ослии стиховъ равной игры, и на дѣи рвены; чтобъ четвертой стихъ былъ повтореніемъ перваго, а седьмой и ослиной повтореніемъ перваго и втораго.

«Умомъ зрѣла въ весеннемъ цвѣтѣ.»
Когда же злость ея увидалъ?»
«Лизета чудо въ блонъ свѣтѣ!»
Вдохнувъ я самъ себя увидѣлъ.

1796 г.

ОТВѢТЪ НА СТИХИ ОДНОЙ ДѢВУШКИ.

ВЪ ПЕРВЫХЪ ОНА КАНУТЪ ХЛОБЪ, ДРУГУ СМОМУ,
ВЕРНЕТЪ РЕ НАМЕРЕННО И ВЪЧНО, ОСТАВЛЯ ДАМЪ КУЩЬ
ДОМА ТОЛЬКО МАЛЕНЬКОМЪ УГОМЪКЪ ВЪ СЕРДЦѢ.

На первой случай возмъ доволонъ Кудддонъ;
За тѣмъ же уголокъ опаснѣо скажетъ оиъ,
Иль жонъ, какъ можетъ, помѣстится.
Но споро уголокъ его распротранится;
Дѣвицъ всеи домъ замети,
И Хлоя для себя въ домъ места не дайдеи.

1795 г.

«Умомъ зрѣла въ весеннемъ цвѣтѣ.»

Когда же злѣбѣ ея умаряетъ.

«Лизета чудо въ блѣдомъ свѣтѣ!»

Вдохнувъ я самъ себя сказавъ.

1796 г.

ОТВѢТЬ НА СТИХИ ОДНОЙ ДѢВУШКИ,

ВЪ КОТОРЫХЪ ОНА КЛЯНЕТСЯ ХЛОЯ, ДРУГУ СВОЕМУ,
ЛЮБИТЬ ЕЕ ПЛАМЕННО И ВѢЧНО, ОСТАВЛЯЯ ДЛЯ КУПИ-
ДОНА ТОЛЬКО МАЛЕНЬКОУ УГОЛОКЪ ВЪ СЕРДЦѢ.

На первой случай всѣмъ доволенъ Купидонъ;

За тѣсной уголокъ спасибо скажетъ онъ,

И въ немъ, какъ можетъ, помѣстится.

Но скоро уголокъ его распространится;

Любовь весь домъ займетъ,

И Хлоя для себя въ немъ мѣста не найдетъ.

1796 г.

ИМ-ПРОМPTУ ГРАФИНЬ Р,**

**КОТОРОЙ ВЪ ОДНОЙ СВЯТОШНОЙ ИГРЬ ДО-
СТАЛОСЬ БЫТЬ КОРОЛЕВОЮ.**

Напрасно говорятъ, что случай есть слѣпецъ:
Сю минуту онъ вручилъ тебѣ вѣнецъ,
Тебѣ, рожденной быть Царицею сердець.
Сей выборъ доказалъ, что случай не слѣпецъ.

1796 г.

ИМ-ПРОМPTУ ДВУМЪ МОЛОДЫМЪ ДАМАМЪ,

**КОТОРЫЯ ВЪ МАСКАХЪ ПОДОШЛИ КЪ АВТОРУ, И ХОТѢЛИ
УВЕРИТЬ ЕГО, ЧТО ОНЪ ИХЪ НЕ УЗНАЕТЪ.**

Ничто, ничто сокрыть Любезныхъ не могло!

На васъ и маска какъ стекло.

Прелестные глаза Прелестныхъ обличаютъ:

Подъ маскою они не менѣ сияютъ.

Взглянулъ — и сердце мнѣ

Сказало: вотъ онъ!

1796 г.

ДЕШЕВЫЕ СЛОВА:

О время! знаю власть закона твоего:
Всѣ прелести лица уносишь ты съ собою;
Но нежность сердца моего
Останется со мною;
А тотъ, кто сердцу милъ,
Меня за нежность полюбилъ!

1795 г.

НАДПИСЬ КЪ ДАМСКОЙ ТАБАКЕРКѢ;

НА КОТОРОЙ ИЗОБРАЖЕНЫ МРАМОРНОЙ СТОЛПЪ И ЦВѢ-
ТОКЪ.

Любезное глазамъ какъ цвѣтъ весенній тлѣнно;
Любезное душѣ какъ мраморъ неизмѣнно.

1795 г.

НЕСКРОМНОЕ ЭХО.

—
Мнѣ часто эхо измѣняетъ:
Твержу: *Милены не люблю!*
Но эхо въ роцѣ отвѣчаетъ:
Люблю.

1795 г.

НАДПИСЬ КЪ ПОРТРЕТУ ЖЕСТОКОЙ.

—
Любезна всѣмъ сердцамъ любезная моя;
А ей любезенъ кто?... не знаю, но — не я!

1795 г.

КЪ ЛѢСОЧКУ ПОЛИНЫ.

—
Тебя, лѣсочикъ, насадила
Полина собственной рукой;
Кому же посвятила? —
«Богинѣ прелестей.» — И такъ себѣ самой.

1796 г.

ОХЪ ЗОНМОЧЕЯН
ДАРОВАНІЯ:

Враги Парнаскихъ вдохновеній
Ума и всѣхъ его твореній!
Молчите, — скройтесь во мглу!
На лирѣ, Музамъ посвященной,
Лучемъ эирнымъ озаренной,
Я буду имъ гремять хвалу
Отъ злобы адской трепещите;
Ихъ слава есть для васъ позоръ.
Пѣвца и пѣснь его кланите!
Ужасенъ вамъ мой гласъ и взоръ.

А вы, которымъ Фебъ преслащенный
Лететь въ душу огонь и свѣтъ небесный!
Приблизьтесь къ сердцу моему:
Оно любовью къ вамъ пылаетъ.
Одна печать на насъ сіяетъ:
Мы служимъ богу одному,
Для васъ беру златую лиру:
Внимайте, милые друзья!
Подобно нѣжному зефиру
Въ вашъ слухъ проинесетъ пѣснь моя.

Явися, древность, предо мною!
Держу смѣлою рукою
Раскрыть священный твой покровъ....
Что зрю? людей, во тьмѣ живущихъ,

Какъ знакъ безчувственно растущихъ
Среди пустынь, густыхъ лѣсовъ.
Ихъ гласъ какъ страшный ревъ звѣриный,
Ихъ мрачный взоръ свирѣпъ и дикъ;
Отрада ихъ есть сонъ единый;
Имъ день несносенъ, дологъ мигъ.

Сей миръ, обильный чудесами,
Какъ садъ усѣянный цвѣтами,
Зерцало мудраго Творца,
Для нихъ напрасно существуетъ,
Напрасно Бога образуетъ:
Подобны камню ихъ сердца.
Среди красотъ ихъ око дремлетъ;
Природа вся для нихъ пуста.
Ихъ слухъ гармоніи не внемлетъ;
Безмолвны хладныя уста.

Они другъ друга убѣгаютъ
Или другъ друга поражаютъ
За часть.... изсохшаго плода.
Любовь для нихъ есть только звѣрство,
Ея желаніе — свирѣпство,
Взаимной страстью никогда
Сердца не таютъ, не пылаютъ;
Потребность, сила все рѣшить....
Едва желанья исчезаютъ,
Предметъ объятій позабыть. .

Таковъ былъ родъ людей несчастный...
Но вдругъ явился Фебъ прекрасный

Съ своею лирою златой,
Съ лучемъ небесныхъ дарованій...
И силой ихъ очарованій
Въ душахъ разсѣялъ мракъ густой;
Въ нихъ искры чувства воспылали!
Насталъ другой для смертныхъ вѣкъ;
Искусства въ мірѣ возсіяли:
Родился снова человѣкъ!

Возсталъ, воззрѣлъ — и вся природа,
Отъ звѣздъ лазореваго свода
До нѣдръ земныхъ, морскихъ пучинъ,
Предъ нимъ въ изящности явилась;
Въ тайнѣйшихъ связяхъ обнажилась;
Рекла: «будь міра властелинъ!
«Мои богатства предъ тобою:
«Хвали Творца — будь самъ творецъ!»
И смертный гордою рукою
Изъ рукъ ея пріялъ вѣнецъ*.

Гдѣ волны шумныхъ океановъ
Во мракѣ бури и тумановъ
Несутся съ ревомъ къ берегамъ;
Гдѣ горы съ вѣчными снѣгами,

* Чувство *изящнаго* въ Природѣ разбудило ликаго
человѣка и произвело Искусства, которыя имѣли непо-
средственное вліяніе на общежитіе, на всѣ мудрые за-
коны его, на просвѣщеніе и нравственность. Орфей, Ам-
фіоны были первыми учителями дикихъ людей.

Съ сѣдыми, дикими хребтами
Главу возносятъ къ облакамъ;
Гдѣ кедръ, дубы вѣковые
Отъ вихрей гнутся и скрываютъ,
Лѣса угрюмые, густые
То тихо дремлютъ, то шумятъ.

Тамъ Геній умственныхъ твореній
Нашелъ источникъ вдохновеній,
Нашелъ въ ужасномъ красоты,
Въ живой картинѣ ихъ представилъ,
И Бога грознаго прославилъ.
Но тамъ, гдѣ нѣжные цвѣты
Отъ солнечныхъ лучей нестрѣютъ,
Съ зеленой травкою сплетаясь;
Кристаллы ручейки свѣтлѣютъ,
Среди луговъ журча, вѣяся;

Гдѣ въ рощахъ, какъ въ садахъ Армиды,
Летаютъ рѣзвые Сильфиды,
И птички хорами поютъ;
Плоды древесъ сияютъ златомъ,
Зефиры вѣютъ ароматомъ,
Съ прохладой сладость въ душу льютъ:
Тамъ онъ Творца воображаетъ
Въ небесной благости Его,
И гласомъ тихимъ издываетъ
Восторги сердца своего.

Разсудокъ, чувствомъ пробужденный,
Открылъ порядокъ неизмѣнный

Во всѣхъ подлунныхъ существахъ;
Во всѣхъ явленіяхъ чудесныхъ,
Въ бездушныхъ тваряхъ и словесныхъ,
Въ различныхъ года временахъ;
Въ ничтожномъ червякѣ, въ былинкѣ
Печать премудрости узрѣлъ;
Въ атомахъ мертвыхъ и въ песчинкѣ
Слѣды величія нашелъ.

Чѣмъ глубже око проницало,
Тѣмъ болѣ сердце обрѣтало
Пріятныхъ чувствъ въ себѣ самомъ:
Любовь *душевная*, живая,
Любовь *чистѣйшая*, святая,
Мгновенно воспыкала въ немъ:
Надежда, нѣжный страхъ родились,
И взоръ сказалъ: *твоя на вѣкъ* *!
Сердца и руки съединились —
Вкусилъ блаженство человѣкъ.

Отцы и дѣти обнялися **;
Рѣкою слезы излилися
О жалкихъ, бѣдныхъ сиротахъ,
И слезы бѣдныхъ осушились;

* Надежда и нѣжный страхъ суть дѣйствія благородной душевной любви, неизвѣстной дикимъ. *Языкъ возровъ* есть также слѣдствіе утонченной нравственности.

** Происхожденіе нравственной любви родителей къ дѣтямъ и дѣтей къ родителямъ — жалости, благотворенія, благодарности, дружбы.

Святѣя жертвы воскресли
Благотворенію въ душахъ —
И ты, о дружба, даръ небесный!
Предстала съ кротостью своей;
Твой милый гласъ и взоръ прелестный
Утѣшилъ лучшихъ изъ людей!

Въ лѣсахъ явились вертограды,
При звукѣ лиръ воздвиглись грады,
И мудрость изрекла законъ:
«Жить вмѣстѣ, вмѣстѣ наслаждаться,
«Любить добро и зломъ гнушаться.»
Возсѣла *опытность* на тронъ,
Творить счастливыми народы,
Быть другомъ-Геніемъ земли;
И люди часть златой свободы
Порядку въ жертву принесли*.

Ихъ прежде время угнетало:
Теперь оно крылатымъ стало —
Летить, и сыплеть имъ цвѣты;
Его... *желанье* призываетъ,
Его... *надежда* озлащаетъ
И красятъ розою мечты.
Труды забава усладила;
Посредствомъ милыхъ Грацій, Музъ,
Пріятность съ пользой заключила
Навѣки дружескій союзъ.

* Начало общежитія, законовъ, царской власти.

И такъ хвала любимцамъ Феба!
Хвала милѣйшимъ чадамъ Неба!
Онъ творенія вѣнецъ;
Они мiръ темный просвѣтили,
И въ садъ пустыню обратили;
Они питають огнь сердець,
Какъ жрицы древле-чтимой Весты
Питали въ храмахъ огнь святой;
Покровы красоты отвергши
Для нашихъ взоровъ ихъ рукой.

Они безъ власти, безъ короны
Даютъ уму своимъ законы;
Ихъ кисть, рѣзецъ, струна и гласъ
Играють нѣжными душами,
Улыбкой, вздохами, слезами,
И чувство возвышаютъ въ насъ;
Любовь къ Изящному вливая,
Изящность сообщаютъ намъ;
Добро искусствомъ украшая,
Велятъ его любить сердцамъ.

Такъ Фидій Кодра воскрешаетъ,
И въ юномъ воинѣ пылаетъ
Огнь великихъ, славныхъ дѣлъ:
Желанье подражать Герою.
Такъ кистью нѣжную, живую
Сбираетъ прелести Апель
И пишетъ образъ Никфоры
Въ примѣръ Невинности святой,

Чтобъ юныхъ дѣвъ сердца и взоры
Нашли въ немъ милый образъ свой.

Такъ голосъ, арфа Тимотеевъ
Смягчаетъ варваровъ, злодѣевъ,
И чувство въ хладный камень лветъ.
Но кто, Поэзія святая,
Благаго Неба дщерь благая,
Твою чудесность воспоеть?
Ты всѣ Искусства замѣняешь;
Ты всѣхъ Искусствъ глава, вѣнецъ:
Въ себѣ всѣ прелести вмѣщаешь —
Ты богъ чувствительныхъ сердецъ.

Натуры каждое явленье
И сердца каждое движенье
Есть кисти твоя предметъ;
Какъ въ свѣтломъ, явственномъ кристаллѣ
Являешь ты въ своемъ зеркалѣ
Для глазъ другой; прекрасной свѣтъ;
И часто прелесть въ подражаньи
Милѣе, чѣмъ въ Природѣ намъ:
Лѣсокъ, цвѣточикъ въ описаньи
Еще прятнѣе очамъ.

* Всѣ прелести Изыщныхъ Искусствъ суть не что иное, какъ подражаніе Naturѣ: но копія бываетъ иногда лучше оригинала — по крайней мѣрѣ дѣлаетъ его для насъ всегда занимательнѣе; мы имѣемъ удовольствіе сравнивать.

Ламберта, Томсона читая,
Съ рисункомъ подлинникъ слычая,
Я мнѣ сей * лучшимъ нахожу:
Тѣнь роши для меда свѣжѣе,
Журчанье ручейка вѣжѣе;
На все съ веселомъ глажу,
Что Клейсть, Делиль живописали;
Стихи ихъ въ памяти храня,
Гуляю, гдѣ они гуляли,
И слѣдъ ихъ радуеть меня!

Картина нравственнаго свѣта
Еще важнѣе для Поэта;
Богатство тонкихъ чувствъ, идей
Онъ въ ней искусно разсыпаетъ;
Сердца для глазъ изображаетъ
Живою кистию своей:
Приливъ, отливъ желаній страстныхъ,
Ихъ тѣни, пользу, сладкій ядъ;
Рай свѣтлый, небо думъ прекрасныхъ,
Порока вредъ и злобы адъ.

Кто милыхъ слезъ не продиываетъ,
Какая грудь какъ воскъ не таетъ,
Когда любимецъ кроткихъ Музъ
Поеть твое, Любовь, блаженство,
Души земное совершенство,

** То есть, мнѣ, мнѣ физической, которой описывали
Томсонъ и Ст. Ламбертъ въ своихъ поэмахъ.

Двухъ пламенныхъ сердець свяжутъ,
Одно другимъ благополучныхъ,
Нашедшихъ вѣкъ златой въ себѣ,
Въ нещастьи, въ смерти неразлучныхъ,
На зло и людямъ и судьбѣ?

«Для смертныхъ много бѣдъ ужасныхъ;
«На каждомъ шагѣ зримъ нещастныхъ;
«Но можно ль Небо порицать?
«Оно - - - любить не запретило!
«Чье сердце Нектаръ сей вкусило,
«Тотъ долженъ Бога прославлять,
«Сказавъ: мы щастливы! мы чада
«Всещедрыхъ, всеблагихъ Небесъ!
«Любви минута есть награда
«За годъ унынія и слезъ!»

Любовь Поззіей прелестна;
Холодность къ Музамъ не совмѣстна
Съ горячей, вѣжною душой;
Кто любить, тотъ стихи читаетъ,
Петраркомъ горе улаждаетъ
Въ разлукѣ съ милою своею.
Поэтъ наставникъ всѣхъ влюбленныхъ;
Онъ учитъ сердце говорить;
Въ молчаньи устъ запечатленныхъ
Понятнымъ для другаго быть.

Сколь всѣ черты краснорѣчивы
И краски Стихотворца живы,
Когда онъ истинныхъ друзей

Въ картинѣ нашъ изображаетъ;
Когда Герой его вѣщаетъ;
«Утѣшься, другъ души моей!
«Ты мраченъ, угнетенъ Судьбою,
«Клянeshь ее, не хочешь жить;
«Но вѣрный, нѣжный другъ съ тобою:
«Еще ты можешь счастливъ быть!»

И мечъ, тоскою изощренный,
Къ унылой груди устремленный,
Безъ крови изъ руки падеть:
Нешастный съ жизнью мирится;
Онъ быть счастливымъ снова льстится,
И друга съ чувствомъ къ сердцу жметъ. —
Такъ жизнь была мнѣ мукой ада;
Такъ я глазами измѣрялъ
Пучину грознаго Левкада...
О Сафъ страстной размышлялъ...

Хотѣлъ... но другъ неопѣненной
Своей любовію священной
Меня въ семь мѣръ удержалъ. — —
Твой гласъ, Поэзія благая,
Героевъ добрыхъ прославляя,
Всегда число ихъ умножалъ.
Ты въ Спартахъ мужество питаешь;
Въ груди къ отечеству любовь
Какъ огонь зѣрный развѣваешь;
Гремишь... пылаетъ славою кровь!

Гремишь: «Къ оружію, Спартае!
«Возстаньте, вѣрные граждане!

- «Спѣшите: варваръ Персъ идетъ;
«Идетъ какъ тигръ съ отверстымъ зѣвомъ,
«Идетъ какъ буря съ грознымъ ревомъ,
«Оковы, стыдъ для васъ песеть.
«Что жизнь противъ златой свободы?
«Мы только славою живемъ.
«На васъзираютъ всѣ народы:
«Побѣда или смерть!»... *Умремъ* —

Умремъ, или побѣда съ нами!

- Взываютъ всѣ, звучать щитами,
Летятъ на брань, и врагъ сраженъ —
Исчезъ! — Тогда златая лира
Гласитъ покой, блаженство мира.
Любовью къ ближнимъ вдохновенъ,
Пѣвецъ описываетъ сладость
Нешастныхъ горе улаждать,
Души благотворящей радость:
«Блаженъ, кто можетъ помогать!

- «Кто только для другихъ собираетъ,
«И день потеряннымъ считаетъ,
«Въ который для себя лишь жилъ!»
Умолкъ — но мы еще внимаемъ;
Себѣ и Небу общаемъ
Быть тѣмъ, что гимнъ Пѣвца хвалилъ:
Любить святую добродѣтель.
Ахъ! только надобно узнать,
Сколь щастливъ бѣдныхъ благодѣтель,
Чтобъ имъ послѣднее отдать! —

Когда жь съ сердечною слезою
Поэтъ дрожащею рукою
Снимаетъ съ слабостей покровъ,
Являя гибель заблужденій,
Ведущихъ къ безднѣ преступленій,
Зиѣю подѣ прелестью цвѣтовъ —
Я въ духѣ съ нимъ изнемогаю...
Ахъ! кто изъ насъ страстей не рабъ?
Смотрю на небо и взываю:
Спаси! спаси меня! я слабъ!»

Я слабъ, и слабого прощаю,
Какъ брата къ сердцу прижимаю;
Суди другой: спѣшу помочь. — —
Что вижу? въ ужасѣ Природа!
Эфиръ лазореваго свода
Затмила въ день густая почъ;
Шумятъ лѣса, ярятся воды,
И.... зритель въ сердцѣ охладѣлъ:
Злодѣй на сценѣ, врагъ природы;
Онъ въ ужасѣ Естество привелъ —

Злодѣй, презрѣвшій всѣ уставы;
Злодѣй, искавшій адской славы
Бичемъ невинныхъ - слабыхъ быть,
Слезами ихъ себя питая.
Напрасно Благость всесвятая
Его хотѣла просвѣтити,
И казнь безумца отлагала!
Онъ гласъ ея пренебрегалъ.

«И такъ страдай!» она сказала,
И Фуриі адъ къ нему послалъ...

Глаза свирѣлыхъ засверкали;
Злодѣю ужасы предстали:
Въ его власахъ шипятъ змѣи;
При свѣтѣ факеловъ кинжалы *
Предъ нимъ блистаютъ какъ зеркала:
Онъ видитъ въ нихъ дѣла свои!
Бѣжить — себя не избѣгаетъ:
Вездѣ съ собой, вездѣ злодѣи!
Природа гнѣвная вѣщаетъ
Ему: «страдай, ты врагъ людей!»

Преступникъ, въ сердце развращенный,
Такимъ явленьемъ уstraшенный,
Спѣшитъ сокрыться отъ очей;
Но Трагикъ въ слѣдъ ему вызываетъ,
И эхо грозно повторяетъ:
«Будь добръ — или страдай, злодѣи!» —
Я взоръ печальный отвращаю;
Другой, любезнѣйшій предметъ
Для сердца, чувства обрѣтаю:
Орфей безсмертіе поетъ....

И стонъ несчастныхъ умолкаетъ,
И бѣдный слезы отираетъ....
«Что жизнь? едннй быстрый лучъ:
«Сверкнетъ, угаснетъ — мы хладѣемъ;

* Известно, что Фуриі изображаются съ факелами и съ кинжалами.

«Но съ тѣломъ въ гробѣ не истлѣемъ:
«Взойдетъ свѣтло дня безъ тучъ,
«Для насъ въ другомъ и лучшемъ мѣрѣ;
«Тамъ будетъ шастливъ, шастливъ шастливъ;
«И Царь чувствительный въ поршрѣ;
«И нищій - добрый человекъ.

«Безсмертье, жизни сей отрада:

«За краткость дней ея награда!

«Твоя небесная печать

«У смертныхъ на челѣ сѣять!

«Кто чувствомъ вѣчность постигаетъ,

«Не можетъ съ мигомъ исчезать.

«Чей взоръ, Природу обнимая,

«Открыть Творца въ твореньи могъ,

«Тебя, Премудрость, всевятая!

«Тотъ самъ быть долженъ полубогъ.

И вдругъ гласъ лирный возвышая,

Сильнѣе въ струны ударяя,

Поэтъ дерзаетъ заключить

Свой важный гимнъ хвалой священной.

Причины первыя вселенной;

Дерзаетъ въ пѣсни возвѣститъ,

Кого мѣры изображаютъ,

Кто есть Начало и Конецъ;

Кого уста не называютъ,

Но кто всего, — Кто нашъ Отецъ;

Кто сводъ небесъ рукой Своею
Шатромъ раскинулъ надъ землею,
Какъ искру солнце воспалилъ,

Украсилъ ночь луной, звѣздами,
Усыялъ шаръ земной цвѣтами,
Древа плодами озлатилъ;
Далъ силу львамъ неувротимымъ,
Далъ умъ пчелѣ и муравью,
Полетъ орламъ неутомимымъ,
И яркій голосъ соловью;

Но кто еще, еще живые,
Для чувства, разума яснѣе
Открылъ Себя въ сердцахъ людей:
Въ весельи кроткомъ душъ правдивыхъ,
Въ слезѣ любовниковъ счастливыхъ,
Въ улыбкѣ нѣжныхъ матерей,
Въ стыдливомъ вѣсѣ дѣвъ священныхъ,
Въ чертахъ невинности молодой
И старцевъ, жизнью утружденныхъ,
Идущихъ въ вѣчность на покой;

Кто любить все Свое творенье,
И съ чувствомъ жизни наслажденье
Соединилъ во всѣхъ сердцахъ;
Кто Эфемеровъ * примѣчаетъ,
Имъ пищу, радость посылаетъ
Въ росѣ и солнечныхъ лучахъ;
Кому служить есть — быть счастливымъ,
Кого гнѣвить — себя терзать,
Любить есть — быть добролюбивымъ
И ближнихъ братьями считать;

* Насѣкомыя, живущія только по-нѣскольку часовъ.

Кто насъ за гробомъ **ожидаетъ**,
И тамъ предъ нами **оправдаетъ**
Всѣ темные пути Свои;
Покажетъ ясно.... **Умолкаю**,
И съ теплою вѣрою **взываю**:
«Отецъ! добро дѣла Твоя!»
Се лиры важные предметы,
Се гимновъ слабый **образецъ!**
Они вовѣки будутъ **пѣть**,
Вовѣки новы для **сердца!**

А вы, питомцы **Музы священныя**
Въ своихъ твореніяхъ **петлибныхъ**
Вкушайте вѣчности **законъ!**
Прекрасно жить въ **вѣкахъ поэтичныхъ**
И быть любовью **душъ вѣжбныхъ**,
Кто лирой тронуть **сердце могъ**,
Тотъ въ храмъ безсмертія **стезею**
Хвалы сердечныя **войдетъ**,
Потомство **сладкого влече**
Ему данъ чести **привесетъ**

Вездѣ, во всѣхъ **странахъ вытримы**,
Душами добрыми **любимы**,
Вражда невиды **вплунца**
Блескъ вашей славы **умножаетъ**,
Ядь черной зависти **первасть**,
Ихъ злыя, хладныя **сердца**,
Талапты суть для васъ **богатство**;
Другимъ оставьте **прахъ златой**:

Святое Фебово собратство
Сіяеть чувство красотой.

Сей идолъ въ капищѣ богатомъ,
Сей огонь сверкающій надъ блантомъ,
Меня красую не прельстятъ;
Вы, вы краса, корона свѣта,
Вы солнце въ мірѣ, не падете,
Въ которой чудный лучъ благодѣтъ,
Невѣжда золотымъ чертогомъ
Своей души не озабитъ;
А васъ и въ шалашѣ убогомъ
Лучами слава озаритъ.

Потомство скажетъ: «здѣсь на мѣрѣ,
«На сладкой арчѣ, въ сладкомъ мѣрѣ,
«Игралъ любезнѣйшій Поэтъ,
«Въ сей хижинѣ, для насъ овещешой,
«Велъ жизнь любимецъ Музы полнѣншой,
«Здѣсь онъ собою красилъ свѣтъ,
«Здѣсь будетъ утромъ наслаждаться,
«Здѣсь будемъ солнце провожать,
«Читать Поэта, восхвалять,
«И даръ его благословлять».

Хотя не все, не все народы
Къ дарамъ щастливѣйшимъ Природы
Равно чувствительны душой;
Различны Писнописцевъ доли;
Не все восходятъ въ Капитоли
Съ вѣнками на главѣ своей,

При гласъ трубъ, народномъ плескѣ * —
Отъ насъ, увы! далека сей храмъ!
Поемъ въ тѣни, при лунномъ блескѣ,
Подобно скромнымъ соловьямъ;

Но въ самомъ Сиверѣ угрюмомъ,
Подъ грознымъ Аквилоновъ шумомъ,
Есть люди — есть у нихъ сердца,
Которымъ чужды Музы притомъ,
Оттѣнки вѣчныхъ чувствъ допитны:
Отъ нихъ мы ждемъ себѣ вѣща —
И естли грудь красавицъ милыхъ
Въ любезной томности задохнетъ
Отъ нашихъ вѣстей, дѣръ улыбокъ:
Друзья! намъ въ плескахъ нужды нѣтъ!

Пусть вѣтры прахъ Пѣвцовъ развѣютъ!
Насъ вспомнать, вспомнать, пожалуйтъ:
«Умолкъ Поэтось скромный гласъ!»
«Но мы любезныхъ не забудемъ,
«Читать, хвалить ихъ пѣсню будемъ;
«Ихъ имя сладостно для насъ!»
Друзья! что лучше, что славнѣе,
Какъ вѣки жить въ словехъ стихахъ?
Но то еще для насъ милѣе,
Что можемъ вѣки жить... въ сердцахъ!

1795 г.

* Какъ, на примѣръ, Петрарка. Такая же честь готовилась Тассу; но онъ умеръ за нѣсколько дней до назначеннаго торжества.

КЪ ДУХИМЪ

НА СМЕРТЬ ЕЯ СУПРУГА.

Супругъ твой снисконъ **щастливъ былъ!**
Не могъ онъ жить въ **подлунномъ свѣтѣ!**
Гдѣ тайный **Рокъ** въ своемъ **свѣтѣ** дуа
Сердца на **горестъ** осудилъ, а **мечтѣ** шло
А **щастью** быть **вѣлѣтъ** **мечтѣ** шло
Но кто **нечаянной** **судьбою** шло
У **радкой** **будетъ** **адвѣтъ** **блаженъ** шло
Тому **вѣкъ** **розы** **положенъ** :
Какъ щастливъ я! едва лишь скажетъ,
Увянетъ — и въ **могилу** ляжетъ.
Начто ты **Ангельской** **душой**,
Своей **любовью**, **красотой**,
Въ **супругѣ** **сердце** **восхищала**,
Его съ **безсмертными** **равняла?**
Когда бы **жизнью** онъ **скупчалъ**
И **смерть** къ себѣ какъ **друга** звалъ,
Тогда бы **долго** **прожилъ** съ нами;
Тогда бы **сѣдыми** **волосами**
Еще онъ... **слезы** **отиралъ**.
Гдѣ **радость** есть **Судобы** **ошибка**,
И гдѣ **веселая** **улыбка**
Бываетъ **рѣдко** не **обманъ**,
Тамъ онъ въ **душѣ** **твоей** **преlestной**
Нашелъ **блаженства** **талисмана**,

Земный страдаюльцъ невѣстной;
Нашелъ — и смерть наша его.
Твоей любовью увосенный,
Въ жару восторга своего
Ударомъ рока пораженный,
Щастливецъ умеръ какъ заслужъ;
Въ минуту самна шогини
Еще отъ нѣжности вздохнулъ.
Ахъ! кто изъ насъ такой судьбы
Семь вѣкамъ не предпочтетъ?
Не время нило, наслажденье,
Одно щастливое мгновенье
Не лучше ль многихъ скучныхъ лѣтъ?

1795 г.

КЪ ДИДЬ

Ты плачешь, Дидя?
Ахъ! плакаль и я.
Смѣлась ты прежде,
Я нынѣ смѣюсь.
Мы оба другъ другу
Не должны вѣтѣмъ;
Есть очередь въ свѣтѣ,

Есть время всему, что встает
 Улыбка въ слезахъ; —
 Въ сосѣдствѣ живеть: —
 Ты прежде агъла
 Какъ роза весной;
 Зефиры плывали
 Твоей красотой.
 Я также плылъ
 Надежду ищя; —
 Мечталъ о блаженствѣ,
 Страдая въ душѣ!...
 Болѣзнь милозлась,
 И лѣта проши
 Любовныхъ мечтаній;
 Я Лилу забылъ —
 И вижу... о Небо!
 Что сдѣлаюсь съ ней?
 Всѣ алыя розы
 Морозъ умертвилъ,
 Гдѣ прежде Зефиры
 Шептали любовь,
 Подъ сѣнью миртовъ
 Тайлся Эротъ
 И паучкомъ вѣбнымъ
 Съ усмѣшкой грохнулъ:
 Тамъ нилъ все пусто!
 Твоя красота
 Угасла какъ свѣчка;
 Вспорхнула любовь
 И прочь улетѣла;
 Любовники въ слѣдъ

За нею исчезли.

Лилета одна,
И хочеть отъ скуки обмануть
Меня заманить
Въ старинныя сѣти,
Я въ сказкѣ читалъ,
Что нѣкогда боги
Влюблись въ одну,
Прекрасную Нимфею,
Юпитерь и Марсь,
Нептунъ и Меркурій,
И Бахусъ и Фебъ.
Красотѣ хотѣлось
Ихъ всѣхъ обмануть,
Украсть рогами
Лбы вѣчныхъ боговъ.
Такъ, такъ и случилось
Однихъ за другихъ
Всѣ были рогааты.
Но время вродило,
Красавица стала
Не такъ хороша,
И боги восслали
Ее подъ луну,
Гдѣ Нимфа отъ грусти
Годъ слезы лила,
А послѣ отъ грусти
Слюбилась — увидѣвъ
Съ рогаатымъ Сатиромъ,
Онъ былъ не бременитъ,
И принялъ въ подарокъ

Обноски боговъ. —

Ты можешь быть Нимфой;
Но я не Сатиръ!

1796 г.

ВЫБОРЪ ЖЕНИХА.

Лиза въ городѣ жила,
Но невинною была;
Лиза, Ангелъ красотою,
Ангелъ правомъ и душою.
Время ей пришло любить...
Всѣмъ любиться въ свѣтѣ должно,
И въ семнадцати лѣтъ возможно
Сердцу безъ дружка жить.

Что же дѣлать? дѣлѣ некажъ?
И кому люблю сказать?
Развѣ въ свѣтѣ подвѣстись,
Всѣхъ плѣнить, однимъ плѣниться?
Такъ и сдѣлала она,
Лизу люди окружили,
Лизѣ всѣ одно твердили:
«Ты прельщать насъ рождена!»

«Будь супругою моею!»
(Говорить богатый ей)

- «Всякой деда тебѣ готовы
- «Драгоценныя обиды;
- «Станешь въ золотѣ ходить;
- «Ожерельяи, серьгами,
- «Разноцвѣтными парчами
- «Буду илгую дарить.»

Чтожь красавица въ отвѣтъ?

Что сказала? *да нль нль?*

Лиза только улыбнулась;

Прочь пошла, не оглянувшись. —

Гордый баринъ ей сказалъ:

«Будь супругою моею;

«Будешь знатной Госпожею:

«Знай, я *полный* Генералъ!»

Чтожь красавица въ отвѣтъ?

Что сказала? *да нль нль?*

Генералу поклонилась;

Только чиновъ не пльвилась;

Лиза ... далѣе идетъ;

Ищетъ, долго не находитъ....

«Такъ она и вѣкъ проходить!»....

Ошибаетесь — найдетъ!

Лизѣ Суженый сказалъ:

«Чиномъ я не Генералъ,

«И богатства не имѣю;

«Но любить тебя умѣю.

«Лиза будь навѣкъ моя!» —

Тутъ прекрасная вздохнула;
На любезнаго взглянула,
И сказала: я твоя!

1795 г.

РАЗЛУКА.

(На голоса: *Lequende dans la forêt*.)

Люби любимымъ быть,

Всего для насъ милье;

Но съ милой розно жить,

Всего, всего тошнѣе.

Что въ сердцѣ безъ нее!

Въ ней сердце находило

Все счастье свое;

Безъ милой все не мило.

Гдѣ счастье? гдѣ она?

И день и ночь вздыхаю;

Отрада мнѣ одна,

Что слезы проливаю.

Довольно ... такъ и быть!

Когда, мой другъ, съ тобою!

Не лъзя теперь мнѣ жить,

Хочу я жить съ тоскою.

1797 г.

КЛЯТВА И ПРЕСТУПЛЕНІЕ.

Хотѣлъ я не любить: чтожь дѣлаю? люблю!
Любя терзаюся, крушу себя, гублю...
Но пользы нѣтъ въ слезахъ; слезами я не смою
Того, что злой Судьбѣ желѣзною рукою
Угодно было начертать:
«Кокеткамъ торговать сердцами,
«Мужьямъ ходить съ рогами,
«А Плаксы (то есть, мнѣ) бранить любовь сло-
вами,
«Но сердцемъ обожать — ввѣкъ, ввѣкъ!» —
Увы! слабъ бѣдной человѣкъ!

1796 г.

ХОРЪ И КУЩЕТЫ.

ПѢТЫЕ ВЪ МАРѢНСКОЙ * РОЩѢ ДРУЗЬЯМИ ПОЧТЕННАГО
ХОЗЯИНА, ВЪ ДЕНЬ ИМЯНИЦЪ ЕГО.

Х О Р Ъ.

(На голосъ: *Ахъ потли наши поздравки!*)

Какъ тотъ щастливъ, кто сердцами
Прямо, истинно любимъ;
Кто не льстивыми словами,
Но усердіемъ хвалимъ!

* Село Маренно, въ 30 верстахъ отъ Москвы.

1.

(На голосъ: *Заря утрення взошла*).

Кто Царями награжденъ,
Саномъ знатнымъ отличенъ
За достоинство прямое
Въ томъ не счастье слѣбое,
Но заслугу люди чтутъ.

Х о р ы.

Какъ тотъ счастливъ, кто сердцами — *и проч.*

2.

Кто не только на войсѣ,
Но и въ мирной тишинѣ
Былъ согражданамъ полезенъ,
Тотъ отечеству любезенъ,
Тотъ есть вѣрный патриотъ.

Х о р ы.

Какъ тотъ счастливъ, — *и проч.*

3.

Кто предъ тропомъ въ духѣ твёрдъ,
Передъ низшими не гордъ,
Съ равнымъ искренно дружится
И коварныхъ не страшится,
Тотъ достоинъ всѣхъ похвалъ.

Какъ тотъ щастливъ, — и проч.

4.

Кто среди заботъ и дѣлъ
Для семейства жить умѣлъ;
Быть щастливѣйшимъ супругомъ,
Для дѣтей отцомъ и другомъ,
Тотъ чувствительнымъ рожденъ.

Х О Р Ъ.

Какъ тотъ щастливъ, — и проч.

5.

Кто покой Москвы блюдетъ,
Часъ свободы находя,
Любить въ рощахъ прокладывать
И съ друзьями забавляться,
Тотъ имѣетъ нѣжной вкусъ.

Х О Р Ъ.

Какъ тотъ щастливъ, — и проч.

6.

Дѣло дѣлать не всегда,
И веселье не бѣда.

Пѣсни намъ для счастья пужны;
Музы съ Мудростію дружны —
Имяинникъ! будь нашъ Фебъ!

Х О Р Ъ.

Какъ тотъ щастливъ, — и проч.

7.

Праздникъ сей любезенъ намъ,
Милъ домашнимъ и друзьямъ;
Здѣсь и гости не чужіе;
Здѣсь и гости какъ родные.
Веселятся всѣ съ тобой.

Х О Р Ъ.

Какъ тотъ щастливъ, кто сердцами
Прямо, истинно любимъ;
Кто не льстивыми словами,
Но усердіемъ хвалимъ!

КЪ ИДЕТЪ.

(На тотъ же голосъ.)

**ВЪ ЧЕСТЬ НЪЖНОЙ МАТЕРИ, ПЪТЫЕ ЕЯ СЕМЕЙСТВОМЪ,
ВЪ УДИВЛЕННОМЪ И ПРЯТНОМЪ МѢСТѢ, КОТОРОЕ НАЗЫ-
ВАЕТСЯ ЕЯ ИМЕНЕМЪ: ДАРЬИНЫМЪ.**

Какъ прятны тѣ мѣста,
Гдѣ Натуры красота
Въ простотѣ своей сіяетъ;
Гдѣ любовь изображаетъ
Имя милое твое!

Х О Р Ъ.

Какъ тотъ щастливъ — *и проч.*

Прежде именемъ богинь
Украшался мракъ пустынь:
Имя матери святѣе;
Имя *Дарьино* милѣе
Всѣхъ Гомеровыхъ имянъ.

Х О Р Ъ.

Какъ тотъ щастливъ, — *и проч.*

Здѣсь любезнѣйшую Мать
Будутъ дѣти угождать

Въ часъ вечерня прохлады;
Здѣсь любовь и дружба рады
Съ нею время проводить

Какъ тотъ щастливъ
Не видяль вилото

1797 г.

НА СЕРДЦЕ

НА ДИСКЕ

НА СТАТУЮ КУПИДОНА.

Купидонъ, котораго въ статуе

на головѣ

НА ГОЛОВУ.

Гдѣ трудится голова,
Тамъ труда для сердца мало;
Тамъ любви и не бывало;
Тамъ любовь одни слова.

* Сочинитель сихъ надписей увидѣлъ въ одномъ домѣ мраморнаго Амура, отъ котораго хотѣлъ исписать его карандашемъ съ волочкомъ по ногамъ.

2.
НА ГЛАЗИХЪ ИЩЕ ПОВЕЗУ.

Любовь слѣпа для свѣта,
И кромѣ своего
Безцѣннаго предмета
Не видитъ ничего.

3.

НА СЕРДЦЕ.

Любовь Анатомистъ: гдѣ сердце у тебя,
Узнаешь полюби.

4.

НА ПАЛЕЦЪ, КОТОРЫМЪ КУПИДОНЪ ГРОЗИТЬ.

Награда скромности готова:
Будь щастливъ — но ни слова!

5.

НА РУКУ.

Не вѣрь любовнику, когда его рука
Дерзка.

6.

НА КРЫЛО.

Амуръ летаетъ для того,
Чтобъ милую найти для сердца своего.

Нашедши, крылья оставляетъ —
Уже ему въ нихъ нужды нѣтъ —
Летать позабываетъ
И съ милою живетъ.

7.

НА СТРЕЛУ, КОТОРУЮ АМУРЬ ВЕРЕТЪ ВЪ РУКУ.

Страшитесь: прострѣлю!
Но вы отъ раны не умрете;
Лишь томно взглянете, вздохнете,
И скажете: *люблю!*

8.

НА НОГУ.

Когда Любовь безъ ногъ? Какъ надобно идти
Отъ друга милого, сказавъ ему: *прости!*

9.

НА СПИНУ.

Стою всегда лицомъ къ красавцамъ молодымъ,
Спиною къ старикамъ сѣдымъ.

1796 г.

ДВА СРАВНЕНІЯ.

1.

Что наша жизнь? Ромашъ. — Кто Авторъ? Анонимъ.

Читаемъ по складамъ — смѣемся, плачемъ — спимъ.

2.

Что есть жизнь наша? сказка.

А что любовь? ея завязка;

Конецъ печальной или смѣшной.

Родись, любви — и Богъ съ тобой!

1796 г.

ДУРНОЙ ВКУСЪ.

Никандръ! ты хвалишь мнѣ свой нѣжной вкусъ на-
прасно;

Скажу я безпристрастно,

Что вкусъ и грубъ и дурень у тебя:

Ты любишь самого себя!

ВОПРОСЫ И ОТВѢТЫ.

Что есть любить?

Тужить.

А равнодушнымъ быть?

Не жить.

ХАРАКТЕРЪ НИСЫ.

Для Нисы то бываетъ мило,
Что прежде было ей постыло;
А что теперь для Нисы мило,
То скоро будетъ ей постыло.

1796 г.

ПОКОЙ И СЛАВА.

«Спокойствіе дороже славы!»

Твердятъ дѣшныя умы.

Нѣтъ, нѣтъ! они не правы;

Покоемъ не довольны мы:

Въ объятяхъ его скучаемъ,

И прежде смерти умираемъ.

Жизнь наша столь бѣдна,

Превратна, не вѣрна;

Дней ~~жизни~~ ^{жизни} въ ~~войнахъ~~ ^{войнахъ} мало,

Такъ все мгновенно для сердець,

Что удовольствія и щастія начало

Есть удовольствія и щастія конецъ.

Чѣмъ бережно въ тѣни скрываться,

Бояться шороха, бояться в слухъ дышать,

Единственно за тѣмъ, что въ жизнь скучать

И смерти праздно дожидаться:

Не лучше ль что нибудь

Великое свершить? ^{Время} ~~путь~~ ^{славы} ~~путь~~

Къ безсмертію ведетъ. Душа живетъ дѣлами,

И наслаждается вѣками

Въ героическомъ подвигѣ своемъ.

Паритъ съ орломъ надъ облаками,

Сіяетъ звѣзды и лунами.

Сгорѣть намъ съ неба, въ огонь,

Оставить пепелъ намъ, милѣе для Героя,

Чѣмъ духомъ онѣмѣть въ ничтожествѣ покоя,

И съ червемъ прахъ лобзать, доколѣ Исполнѣ,

Рокъ, грозный смертнѣи ~~жизни~~ ^{жизни} ~~стелнѣи~~ ^{стелнѣи},

Его не раздавилъ Гигантскою стогою. —

Всѣмъ должно быть землёю:

Ты, слабый человекъ!

Какъ тѣнь, мелькая, исчезаешь,

Но надпись о другомъ и въ самый дальнѣи вѣкъ

Гласить: *прохожій стѣи: Героя поминаешь*

1797 г.

* Переводъ славянскаго Латинскаго надгробія: Sta, viator! Heroem calcas.

ИСПРАВЛЕНІЕ.

Пора, друзья, за умъ намъ взяться,
Безпутство кинуть, жить путёмъ.
Не вѣкъ за бабочкой гоняться,
Не вѣкъ быть рѣзвымъ мотылькомъ.

Безпечной юности утѣха
Есть въ самомъ дѣлѣ страшной грѣхъ.
Мы часто плакали отъ смѣха;
Теперь оплачемъ прежній смѣхъ,

И другу, недругу закажемъ
Когонибудь въ соблазнъ вводить;
Прямымъ раскаянемъ докажемъ,
Что можемъ праведными быть.

Простите, скромные диваны,
Свидѣтели нескромныхъ сценъ!
Простите хитрости, обманы,
Бѣда мужей, забава женъ!

Отнынѣ будетъ все иное:
Чтобъ строгимъ людямъ угодить,

* Шутка надъ лицемѣрами и ханжанами.

Мужей оставишь мы въ покоѣ,
А женъ начнемъ добру учить —

Не съ тѣмъ, чтобъ нравы ихъ исправить —
Такихъ чудесъ не лзя желать —
Но чтобъ красавицъ лишь заставить
Отъ скуки и тоски звать.

«Звать?» Конечно; въ наказанье

За наши общія дѣла.

Бываю... Прочь, воспоминанье!

Чтобъ снова не надѣлать зла.

Искусство правиться забудемъ,
И съ постнымъ видомъ въ монастырь,
Среди собраній свѣтскихъ будемъ
Ругать, какъ можно злѣе, свѣтъ;

Бранить все то, что сердцу мило,
Но въ чемъ сокрытъ для сердца вредъ;
Хвалить, что грѣшникамъ доставило,
Но что къ спасенію ведетъ,

Memento mori! * ведегласно
На балахъ станемъ восклицать,
И стономъ смерти еженасно
Любезныхъ вѣтренницъ пугать. —

Какъ другъ вашъ столь переувѣдкомъ,
Угодно ль вамъ, друзья, спросить?

* То есть: *важны смерть*.

Сказать ли правду?.. **Я не испуган!**
(Увы!) способности грѣшить!

1797 г.

НЕПОСТОЯНСТВО.

Пусть счастье коловратно —
Не лъзя не знать того;
Но мы еще стократно
Превратнѣе его.

Все новаго **желаемъ,**
Отъ стараго **бѣжимъ,**
И счастье презираемъ,
Когда знакомы съ нимъ.

Любя во всемъ **измѣну,**
Позволимъ же **любить**
И счастью **перемѣну,**
Чтобъ намъ, **невѣрнымъ,** мстить!

1795 г.

ЭН И Г Р А М М А .

—
Я знаю, для чего Крадонъ твердитъ всегда,
Что свѣтъ наукъ есть зло: для вора свѣтъ бѣда!

=
И С Т И Н А .

—
Кто скажетъ не солгавъ, что съ роду онъ не лгалъ,
Тотъ развѣ никогда влюбленнымъ не бывалъ!

=
МЫСЛЯТЬ И НЕ МЫСЛЯТЬ .

—
Всѣ мыслятъ жить, но не живутъ;
Не мысля умереть, умрутъ.

=
НАДГРОВІЕ ШАРЛАТАНА .

—
Я пылъ въ глаза пускалъ;
Теперь — я пылью сталъ.

ПЕРЕИЪНА ЦВѢТА.

Вдругъ сталъ у Лины дуренъ цвѣтъ:
Конечно въ городѣ румянъ хорошихъ нѣтъ!

1796 г.

ЖЕЛАНИЕ.

Какъ странникъ, зноемъ утомленный,
Въ тѣни жаляетъ отдохнуть:
Такъ бѣдный, скорбью изнуренный,
Жаляетъ вѣчнымъ сномъ заснуть.

ТАЦИТЬ.

Тацить великъ; но Римъ, описанный Тацитомъ,
Достоинъ ли пера его?
Въ семъ Римѣ, нѣкогда геройствомъ знаменитомъ,
Кромѣ убійцъ и жертвъ не вижу ничего.
Жалѣть объ немъ не должно:

Онъ стоялъ Лютыхъ бѣдъ нещастья своего,
Терпя, чего терпѣть безъ подюсти не можно!

1797 г.

КЪ ШЕКСПИРОВУ ПОДРАЖАТЕЛЮ.

Ты хочешь быть, Глупонъ, Шекспировъ подра-
жатель;

Выводишь для того на сцену мясниковъ,
Башмашниковъ, портныхъ, чудовищъ и духовъ.
Великій Александръ, земли завоеватель,
Для современниковъ былъ также образцомъ;
Но въ чемъ они ему искусно подражали?
Въ геройствѣ ли души? въ дѣлахъ? ахъ, нѣтъ! не
въ томъ;

Но шею къ лѣвому плечу, какъ онъ склоняли.*
Что дѣлали они, то дѣлаешь и ты;
Уродство видимъ мы; но гдѣ же красоты?

1797 г.

* См. Кнута Курція.

КУНДЕТЫ

ИЗЪ ОДНОЙ СЕЛЬСКОЙ КОМЕДИИ, ИГРАННОЙ ВЛАГОРОД-
НЫМИ ЛЮБИТЕЛЯМИ ТЕАТРА.

ХОРЪ ЗЕМЛЕДѢЛЬЦЕВЪ.

Какъ не пѣть намъ? Мы счастливы.
Славимъ барина - отца.
Наши рѣчи не красивы,
Но чувствительны сердца.
Горожане насъ умнѣе:
Ихъ искусство говорить.
Что жь умѣемъ мы? Сильнѣе
Благодѣтелей любить.

СЕЛЬСКОЙ ЛЮБОВНИКЪ.

Здѣсь сердца людей обласны
Съ ихъ не льстивымъ языкомъ:
Наши милыя прекрасны
Не раскрашеннымъ лицомъ,
А природными чертами;
Обмануть насъ не хотятъ
Ни глазами, ни словами:
Лишь по чувству говорить.

ДѢВУШКА.

Какъ намъ, дѣвушкамъ, ни больно
Тайну сердца объявить,

Слово вылетит невольно:
Скажешь — поздно воротить!
Притворяться ввѣкъ не можно:
1040 **Всѣмъ нами созданы любить;**
Лишь держаться слова должно,
Стыдно, стыдно измѣнить.

СЕЛЬСКАЯ ЛЮБОВНИЦА.

Я съ любовію играла
И съ любовію росла;
Съ нею горе я узнала,
Съ нею шастіе нашла;
И надѣюсь безъ искусства,
Сердце друга сохранить;
Вѣрность, жаръ и нѣжность чувства
Мнѣ помогутъ милой быть.

ГОРОДСКОЙ ЖИТЕЛЬ.

Естьли въ городѣ имѣють
Больше средствъ плѣнять мушкетъ,
Лучше здѣсь любить умѣють,
Тамъ любовь есть цвѣтъ одинъ,
Здѣсь любовь есть цвѣтъ съ плодами,
Время правиться пройдетъ,
И кокетка съ сѣднами
Есть завялой пустоцвѣтъ.

ГОРОЖАНА.

Тотъ умѣетъ благоумножить,
Кто умѣетъ жить въ дружинѣ.

О себѣ лишь думать — скучно;
Щастье въ двухъ, а не одномъ.
Кто же бабочкой летаетъ
Съ василька на василекъ,
Тотъ любви еще не знаетъ;
Кто любилъ, тотъ любить вѣкъ.

ГОРОЖАНИНЪ.

Естьлибъ было въ нашей власти
Вѣчно бабочкой летать,
Не дивился бы я страсти
Съ тѣмъ любить, чтобъ разлюбить.
Время крылья подсыкаетъ,
И придется сиднемъ быть.
Поздно вѣтренной узнаеть,
Каково на вѣтеръ жить!

ГОСПОЖА.

Можно въ самомъ шумѣ свѣта
Съ тихимъ сердцемъ вѣкъ прожить,
Святость мрачнаго обѣта
И невинность сохранить.
Добродѣтель утѣшаетъ,
Страсть къ раскаанью ведетъ.
Пусть любовникъ насъ пѣвлетъ,
Щастье лишь супругъ даетъ.

ГОРОЖАНИКА.

Ахъ! во прагъ заблуденъ
Щастье ложная мечта.

Нѣтъ для сердца наслажденья,
Естьли совѣсть нечиста.
Что жена безъ доброй славы?
Мужу, дѣтямъ вѣчной стыдъ.
Какъ ни худы въ свѣтъ нравы,
Всякой добродѣтель чтить.

СТАРОСТА.

Женкамъ, дѣвѣтамъ должно
Въ пѣснѣ правду объявить.
Ввѣкъ прельщаться не возможно;
Что же можно намъ? любить.
Съ другомъ жить, не съ красотою;
Будешь молодъ не всегда.
Кто же милъ душѣ душою,
Въ томъ морщина не бѣда.

БУРМИСТРЪ.

Будемъ жить, друзья, съ женами,
Какъ живали въ старину.
Худо намъ быть ихъ рабами;
Воля портить лишь жену.
Дома имъ не посидится;
Все бы, все бы по гостямъ.
Это право не годится;
Приберите ихъ къ рукамъ.

ВАХМИСТРЪ.

Нашъ бурмистръ несетъ пустое;
Не указъ намъ старина.

Воля дѣло золотое,
А законъ любовь одна.
Руской созданъ проповѣдаться,
Государю вѣрнымъ быть,
Пули, смерти не бояться,
И красавицамъ служить.

ГОРОЖАНКА.

Можетъ быть не безъ причины,

Естьли правду говорить,
Вы браните насъ, мужчины;
Но одни хотите ль жить?

Вамъ даны Природой силы,
Намъ искусство васъ ловить;

Мы другъ другу право милы —

Будемъ спорить и любить!

1798

Р

О

И

И

В

В

И

С

И

И

И

И

И

П Р О Т Е Я,

И Л И

НЕСОГЛАСІЯ СТИХОТВОРЦА.

(NB. Говорятъ, что Поэты не рѣдко сами себѣ противорѣчатъ и переменяютъ свои мысли о вещахъ. Сочинитель отвѣчаетъ:

Ты хочешь, чтобъ Поэтъ всегда одно лишь **мыслилъ,**

Всегда одно лишь **пѣлъ:** безумный **человѣкъ!**

Скажи, кто образы Протеевы **исчислилъ?**

Таковъ питомецъ Музы, и былъ и **будетъ вѣкъ.**

Чувствительной душѣ не сродно **ль измѣняться?**

Она мягка какъ воскъ, какъ зеркало **ясна,**

И вся Природа въ ней съ **оттѣнками видна.**

Не льзя ей для тебя *единою* **казаться**

Въ *разнообразіи* естественныхъ **чудесъ.**

Взгляни на свѣтлый прудъ, едва, едва струимый

Дыханьемъ вѣтерка: въ сію минуту **зрими**

Въ немъ яркій Фебовъ свѣтъ, чистѣйшій **сводъ**
небесъ

И дерзостный орелъ, горѣ одинъ **парящій;**

Кудрявые верхи развѣсистыхъ **древесъ;**

Въ сѣни ихъ пастушокъ съ овечкою **стоящій;**

На вѣтви голубокъ съ подружкой **своей**

(Онъ дремлетъ, подъ крыло головку спрятавъ къ ней) —

Еще минута... вдругъ иное представленья:

Сокрыли облака въ кристаллѣ Фебовъ зракъ;

Тамъ стелется одинъ волнистый, сизый мракъ.

Въ душѣ любимца Музъ такое жъ измѣненье

Бываетъ каждый часъ; что видитъ, то поетъ,

И всѣмъ умѣя быть, всѣмъ быть перестаетъ.

Когда въ весенній день, среди луговъ цвѣтущихъ

Гуляя, видитъ онъ Природы красоты,

Нимфъ сельскихъ хороводъ, играющихъ, поющихъ,

Тогда въ душѣ его рождаются мечты

О вѣкъ золотомъ, въ которомъ люди жили

Какъ братья и друзья, пасли свои стада,

Питались ихъ млекою; не мысля никогда,

Что есть добро и зло, но чувству добры были,

А болѣе всего — рѣзвились и любили!

Тогда онъ съ Геснеромъ свирѣлю своей

Изъ шума городовъ зоветъ въ поля людей.

«Оставьте, говоритъ, жилище скуки томной,

«Гдѣ все веселіе въ притворствѣ состоитъ;

«Гдѣ вы находите единый ложный видъ

«Утѣхи и забавъ. Въ сѣни Природы скромной

«Душевный сладкій миръ съ веселостью живетъ;

«Тамъ счастья на дугу съ фиалками цвѣтеть,

«И сморгнется въ ручей съ пастушкою прекрасной.

«О счастья въ городахъ лишь только говорятъ,

«Не чувствуя его; въ селѣ объ немъ молчать,

«Но съ нимъ проводятъ вѣкъ, какъ день весенній

ясной,

«Въ невинности златой, въ сердечной простотѣ.»

Когда жь глазамъ его явится блескъ Искусства
Въ чудесности своей и въ полной красотѣ:
Великолѣднѣйшій градъ, картина многолюдства,
Разнообразное движеніе страстей,
Подобныхъ бурному волненію морей,
Но дѣйствию ума премудро соглашенныхъ,
И къ благу общества закономъ обращенныхъ:
Театръ, гдѣ дѣйствуя лишь для себя самихъ,
Невольно дѣйствуемъ для выгоды другихъ;
Машина хитра, чудесное сцѣпленье
Безчисленныхъ колесъ; ума произведеенье,
Но, не смотря на то, загадка для него!
Тогда Пѣвецъ села въ восторгѣ удивленья,
Забывъ срирѣль, беретъ для гимна своего
Златую лиру, пѣть успѣхи просвѣщенья:
«Что былъ ты, человекъ, съ Природою одинъ?
«Ничтожный рабъ ея, живущій боязливо.
«Лишь въ обществѣ ты сталъ Природы влесте-
линъ,
«И въ первый разъ взглянулъ на небо горделиво,
«Взглянулъ и прочиталъ тамъ славный жребій свой:
«Быть въ мѣрѣ семъ царемъ, творенія главой.
«Лишь въ обществѣ душа твоя себѣ сказалась,
«И сердце начало съ сердцами говорить;
«За мыслями одной другая въ слѣдъ раждалась,
«Чтобъ дѣйствицей уму въ познаніяхъ служить.
«Въ Аркадіи своей ты былъ съ звѣрями равенъ,
«И мнимый вѣкъ златой, вѣкъ лѣни, дѣтства, сна,
«Безславецъ для тебя, хотя въ стихахъ и славенъ.
«Для бѣдныхъ разумомъ жизнь самая бѣдна:
«Лишь въ общежитіи мы имъ обогатились;

«Лишь тамъ художества съ науками родились —
«И первый въ мѣрѣ градъ былъ первымъ торже-
ствомъ

«Даровъ, влиятельныхъ въ насъ премудрымъ Боже-
ствомъ.

«Не въ полѣ, не въ лѣсахъ святая Добродѣтель
«Себѣ воздвигла храмъ: Сократъ въ Афинахъ жилъ,
«И въ Римѣ Нума Царь, своихъ страстей владѣ-
тель,

«Своихъ законовъ рабъ, безсмертье заслужилъ.

«Не тотъ Герой добра, кто скрылся отъ порока,

«Отъ искушенія, измѣнь, ударовъ Рока,

«И прожилъ вѣкъ одинъ съ полмертвою душой;

«Но тотъ, кто былъ всегда примѣромъ для людей,

«Среди безчисленныхъ опасныхъ преткновеній

«Какъ мраморный колоссъ незыблемо стоялъ,

«Стезю правды шелъ во мракъ заблужденій,

«Сражался съ каждымъ зломъ, сражаясь побѣ-
ждалъ.

«Такъ коричиіи посреди морей необозримыхъ

«Безъ страха видить гробъ волнистый предъ собой

«И слышать грозный ревъ пучинъ неизмѣримыхъ;

«Тамъ гибельная мель, здѣсь камни подъ водой:

«Но съ картою въ рукахъ, съ магнитомъ предъ
очами,

«Пловецъ въ душѣ своей смѣется надъ волнами,

«И къ пристани спѣшитъ, гдѣ ждетъ его покой.» —

Въ сей хижинѣ живетъ питомецъ Эпиктета,
Который, истребивъ чувствительность въ себѣ,
Надежду и боязнь, престалъ служить Судьбѣ

И быть ея рабомъ. Сія царица свѣта
Отнять, ни дать ему не можетъ ничего:
Ничто не веселить, не трогаётъ его;
Онъ ко всему готовъ. Представъ конецъ вселен-
ной:

Небесный сводъ трещать; огромные шары
Летать съ своихъ осей; въ развалинахъ міры...
Симъ страшнымъ зрѣлищемъ мудрецъ не устра-
шенной

Покойно бы сказалъ: «мнѣ время отдохнуть,
«И въ гробъ Естества сномъ вѣчности заснуть!»
Поэтъ предъ нимъ свои колѣна преклоняетъ,
И полубога въ немъ на лирѣ прославляетъ.
«Великая душа! что міръ сей предъ тобой?
«Горсть пыльныхъ земли. Кто повелитель твой?
«Самъ Богъ — или никто. Ты нужды не имѣешь.
«Въ podporѣ для себя: тверда сама собой.
«Безъ счастья быть всегда счастливою умѣешь,
«Умѣя презирать ничтожный блескъ его;
«Оно безъ глазъ, а ты безъ глазъ и для него:
«Смѣется иль грозитъ, не видишь ничего.
«Пусть кармы будутъ имъ велики или славны:
«Обманчивый призракъ! ихъ слава звукъ пустой;
«Въ величій своемъ они съ землею равны;
«А ты равна ли съ тѣмъ? съ одною собой!»
И тою жъ кистию, съ тѣмъ самымъ же искус-
ствомъ

Сей нравственный Апелль распишетъ слабость
вамъ,

Для Стояковъ порокъ, но сродную сердцамаъ

Зависимыхъ существъ, рожденныхъ съ нѣжными
чувствомъ...

Ахъ! *слабость жить мечтой*, отъ Рока ожидать
Всего, что мыслямъ льститъ, — *надпяться*
бояться,

Отъ удовольствія и страха трепетать,
Слезами радости и скорби обливаться!...

«Хвалитесь, мудрецы, безстрастиемъ своимъ,
«И будьте камнями на зло самой природѣ!

«Чувствительность! люблю я быть рабомъ твоимъ;

«Люблю предпочитать зависимость свободѣ,

«Когда зависимость есть дѣйствіе твое,

«Свобода жъ дѣйствіе холодности безпечной!

«Кому пойду открыть страданіе мое

«Въ часъ лютыя тоски и горести сердечной?

«Тебѣ ль, Зенонъ? чтобъ ты меня лишь осудилъ,

«Сказавъ, что виненъ я *не властвуя собою*?

«Ахъ! кто нещастія въ сей жизни не вкусилъ,

«Кто не былъ никогда терзаемъ злой судьбою

«И слабостей не зналъ, въ томъ сожалѣнья нѣтъ;

«И рѣдко человекъ, который вѣчно твердъ,

«Бываетъ не жестокъ. Я къ вамъ пойду съ слезами,

«О нѣжныя сердца! вы плакали и сами;

«По чувству, опыту извѣстна горестъ вамъ.

»Къ страдавшимъ страждущій довѣренность

имѣть :

«Кто падалъ, тотъ другихъ поддерживать умѣть.

«Мы вмѣстѣ воскуримъ моленій еяміамъ...

«Молитва общая до Вышняго доходна;

«Молитва общая дѣтей Отцу угодна...

«Онъ исполненіе съ любовью изречетъ;

«Зефиръ съ небесъ для насъ вѣсть сладкую сне-
сетъ;

«Отчаянія мракъ надеждой озарится,

«И мертвый кипарисъ чудесно расцвѣтетъ;

«Кто былъ несчастливъ, вдругъ отъ счастья про-
слезится.»

Богатство, санъ и власть! не щеть васъ Поэтъ;
Но быть хотя на часъ предметомъ удивленья
Милѣ для него земнаго поклоненья
Безчисленныхъ рабовъ. Ему вѣнокъ простой
Дороже, чѣмъ вѣнецъ блистательной, златой.
Съ какою жь ревностью онъ Славу прославляетъ,
И тѣмъ, что любить самъ, сердца другихъ плѣ-
няетъ!

Съ какою ревностью онъ служитъ эхомъ ей,
Гремящій звукъ ея вѣкамъ передавая!
Сынъ Фебовъ былъ всегда хранитель олтарей,
На конхъ, память душъ великихъ обожая,
Потомство омиамъ безсмертію курить.
«Все тлѣнно въ мірѣ семъ, жизнь смертныхъ ско-
ротечна,

«Минутны радости, но слава долговѣчна:

«Живите для нее!» въ восторгѣ онъ гласить:

«Достойна жизни цѣль, достойна жертвъ награда.

«Мудрецъ! ищи ее, трудясь во тьмѣ ночей.

«Да искрой истины возженная лампада

«Освѣтитъ рядъ вѣковъ, и будетъ для людей

«Источникомъ отрады! Творецъ благихъ законовъ!

«Трудись умомъ своимъ для счастья миллионовъ!

«Отдай отечеству себя и жизнь, Герой!

«Для васъ покоя нѣтъ; но есть потомство, слава:
«Исторія для васъ подѣмлетъ грифель свой.
«Вы жертвой будете всемірнаго устава,
«Низыдите во гробъ, но только для очей:
«Для благодарныхъ душъ дни ваши безконечны,
«Послѣдствіемъ своимъ дѣла и разумъ вѣчны:
«Сатурнъ не можетъ ихъ подсѣчь косою своею.
«Народы, коихъ вы рожденія не зрѣли,
«Которыхъ нѣтъ еще теперь и колыбели,
«Васъ будутъ знать, любить, усердно прославлять,
«Какъ Геніевъ земли считать полубогами,
«И клясться вашими святыми именами!»

Такъ свойственно Пѣвцу о славѣ воспѣвать;
Но часто видя, какъ сердца людей коварны,
Какъ души низкія все любятъ унижать,
Какъ души слабыя въ добрѣ неблагодарны,
Онъ въ горести гласитъ: «О слава! ты мечта,
«И лишь вдали твои призраки свѣтозарны;
«Теряется вблизи ихъ блескъ и красота.
«Могу ли отъ того я быть благополучень,
«Что скажетъ обо мнѣ народная молва?
«Щастливо ль сердце тѣмъ, что въ лаврахъ го-
лова?»
«Великій Александръ себѣ былъ въ славѣ скучень,
«И въ чашѣ Вакховой забвенія искалъ.*
«Хвалы Ораторовъ Аѳинскихъ онъ желалъ;
«Но острые умы его пересмѣхали:

* Известно, что Александръ излишне любилъ вино.

«Въ Аоннахъ храбреца безумцемъ называли:
«Ахъ! люди таковы; въ божественныхъ душахъ
«Лишь смотрятъ на порокъ, изящнаго не видятъ;
«Великихъ любятъ всё... въ романахъ, на словахъ,
«Но въ свѣтѣ часто ихъ сердечно ненавидятъ.
«Для счастья вѣковъ трудней умомъ своимъ:
«Въ награду прослывени мечтателемъ пустымъ;
«Будь мудръ, я жди себѣ однихъ насмѣшекъ злоб-
ныхъ.
«Глушцамъ пріятнѣе хвалить себѣ подобныхъ,
«Чѣмъ умныхъ величать; глупцовъ же полонъ
свѣтъ.

«По справедливость намъ потомство отдаетъ!...
«Нешастный! что тебѣ до звѣнія потомковъ?
«Среди могилъ, костей и гробовыхъ обломковъ
«Не будешь чувствовать, что скажутъ о тебѣ, —
«Безумецъ славы рабъ! безумецъ, кто Судьбѣ
«За сей кимвалъный звонъ отдастъ изъ доброй воли
«Спокойствіе души, блаженство тихой доли!
«Не знаетъ счастья, не знаетъ тотъ людей,
«Кто ставитъ ихъ хвалу предметомъ жизни всей!»
Но въ чемъ сынъ Фебовъ такъ съ собою несо-
гласенъ,

Какъ въ пѣсняхъ о любви? то счастье она,
То въ сердце нѣжное на муку вселена;
То миль ея законъ, то гибеленъ, ужасенъ.
Любовь есть прелесть, жизнь чувствительныхъ
сердецъ;

Она жъ въ Поэзіи начало и конецъ.
Любви обязаны мы первыми стихами,
И Феба безъ нее не зналъ бы человекъ.

Прощаясь съ ея эфирными мечтами,
Поэтъ и съ Музами прощается навѣкъ —
Или стихи его теряютъ цвѣтъ и сладость;
Златое время ихъ есть только наша младость.
Внимай: Эротовъ другъ съ веселіемъ поетъ
Щастливую любовь: «Какъ солнце красить свѣтъ
«И міръ физическій огнемъ одушевляетъ,
«Такъ міръ чувствительный любовію живетъ,
«Такъ вѣжнѣйшій огонь ея въ немъ душу согрѣваетъ.
«Она и жизнь даетъ, она и жизни цѣль;
«Училищемъ ея бываетъ колыбель,
«И въ самой старости, у самыхъ могилы
«Ея безцѣпныя воспоминавья млы.
«Когда для тайныхъ чувствъ своихъ предметъ
найдёмъ,
«Тогда лишь прямо жить для щастія начнемъ;
«Тогда узнаемъ мы свое опредѣленье.
«Какъ *первый* человекъ, печально вкусивъ
«Плодь сочный, вдругъ и гладъ и жажду утоливъ,
«Увѣрился, что есть *потребность, наслажденье,*
«Узналъ ихъ связь, предметъ: * такъ юный чело-
вѣкъ,
«Любящій въ первой разъ, увѣренъ въ томъ ду-
шею,
«Что созданъ опъ любить, жить съ милою своею,
«Составить съ ней одно — или томиться ввѣкъ.
«Блаженная чета!... какая кисть опишетъ
«Тотъ радостный восторгъ, когда любовникъ слы-
шитъ

* См. въ Бюффонѣ чувства перваго человека.

- «Слова: люблю! твоя!... одинъ сей райскій мигъ
«Завиднѣе ста лѣтъ, шастливо проведенныхъ
«Безъ горя и бѣды, въ избыткѣ благъ земныхъ!
«Все мило для сердецъ, любовью упоенныхъ;
«Гдѣ тернїе другимъ, тамъ розы имъ цвѣтуть.
«Въ пустышѣ ль, въ нищетѣ ль любовники жи-
вуть,
«Для нихъ равно; вездѣ во всемъ судьбой довольны.
«Неволя самая имъ кажется легка,
«Когда и въ ней они любятъ другъ друга вольны.
«Ахъ! жертва всякая для нѣжности сладка.
«Любовь въ терпѣнїи находитъ утѣшенье,
«И въ вѣрности своей за вѣрность награжденье.
«Надъ сердцемъ милымъ власть милѣе всѣхъ вла-
стей.
«Вздыхаетъ иногда и лучшїй изъ Царей:
«Всегда ли можетъ онъ намъ властію своею
«Блаженство даровать? Въ любви жъ всегда мы ею
«И сами шастливы, и шастїе даемъ,
«Словами, взорами, слезой, улыбкой, — всѣмъ.
«Минута съ милюю есть вѣчность наслажденья,
«И вѣкъ покажется минутой восхищенья!»

Такъ онъ поетъ — и вдругъ, унизивъ голосъ свой,
Изъ тихо-нѣжныхъ струнъ дрожащею рукой
Иные звуки онъ для сердца извлекаетъ...
Ахъ! звуки горести, тоски! Мой слухъ выпнаетъ:
«Я вижу ювошу примѣрной красоты;
«Любовь, сама любовь его образовала;
«Она ему сей взоръ небесный даровала,
«Сїи прелестныя любезности черты.

«Для счастья созданъ онъ, конечно бѣ вы сказали;
«Но томень видѣ его, и черный крепъ печали
«Темнить огонь въ глазахъ. Онъ медленно идетъ
«Искать, не алыхъ розъ среди луговъ весеннихъ—
«И лѣто протекло; цвѣтовъ нигдѣ ужъ нѣтъ —
«Но горестныхъ картинъ и ужасовъ осеннихъ
«Въ унылыхъ рощахъ, гдѣ валится желтый листь
«На желтую траву, гдѣ слышенъ вѣтровъ свистъ
«Между сухихъ деревь; гдѣ лѣтомъ птички пѣли,
«Но гдѣ уже давно ихъ гнѣзда охладѣли.
«Тамъ юноша стоятъ надъ шумною рѣкой;
«И зря печальный гробъ Натуры предъ собой,
«Такъ мыслить: *прежде все здѣсь жило, зеленѣло,*
«*Цвѣло для глазъ; теперь уныло, помертвѣло!..*
«И я душою цвѣлъ, и я для счастья жилъ:
«Теперь навѣкъ увялъ, и съ счастьемъ простился!
«*Начтожь мнѣ жизнь?* сказалъ... въ волнахъ рѣки
сокрылся...

«О нѣжныя сердца! сей юноша любилъ;
«Но милый другъ ему коварно измѣнилъ!...
«Хотите ли змѣю подъ алой розой видѣть;
«Хотите ль жизнь и свѣтъ душой возненавидѣть,
«И въ сердцѣ собственномъ найти себѣ врага:
«Любите!... скоро прахъ вашъ будетъ подъ землею:
«Ахъ! жизнь чувствительныхъ не можетъ быть
долга!
«Любовь для нихъ есть ядъ: восторгомъ и тоскою
«Она мертвитъ сердца; восторгъ есть мигъ — прой-
детъ,
«Но душу отъ другихъ благъ въ мирѣ отвращаетъ:

«Все будетъ скучно ей — тоска же въ ней живетъ
«Какъ лютая змѣя; всегда, всегда терзаетъ.
«Измѣна, вѣтренность, коварство, злой обманъ..
«Кому перечислить всѣ причины огорченій,
«Всѣ бѣдствія любви? ихъ цѣлый океанъ,
«При каплѣ, можетъ быть, сердечныхъ наслажде-
ній!

«Когда увидите страданія черты
«И блѣдность томную цвѣтущей красоты,
«Ахъ! знайте, что любовь тамъ душу изнуряетъ.
«Кто жь щастливымъ себя любовью почитаетъ,
«Тотъ пѣніемъ Сиренъ на время усыплень,
«Но тѣмъ несчастію проснувшись будетъ онъ!» —
Противорѣчій сихъ въ порокъ не должно ставить
Любимцамъ нѣжныхъ Музъ; ихъ дѣло выражать
Оттѣнки разныхъ чувствъ, не мысли соглашать;
Ихъ дѣло не рѣшить но трогать и забавить.
Пусть ищетъ Философъ тѣхъ кладязей подзем-
ныхъ,
Гдѣ истина живетъ безъ всѣхъ гаданій темныхъ,
И гдѣ хранится ключъ Природы для ума!
Здѣсь * сердце говоритъ, но истина нѣма;
Поэты дѣлаютъ языкъ его намъ внятнымъ —
И сердцу одному онъ долженъ быть пріятнымъ.
Оно полюбитъ вещь, не влюбитъ черезъ часъ:
И Музы въ семь ему охотно подражаютъ;
То хвалятъ съ живостью, то съ жаромъ осуждаютъ.
Предметы разный видъ имѣютъ здѣсь для насъ:

* То есть, въ здѣшнемъ свѣтѣ

Съ которой стороны они явятся взору,
И чувству таковы. — Поди въ весенній садъ,
Гдѣ вѣтреный Зефиръ рѣзвлясь, цѣлуетъ Флору
Въ прелестныхъ цвѣтникахъ тамъ зрѣніе плѣнять
И роза и яминъ, и ландышъ и лилея:
Сорви, что выберешь по вкусу своему,
Такъ точно, вѣжнѣйшій вкусъ къ Поэзіи имѣя,
Читай стихи — и вѣрь единственно тому,
Что нравится тебѣ, что сказано прекрасно,
И что съ потребностью души твоей согласно;
Читай, тверди, хвали: хвала стихамъ вѣнецъ.
Поэзія цвѣтникъ чувствительныхъ сердець.

1798 г.

—

ЕГО ИМПЕРАТОРСКОМУ ВЕЛИЧЕСТВУ,

АЛЕКСАНДРУ I, САМОДЕРЖЦУ ВСЕРОССИЙСКОМУ,

НА ВОШЕСТВІЕ ЕГО НА ПРЕСТОЛѢ.

—

Россіи Императоръ новый!
Па тронѣ будь благословенъ.
Сердца пылать Тобой готовы;
Надеждой духъ нашъ оживленъ.
Такъ милыя весны явленье
Съ собой приносить намъ забвенье

Всѣхъ мрачныхъ ужасовъ зимы;
Сердца съ Природой расцвѣтають,
И плодъ во цвѣтѣ предвкушаютъ,
Весна у насъ, съ Тобою мы!

Какъ Ангелъ Божій Ты сіяешь
И благостью и красотой,
И съ первымъ словомъ общаешь
Екатериининъ вѣкъ златой,
Дни щастія, веселья славы,
Когда премудрые уставы
Внутри хранили нашъ покой,
А внѣ Россію прославляли;
Граждане мирно засыпали,
И гражданинъ же былъ герой —

Когда Монаршими устами
Вѣщала милость къ намъ одна,
И правила людей сердцами;
Когда и самая вина
Не рѣдко ею отпускалась,
И власть Монаршая казалась
Намъ властію любви одной.
Какое сердцу услажденье
Имѣть къ Царямъ повиновенье
Изъ благодарности святой!

Се Твой обѣтъ, о Царь Державный,
Сильнѣйшій изъ Владыкъ земныхъ!
Ахъ! Россы вѣрностію славны,
И Вѣнценосецъ святъ для нихъ.

Любимый и любви достойный,
На тронѣ Отческомъ спокойный,
Бреги Ты грома для враговъ,
Рази единое злодѣйство:
Россія есть Твое семейство:
Среди насъ Ты, среди сыновъ.

Воспитанникъ Екатерины!
Тебя Господь Россіи далъ.
Ты урну нашея судьбины
Для дѣлъ великихъ воспріялъ:
Еще ихъ много въ ней хранится,
И духъ мой сладко веселится,
Предвидя ихъ блестящій рядъ!
Сколь жребій Твой, Монархъ, отличенъ!
Предѣлъ добра неограниченъ;
Ты можешь все — еще Ты младъ!

Уже воинской нашей славы
Исполненъ весь обширный свѣтъ;
Предъ нами падали Державы;
Екатериныныхъ побѣдъ
Вѣнки и лавры не увянутъ;
Потомство, вѣки не престанутъ
Ея Героевъ величать:
Румянцева искуснымъ, славнымъ,
Суворова — себѣ лишь равнымъ;
Сражаться, было имъ — карать.

Давно ль еще, о незабвенный
Суворовъ! съ горстію своихъ

На Альпы Марсомъ вознесенный,
Бросалъ ты громъ съ вершины ихъ,
Который, въ безднахъ раздаваясь
И горнымъ эхомъ повторяясь,
Гигантовъ дерзостныхъ разилъ?
Ты богомъ ужаса являлся!...
Тебѣ міръ низкимъ показался,
И ты на небо воспарилъ.

Монархъ! довольно лавровъ славы,
Довольно ужасовъ войны!
Бразды Россійскія Державы
Тебѣ для счастья вручены.
Ты будешь Гепіемъ покоя;
Въ Тебѣ увидимъ мы Героя
Дѣлъ мирныхъ, правоты святой.
Возьми — не мечъ, — вѣсы Феиды,
И бѣдный, не страшась обиды,
Найдетъ безъ злата вѣкъъ златой.

Когда не всѣ законы ясны,
Ты намъ ихъ разумъ изъяснишь;
Когда же въ смыслѣ не согласны,
Ты ихъ премудро согласишь.
Законъ быть долженъ какъ зеркало,
Гдѣ бъ солнце истины сіяло
Безъ всякихъ мрачныхъ облаковъ.
Великъ, какъ Богъ, законодатель;
Онъ мирныхъ обществъ основатель,
И благодѣтель всѣхъ вѣковъ.

Монархъ! еще другія славы
Достойнъ Твой пресвѣтлый тронъ:
Да царствуютъ благіе нравы!
Примѣръ Двора для насъ законъ.
Развратъ, стыдомъ запечатлѣнный,
Въ чертогахъ у Царя презрѣнный,
Бываетъ нравовъ торжествомъ;
Царю придворный угождая,
И добродѣтель обожая,
Для всѣхъ послужить образцомъ.

Есть родъ людей, Царю опасный:
Ихъ рѣчи какъ Индійскій медъ,
Улыбки милы и прекрасны;
По виду — ихъ добрѣ нѣтъ;
Они всегда хвалить готовы;
Всегда хвалы ихъ тонки, новы.
Имъ имя — хитрые льстецы;
Снаружи Ангеламъ подобны,
Но въ сердцѣ ядовиты, злобны,
И въ козняхъ адскихъ мудрецы.

Они отечества не знаютъ;
Они не любятъ и Царей,
Но быть любимцами желаютъ;
Корысть ихъ Богъ: лишь служить ей.
Имъ доступъ къ трону заградится;
Твой слухъ вовѣкъ не обольстится
Коварной, ложной ихъ хвалой.
Ты будешь окруженъ друзьями;

Россіи лучшими сынами;
Отечество одно съ Тобой.

Довольно Патріотовъ вѣрныхъ,
Готовыхъ жизнь ему отдать,
Друзей добра пелицемѣрныхъ,
Могущихъ истину сказать!
У насъ *Пожарскіе* сіяли,
И *Долгорукіе* дерзали
Петру отъ сердца говорить;
Великій соглашался съ ними,
И звалъ ихъ братьями своими. —
Монархъ! Ты будешь насъ любить!

Ты будешь солнцемъ просвѣщенья —
Наукой шастливъ человекъ —
И блескомъ Твоего правленья
Осыпанъ будетъ новый вѣкъ.
Се Музы, къ трону приступая,
И черный крепъ съ себя снимая,
Твоей улыбки милой ждуть!
Онъ сердца людей смягчаютъ:
Онъ жизнь нашу услаждаютъ,
И добраго Царя поютъ!

—

НА ТОРЖЕСТВЕННОЕ КОРОНОВАНИЕ

ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА

АЛЕКСАНДРА І, САМОДЕРЖЦА ВСЕРОССИЙСКАГО.

Il en est des grands, Souverains
comme des Dieux, Comblés de
leurs bienfaits, nous n'avons pas
pour eux des récompenses, mais
nous avons des hymnes.

Thomas.

Россия! торжествуй со славой!
Се юный Царь, краса людей,
Пріялъ вѣнецъ и скиптръ съ державой,
Чтобъ быть примѣромъ для Царей!
Возстань, ликуй, народъ великій!
Блистай, веселіе сердець!
Любовью отдавъ сей вѣнецъ.
Гремите, радостные лики:
«Монархъ и подданный Его
«Въ душѣ желаютъ одного!»

Сколь трудно править самовластно
И Небу лишь отчетъ давать!
Но сколь велико и прекрасно
Дѣлами Богу подражать!
Его вельнѣямъ вѣтъ препоны;
Но Онъ творя благотворить.

Онъ можетъ все, но свято чтить
Его жь премудрости законы —
И Фебъ въ сѣяніи своемъ
Течетъ всегда однимъ путемъ.

Монархъ Россіи, полусвѣта!
Ты Самъ Себѣ въ добръ законъ.
Другой, въ Твои младыя лѣта
Возсѣвъ на великолѣпный Тронъ,
Хотѣлъ бы роскоши цвѣтами
Свой путь блестящій устилать
И дни забавами считать;
Но Ты священными трудами
Какъ будто платишь намъ за власть;
Въ тебѣ одна ко благу страсть.

Короны блескомъ ослѣпленны,
Другой въ подвластныхъ зреть — рабовъ;
Но Ты, душею просвѣщенный,
Не терпишь стука ихъ оковъ;
Тебѣ одна любовь прелестна:
Но можно ли рабу любить?
Ему ли благодарнымъ быть?
Любовь со страхомъ не совмѣстна;
Душа свободная одна
Для чувствъ ея сотворена.

Сколь необузданность ужасна,
Столь ты, свобода, намъ мила,
И съ пользою Царей согласна;
Ты вѣчно славой ихъ была.
Свобода тамъ, гдѣ есть уставы,

Гдѣ добрый не боится жить;
Тамъ рабство, гдѣ законовъ нѣтъ,
Гдѣ гибнетъ правый и неправый!
Свобода мудрая свята,
Но равенство одна мечта.

Пріятна зрѣнію картина:
Различною игрой цвѣтовъ;
Для глазъ печальна та равнина,
Гдѣ нѣтъ ни рожей, ни холмовъ.
Сей дубъ, Природой вознесенный,
Для низкихъ древъ не есть ли щитъ?
Пусть буря грозная свиститъ:
Миртъ слабый, дубомъ осконченный,
Растетъ покойно и цвѣтетъ —
Такъ въ обществѣ народъ живетъ.

Монархъ! Ты ясными чертами
Права гражданства раздѣляя,
И зрѣлой мудрости плодами
Утѣшилъ насъ — и удивилъ.
Ты краткимъ временемъ правленья
Умѣлъ сердца навѣкъ плѣнить.
Уже спокойно можно жить
По волѣ рока, Провидѣнья. —
Невинныхъ радостей искать
И счастье въ мірѣ избирать!

Покой стихія челоуѣка:
И Ты успѣлъ намъ дать его!
Ахъ! многіе Цари, полвѣка
Владѣвъ, не сдѣлали того.

Ты дни дарами блага числишь,
Какъ древле мудрый Антонинъ;
Довольны все — но Ты одинъ
Предъ образомъ Петровымъ мыслишь:
«Монархъ, не совершивъ всего,
«Еще не сдѣлалъ ничего!» *

О радость! о восторгъ!... читаю
Я таинство души Твоей,
И славу Россовъ созерцаю
Во глубинѣ грядущихъ дней!...
«Россія, міра половина,
Отвратъ зимы, Качмагскихъ льдовъ,
До красныхъ Невскихъ береговъ,
До странъ Колхиды и Эвкена,
Во всей обширности своей
Сіяетъ.... счастьемъ людей!

«Моря покрыты кораблями;
Флагъ Россовъ вѣетъ на кормахъ;
Сынъ Маинъ ** нашими руками
Сбираетъ дань во всехъ странахъ.
Вездѣ прелестныя картины
Избытка, сельской красоты,
Невинной, милой простоты:
Цвѣтутъ съ улыбкою долины,
Блистаютъ классами поля —
Эдемомъ кажется земля!

* Слава Петра Великаго.

** Богъ торговли.

«Искусство украшаетъ грады;
Вездѣ съ богатствомъ видѣць вѣкусь.
Вездѣ Аены, вертограды
Для Фебы и любезныхъ Музъ;
Вездѣ ихъ блескъ, очарованье,
Подъ кровомъ мирной тишины;
Врата темницъ отворены,
Въ судахъ глубокое молчанье,
И воинъ, овершивъ на шить,
Главу склонивъ, покойно спитъ...»

У насъ Астрея! восклицаю:
Или воскресъ Сатурновъ вѣкъ!
Отвѣту Клинъ * я внимаю:
«У васъ на тронѣ — человекъ!
«Премудрый Александръ; рожденный
«Въ вѣнцѣ Отечеству служить,
«Въ сердцахъ и лѣтописяхъ жить!
«Во дни Его благословенны
«Умомъ Россія возрасла,
«Въ добрѣ и нравахъ процвѣла.

«Онъ зналъ, что Царское правленіе
«Есть царство свѣта, а не тьмы;
«Имѣлъ о нравахъ попеченье,
«Сіялъ какъ солнце на умы;
«Радѣлъ о благѣ воспитанья:
«Въ началѣ зло искоренялъ;

* Муза Исторіи.

«Учась, и рѣдко прибѣгалъ
«Къ сѣкирѣ грозной наказанья;
«Онъ зналъ обязанность Царей,
«Быть Провидѣніемъ людей!

«Страна, окованная хладомъ,
«Гдѣ чувство, жизнь усыплены,
«Является прекраснымъ садомъ
«Отъ взора теплыя весны:
«Такъ все, и самая Природа
«Въ той щастливой странѣ цвѣтеть,
«Въ которой на престолъ взоидетъ
«Избранный Мужъ, Отецъ народа...
«Воззри: сей великолѣпный храмъ
«Воздвигнуть въ память всѣмъ вѣкамъ —

«Се храмъ Безсмертія и Славы!
«Тамъ вмѣстѣ съ Истинной святой
«Потомству я пишу уставы!
«Тиранамъ страшенъ свитокъ мой,
«Монархамъ добрымъ онъ любезенъ;
«Хвалю, клянусь — и гласъ вѣковъ
«Есть звукъ Моихъ священныхъ словъ.
«Мой судъ народамъ былъ цолезенъ:
«Никто его не избѣжалъ;
«Онъ часто совѣсть воскрешалъ.

«Тамъ — тамъ сіяютъ Антонины;
«Тамъ долженъ Александръ сіять
«Между Петра, Екатерины,
«И титло *Мудраго* пріять

«Въ залогъ безсмертія и славы!...»
Да будетъ!... О Монархъ сердце!
Россия, Царствъ земныхъ вѣнецъ,
(Колосъ почтенный, величавый!)
Да будетъ подъ Твоимъ жезломъ
Добра и щастія вѣнцомъ!

И будетъ! — Медленно Природа
Готовитъ злато и серебро
Во глубинѣхъ земнаго свода:
Увы! зло легче, чѣмъ добро!
Исторія тому свидѣтель;
Но Ты Отечества Отецъ,
Для подданныхъ второй Творецъ,
Съ Тобою Богъ и Добродѣтель:
Трудись!... давай уставы намъ,
И будешь *Первый* по дѣламъ!

Монархъ! въ послѣдній разъ предъ Трономъ
Дерзнулъ я съ лирою предстать;
Мнѣ сердце было Аполлономъ:
Люблю хвалить, но не ласкать;
Хвалилъ, гласъ общій повторяя.
Другіе славные Пѣвцы
Отъ музъ примутъ въ даръ вѣнцы,
Тебя безъ лести прославляя:
Я въ храмъ Исторіи * иду,
И тамъ... дѣла Твои найду.

* Авторъ занимается Россійскою Исторією.

МЕЛАНХОЛІЯ.

ПОДРАЖАНІЕ ДЕЛІЛЮ.

Страсть нѣжныхъ, кроткихъ душъ, судьбою угнетенныхъ,

Нешастныхъ щастіе и сладость огорченныхъ!

О меланхолія! ты имъ милѣе всѣхъ

Искусственныхъ забавъ и вѣтренныхъ утѣхъ.

Сравнится ль что нибудь съ твоею красотою,

Съ твоей улыбкою и съ тихою слезою?

Ты первый скорби врачъ, ты первый сердца другъ:

Тебѣ оно свои печали повѣряетъ;

Но утѣшаясь, ихъ еще не забываетъ.

Когда освободясь отъ ига тяжкихъ мукъ,

Нешастный отдохнетъ въ душѣ своей унылой,

Съ любовію ему ты руку подаешь,

И лучше радости, для горестныхъ немилый,

Ласкаешься къ нему, и въ грудь отраду льешь

Съ печальной кротостью и съ видомъ умиленья.

О Меланхолія! нѣжнѣйшій переливъ

Отъ скорби и тоски къ утѣхамъ наслажденья!

Веселья нѣтъ еще, и нѣтъ уже мученья;

Отчаянье прошло... Но слезы осушивъ,

Ты радостно на свѣтъ взглянуть еще не смѣешь,

И матери своей, Печали, видъ имѣешь.

Бѣжишь, скрываешься отъ блеска и людей,

И сумерки тебѣ милѣе ясныхъ дней.

Безмолвіе любя, ты слушаешь увылый
Шумъ листьевъ, гордыхъ водъ, шумъ вѣтровъ и
морей.

Тебѣ пріятенъ лѣсъ, тебѣ пустыни милы;
Въ уединеніи ты больше съ собой.

Природа мрачная твой нѣжный взоръ цѣняетъ:
Она какъ будто бы печалится съ тобой.

Когда свѣтло дня на небѣ угасаетъ,
Въ задумливости ты зриаешь на него.

Не шумныя весны любезная веселость,
Не лѣта пышнаго роскошный блескъ и зрѣлость

Для грусти твоея пріятнѣе всего,

Но осень блѣдная, когда изнемогая

И томною рѣкою вѣнокъ свой обрывая,

Она кончины ждетъ. Пусть веселится свѣтъ

И счастье грубое въ разсвѣтаніи новомъ

Старается найти: тебѣ въ немъ нужды нѣтъ;

Ты счастлива мечтой, одною мыслью — словомъ!

Тамъ музыка гремитъ, въ огняхъ пылаетъ домъ;

Блистаютъ красотой, алмазами, уютомъ:

Тамъ пиршество.... но ты не видишь, не внимаешь,

И голову свою на руку опускаешь;

Веселіе твое — задумавшись молчать,

И на прошедшее взоръ нѣжный обращать.

1800 г.

ГИМНЪ ГЛУПЦАМЪ.

Блаженъ — не тотъ, кто всѣхъ умнѣе:
Ахъ нѣтъ! онъ часто всѣхъ грустнѣе —
Но тотъ, кто будучи глупцомъ,
Себя считаетъ мудрецомъ!
Хвалю его! блаженъ стократно,
Блаженъ въ безуміи своемъ!
Къ другимъ здѣсь щастіе превратно:
Къ нему всегда стоитъ лицомъ.

Ему ли ссориться съ судьбою,
Когда доволенъ онъ собою?
Ему ль чернить сей бѣлой свѣтъ?
По маслу жизнь его течеть.
Онъ ѣсть пріятно, дремлетъ сладко;
Ничѣмъ въ душѣ не оскорбленъ.
Такъ міръ для глупыхъ совершенъ.

Когда другой съ умомъ обширнымъ
Прославивъ Философомъ всемірнымъ,
Вздыхаетъ, чувствуя, сколь онъ
Еще отъ цѣли удалёнъ;
Какими узкими стезями
Намъ должно мудрости искать;
Какъ трудно слабыми очами
Неправду съ правдой различать;

Когда Сократъ, мудрецъ славнѣйшій,
Но въ славѣ всѣхъ другихъ скромнѣйшій,
Всю жизнь наукамъ посвятивъ,
Для нихъ и жизни не щадивъ,
За тайну людямъ объявляетъ,
Что все загадка для него,
И мудрый развѣ то лишь знаетъ,
Что онъ — не знаетъ ничего:

Тогда глупецъ въ мечтѣ приятной
Намъ хвалить умъ свой необъятной:
«Ему подобныхъ въ мірѣ нѣтъ!»
Хотите ль? звѣзды онъ сочтетъ
Вѣрнѣ нашихъ Астрономовъ.
Хотите ль? онъ расскажетъ, какъ
Сіяетъ солнце въ царствѣ Гномовъ;
И радъ божиться вамъ, что такъ!

Боясь ступить неосторожно,
И зная, какъ упасть возможно,
Смиренно смотритъ внизъ мудрецъ:
Глядитъ спесиво вверхъ глупецъ —
Споткнется ль, въ яму упадая?
Нѣтъ нужды! встанетъ безъ стыда
И грязь съ себя рукой стирая,
Онъ скажетъ: *это не бѣда!*

Съ умомъ въ покоѣ нѣтъ покоя.
Одинъ для имени Героя
Радъ міръ въ могилу обратить,
Для крестика безъ носа быть;

Другой, жедая громкой славы,
Весь вѣкъ надъ риемами корпить:
Глупецъ смѣется: «вотъ забавы!»
И самъ — за бабочкой бѣжить!

Ему нѣтъ дѣла до Правленій,
До тонкихъ, трудныхъ умозрѣній,
Какъ страсти къ благу обращать,
Людей учить и просвѣщать.
Царь кроткій или Царь ужасный
Любезенъ, страшенъ для другихъ;
Глушцы Нерону не опасны:
Неровъ не страшенъ и для нихъ.

Другимъ чувствительность страданье,
Любовь не даръ, а наказанье:
Кто жь вѣкъ свой прожилъ не любя?
Глупецъ!.... онъ любить лишь себя,
И слѣдственно любимъ не можно;
Не вѣдаетъ измѣны злой!
Другимъ грустить въ разлукѣ должно:
Онъ веселъ — онъ всегда съ собой!

Когда, узнавъ людей коварныхъ,
Холодныхъ и неблагодарныхъ,
Душею пѣжиый человекъ
Клянется ихъ забыть навѣкъ,
И хочетъ лучше жить съ звѣрями,
Чѣмъ жертвой лицемѣровъ быть:
Глупецъ считаетъ всѣхъ друзьями,
И мнить: «меня ли не любить?»

Есть томная на свѣтѣ мука,
Змѣя сердець; ей имя *скука*:
Она летаетъ по землѣ,
И плаваетъ на кораблѣ;
Она и съ дѣломъ и съ бездѣльемъ
Приходитъ къ мудрымъ въ кабинетъ;
Ни шумомъ свѣтскимъ, ни весельемъ
Отъ скуки умный не уйдетъ.

Но щастливый глупецъ не знаетъ,
Что скука въ свѣтѣ обитаетъ.
Гремешку въ руки — онъ блаженъ
Одинъ среди безмолвныхъ стѣнъ!
Съ умомъ всѣ люди Гераклиты,
И не жалѣютъ слезъ своихъ;
Глушцы же сердцемъ Демокриты:
Родъ смертныхъ Армекинъ для нихъ!

Они судьбу благословляютъ,
И быть умнѣе не желаютъ.
Раскроемъ лѣтопись временъ:
Когда былъ человекъ блаженъ?
Тогда, какъ, думать не умѣя,
Безъ смысла онъ *желудкомъ жилъ*.
Для глупыхъ здѣсь всегда Астрея,
И вѣкъ златой не проходилъ.

ФИЛИНЫ И СОЛОВЕЙ,

или

ПРОСВѢЩЕНІЕ.

Басня.

Узнали филины намѣреніе Феба
Ея величество, ночь темную, согнать
Съ престола древняго земли и неба,
И сутки цѣлыя безъ отдыха сіять.
«Что! что!» кричатъ они: «разрушить царство
нощи,
«Въ которомъ намъ такъ мило жить,
«И сонныхъ птицъ давить
«Во мракѣ тихой роши!
«Кто Фебу далъ такой совѣтъ?...»
«Не вы, друзья мои: не филины, не воры,»
Сказалъ имъ соловей: «не правится вамъ свѣтъ:
«Его боятся хищныхъ взоры!
«Я ночью пѣлъ одинъ, и всѣ плѣнялись мной;
Въ день будетъ у меня совмѣстниковъ довольно:
«Ихъ также награждать хвалою...
«Лишиться славы больно,
Но ею съ братьями охотно подѣлюсь,
«И солнцемъ веселюсь,
«Когда въ его сіяньи

«Для міра болѣе утѣхъ,
«Чѣмъ въ горестномъ мерцаньи.
«Злой мыслить о себѣ, а доброй обо всѣхъ;
«Злой любитъ мракъ густой, а доброй просвѣщен-
ье.
«Къ нещастью долженъ я сказать вамъ въ утѣше-
нне,
«Что въ самой ясной день
«Для васъ еще найдется тѣнь!»

1803 г.

ЭПИТАФІЯ

КАЛИФА АБДУЛРАНА.

Богатства, слава, власть! я вами наслаждался;
Востокъ и Западъ мнѣ со страхомъ поклонялся;
Съ престола я свергалъ сильнѣйшихъ изъ Царей;
Полвѣка богомъ слыгъ, былъ щастливъ — десять
дней!

С Т И Х И

НА СЛОВА, ЗАДАННЫЯ МНѢ ХЛОЕЮ: *мигъ, картина и
дверь.*

1.

М И Г Ъ.

Какое слово мнѣ даю!...
Оно важнѣе всѣхъ; оно
Есть все!... Конечно; власть и слава,
Печаль, веселье и забава...
Увы! и щастіе сердцеъ,
И чувство сладкаго покоя —
И самая любовь, о Хлоя!
Ея начало и конецъ —
Не есть ли *мигъ* единый въ свѣтѣ?
Теперь я, на примѣръ сказать,
Сяду покойно въ кабинетъ,
Хочу къ тебѣ стихи писать;
Но естли ты въ сей *мигъ* явишься,
Въ меня влюбленной притворишься,
То въ *мигъ* — спокойствіе прощай!
Стихи въ каминъ!... у ногъ прекрасной
Лежу, горю любовью страстной!
Лишь только шутку продолжай:
Я въ *мигъ* смѣлѣе, Хлоя, буду;

Учтивость, можетъ быть, забуду,
И въ *мигъ*... откроется обманъ!
Тогда, какъ хладный истуканъ,
Душею въ *мигъ* оледѣнѣю;
Отъ страсти пылкой исцѣлюсь,
И въ *мигъ* — съ тобою засмѣюсь.

Такъ вы любезностью своею
Насъ въ *мигъ* пленяете всегда,
Не думая плѣняться нами!
Но въ *мигъ* же, Хлоя, иногда
Въ сѣтяхъ бываете и сами;
Кто былъ смѣшенъ, въ *мигъ* станетъ милъ;
Но *мигъ* — и слѣдъ любви простылъ!

Въ одинъ же *мигъ* — ахъ! мысль ужасна! —
Дерзнетъ нескромность утверждать,
Что ты *была*, *была* прекрасна;
Но въ *мигъ* — велю ей замолчать!

2.

КАРТИНА.

Картина миѣ мила въ Природѣ,
Когда я съ сердцемъ на свободѣ
Гуляю по коврамъ луговъ,
Смотрю вдали на мракъ лѣсовъ,
Лучами солнца озлащенныхъ;
Или на лабиринтъ ручьѣвъ,
Самой Натурой проведенныхъ
Въ изгибахъ для красы полей.

Картина мнѣ мила въ Поэтѣ,
Когда онъ кистию своею
Цвѣты наводитъ на предметѣ
И пишетъ словомъ, какъ рукой.
Картина мнѣ мила — въ картинѣ,
Когда волшебною игрою
Всѣ краски дышутъ на холстинѣ
И лица говорить хотятъ;
Я, правда, не знатокъ, но радъ
Всегда Корреджію дивиться,
И даже — въ полотно влюбиться.
Но я бываю врагъ картинъ,
Когда прелестницы желаютъ
Быть только ими для мужчинъ,
И все другое забываютъ.
Цвѣты и краски хороши;
Но ахъ! въ картинѣ нѣтъ души!

3.

Д В Е Р Ь .

Въ златой прекрасной вѣкъ
Не вѣдалъ человекъ
Ни двери ни замковъ желѣзныхъ,
И домъ и сердце открывалъ
Для братьевъ, ближнихъ и любезныхъ:
Такъ всѣхъ людей онъ называлъ.
Но время премѣнилось,
И гибельное зло,
Увы! къ намъ въ дверь вошло,
Замокъ съ собою принесло,

И сердце съ домо́мъ затворилось.
Сталь смертнѣй — Камергеръ съ ключемъ;
Сидитъ за *дверью*, и не всѣмъ
Ее охотно отпираетъ;
По стуку чело́вѣка знаетъ:
Какъ рыба притаясь молчитъ,
Когда рукою въ *дверь* стучитъ.
Досадный кредиторъ, проситель
Съ бумагою, безъ серебра;
Или старинный покровитель,
Въ немилость впавшій у Двора;
Или любовница съ слезами,
Уже оставленная нами!
Нѣтъ дома! вѣрь или не вѣрь:
Для нихъ не отперется *дверь*.
Но *двери* настежь для случайныхъ,
Для ихъ друзей, извѣстныхъ, тайныхъ,
Для челобитчика съ мѣшкомъ,
Для камердинера съ письмомъ,
Отъ женщины, душѣ любезной,
Или другимъ чѣмъ намъ полезной;
Для милостивыхъ подлецовъ
И нашихъ ревностныхъ льстецовъ!

Блаженъ, кто двери запираетъ
Всегда для глупыхъ, злыхъ людей,
И вмѣстѣ съ сердцемъ отворяетъ
Ихъ только для своихъ друзей!

1802 г.

СТИХИ КЪ ПОРТРЕТУ

И. И. ДМИТРИЕВА.

—
1.

«Министръ, Поэтъ и другъ: я все тремя словами
«Объ немъ для похвалы и зависти сказалъ.
«Прибавлю, что чиновъ и риємъ онъ не искалъ,
«Но риѣмы и чины къ нему летѣли сами!»

2.

Онъ съ честью былъ Министръ, со славою Поэтъ;
Теперь для дружества и счастья живетъ.

—
КЪ ЭМИЛИИ.

—
Подруга милая моей судьбы смиренной,
Которою меня Богъ щедро наградилъ!
Ты хочешь, чтобы я, спокойствомъ усыпленной
Для свѣта и для Музъ, талантъ мой пробудилъ,
И людямъ о себѣ напомнилъ бы стихами.
О чемъ же мнѣ писать? Въ душѣ моей одна,
Одна живая мысль; я разными словами
Могу сказать одно: душа моя полна
Любовію святой, блаженствомъ и тобою;
Другое кажется мнѣ скучной суетою.

Сказавъ тебѣ: люблю! уже я все сказалъ.
Любовь и счастье въ романахъ говорливы,
Но въ истинѣ своей и въ сердцахъ молчаливы.
Когда я счастье себя воображалъ;
Когда искалъ его подъ бурнымъ небомъ свѣта,
Тогда о прелестяхъ сокрытаго предмета
Я часто говорилъ; игралъ умомъ своимъ,
И тѣни прибирать любилъ однѣ къ другимъ,
Въ отсутствіи себя портретомъ утѣшая;
Тогда я счастливъ былъ, о счастья мечтая:
Мечта пріятна намъ, когда она жива.
Но нынѣ, милый другъ, сильнѣйшія слова
Не могутъ выразить сердечныхъ наслажденій,
Которыя во всемъ съ тобою нахожу.
Блаженство предо мной: я на тебя гляжу!
Считаю радости свои числомъ мгновений,
Не думая о томъ, какъ ихъ изображать.
Любовникъ можетъ ли любовницу писать?
Картина пишется для взора, а не чувства;
И сердцу угодить не станетъ въ вѣкъ искусства.
Но еслибъ я и могъ, любовью вдохновенъ,
Въ стихахъ своихъ излить всю силу, нѣжность
жара,
Которымъ твой супругъ счастливый упоенъ,
И кистию живою, и чародействомъ дара
Все счастье свое какъ въ зеркалѣ явить:
Не думай, чтобы тѣмъ я могъ другихъ пачинить.
Ахъ, нѣтъ! сердечный звукъ столь тихъ, что онъ
не внятенъ
Въ мятежныхъ суетахъ и въ хаосѣ страстей.
Кто истинно блаженъ, тотъ свѣту непріятенъ,

Служа сатирою почти на всѣхъ людей.
Столь рѣдко щастіе! и столь несправедливы,
Понятія объ немъ! Иначе кто въ сребрѣ,
Въ приманкахъ гордости, въ чинахъ и при Дворѣ.
Искалъ бы здѣсь его? Умы самолюбивы:
Я спорить не хочу; но мнѣ позволять быть
Довольнымъ въ хижинѣ, любимымъ — и любить!
Такъ пастырь съ берега взираетъ на волненья
Нептуновыхъ пучинъ, и видитъ корабли
Игралищемъ стихій; желаетъ имъ спасенья,
Но радъ, что онъ стоитъ надежно на земли.
Нѣтъ, нѣтъ, мой милой другъ! сердечное блажен-

ство

Желаетъ тишины, а Музы любятъ шумъ;
Не истина, но блескъ въ Поэтѣ совершенство
И ложь красивая плѣняетъ свѣтскій умъ
Скорѣе, чѣмъ языкъ простой, нелицемѣрный,
Которымъ говорятъ правдивыя сердца.
Сказавъ, что всякой день, съ начала до конца,
Мы любимъ быть одни; что мы другъ другу вѣр-

ны

Во всѣхъ движеніяхъ открытыя души;
Сказавъ, что всё для насъ минуты хороши,
Въ которыя никто намъ не мѣшаетъ вольно
Другъ съ другомъ говорить, другъ друга цѣловать,
Ласкаться взорами, задуматься, молчать;
Сказавъ, что малаго всегда для насъ довольно;
Что мы за все, за все Творца благодаримъ,
Не просимъ чуждаго, но щастливы своимъ,
Моля Его, чтобъ Онъ безъ всякихъ прибавленій

Оставилъ все, какъ есть, въ самихъ насъ и во-
кругъ:

Я вкусу знатоковъ не ужогу, мой другъ!

Гдѣ тутъ Поэзія? гдѣ вымысль украшеній?

Я истину скажу; но кто повѣритъ ей?

Когда пылающій любовникъ (часто мнимый)

Стихами говоритъ любовницѣ своей,

Что для него она предметъ боготворимый;

Что онъ единственно къ ней страстію живетъ,

За нѣжный взоръ ея короны не возьметъ,

И прочее: тогда ему иной повѣритъ:

«Любовникъ, думаютъ, въ любви не лицемеритъ;

«Обманываетъ онъ себя, а не другихъ.»

Но чтобъ супружество для сердца было раемъ;

Чтобъ въ мирной тишинѣ пріятностей своихъ

Оно казалось всегда цвѣтущимъ Маемъ,

Безъ хлада и грозы; чтобъ нѣжный Гименей

Былъ страстенъ, и еще сильнѣе всѣхъ страстей:

То люди назовутъ безсовѣстнымъ обманомъ.

Исторія любви тамъ кажется романомъ,

Гдѣ все романами и дышетъ и живетъ.

Нѣтъ, милая! любовь супруговъ такъ священна,

Что быть должна отъ глазъ нечистыхъ сокровен-
на;

Ей сердцехрамъ святой, свидѣтель Богъ, не свѣтъ;

Ей счастье другъ, не Фебъ, другъ свѣта и при-
творства:

Она по скромности не любитъ стихотворства.

БЕРЕГЪ.

Послѣ бури и волненья,
Всѣхъ опасностей пути,
Мореходцамъ нѣтъ сомнѣнья
Въ пристань мирную войти.

Пусть она и неизвѣстна!
Пусть ее на картѣ нѣтъ!
Мысль, надежда имъ прелестна
Тамъ избавиться отъ бѣдъ.

Естьли жь взоромъ открываютъ
На берегу друзей, родныхъ,
О блаженство! восклицаютъ,
И летятъ въ объятя ихъ.

Жизнь! ты море и волченье!
Смерть! ты пристань и покой!
Будетъ тамъ соединенье
Разлученныхъ здѣсь волной.

Виду, вижу... вы маните
Насъ къ таинственнымъ брегамъ!...
Тѣни милья! храните
Мѣсто подлѣ васъ друзьямъ!

КЪ ДОВОДЪТЕЛН.

О ты, которая была
Въ глазахъ моихъ всегда прелестна,
Душѣ моей всегда мила
И сердцу съ юности извѣстна!
Вхожу въ святилище Твое;
Объемлю, чувствомъ вдохновенный,
Твой жертвенникъ уединенный!
Одно усердіе мое
Даетъ мнѣ право не чуждаться
Твоихъ священныхъ олтарей,
И въ пламенной душѣ моей
Твоимъ блаженствомъ наслаждаться!

Нѣтъ дѣлъ моихъ передъ Тобой!
Не сыпалъ злата я на бѣдныхъ:
Мнѣ злата не дано судьбой;
Но глазъ заплаканныхъ, лицъ блѣдныхъ
Не могъ безъ грусти замѣчать;
Дружился въ сердцѣ съ угнетеннымъ,
И жалобамъ его священнымъ
Любилъ съ прискорбіемъ внимать;
Любилъ суды правды Рока,
Невинныхъ, добрыхъ торжество.
«Есть гробъ, безсмертье, Божество!»
Я мыслить, видя тронъ порока.

Нѣтъ, нѣтъ! я не былъ ослѣпленъ
Симъ блескомъ, сколь онъ ни прекрасенъ!
Драконъ на время усыпленъ,
Но самый сонъ его ужасенъ.
Злодѣй на Этнѣ строить домъ,
И пепель подъ его ногами;
Тамъ лава устлана цвѣтами,
И въ тишинѣ таятся громъ.
Пусть онъ не знаетъ угрызенья!
Онъ не достоинъ знать его.
Безчувственность есть адъ того,
Кто зло творить безъ сожалѣнья.

Нѣтъ, въ мысляхъ я не унижалъ
Твоихъ страдальцевъ, Добродѣтель.
Жальтъ объ нихъ я не дерзалъ!
Въ оковахъ рабъ, въ вѣнцѣ Владѣтель,
Равно здѣсь щастливы Тобой.
Твоею силой укрѣпленный,
На мѣсто казни возведенный,
Достинъ зависти Герой:
У ногъ его лежитъ вселенна!
Онъ намъ оставитъ тлѣнный прахъ,
Но духъ его на небесахъ —
Душа сама собой блаженна.

Когда мѣръ цѣлый трепеталъ *
Волнуемый страстями злыми:

* Во время Революціи.

Мой взоръ знаменъ Твоихъ искалъ:
Я сердцемъ слѣдовалъ за нимъ!
Творилъ обѣты... слезы лилъ
Отъ радости и скорби тайной...
Кто въ вѣкъ чудесной, чрезвычайной
Призракомъ не обмануть былъ?
Когда жь людей невинныхъ кровью
Земля дымиться начала,
Мнѣ свѣтъ казался адомъ зла...
Свободу я считалъ любовью!....

Я былъ игралищемъ страстей,
Родясь съ чувствительной душою:
Ихъ огонь пылалъ въ груди моей;
Но сердце съ милою мечтою
Всегда сливало образъ Твой:
Прости!... Ахъ! лѣта заблужденій
Текутъ стезею огорченій;
Намъ страшень въ младости покой
И терніемъ любезны розы!...
Я жертвой, не тираномъ былъ,
И въ нѣжныхъ горестяхъ любилъ
Свои, а не чужія слёзы!

Не совѣстью, одной тоской
Я въ жизни болѣе терзался;
Виновный только предъ собой,
Сквозь слезы часто улыбался!
Когда же, сердцемъ увлечень,
Не помнилъ я, въ восторгахъ страсти,
Твоей, о Добродѣтель! власти,

И, блескомъ счастья ослѣпленъ,
Спѣшилъ за нимъ на путь неправый:
Я былъ загадкой для себя:
Какъ можно столь любить Тебя
И нарушать Твои уставы!

Преплывъ обширный океанъ,
Черезъ многія пучины, мели;
Собравъ богатства дальнихъ странъ,
Пловецъ стремится къ вѣрной цѣли,
Къ своимъ отеческимъ берегамъ,
И взоръ его нетерпѣливый
Уже открылъ ей край щастливый;
Онъ мыслить радостно: «я тамъ!...»
Вдругъ буря въ ужасъ все приводитъ —
Корабль скрывается въ волнахъ!
Пловецъ не гибнетъ — но въ слезахъ
Онъ нищимъ на берегъ выходитъ!

Вотъ жребій мой!... Ахъ! я мечталъ
О тихой пристави, покоѣ;
Но буря и свирѣпый валъ
Сокрыли щастіе златое!
Пристанища въ семь мѣръ нѣтъ,
И насъ съ послѣднею волною,
Въ землѣ подъ гробовой доскою,
Къ себѣ червь кровоглавый ждетъ!...
Блаженъ, кто не былъ здѣсь свидѣтель
Погибели своихъ друзей,
Или въ несчастяхъ жизни сей
Тобой утѣшенъ, Добродѣтель!...

Смотрю на небо: тамъ цвѣты
Въ прелестныхъ радугахъ играютъ;
Златая, яркія черты
Одна другую пресѣкаютъ,
И вдругъ, въ пространствахъ высоты,
Сливаются съ ночнымъ мерцаньемъ....
Но можно ль съ *сѣвернымъ сіяньемъ*
Сравнять сей жизни красоты?...
Оно угасло — но блистаетъ
Еще полярная звѣзда:
Такъ Добродѣтель никогда
Во мракъ насъ не оставляетъ!...

Остатокъ радостей земныхъ,
Дочь милую, кропя слезами,
Въ восторгъ нѣжныхъ чувствъ моихъ
Къ Тебѣ дрожащими руками
Подъемлю, и молю: будь ей
И горемъ здѣсь и утѣшеньемъ,
Безъ счастья вѣрнымъ наслажденьемъ!
Въ послѣдній часъ судьбы моей
Ее ко груди прижимая,
Да обвиню я въ ней Тебя!
Да гасну, васъ равно любя,
И милой милую вручая!

1803 г.

=

С Т И Х И

НА СКОРОПОСТЫЖНУЮ СМЕРТЬ

ПЕТРА АФАНАСЬЕВИЧА ЧЕЛЬСКАГО. *

Вчера въ моемъ уединенъи
Я съ нимъ о жизни разсуждалъ,
О нашемъ горь, утѣшенъи;
Вчера съ друзьями онъ гулялъ
По рошамъ мирнымъ въ вечеръ ясный;
Глазами солнце проводитъ
На западъ тихій и прекрасный,
И виды сельскіе хвалилъ!...
Слѣды его еще не скрылись
На сихъ коврахъ травы густой;
Еще цвѣтки не распрямылись,
Измятые его ногой —
Но онъ навѣкъ отъ насъ сокрылся!...
Едва вздохнулъ — и вдругъ печезъ!
Съ дѣтьми, съ друзьями не простился!
Мы плачемъ: онъ не видитъ слезъ!...
Ахъ! въ гробъ мертвые спокойны!
Ихъ время горевать прошло....

* 9 Мая онъ обѣдалъ у меня въ деревнѣ и провелъ вечеръ

Смерть только для живыхъ есть зло;
Могилы зависти достойны —
Ничтожество не страшно въ нихъ!...
Нашъ другъ былъ веселъ для другихъ
Умомъ, любезностью своею,
Но тайно мучился душою...
Ахъ! онъ умѣлъ боготворить
Свою любовницу-супругу! *
Оплакавъ милую подругу,
Кто можетъ въ жизни щастливъ быть?
Я видѣлъ Пельскаго въ жилищѣ
Усопшихъ, посреди могилъ:
Онъ тамъ рѣкою слезы лилъ!...
Тамъ было и его гульбище,
Равно прелестное для насъ,
Равно любившихъ и любимыхъ,
Ко гробу сердцемъ приводимыхъ!...
Тамъ тихій изъ-подъ камня гласъ
Ему вѣщалъ ли въ утѣшенье,
Что самъ онъ скоро отдохнетъ
Отъ жизни, въ коей щастья нѣтъ?...
Гдѣ радость есть приготовленье
Къ утратамъ и печалямъ вновь;
Увы! гдѣ самая любовь,
Нѣжнѣйшихъ душъ соединенье,
Готовитъ только сожалѣнье
И гаснетъ навсегда въ слезахъ,
Тамъ есть ли въ благахъ совершенство?...

* Она скончалась въ прошломъ году.

Мечта прелестная, блаженство!
Мелькая въ сердце и въ глазахъ,
Ты насъ желаньемъ утомляешь —
Приводишь къ гробовой доскѣ,
Надъ прахомъ милыхъ исчезаешь,
И сердце предаешь тоскѣ!

Теперь супруги не разлучны;
Въ могилѣ участь ихъ одна:
Покоятся въ жилищѣ сна,
Или уже благополучны
Чистѣйшимъ новымъ бытіемъ!...
А мы во странствіи своемъ
Еще томимые сомнѣньемъ,
Печалью, страхомъ и мученьемъ,
Свой путь съ терпѣніемъ свершимъ!
Надежда смертныхъ утѣшаетъ,
Что міръ другой насъ ожидаетъ:
Сей свѣтъ пустыня передъ нимъ!
Тамъ всѣ, кого мы здѣсь любили,
Съ кѣмъ въ юности пріятно жили;
Тамъ, тамъ *собраніе стжковъ*,
Мужей великихъ, мудрецовъ,
Которыхъ въ лѣтописяхъ славимъ!...
И съ тѣми, конхъ здѣсь оставимъ,
Мы разлучимся лишь на часъ.
Земля гостинница для насъ!

ПѢСНЬ ВОИНОВЪ.

(сочинена въ 1806 году).

Гремитъ, гремитъ священный гласъ
Отечества, Закона, Славы!
Сыны Россійскія Державы!
Насталъ великодушныхъ часъ:
Онъ нашъ!... Друзья! вооружимся,
Съ врагомъ отечества сразимся;
Ударимъ мощною рукой,
Какъ дѣти грознаго Борея,
И міру возвратимъ покой,
Низвергнувъ общаго злодѣя!

Цари, народы слезы льютъ:
Державы, воинства ихъ пали;
Европа есть юдоль печали.
Свершился ль Неба Страшный судъ?
Нѣтъ, нѣтъ! у насъ Святое знамя,
Въ рукахъ желѣзо, въ сердцѣ пламя:
Еще судьба не рѣшена!
Не торжествуй, о Галль надменный!
Твоя побѣда не вѣрна:
Се Россъ, тобой не одолѣнный!

Готовъ кровопролитный бой!
Отвѣдай силъ и счастья съ нами;

Сломи грудь съ грудью, рядъ рядами;
Ступай: увидимъ, кто Герой!
Пощады нѣтъ: тебя накажемъ,
Или мы всё на мѣстѣ ляжемъ.
Что жизнь для побѣжденныхъ? стыдъ!
Кто въ плѣнъ дается? боязливый!
Сей острый мечъ, сей мѣдный щитъ,
У насъ въ рукахъ, пока мы живы.

Ты намъ дерзаешь угрожать?
Но Римлянъ страшныхъ легіоны
Могли ль дать Сѣверу законы?
Полунощь есть Героевъ мать:
Римъ палъ, ихъ мышцей сокрушенный,
Колоссъ вѣками утвержденный.
Ищи на Югѣ робкихъ слугъ:
Сынъ Сѣвера въ странѣ желѣзной
Живетъ съ свободою самъ-другъ,
И Царь ему отецъ любезной.

Но ты идешь: друзья! впередъ!
Гремите звучными щитами,
Сверкайте свѣтлыми мечами
И пойте древній гимнъ побѣдъ!
Герой въ старости маститой,
Дѣлами, саномъ знаменитой!
Ведите юношъ Славы въ храмъ!
Достойный Олтарей Служитель!
Кури священнѣйшій олимпіамъ;
Молись... Россъ будетъ побѣдитель!

О тѣни древнихъ согражданъ!
Въ селеньяхъ горнихъ вы покойны!
Мы славы вашей достойны;
Обътъ сердечный нами данъ
Служить прииѣромъ для потомства;
Не знаютъ Россы вѣроломства
И клятву чести сохранятьъ:
Да будетъ мѣръ тому свидѣтель!
За Галла весь ужасный адъ:
За насъ же Богъ и Добродѣтель!

=

ОСВОБОЖДЕНІЕ ЕВРОПЫ

и

СЛАВА АЛЕКСАНДРА I.

(посвящено московскимъ жителямъ).

Quae homines arant, navigant,
aedificant, virtuti omnia parent.

С. Муссий.

—

Конецъ побѣдамъ! Богу слава!
Низверглась адская Держава:
Сраженъ, сраженъ Наполеонъ!
Народы и Цари! ликуйте:

Воскресъ порядокъ и Законъ.
Свободу міра торжествуйте!
Есть правды Богъ: Тирана нѣтъ!
Преходятъ тьма, но вѣченъ свѣтъ.

Сокрылось ноши привидѣнье.
Се утро, жизни пробужденье!
Се гласъ Природы и Творца:
«Уставовъ Я не премѣняю:
«Не будутъ камнями сердца;
«Безумства въ умъ не обращаю.
«Злодѣй торжествовалъ: гдѣ онъ?
«Исчезъ какъ безобразный сонъ!»

О радость! Въ духъ умиленный
И дѣломъ Бога восхищенный,
Паду, лью слезы и молюсь!...
Отецъ!... пусть бури міръ волнуютъ!
Надъ ними Ты: не устрашусь!
И бури благость знаменуютъ,
Добро, любовь и стройный чинъ.
О! ты великъ, великъ единъ!

Умолкло горести роптанье.
Минувшихъ золь воспоминаье
Уже есть благо для сердець. —
Изъ рукъ отчаянной Свободы
Пріявъ Властительскій вѣнецъ
Съ обѣтомъ умирить народы
И воцарить съ собой Законъ,
Сынъ хитрой лжи, Наполеонъ,

Призракъ величїя, Героя,
Подъ лаврами духъ низкій кроя,
Возсѣлъ на тронъ — людей карать
И землю претворять въ могилу,
Слезами, кровью утучнять;
Въ законъ одну поставить силу;
Не славой, клятвою побѣдъ
Наполнить уstraшенный свѣтъ.

И бысть! Упали Царства, троны.
Его ужасны легіоны
Какъ огонь и бурный духъ текли
Подъ громомъ смерти, разрушенья,
Сквозь дымъ пылающей земли;
А онъ съ улыбкой наслажденья,
Сидя на грудѣ мертвыхъ тѣлъ,
Страданіе и гибель зрѣлъ.

Ничто Аттилы, Чингисъ-Ханы,
Ничто Батыя, Тамерланы
Предъ нимъ въ свирѣпости своей.
Они въ степяхъ образовались
Среди рыкающихъ звѣрей,
И въ вѣки варварства являлись:
Сей лютый тигръ, не человѣкъ,
Явился въ просвѣщенный вѣкъ.

Уже гордились мы Наукой,
Ума плодомъ, добра порукой,
И славились искусствомъ жить;
Уже мы знали, что Владѣтель

Отцемъ людей обязанъ быть,
Любить не власть, но добродѣтель;
И что побѣдами славна
Лишь справедливая война.

Сей извергъ, міру въ казнь рожденный,
Мечтою славы ослѣпленный,
Чтобъ быть безсмертнымъ, убиваль!
Хотѣлъ всемірныя Державы:
Лишь Небо Богу уступалъ; *
Топталъ святѣйшіе уставы;
Не скиптромъ правилъ, а мечемъ,
И былъ — Державнымъ палачемъ!

Въ чертогахъ, въ хижинахъ стенили;
Въ вѣнцахъ главы рабовъ сіяли:
Престолы сдѣлались стыдомъ.
Темнѣли разумъ, просвѣщенье:
Долгъ, совѣсть, честь казались сномъ.
Слабѣла вѣра въ Провидѣнье:
«Гдѣ Мститель? гдѣ любовь Отца?»
Грубѣли чувства и сердца.

Среди гробовъ, опустощенья;
Безмолвія, оцѣпенѣнья,
Съ кровавымъ, дерзостнымъ челомъ
Насиліе торжествовало,

* На одной медали Наполеонова времени изображено
Всевидящее Око, съ надписью: *Тебѣ небо, мнѣ земля.*

Соч. Карамъ. Т. I.

И веселяся общимъ зломъ,
Себя хвалами величало,
Вѣщая: «властвуетъ Судьба!
«Она мнѣ служить какъ раба!»

Еще въ Европѣ отдаменной
Одинъ народъ благословенной
Главы подъ иго не склонялъ;
Отъ цвѣта жизни до сѣдинъ,
Хранилъ въ душѣ простые нравы;
Въ войнахъ издревле побѣждалъ;
Давалъ инымъ странамъ уставы,
Но самъ жилъ только по своимъ,
Царя любилъ, Царемъ любимъ;

Не славился богатствомъ знаній,
Ни хитростію мудрованій;
Умѣлъ наказывать враговъ,
Являясь въ дружествѣ правдивымъ;
Стоялъ за Русь, за прахъ отцовъ,
И былъ безъ гордости счастливымъ;
Свободы ложной не искалъ,
Но все имѣлъ, чего желалъ.

Уже Тиранъ свирѣпымъ окомъ,
Влекомый къ казни тайнымъ Рокомъ,
Измѣрилъ путь въ сію страну,
И поднялъ для нее оковы;
Изрекъ погибель и войну.
Уже рабы его готовы

Послѣднюю изъ жертвъ заклать —
И началась Святая-рать.

Для насъ Святая!... Боже Мститель!
Се Ты, злодѣйства Истребитель!
Се Ты на бурныхъ облакахъ,
Въ ударахъ молніи палящей!
Ты въ сердцѣ Россовъ и въ устахъ,
Въ рукъ за Вѣру, правду мстящей!
Кто Бога Войнствъ побѣдить?
У насъ и мечъ Его и щитъ!

Тирану служатъ миллионы:
Героевъ Росскихъ легіоны
Идутъ алмазною стѣной;
А старцы, жены простираютъ
Десницу къ Вышнему съ мольбой;
Слезами Благость умиляютъ.
Вездѣ курится оѣміамъ:
Россія есть обширный храмъ.

Лежатъ храбрѣйшіе рядами;
Поля усѣяны костями;
Все пламенемъ истреблено.
Не грады, только честь спасаемъ!...
О славное Бородино!
Тебя потомству оставляемъ
На память, что Россіи сынъ
Стоитъ противъ двоихъ одинъ! *

* Увѣряютъ, что Французовъ было 180.000, а нашихъ

А ты, Державная Столица,
Градовъ Славянскихъ Мать-Царица,
Созданіе семи вѣковъ,
Гдѣ пышность, вѣга обитали,
Цвѣли богатства, плодъ трудовъ;
Гдѣ храмы лѣпотой сіяли,
И гдѣ покоился въ гробахъ
Царей Святыхъ нетлѣнный прахъ!

Москва! прощаемся съ тобою,
И нашей собственной рукою
Тебя мы въ пепель обратимъ! *
Пылай: се пламя очищенья!
Мы землю съ Небомъ примиримъ.
Ты жертва общаго спасенья!
Въ твоихъ развалинахъ найдетъ
Врагъ мира гробъ своихъ побѣдъ.

Свершилось!... Дымомъ омраченный,
Пустыней, пепломъ окруженный,
Узрѣлъ онъ гибель предъ собой.
Бѣжить!... но Богъ съ съдымъ Героемъ **
Шлетъ казнь изъ тучи громовой:
Здѣсь войны блестящимъ строемъ,

90.000, кромѣ Московскаго Ополченія, не бывшаго въ дѣлѣ.

* Очевидцы рассказываютъ, что Каретный и Москотильный ряды зажжены рукою самихъ лавошниковъ, также и многіе дома хозяйскою,

** Княземъ Кутузовымъ-Смоленскимъ.

Тамъ ужасы зимы и гладъ
Его встрѣчаютъ и мертвятъ.

Какъ въ безднахъ темной Адской стѣнъ
Толпятся осужденныхъ тѣмъ.
Подъ свистомъ лютыхъ Эвменидъ:
Такъ сонмы сихъ *непобѣдимыхъ*,
Едва имѣя жизни видъ,
Въ страданіяхъ неизъяснимыхъ
Скитаются среди лѣсовъ;
Имъ пища ледъ, имъ снѣгъ покровъ.

Въ огонь ввергаются отъ хлада;
Себя терзаютъ въ мукахъ глада:
Полмертвый мертваго грызеть.
Стадами птицы плотоядны
Летятъ за ними съ крикомъ въ слѣдъ;
За ними звѣри кровожадны,
Разинувъ челюсти, бѣгутъ
И члены падающихъ рвутъ.

О жертвы хищнаго злодѣйства!
Вы были радостью семейства;
Имѣли ближнихъ и друзей:
Почто вы гибели искали
Въ дали полуночныхъ степей?
Мы вашей крови не жаждали;
Но кто оковы намъ несетъ,
Умремъ — или онъ самъ падетъ!

Гдѣ ваши Легионы Страха?
Лежатъ безмолвно въ нѣдрахъ праха;
Осталась память ихъ одна,
И вѣтры пепель развѣвають.
Се ваши громы, знамена:
Младенцы ими здѣсь играютъ. —
Свободны мы, но въ рабствѣ мѣръ:
Еще Тирановъ цѣль кумирь.

Еще Европа въ изумленьѣ;
Но скоро общее волненье
Вселяетъ мужество въ сердца.
Гласятъ: «и мы хотимъ свободы,
«И нашимъ бѣдствіямъ конца!»
Подвиглись троны и народы;
Другъ съ друга въ гнѣвѣ цѣпи рвутъ,
И съ яростью на брагъ текутъ.

О диво! зрѣлище Святое! —
Кто въ шумномъ, благолѣпномъ строѣ,
Вѣнчанный лаврами побѣдъ,
Съ лицомъ умильнымъ и смиреннымъ
Народы къ торжеству ведетъ,
И перстомъ, къ небу обращеннымъ,
Имъ кажетъ Бога вышнихъ силъ,
Съ Кѣмъ онъ уже враговъ сразилъ?

Россіи Царь благочестивый,
Герой въ душѣ миролюбивый!
Онъ долго брани не хотѣлъ;
Спасалъ отъ бурь свою Державу:

Отецъ чадъ-подданныхъ жалѣлъ
И ненавидѣлъ крови славу;
Когда жь мечъ правды обнажилъ.
Рекъ: *съ нами Богъ!* и побѣдилъ.

Вотще Злодѣй окровавленный,
Какъ вепрь до сердца уязвленный,
Остатокъ собираетъ жертвъ
Коварства, лютаго обмана:
У нихъ мечи, но духъ ихъ мертвъ:
Идутъ сражаться за Тирана!
И съ кѣмъ? съ любовью къ Олтарямъ
Къ свободѣ, къ истиннымъ Царямъ!

Ничто всѣ хитрости искусства
Противъ восторга, правды чувства.
Толпы Героевъ и Вождей
Война народная раждаетъ,
И первый изъ земныхъ Царей
Собою имъ примѣръ являетъ.
(Россія! не страшись: надъ Нимъ
Господь благій съ щитомъ своимъ!)

Днемъ въ полѣ, ночью не дремлетъ:
Совѣтамъ прозорливыхъ внемлетъ,
Всѣ думы Александръ рѣшить;
Предвидитъ замыслы лукавыхъ;
Союзъ отъ зависти хранитъ;
Стыдя виновныхъ, хвалитъ правыхъ
И слабымъ мужество даетъ.
Онъ силенъ: въ Немъ коварства нѣтъ!

Стократно въ битвахъ одолѣнный.
Изсохшихъ лавровъ обнаженный,
Озпаменованный стыдомъ,
Тиранъ перунъ угасшій мечеть —
И се послѣдній грянулъ громъ,
И новый Вавилонъ трепещеть
Колоссъ-Наполеонъ падеть
Къ ногамъ Царей: свободенъ свѣтъ!

Земли подвиглось основанье!
Гремитъ народовъ восклицанье!
Онъ палъ! онъ палъ! Кипятъ сердца;
Къ надеждамъ счастья оживають.
Какъ дѣти одного отца,
Всѣ, всѣ другъ друга обнимають....
Онъ палъ! въ восторгѣ цѣлый свѣтъ!
Народы братья! злобы нѣтъ!

Въ семъ общемъ, радостномъ волненъѣ,
Царей, Героевъ прославленъѣ,
Чье имя первое въ устахъ?
Кому гремятъ вселенной лики:
Безъ лести, въ искреннихъ хвалахъ
Даютъ названіе *Великій?*
Отечество мое! ликуй,
И съ Александромъ торжествуй!

Отверзлися врата зѣира,
И духи выпреннаго міра
Парили надъ главою Твоей,
Помазанникъ Сосудъ Избранный

Ко избавленію людей,
Монархъ Россіею вѣнчанный,
Но дапный Богомъ всёмъ странамъ,
Языкамъ, будущимъ вѣкамъ;

Когда врагамъ, уже смиреннымъ,
Твоею славой удивленнымъ,
Вѣщалъ Ты въ благодати: *миръ вамъ!*
Когда съ любовью восхищенной,
Дотоле чуждой ихъ сердцамъ,
Они въ сей часъ благословенной,
Внимая Ангельскую рѣчь,
Лобзали Твой побѣдный мечъ;

Когда, ихъ чувствомъ умиленный,
Оливой, пальмой оѣнченный,
Среди народа и Вождей,
На мѣстѣ обогренномъ кровью
Невиннѣйшаго изъ Царей,
Ты съ чистой вѣрою, любовью
Молясь колѣна преклонилъ
И Бога гнѣва укротилъ; *

Когда злодѣями гонимый,
Но втайнѣ добрыми любимый,
Святаго Лудовика сынъ,
Нешастиемъ сопровождаемый

* Читатели помнятъ о семъ умышленномъ священнодѣйствіи на мѣстѣ, гдѣ варвары убили Лудовика XVI.

На тронъ Тобою возведенный,
Тебя съ слезами обнималъ
И сыномъ Неба называлъ!

Вѣщайте, лѣтописи Славы!
Какихъ вѣковъ, какой Державы
Монархъ столь блага совершилъ?
Ищу... Закройтесь: нѣтъ примѣра!
Къ величію подвигнуть былъ
Онъ вами, Добродѣтель, Вѣра!
На Бога твердо уповалъ,
И выше всѣхъ Героевъ сталъ.

Россія слава, Царствъ спасенье,
Наукъ, торговли оживленье,
Союзъ Властей, — покой, досугъ,
Уму и сердцу вождедѣльный:
О! сколько, сколько счастья вдругъ!
Какъ міръ, грозою потрясенный,
Въ разрывѣ смертоносныхъ тучъ
Съ любовью видитъ солнца лучъ:

Такъ всѣ мы тишину встрѣчаемъ
Привѣтствуемъ душой, ласкаемъ
Изгнанницу столь многихъ лѣтъ!
Забудемъ зло, но разсуждая.
Нась опытъ къ Мудрости ведетъ:
Изъ глубины вѣковъ блистая
Какъ ясная умовъ заря,
Сія другиня Олтаря

Къ намъ вышѣ руку простираетъ —
Страстямъ велитъ молчать — вѣщаетъ:

«Цари, народы! благо вамъ,
«Десницей Вышняго спасеннымъ!
«Но клятва будущимъ войнамъ,
«Безумцамъ, славой обольщеннымъ!
«Великъ отецъ и другъ людей,
«Не Геній зла, не мужъ кровей.

«Кто слѣдомъ Галліи Тирана,
«Путемъ насилія обмана,
«Для Ада радостныхъ побѣдъ,
«Еще къ безсмертью устремится?
«Стократъ онъ прежде смерть найдетъ,
«Чѣмъ съ нимъ побѣдами сравнится —
«И сей Наполеонъ въ пыли;
«Живетъ теперь въ позоръ земли:

«Нешастный пьетъ стыда отраву!
«Цари! *всемірную Державу*
«Оставьте Богу одному!
«Залогъ, вамъ Небомъ порученный,
«Вы должны возратить Ему.
«Не кровью слабыхъ обогранный
«Для умноженья областей,
«Но съ мирнымъ щастіемъ людей.

«Не для войны живетъ Властитель:
«Онъ мира, цѣлости хранитель.
«Пусть каждый собственность блюдетъ,
«И чуждато да не коснется!

«Тогда спокоенъ будетъ свѣтъ.
«У Дикихъ кровь рѣкою льется:
«Тамъ воинъ — первый человекъ;
«Но вѣкъ ума гражданскій вѣкъ.

»Судить, давать, блюсти Законы,
»Съ мечемъ въ рукѣ — для обороны
«Отъ чуждыхъ и своихъ враговъ,
«Есть дѣло вышней Царской власти.
«Не будетъ праздныхъ вамъ часовъ,
«Пока, увы! пылаютъ страсти.
«Любите знаній тихій свѣтъ:
«Отъ нихъ — Наполеона нѣтъ! *

«Народы! власти покоряйтесь;
«Свободой ложной не прельщайтесь:
«Она призракъ, страстей обманъ.
«Вы зрѣли Галловъ заблужденье:
«И своевольство и Тиранъ
«Отмстили имъ за возмущенье
«Противъ законнаго Царя,
«Уставовъ древнихъ, Олтаря.

«Питайте въ сердца добродѣтель:
«Тогда не будетъ вашъ Владѣтель
«Святыхъ законовъ поспирать.
«Ко злomu только зло влечется:

* Если бы Наполеонъ злодѣйствовалъ не въ просвѣщен-
ныя, а въ варварскія времена, то онъ могъ бы умереть
въ величїи.

«Благимъ и Царь есть благодать.
«Господь Небесъ о всѣхъ печется;
«И червь Его рукой хранимъ.
«Надъ вами Царь, а Богъ надъ нимъ.

«Въ Правленьяхъ новое опасно,
«А безначаліе ужасно.
«Какъ трудно общество создать!
«Оно устроилось вѣками:
«Гораздо легче разрушать
«Безумцу съ дерзкими руками.
«Не вымышляйте новыхъ бѣдъ:
«Въ семъ мірѣ совершенства нѣтъ!

«Цари да будутъ справедливы,
«Народы вѣрностью счастливы!
«Не искушайте никогда
«Всевышняго въ долготерпѣньи:
«Спасаетъ Богъ — но не всегда.»
Рекла — и міръ въ благоговѣньи;
Умолкла — но ея совѣтъ
Есть гласъ ума въ дѣянъяхъ лѣтъ.

Исчезните, примѣры злые!
Теките счастья дни златые
Для всѣхъ народовъ и Царей!
А ты, нашъ Царь благословенный,
Спѣши, спѣши къ странѣ Своей,
Побѣдой, славой утружденный!

Вездѣ Ты искренно хвалимъ,
А здѣсь и славимъ и любимъ.

Тебя какъ солнце ждемъ душою!
Ахъ благодарностью своею!
Достойны мы Твоими быть!
Гряди съ Геройскими полками,
Которыхъ память будетъ жить
Вовѣкъ съ чудесными дѣлами!
Россійскихъ древнихъ Царствъ глава,
Сѣдая въ доблести Москва

Съ себя прахъ смерти отрясаетъ;
Развалины свои вѣнчаетъ
Цвѣтами юныя весны.
Не бойся мрачныхъ лицъ, степаній:
Печали всѣ погребены.
Услышишь громы восклицаній:
«Для счастья нашего живи!»
Узреть одинъ восторгъ любви.

1814 г.

=

ИЛЪЯ МУРОЖЕЦЪ

БОГАТЫРСКАЯ СКАЗКА. *

Le monde est vieux, dit-on: je le
crois; cependant
Il le faut amuser encore comme
un enfant.

La Fontaine.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

Не хочу съ Поэтомъ Греціи
звучнымъ гласомъ Калліопинимъ
пѣть вражды Агамемноновой
съ храбрымъ правнукомъ Юпитера;
или, слѣдуя Виргилію,
плыть отъ Трои разоренныя
съ хитрымъ сыномъ Афродитинимъ
къ значнымъ берегамъ Италиі.
Не желаю въ Мифологіи
черпать дивныхъ, странныхъ вымысловъ.
Мы не Греки и не Римляне;

*. Вотъ начало бездѣлки, которая занимала нынѣшнимъ лѣтомъ уединенные часы мои. Продолженіе остается до другаго времени; конца еще нѣтъ, — можетъ быть и не будетъ. — Въ разсужденіи мѣры скажу, что она совершенно Русская. Почти всѣ наши старинныя пѣсни сочинены такими стихами.

мы не вѣримъ ихъ преданіямъ;
мы не вѣримъ, чтобы богъ Сатурнъ
могъ любезнаго родителя
превратить въ урода жалкаго;
чтобы Леды были — курицы,
и несли весною яйца,
чтобы Поллуксы съ Еленами
родились отъ бѣлыхъ лебедей.
Намъ другія сказки надобны;
мы другія сказки слышали
отъ своихъ покойныхъ мамушекъ.
Я намѣренъ слогомъ древности
рассказать теперь одну изъ нихъ
вамъ, любезные читатели,
если вы въ часы свободные
удовольствіе находите
въ Русскихъ басняхъ, въ Русскихъ повѣстяхъ,
въ смѣси былей съ небылицами,
въ сихъ игрушкахъ мирной праздности,
въ сихъ мечтахъ воображенія.
Ахъ! не все намъ горькой истиной
мучить томвыя сердца свои!
ахъ! не все намъ рѣки слезныя
лить о бѣдствіяхъ существенныхъ!
На минуту позабудемся
въ чародѣйствѣ красныхъ вымысловъ!

Не хочу я на Парнасъ итти;
нѣтъ! Парнасъ гора высокая,
и дорога къ ней не гладкая.
Я видалъ, какъ наши витязи,

наши стихо-рнѣмо-дѣтели,
упиваясь одопѣніемъ,
лѣзутъ на вершину Пиндову,
обступаются и внизъ летятъ,
не съ вѣнцами и не съ лаврами,
но съ ушами (ахъ!) ослиными,
для позорища насмѣшникамъ!
Нѣтъ, любезные читатели!
я прошу васъ не туда съ собой.
Близъ моей смиренной хижины,
на берегу рѣки прозрачной,
роща древняя, дубовая,
насъ укроетъ отъ лучей дневныхъ.
Тамъ мой дѣдушка на старости
въ жаркой полдень отдыхалъ всегда
на колѣняхъ милой бабушки;
тамъ виситъ его пернатый шлемъ;
тамъ виситъ его булатный мечъ,
коимъ онъ враговъ отечества
за гордыню ихъ наказывалъ —
(кровь Турецкая и Шведская
и теперь еще видна на немъ).
Тамъ я сяду на берегу рѣки,
и подъ тѣнью древъ развѣсистыхъ
буду повѣсть вамъ рассказывать.
Тамъ вы можете тихохонько,
если скучно вамъ покажется,
раза два зѣвнувъ, сомкнуть глаза.

Ты, которая въ подсолнечной
всюду видима и слышима;

ты, которая какъ богъ Протей
всякой образъ на себя берешь,
всякимъ голосомъ умѣешь пѣть,
удивляешь, забавляешь насъ, —
все вѣщаешь, кромѣ..... истины;
объявляешь съ газетирами
сокровенности Политики,
сочиняешь съ стихотворцами
знатнымъ похвалы прекрасныя;
величаешь Пантомороса *
славнымъ безпримѣрнымъ авторомъ;
съ Алхимистомъ открываешь намъ
тайну камня философскаго;
изъясняешь съ систематикомъ
связь души съ тѣлесной сущностью
и свободы человѣческой
съ непремѣнными законами; —
ты, которая съ Людмилою
нѣжнымъ и дрожащимъ голосомъ
мнѣ сказала: *я люблю тебя!*
о богиня свѣта бѣлаго —
Ложь, неправда, призракъ истины!
будь теперь моей богинею,
и цвѣтами луга Русскаго
Убери Героя древности,
величайшаго изъ витязей,
чудодѣя *Илью Муромца!*
Я объ немъ хочу бесѣдовать, —

* То есть, обер-дурака.

объ его безсмертныхъ подвигахъ.
Ложь! съ тобою не учтись мнѣ
небылицы выдавать за быль.

Солнце красное явилося
на лазури неба чистаго,
и лучами злата яркаго
освѣтило рощу тихую,
холмъ зеленый и цвѣтушій доль.
Улыбнулось все твореніе;
воды съ блескомъ заструилися;
травки, ночью освѣженныя,
и цвѣточки благовонныя
растворили воздухъ утренній
сладкимъ духомъ, ароматами.
Всѣ кусточки оживилися,
и пернатыя малюточки,
конопляночка съ малиновкой,
въ нѣжныхъ пѣсняхъ славить начали
день, безпечность и спокойствіе.
Никогда въ Россійской области
не бывало утро лѣтнее
веселѣе и прекраснѣе.

Ктожь симъ утромъ наслаждается?
Кто на статномъ соловомъ конѣ,
черный щитъ держа въ одной рукѣ,
а въ другой копье булатное,
ѣдетъ по лугу какъ грозный царь?
На главѣ его пернатый шлемъ
съ золотою, свѣтлой бляхою;

на бедръ его тяжелый мечъ;
латы, солнцемъ освѣщенные,
сыплютъ искры и огнемъ горятъ.
Кто сей витязь, богатырь молодой?
Онъ подобенъ Маю красному:
розы алыя съ лплями
разцвѣтають на лицѣ его.
Онъ подобенъ мирту вѣжному:
тонокъ, прямъ и величавъ собой.
Взоръ его быстрѣй орлинаго,
и свѣтлѣе ясна мѣсяца.
Кто сей рыцарь? — Илья Муромецъ.
Онъ проѣхалъ дикой темной лѣсъ,
и глазамъ его является
поле гладкое, обширное,
гдѣ Природою разсыпаны
въ пзобиліи дары земли.
Витязь Геснера не читывалъ;
но имѣя сердце пѣжное,
любовался красотою дня:
тихимъ шагомъ ѣхалъ по лугу,
и въ душѣ своей чувствительной
жертву утреннюю, чистую,
приносилъ Царю небесному.
«Ты, Которой украшаешь все,
«Русской Богъ и Богъ вселенныя!
«Ты, Которой надѣляешь насъ
«всѣми благами щедротъ Своихъ!
«будь всегда моимъ помощникомъ!
«Я клянуся вѣчно слѣдовать
«богатырскимъ предписаніямъ

«и уставамъ добродѣтели,
«быть защитникомъ невинности,
«бѣдныхъ, сирыхъ и несчастныхъ вдовъ,
«и наказывать мечемъ своимъ
«злыхъ тирановъ и волшебниковъ,
«устрашающихъ сердца людей!» —
Такъ Герой нашъ размышлялъ въ себѣ,
и повсюду обращая взоръ,
за кустами впереди себя;
надъ струями рѣчки быстрыя,
видитъ свѣтло-голубой шатерь,
видитъ ставку богатырскую
съ золотою круглой маковкой.
Онъ къ кусточкамъ приближается,
и стучитъ копьемъ въ желѣзный щитъ:
но отвѣту богатырскаго
нѣтъ на стукъ его оружія.
Бѣлый конь гуляетъ по лугу,
не осѣдланый, не взнузданный, —
щиплетъ травку ароматную,
и слѣды подковъ серебряныхъ
оставляетъ на росѣ цвѣтовъ.
Не выходитъ витязь къ витязю
поклониться, ознакомиться.

Удивляется нашъ Муромецъ;
смотреть на небо и думаетъ:
«солнце выше горъ лазоревыхъ,
«а Россійской богатырь въ шатрѣ
«не ужель еще покоится?» —
Онъ пускаетъ на зеленой лугъ

своего коня надежнаго,
и вступаетъ смѣлой поступью
въ ставку съ золотою маковкой.

Для чего Природа дивная
не дала мнѣ дара чуднаго
нѣжной кистию прельщать глаза,
и писать живыми красками
съ Тиціаномъ и Корреджіемъ?
Ахъ! тогда бы я представилъ вамъ,
что увидѣлъ витязь Муромецъ
въ ставкѣ съ золотою маковкой.
Вы бы вмѣстѣ съ нимъ увидѣли —
безпримѣрную красавицу,
всѣхъ любезностей собраніе,
рѣдкость мнѣлыхъ женскихъ прелестей;
вы бы вмѣстѣ съ ними увидѣли,
какъ она пріятнымъ, тихимъ сномъ
наслаждалась въ голубомъ шатрѣ:
разметавшись на цвѣтной травѣ,
какъ ея густые волосы,
свѣтлорусые, волнистые,
осѣняли бѣлизну лица,
шеи, груди алебастровой,
и свиваясь, развиваяся,
упадали на колѣна къ ней;
какъ ея рука лилейная,
гдѣ всѣ жилки васильковыя
были съ нѣжностью означены,
ея голову покоила;
какъ одежда снѣго-бѣлая,

полотняная, тончайшая,
отъ дыханья груди полныя
трепетала тихимъ трепетомъ.
Но не можно въ сказкѣ выразить,
и не можно написать перомъ,
чѣмъ глаза Героя нашего
услаждались на ея челѣ,
на ея устахъ малиновыхъ,
на ея бровяхъ возвышенныхъ,
и на всемъ лицѣ красавицы. —
Латы съ золотой насѣчкою,
шлемъ съ перомъ заморской *жарь-птицы*,
мечъ съ топазной рукояткою,
копье съ булатнымъ остриемъ,
щитъ изъ стали вороненныя
и сѣдло съ блестящею осыпью
на травѣ лежали вокругъ ее.

Сердце твердое, геройское,
твердо въ битвахъ и сраженіяхъ
со врагами добродѣтели —
твердо въ бѣдствіяхъ, опасностяхъ;
но не твердо противъ женскихъ стрѣлъ,
мягче воску бѣлояраго
противъ вѣжныхъ, милыхъ прелестей.
Витязь зналъ красавицъ множество
въ безпредѣльной Русской области,
но такой еще не видывалъ.
Взоръ его не отвращается
отъ румянаго лица ея.
Онъ боится разбудить ее;

онъ досадуетъ, что сердце въ немъ
бьется съ частымъ, сильнымъ трепетомъ;
опъ дыханіе въ груди своей
остапавливать старается,
чтобы долѣе красавицу
безпрепятственно разсматривать.
Но ему опять желается,
чтобъ красавица очнулась вдругъ,
ему хочется глаза ея —
вѣрно свѣтлые, любезные —
видѣть подъ бровями черными;
ему хочется внимать ея
гласу тихому, пріятному,
ему хочется узнать ея
любопытную исторію,
и откуда, и куда она,
и зачѣмъ дѣвица красная
(витязь думалъ и угадывалъ,
что она была дѣвицею)
ѣздитъ по свѣту геройствовать,
подвергается опасностямъ
жизни трудной, жизни рыцарской,
не щадя весеннихъ прелестей,
не бояся жара, холода.
«Руки слабой, тѣльной женщины
могутъ шить серебромъ и золотомъ
въ красномъ и покойномъ теремѣ, —
не мечемъ и не копьемъ владѣть;
могутъ друга, сердцу милого,
жать съ любовью къ сердцу нѣжному, —
не гигантовъ на поляхъ разить.

Естьли кто изъ злыхъ волшебниковъ
въ плѣнъ возьметъ дѣвицу юную:
ахъ! чего злодѣй безчувственной
съ нею въ ярости не сдѣлаеть?» —
Такъ Илья съ собой бесѣдуетъ,
и взираетъ на прекрасную.

Время быстрою стрѣлой летить;
часъ проходить за минутами,
и за утромъ полдень слѣдуетъ —
незнакомка спитъ глубокимъ сномъ.

Солнце къ западу склоняется,
и съ эфирною прохладою
вечеръ сходить съ неба яснаго
на луга и поле чистое —
незнакомка спитъ глубокимъ сномъ.

Ночь на облакъ спускается,
и густыя тьмы покровами
одѣваетъ землю тихую;
слышно ручейковъ журчаніе,
слышно эхо отдаленное,
и въ кусточкахъ соловей поетъ —
незнакомка спитъ глубокимъ сномъ.

Тщетно витязъ дожидается,
чтобы грудь ея высокая
вздохомъ нѣжнымъ всколебалася;
чтобъ она рукою бѣлою
хотя разъ тихоцько тронулась,

и открыла очи ясныя!
Незнакомка спитъ по прежнему.

Онъ садится въ голубомъ шатрѣ,
и взирая на прекрасную,
видитъ въ самой темнотѣ ночной
красоту ея небесную,
видитъ — въ тропутой душѣ своей,
и въ своемъ воображеніи;
чувствуетъ ея дыханіе,
и не мыслитъ успокоиться
въ часъ глубокаго полуночи.

Ночь проходитъ, наступаетъ день;
день проходитъ, наступаетъ ночь --
незнакомка спитъ по прежнему.

Рыцарь нашъ сидитъ какъ вкопаной;
забываетъ пищу, пужный сонъ.
Всякой часъ, минутою каждую
онъ находитъ нѣчто новое
въ милыхъ прелестяхъ красавицы;
и — недѣли цѣлою цѣтъ въ году!

Здѣсь, любезные читатели,
должно будетъ изъясниться намъ,
уничтожить возраженія
строгихъ, блѣднолицыхъ критиковъ:
«какъ Илья, хотя и Муромецъ,
хоть и витязь Руси древня,
могъ сидѣть недѣлю цѣлую,

не вставая на одномъ мѣстѣ;
могъ ни маковыя росинки
въ ротъ не брать, дремы не чувствовать?•
Вы слышали, какъ монахъ святой,
наслаждаясь дивнымъ пѣніемъ
райской пестрой конопляночки,
могъ безъ пищи и безъ сна пробывать
не недѣлю, но столѣтіе.
Развѣ прелести красавицы
не имѣютъ чародѣйствія
райской пестрой конопляночки?
О друзья мои любезные!
естьлибъ звали вы, что женщины
могутъ дѣлать съ вами бѣдными!....
Ахъ! спросите стариковъ сѣдыхъ;
ахъ! спросите самого меня....
и краснѣя, вамъ признаюся,
что волшебный видъ прелестницы —
не хочу теперь назвать ее! —
былъ мнѣ пищею небесною,
Олимпійскою амброзіей;
что я радъ былъ цѣлый вѣкъ не спать,
лишь бы видѣть могъ жестокую!....
Но боюсь говорить объ ней,
и къ Герою возвращаюся.

«Что за чудо! рыцарь думаетъ:
я слыхалъ о богатырскомъ снѣ;
иногда онъ продолжается
три дни съ часомъ, но не болѣе;
а красавица любезная....»

Тутъ онъ видитъ муху черную
на ея устахъ малиновыхъ;
забываетъ разсужденія,
и рукою богатырскою
гонитъ злаго насѣкомаго;
машетъ пальцемъ указательнымъ,
(гдѣ сіялъ большой златой перстень,
съ талисманомъ *Велеславинымъ*) —
машетъ, тихо прикасается
къ алымъ розамъ бѣлолицыя —
и красавица любезная
растворяетъ очи ясныя!

Кто опишетъ милый взоръ ея,
кто улыбку пробужденія
ту любезность несказанную,
съ коей, вставъ, она привѣтствуетъ
незнакомаго ей рыцаря?
«Долгобъ спать мнѣ непрерывнымъ сномъ,
юный рыцарь! (говоритъ она)
естьлибъ ты не разбудилъ меня.
Сонъ мой былъ очарованіемъ
злаго, хитраго волшебника,
Черномора ненавистника.
Вижу перстень на рукѣ твоей,
перстень добрыя волшебницы,
Велеславы благодѣтельной:
онъ своею тайной силою,
прикоснувшись къ моему лицу,
уничтожилъ заклинаніе
Черномора ненавистника.»

Витязь снялъ съ себя пернатый шлемъ:
чернобархатные волосы
по плечамъ его рассыпались.
Какъ заря алѣетъ на небѣ,
разливаясь въ морѣ розовомъ
предъ восходомъ солнца краснаго:
такъ румянецъ на щекахъ его
разливался въ аломъ пламени.
Какъ роса сіяетъ на полѣ,
осребренная свѣтиломъ дня,
такъ сердечная чувствительность
въ маслѣ глазъ его свѣтилася.
Стоя съ видомъ милой скромности
предъ любезной незнакомкою,
тихимъ и дрожащимъ голосомъ
онъ красавицѣ отвѣтствуетъ:
«даръ волшебницы любезныя
милъ и дорогъ моему сердцу;
я ему обязанъ щастіемъ
видѣть ясный свѣтъ очей твоихъ.» —
Взоромъ нѣжнымъ, выразительнымъ
онъ сказалъ гораздо болѣе.

Тутъ красавица примѣтила,
что одежда полотняная
не темница для красотъ ея;
что любезный рыцарь-юноша
догадаться могъ легохонько,
гдѣ подъ нею что таилось.....
такъ сѣдый туманъ, волнуясь
надъ долиною зеленою,

не совсѣмъ скрываетъ холмики
посреди ея цвѣтушіе;
глазъ внимательнаго странника
сквозь волненіе туманное
видитъ ихъ вершинки круглыя.

Незнакомка взоръ потупила —
закраснѣлася какъ маковъ цвѣтъ,
и взялась рукою бѣлою
за доспѣхи богатырскіе.
Рыцарь понялъ, что красавицѣ
безъ свидѣтелей желается
нарядиться юнымъ витяземъ.
Онъ изъ ставки вышелъ бережно —
посмотрѣлъ на небо синее —
прислонился къ вязу гибкому —
бросилъ шлемъ пернатый на землю,
и рукою подперъ голову.
Что онъ думалъ, — мы не скажемъ вдругъ;
но въ глазахъ его задумчивость
точно такъ изображалася,
какъ въ ручьѣ густое облако;
томный вздохъ изъ сердца вылетѣлъ.
Конь его, товарищъ вѣрный другъ,
видя рыцаря, бѣжитъ къ нему;
ржетъ и прыгаетъ вокругъ Ильи,
поднимая гриву бѣлую,
извивая хвостъ изгибистый.
Но Герой нашъ нечувствителенъ
къ ласкамъ, къ радости товарища,
своего коня надежнаго;

онъ стоитъ, молчитъ и думаетъ.
Долголь, долголь думать Муромцу?
Нѣтъ, не долго: — раскрываются
полы свѣтлоголубой ставки,
и глазамъ его является
незнакомка въ видѣ рыцаря.
Шлемъ пернатый развѣвается
надъ ея челомъ возвышеннымъ.
Героиня подпирается
коніемъ съ булатнымъ остріемъ;
мечъ блистаетъ не бедрѣ ея. —
Въ ту минуту солнце красное
возсіяло ярче прежняго,
и лучи его съ любовію
пролилися на красавицу.

Съ кроткой, вѣжкою улыбкою
смотритъ милая на витязя,
и движеніемъ глазъ лазоревыхъ
говоритъ ему: — «мы можемъ сѣсть
«на травѣ благоухающей,
«подъ сѣнистыми кусточками.» —
Рыцарь скоро приближается,
и садится съ Героинею
на травѣ благоухающей,
подъ сѣнистыми кусточками.
Двѣ минуты продолжается
ихъ глубокое молчаніе;
въ третью чудо совершается.....

1794 г.

(Продолженіе впередъ).

ИСТОРИЧЕСКІЯ СТАТЬИ.

ИСТОРИЧЕСКОЕ
ПОХВАЛЬНОЕ СЛОВО
ЕКАТЕРИНЪ II.

Сотраждане! дерзаю говорить о Екатерине — и величіе предмета изумляетъ меня. Едва произнесъ Ея имя, и мнѣ кажется, что всѣ безчисленные народы царствъ Россійскихъ готовы внимать словамъ моимъ: ибо всѣ обожали Великую. И тѣ, которые, скрываясь во мракѣ отдаленія — подъ тѣнію снѣжнаго Кавказа, или за вѣчными льдами пустынной Сибири — никогда не зрѣли образа Безсмертнаго, и тѣ чувствовали спасительное дѣйствіе Ея правленія; и для тѣхъ была Она Богомъ, невидимымъ, но благотворнымъ. Гдѣ только сіяло солнце въ областяхъ Россійскихъ, вездѣ сіяла Ея премудрость.

Щастливые Ораторы, могущіе украсить и возвеличить дѣла своихъ Героевъ! или вы, которые даромъ краснорѣчія воскрешаете темные подвиги древности! ваша доля завидна. Не скажутъ, что вы унизили предметъ свой. Кому судить васъ строго? Но мнѣ должно изобразить Монархиню,

которая Своимъ величіемъ удивила вселенную; мнѣ должно славить первую Героиню нашего времени, и въ присутствіи тѣхъ, для которыхъ слава Ея была щастіемъ. Она еще жива въ ихъ сердцахъ; Она еще и по смерти благотворить имъ! Черты мои должны казаться слабыми.... Но горе тому, кто, представляя себѣ Екатерину, можетъ думать о пользѣ своего ничтожнаго самолюбія! Благодарность, усердіе есть моя слава. И я жилъ подъ Ея скипетромъ! и я былъ щастливъ Ея правленіемъ! и буду говорить о Ней! Истина сильнѣе воображенія; чувство разительнѣе краснорѣчія — и ваше сердце, о Россіяне! возвыситъ дѣйствіе моего слабого таланта.

Зерцало вѣковъ, Исторія, представляетъ намъ чудесную игру таинственнаго Рока: зрѣлище многообразное, величественное! Какія удивительныя перемѣны! какія чрезвычайныя происшествія! Но что болѣе всего плѣняетъ вниманіе мудраго зрителя? Явленіе великихъ душъ, полубоговъ человѣчества, которыхъ непостижимое Божество употребляетъ въ орудіе Своихъ важныхъ дѣйствій. Сія любимцы Неба, разсыянные въ пространствахъ времени, подобны солнцамъ, влекущимъ за собою планетныя системы: они рѣшаютъ судьбу человѣчества, опредѣляютъ путь его; неизяснимою силою влекутъ миллионы людей къ нѣкоторой угодной Провидѣнію цѣли; творятъ и разрушаютъ царства; образуютъ эпохи, которыхъ всѣ другія бывають только слѣдствіемъ; они, такъ сказать, составляютъ цѣпь въ необозримости вѣковъ, пода-

ютъ руку одинъ другому, и жизнь ихъ есть Исторія народовъ.

Сограждане! не только въ тѣни древнихъ отдаленныхъ временъ, не только среди песчаныхъ морей Африки, на поляхъ Маратовскихъ, подъ орлами державнаго Рима, видимъ такихъ избранныхъ и великихъ смертныхъ. О слава Россіи! подъ небесами любезнаго отечества, на его тронѣ, въ его вѣнцѣ и порфирѣ сіяли ПЕТРЪ и ЕКАТЕРИНА. Они были наши — и любовь Всевышняго запечатлѣла Ихъ Своею печатію! Они другъ другу, на величественномъ театрѣ ихъ дѣйствиіи, подають руку!.... Такъ, ЕКАТЕРИНА явилась на престолѣ оживить, возвеличить твореніе ПЕТРА; въ Ея рукѣ снова расцвѣлъ изсохшій жезлъ Безсмертнаго, и священная Тѣнь Его успокоилась въ поляхъ вѣчности: ибо безъ всякаго суевѣрія можемъ думать, что великая душа и по разлукѣ съ міромъ занимается судьбою дѣлъ своихъ. ЕКАТЕРИНА Вторая въ силѣ творческаго духа и въ дѣятельной мудрости правленія была непосредственною преемницею Великаго ПЕТРА; раздѣляющее Ихъ пространство исчезаетъ въ Исторіи. И два ума, два характера, столь между собою различныя, составляютъ въ послѣдствіи своемъ удивительную гармонію для счастья народа Россійскаго! Чтобы утвердить славу мужественнаго, смѣлаго, грознаго ПЕТРА, должна чрезъ сорокъ лѣтъ послѣ Его царствовать ЕКАТЕРИНА; чтобы *предуготовить* славу кроткой, человеколюбивой, просвѣщенной ЕКАТЕРИНЫ, дол женствовалъ царствовать

ПЕТРЪ: такъ сильные порывы благодѣлательнаго вѣтра волнують весеннюю атмосферу, чтобы разсѣять хладные остатки зимнихъ паровъ, и приготовить Натуру къ теплomu вѣянію Зефировъ!

Чудесный Промыслъ Всевышняго, непостижимый для смертныхъ! Кто бы вздумалъ искать при одномъ изъ скромныхъ Княжескихъ Дворовъ Германіи, въ тихомъ семействѣ Ангальтъ-Церстскаго Дома — кто бы вздумалъ искать тамъ причины нашего благоденствія и славы народа Россійскаго? Какой Улиссъ могъ бы узнать сію новую Пирру въ Ея первой, нѣжной юности? Какой мудрый Астрологъ, видя утреннюю зарю сего величества, предсказалъ бы въ Екатеринѣ восходъ лучезарнаго свѣтила для сѣверной Европы и Азій? Каза-лось, что судьба опредѣлила Ей быть добродѣтельной супругою какого нибудь щастливаго Нѣмецкаго Князя. Нравственныя скромныя достоинства нѣжнаго пола были единственнымъ предметомъ родителей при Ея воспитаніи. Часто, среди славы Ея царствованія, въ искреннихъ изліяніяхъ дружества (которымъ только великіе Монархи ушѣютъ на тронѣ наслаждаться) Она съ Ангельскою улыбкою говорила достойнѣйшимъ изъ своихъ подданныхъ: «Меня воспитывали для семейственной жизни: Провидѣніе открыло мнѣ науку царствовать».... Провидѣніе! такъ конечно: непосредственные дары Его производятъ все чрезвычайное въ мірѣ. Первое воспитаніе опредѣляетъ судьбу однихъ обыкновенныхъ душъ; великія, разрывая, такъ сказать, его узы, свободно преда-

ются внутреннему стремленію, подобно Сократу видѣаютъ тайному Генію, ищутъ своего мѣста на земномъ шарѣ и образуютъ себя для онаго. Одна искра, и животворный огонь Прометеевъ пылаетъ; одна великая мысль, и великій умъ, воскрыляясь, паритъ орломъ подъ облаками!

Екатерина была извѣстна въ Германіи Своею красотою, разумомъ и скромною любезностію, когда Елисавета призывала Ее украсить Дворъ Россійскій. Вы, которые имѣли счастье видѣть тогдашнюю цвѣтушую юность Ея, вы донынѣ говорите съ восторгомъ о первыхъ живыхъ чувствахъ удивленія, возбужденныхъ въ сердцѣ нашемъ Ангельскимъ видомъ Ея, рѣдкимъ соединеніемъ божественныхъ предестей! Я зрѣлъ лучезарный западъ сего свѣтила, и глазамъ моимъ не представлялось ничего величественнѣе. Она рождена была для самодержавія. Кротость, пріятность ума, врожденное искусство плѣнять душу людей, единымъ словомъ, единымъ взоромъ, произвели всеобщую къ Ней любовь Двора. Онъ былъ учителемъ для Екатерины, которая виѣла выгоду примѣчать его волшебную игру, не будучи еще на тронѣ. Тутъ Ея вронительный взоръ открылъ слабыя стороны человѣческаго сердца, опасности Царей, и хитрые способы, употребляемые лукавствомъ для ихъ обольщенія: открытіе важное для науки царствовать! Тутъ прочитала Она въ добрыхъ сердцахъ всѣ тайныя желанія истинныхъ сыновъ отечества; тихій гласъ Патриотовъ доходилъ до Ея нѣжнаго слуха... Они съ

восторгомъ говорили о Петрѣ Великомъ и Его великихъ намѣреніяхъ. Екатерина хотѣла узнать сего полубога Россіянъ, и всѣ дѣла, всѣ законы Его, вмѣстѣ съ древнѣйшими лѣтописями нашего государства, были предметомъ Ея живѣйшаго любопытства. Сего не довольно: славнѣйшіе иностранные Авторы и Философы, подобно благодѣтельнымъ Геніямъ, ежедневно украшали разумъ Ея новыми драгоценностями мыслей; въ ихъ твореніяхъ * искала Она правилъ мудрой Политики, и часто, облокотясь священной рукою на бессмертныя страницы *Духа законовъ*, раскрывала въ умѣ Своемъ идеи о народномъ щастіи, чувствуя, что Она Сама будетъ творцемъ онаго для обширнѣйшей Имперіи въ свѣтѣ!... Воображая сію душевную дѣятельность, я вижу, кажется, предъ собою юнаго Алкида, который, въ тишинѣ собирая силы, утверждая мышцы и рамена свои,

* Родительница Екатерины, зная любовь Ея ко чтенію книгъ, въ завѣщаніи своемъ отказала Ей свою бібліотеку — сими словами: «Любезной моей Государынѣ Дщери Екатерины Алексѣевнѣ отдаю всю мою бібліотеку, какъ здѣшнюю, такъ и Дорнебургскую, собранную мною нарочно для Ея Высочества; ибо я знаю Ея великую охоту ко чтенію. Всевышній да поможетъ Ей украситься плодами онаго, и да приобрѣтетъ Государыня, любезная Дщерь моя, всѣ добродѣтели, нужныя для Ея высокаго сана! Чрезъ что исполнятся наши родительскія наставленія, прежде данныя Ея Высочеству.»

готовится предпріять геройскіе подвиги... Ахъ! подвигъ мудраго Царя есть самый пріятнѣйшій въ мірѣ!

И ЕКАТЕРИНА на тронѣ!... Уже на безсмертномъ мраморѣ Исторіи изображенъ сей незабвенный день для Россіи: удерживаю порывъ моего сердца описать его величіе... Красота въ образѣ воинственной Паллады!... вокругъ блестящіе ряды Героевъ; пламя усердія въ груди ихъ!... предъ Нею священный ужасъ и Геній Россіи!... Опираясь на Мужество, Богиня шествуетъ — и Слава, гремя въ облакахъ трубою, опускаетъ на главу Ея вѣнокъ лавровый!....

Съ ЕКАТЕРИНОЮ возсѣли на престолъ кроткая мудрость, божественная любовь ко славѣ (источникъ всѣхъ дѣлъ великихъ), неутомимая дѣятельность, знаніе человѣческаго сердца, знаніе вѣка, ревностное желаніе довершить начатое Петромъ, просвѣтити народъ, образовать Россію, утвердить ея щастіе на столпахъ незыблемыхъ, согласить всѣ части правленія, и купить безсмертіе дѣлами Матери Отечества. Сей обѣтъ произнесла Монархиня во глубинѣ души Своей, и небесный Сердцевѣдецъ даровалъ Ей силу для исполненія.

Сограждане! ЕКАТЕРИНА безсмертна Своими побѣдами, мудрыми законами и благотѣтельными учрежденіями: взоръ нашъ слѣдуетъ за нею на сихъ трехъ путяхъ славы.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

Сколь часто Поэзія, Краснорѣчіе и мнимая Философія гремятъ противъ славолюбія завоевателей! Сколь часто укоряютъ ихъ безчисленными жертвами сей грозной страсти! Но истинный Философъ различаетъ, судитъ, и не всегда осуждаетъ. Прелестная мечта всемірнаго согласія и братотва, столь милая душамъ нѣжнымъ! для чего ты была всегда мечтою? Правило народовъ и Государей не есть правило частныхъ людей; благо сихъ послѣднихъ требуетъ, чтобы первые болѣе всего думали о внѣшней безопасности: а безопасность есть — могущество! Слабый народъ трепещетъ; сильный, подъ эгидою величія, свободно наслаждается политическимъ бытіемъ. Сія истина раждаетъ правила для Монарховъ. Исчезши память кровожадныхъ Аттиль, которые хотѣли побѣждать единственно для славы побѣдъ! но цвѣти имя Героевъ, которые разили враговъ отечества, и побѣдами запечатлѣли его благоденствіе! ПЕТРЪ и ЕКАТЕРИНА хотѣли пріобрѣтеній, но единственно для пользы Россіи, для ея могущества и внѣшней безопасности, безъ которой всякое внутреннее благо не надежно. Монархія знала, что Имперія Оттоманская, по своему закону и духу правленія, есть опасный врагъ Россіи; что всѣ союзы, всѣ дружественные договоры съ нею будутъ только краткимъ перемиріемъ и что единственный способъ утвердить покой на-

шего государства есть ослабить сего природнаго и вѣчнаго непріятеля Христіанъ — знала, и совершила. Но Европа видѣла, что Екатерина, будучи всегда готовою къ войнѣ, по особенной любви къ справедливости никогда Сама не разрывала мира; когда же мечъ, извлеченный для обороны, блисталъ въ рукѣ Ея, тогда — горе врагамъ безразсуднымъ!

Едва Монархиня успѣла привести въ лучшій порядокъ внутреннее правленіе государства, уже дерзостный Мустафа оскорбилъ величіе Россіи; объявилъ себя союзникомъ Польскихъ мятежниковъ; требовалъ, чтобы войско наше оставило Станислава имъ въ жертву; и наконецъ, презирая священное право народовъ, заключилъ въ темницу того, кто при его Дворѣ былъ образомъ Екатерины!

Уже ея войны разили Оттомановъ; уже на берегахъ Дибстровскихъ развѣвались наши побѣдоносныя знамена... но взоръ Екатерины еще искалъ Полководца, достойнаго Ея довѣренности и великихъ намѣреній. Она не хотѣла войны обыкновенной; не хотѣла жертвовать людьми по волѣ случая; хотѣла дѣйствиємъ превосходнаго ума предписать законъ Року. Искала и нашла — Румянцева! Сей великій мужъ славно отличилъ себя во время войны Прусской; взялъ Колбергъ; удивлялся хитрости искуснаго Фридриха, но часто угадывалъ его тайные замыслы; сражался съ нимъ, и видѣлъ нѣсколько разъ побѣгъ его воинства. Талантъ великихъ душъ есть узнавать великое въ другихъ лю-

дяхъ; и Екатерина, избравъ Румянцева, ускорила паденіе Турецкой Имперіи.

Герой, пріявъ начальство, перемѣнилъ всѣ воинскія распоряженія; отвергнувъ всѣ малодушныя осторожности, похожія на робость, и введенныя въ нашихъ арміяхъ чужеземными военачальниками. *Не рогатки, а огонь и мечь защита ваша*, сказалъ онъ Россійскимъ легионамъ — и вдохновеніе геройства оживило ихъ. Пошли — и съ того времени каждый ударъ Россіянъ былъ пораженіемъ для Оттомановъ.

Дѣла неимовѣрныя, чудесныя! Сіи страшные завоеватели Востока, ужасъ Европы, истребители славныхъ армій ея, не могутъ стоять предъ лицомъ Румянцева! Восемдесятъ тысячъ отборнаго Турецкаго войска, подъ начальствомъ Хана Селима, исчезло какъ прахъ на берегахъ Прута; ни высокая гора, ни укрѣпленный станъ не спасли ихъ. Сего мало — туда, гдѣ рѣка Прутъ вливаетъ быстрыя воды свои въ величественный Дунай; туда, гдѣ великій Петръ, окруженный невѣрными, отчаялся быть побѣдителемъ и требовалъ мира — туда Геній Екатерины привелъ Румянцева, и поставилъ его между врагами безчисленными. Съ одной стороны Ханъ Крымскій горѣлъ ревностію загладить стыдъ своего пораженія; съ другой самъ Визирь уже торжествовалъ въ мысляхъ побѣду. Сograждане! каждый изъ васъ слыхалъ о великомъ днѣ Кагульскомъ и проливалъ радостныя слезы, достойныя Русскаго сердца; я проливалъ ихъ, внимая вашему повѣствованію, Герои именитые, щаст-

ливые сподвижники Румянцева! и никогда въ моментъ воображенія не затмится сія величественная картина. 17 Тысячь Русскихъ, на разсвѣтѣ прекраснѣйшаго дня, въ глубокомъ молчаніи идутъ умереть со славою противъ 150 тысячъ непріятелей; тихое весміе на ихъ лицахъ; въ груди предчувствіе геройскаго безсмертія. Всѣ повелѣнія были отданы, и вождь казался спокойнымъ; одно величество блистало въ его взорахъ. Вдругъ грома возвѣстили явленіе солнца, и тучи дыма сокрыли его, оно снова возсіяло — и гдѣ враги многочисленныя? Я вижу трофеи наши, и среди ихъ Героя Румянцева, который, не измѣнивъ всегдашняго спокойнаго лица своего, пишетъ къ Монархинѣ донесеніе о славнѣйшей побѣдѣ въ мірѣ. Духъ Петра Великаго! Ты утѣшился. Отнынѣ сліяніе Прута съ Дунаемъ будетъ радостнымъ памятникомъ для Россіянъ.

За симъ торжествомъ Екатериной славы міръ увидѣлъ другое, не менѣе чудесное. Сама Природа заграждаетъ, кажется, дальній путь нашимъ флотамъ, окружая льдами гавани Россіи на половину года; но Геній Монархини побѣждаетъ Природу, и волны моря Средиземнаго пѣнятся подъ рулями Россійскими. Священныя воспоминанія Исторіи волновали сердце нашихъ плывущихъ Героевъ, когда они узрѣли берега Италіи. Имъ казалось, что великія тѣни Фабриціевъ, Камилловъ, Сципионовъ, паря надъ гробомъ древней Республики, съ любопытствомъ и удивленіемъ взирали на гордый, и симъ морямъ неизвѣстный флагъ Екатерины;

имъ казалось, что Россія есть ловый Римъ своимъ величествомъ. Съ такими чувствами наши Аргонавты приближались къ странамъ, еще древнѣйшимъ въ лѣтописяхъ славы, и равно богатымъ великими идеями; они надѣялись воскресить тамъ героичество Ликурговыхъ и Солоновыхъ питомцевъ; надѣялись именемъ новой Афиней воззвать къ жизни и великимъ дѣламъ потомковъ Мильтіада, Аристиды,Themistocle. Но долгое рабство навѣки умертвило тамъ сердца людей; грубый слухъ не внималъ уже сладкому имени свободы, и Герои Россійскіе увидѣли, что имъ надлежало думать только о славѣ Екатерины. Не за тѣмъ окружили они Европу, ни за тѣмъ оставили за собою берега Африканскіе, чтобы творить дѣла обыкновенной храбрости.... и море Эгейское пылаетъ!... О зрѣлище, для самаго воображенія ужасное, мысль смѣлая и великая! исполненіе дерзостное и шастливое! Молвіеносные Россіяне повелѣваютъ стихіями: огонь и волны истребляютъ врага! вѣнами уготованныя морскія силы его исчезаютъ съ дымомъ! Все Оттоманское гибнетъ кромѣ однихъ трюмъ для побѣдителя — и Монархиня возлагаетъ ихъ, скромно и величественно, на гробъ Петра Перваго! — Чесма безсмертна, подобно Полтавѣ и Кагулу; и семидесятый годъ минувшаго вѣка есть самый цвѣтущій годъ нашей воинской славы. *

* Въ сей же годъ были взяты Бендеры Графомъ Нетромъ Ивановичемъ Панинымъ.

Слѣдующее лѣто также осынило насъ лаврами. Что началъ Іоаниъ Грозный, то довершила Екатерина Великая. Сіи славныя глубокіе окопы, которые отъ Чернаго моря простираются до Азовскаго, не могли остановить торжественнаго теченія Ея воиновъ, и Крымъ, послѣднее убѣжище варваровъ, бывшихъ въкогда ужасомъ и бичемъ нашего отечества, палъ къ стопамъ Россійскаго Генія. — Берега Дуная не преставали обогряться кровію невѣрныхъ, и Константинополь трепеталъ, внимая близкимъ громамъ нашего флота. Мустафа смирился: Румянцевъ опустилъ мечъ свой; но еще не пришелъ конецъ бѣдствіямъ Оттомановъ. Мирныя переговоры не имѣли щастливаго успѣха, и Полководецъ Екатерины украсилъ Ея корону новыми лаврами; разилъ, истреблялъ, очистилъ себѣ путь къ Адрианополю, отрѣзалъ, окружилъ Визиря — и Геройскою рукою своею подписалъ славный для Россіи мирный трактатъ, который открылъ намъ моря Турецкія и Дарданеллы, даровалъ независимость Крыму, обогатилъ казну государственную милліонами, утвердилъ за Россією Азовъ и Таганрогъ. Никогда еще отечество наше не заключало толь блестящаго мира съ Портою!

Безпримѣрные подвиги сей войны украсили книгу Россійскаго Дворянства тремя именами славы. Римъ имѣлъ Сципіоновъ Африканскихъ, Азіатскихъ: Екатерина воскресила сію награду, достойную Ея величія — и Россія имѣетъ своего Задунайскаго, Чесменскаго, Крымскаго.

Послѣднимъ торжествомъ Румянцева былъ тотъ

день, когда Екатерина именемъ отечества изъявила ему благодарность. Отягченный лаврами, онъ сходитъ съ оеатра славы, и скрывается отъ глазъ нашихъ; но Исторія приѣмлетъ его во святилище безсмертія. Такъ, она скажетъ Россіянамъ: «Во дни Екатерины Румянцевъ открылъ вамъ тайну всегда побѣждать невѣрныхъ, малымъ чи-слоомъ безчисленность; усѣвать поля трупами ихъ и сохранять цѣлость рядовъ вашихъ!» — Если таланты изъяясняются сравненіемъ, то Задунайскаго можно назвать Гюреномъ Россіи. Онъ былъ мудрый Полководецъ; зналъ своихъ непріятелей, и систему войны образовалъ по ихъ свойству; мало вѣрилъ слѣпому случаю, и подчинялъ его вѣроятностямъ разсудка; казался отважнымъ, но былъ только проникателемъ; соединялъ рѣшительность съ тихимъ и яснымъ дѣйствіемъ ума; не зналъ ни страха, ни запальчивости; берегъ себя въ сраженіяхъ единственно для побѣды; обожалъ славу, но могъ бы снести и пораженіе, чтобы въ самомъ несчастіи доказать свое искусство и величіе; обязанный Геніемъ Натурѣ, прибавилъ къ ея дарамъ и силу Науки; чувствовалъ свою цѣпу, но хвалилъ только другихъ; отдавалъ справедливость подчиненнымъ, но огорчился бы во глубинѣ сердца, если бы кто нибудь изъ нихъ могъ сравниться съ нимъ талантами: судьба избавила его отъ сего неудовольствія. — Такъ думаютъ о Задунайскомъ благодарные ученики его.

Теперь обращается взоръ нашъ на ту, нѣкогда мощную Республику, которой имя и бытіе уже

исчезло въ Европѣ. Давно ли еще наглая и злобная Польша терзала наше отечество? Давно ли она, пользуясь его изнеможеніемъ, хищною рукою хватала въ свое подданство цѣлыя Княжества Россійскія? Давно ли древняя столица Владиміра носила ея цѣпи? Давно ли и ты, Москва цвѣтущая, лежала у ногъ гордаго вождя Сарматскаго? Но Россія, подобно спавшему исполину, возстала въ гнѣвъ своемъ; враги ея, въ ихъ чреду, упали на колѣна предъ нею, и возвратили похищенное. Такъ, Монархія взяла въ Польшѣ только древнее наше достояніе, и когда уже слабый духъ ветхія Республики не могутъ управлять ея пространствомъ. Сей раздѣлъ есть дѣйствіе могущества Екатерины и любви Ея къ Россіи. Полоцкъ и Могилевъ возвратились въ нѣдра своего отечества, подобно дѣтямъ, которыя, бывъ долго въ горестномъ отсутствіи, съ радостію возвращаются въ нѣдра счастливаго родительскаго семейства.

Крымъ былъ независимъ; но Крымъ былъ еще гнѣздомъ разбойниковъ, опасныхъ для Россіи. Сія прекрасная часть нашей Имперіи, гдѣ Природа столь щедро награждаетъ трудолюбіе, и за каждое, лону ея ввѣренное зерно даетъ богатый класъ земледѣльцу; гдѣ на тучныхъ паствахъ разсыплются стада безчисленныя; гдѣ свирѣли и нѣжныя пѣсни веселыхъ пастырей, простота нравовъ, миролюбіе и общее добродушіе жителей напоминаютъ воображенію счастливые берега Ладона — Малороссія не могла быть покойною въ сосѣдствѣ неукротимыхъ варваровъ. Екатерина по-

ведѣла — и воинство Ея, не обнаживъ меча, заняло полуостровъ Крымскій, древнюю Тавриду, столь извѣстную въ Исторіи и въ самой Мѣеологіи. Монархиня еще не вѣдала, что сіе важное пріобрѣтеніе возвратило Россіи ея нѣкогда именитое Княжество Тмутораканское или столицу его, которая скрывалась доселѣ * отъ любопытства нашихъ Историковъ. Такимъ образомъ пресѣклись грозные набѣги Татаръ, столь бѣдственные для нашего отечества. — Сама же Таврида будетъ всегда прекрасною частицею Россійской Имперіи, и со временемъ важною для торговли съ Архипелагомъ и Востокомъ. Уже любопытные изъ отдаленныхъ земель пріѣзжаютъ видѣть сію чудесную страну, которая представляетъ взору и гранитныя горы Швейцаріи и плодоносныя долины Піемонтскія; страну, гдѣ творческая Натура съ нѣжными красотою соединила величественныя; гдѣ въ одно время и зима свирѣпствуетъ и весна улыбается; гдѣ мудрый наблюдатель Природы находитъ для себя разнообразныя богатства, и гдѣ чувствительное сердце, наскучивъ свѣтомъ, можетъ насладиться самымъ пріятнѣйшимъ уединеніемъ.

Оттоманская Порта содрогнулась; и хотя, по занятіи Крыма нашими войсками, возобновила мирный трактатъ съ Россіею, но скоро тайная злоба ея воспылала....

* На островъ Тамань. — См. любопытное сочиненіе Графа А. И. Пушкина о семъ предметѣ.

Здѣсь напомию вамъ, сограждане! славное путешествованіе Монархини въ страны Ею населенныя или завоеванныя. Она желала видѣть Тавриду и новые плоды своего счастливаго царствованія. Зрѣлище восхитительное, достойное Екатерины! Отъ самыхъ береговъ Невскихъ до волкъ Понта Эвксинскаго шествіе Великія казалось торжествомъ побѣдительницы міра. Не цѣпи невольниковъ гремѣли вокругъ торжественной колесницы, но радостныя восклицанія довольныхъ подданныхъ; милліоны упали передъ Нею какъ предъ Божествомъ! благодѣтельнымъ. Такъ нѣкогда обожаемая Семирамида, въ сіяніи славы, при звукѣ безчисленныхъ мусикійскихъ орудій, шествовала по цвѣтущимъ областямъ ея, изумляя подданныхъ своихъ величіемъ и щедротами!.... Какъ сладостно было сердцу Монархини, когда искреннее усердіе вѣщало Ей: «Сія трудолюбіемъ и художествомъ украшенныя мѣста недавно были горестною пустынею, дикою степью; гдѣ сія обширные сады зеленѣютъ и гордыя палаты возвышаются, тамъ одни песчаные холмы представлялись унылому взору! Въ семъ юномъ городѣ *, Тобою сотворенномъ, уже цвѣтеть торговля. Здѣсь Востокъ и Западъ мѣняются своими богатствами. Здѣсь все исполнено имени и славы Твоей!» Тамъ два Вѣнценосца встрѣтили Монархиню, какъ бы для того, чтобы

* Въ Херсонѣ.

еще болѣе украсить Ея торжество. Екатерина ѣ обязанъ былъ Станиславъ короною, и славился тѣмъ предъ свѣтомъ. Юсифъ внималъ Ея премудрымъ намѣреніямъ для блага человѣчества, когда Она чрезъ волны Эвксинскія устремляла священный взоръ на градъ Константина. Цари Италіи спѣшили Посольствами изъяснить радость свою о приближеніи Сѣверной Царицы къ странамъ ихъ.

Сіе путешествіе и догадки Европы о свиданіи Екатерины съ Юсифомъ послужили Оттоманскому Двору предлогомъ къ разрыву мира. Война снова возгорѣлась. Уже Румянцевъ не былъ главнымъ, дѣятельнымъ начальникомъ; но духъ его въ Россійскихъ арміяхъ — и невѣрные, увидѣвъ ихъ, вострепетали: они узнали прежнихъ своихъ разителей, узнали по ихъ быстрымъ движеніямъ, смертоноснымъ громамъ, сокрушительнымъ ударамъ; бѣжали съ полей открытыхъ, милыхъ геройству, страшныхъ робости, и заключились въ крѣпкихъ оградахъ. Но ни Искусство, ни Природа не могли защитити ихъ — и сія война ознаменовалась для славы нашей двумя, чудесно смѣлыми и щастливыми приступами. Только Россіяне могутъ быть предметомъ сравненія для Россіянъ: Очаковъ палъ нѣкогда предъ Минихомъ; но Очаковъ не былъ еще укрѣпленъ тогда всѣми хитростями Искусства. Теперь падетъ онъ во всемъ своемъ величїи, чтобы тѣмъ болѣе увеличить славу нашу. Продолжительная осада была только дѣйствіемъ челоуѣколюбія Екатерины и доказательствомъ непоколебимаго терпѣнія нашихъ вои-

новъ, которые въ открытомъ станѣ презирали всѣ ужасы зимніе. Монархія щадила жизнь людей; надѣялась, что врагъ покорится; — но когда Военачальникъ произнесъ Ея именемъ рѣшительное слово, Герои вошли въ крѣпость по трупамъ непріятелей. — Взятіе Измаила было еще славнѣе. Тамъ армія обороняла городъ; высокія стѣны, глубокіе рвы, страшная артиллерія—все обѣщало ему безопасность. Пришелъ Суворовъ!... казалось для того, чтобы видѣть неприступность города. Войнство невѣрныхъ, въ грозной многочисленности представъ очамъ Россіянъ на валу крѣпости, хотѣло однимъ видомъ своимъ поразить ихъ. Уже гордый начальникъ Измаила думалъ, что онъ видитъ смятеніе нашего Героя; что Суворовъ ожидаетъ ночи для сокрытія неминуемаго бѣгства! Ночь прошла — и Суворовъ въ Измаилѣ! 20000 Оттомановъ легло въ окопахъ. Съ изумленіемъ узнала Европа, что наши, столь легко вооруженные Донскіе воины, подъ начальствомъ Героя, превращаются въ фалангу Македонскую и берутъ крѣпости.

Иосифъ былъ вѣрнымъ другомъ Россіи; но счастье и слава, еще вѣрнѣйшіе друзья паша, не хотѣли его признать своимъ союзникомъ. Войнство его ужаснулось сверкающихъ кинжаловъ, грозного вопля невѣрныхъ и страшнаго имени Аллы, призываемаго ими въ сраженіяхъ. Баунатъ былъ свидѣтелемъ Австрійскихъ несчастій. Оттоманы, спасенные бѣгствомъ отъ меча Россійскаго, разиди воиновъ Иосифа, тѣхъ, которые прежде сами по-

бѣждали храбрѣйшія арміи въ Европѣ. Украшенный лаврами старецъ, совѣтникъ великаго Фридриха, былъ вызванъ изъ мирнаго уединенія спасти отечество. Западъ жизни его еще озарился лучемъ славы, но кратковременнымъ; и Лаудонъ, взявъ Бѣлградъ, безъ успѣха приступалъ къ Орсовѣ. Одни Россіяне могли ободрить унылые легионы Австрійскіе; одинъ *Рымникскій* могъ принести славу и щастіе въ станъ ихъ — и принесъ. Семь тысячъ Русскихъ указали имъ путь къ побѣдѣ.... Австрійцы сразились храбро.... Визирь изумился! но увидѣвъ впереди знамена **Е к а т е р и н ы**, услышавъ имя Суворова, въ первый разъ показалъ тылъ нашимъ союзникамъ. Въ сей-то незабвенный день Австрійцы узнали чудеснаго Суворова; и когда, чрезъ десять лѣтъ послѣ того, надлежало имъ противъ храбрыхъ Республиканцевъ поставить Вождя крѣпкаго, они, забывъ народную гордость свою, требовали Героя Рымникскаго.

Е к а т е р и н а въ сіе время имѣла еще другихъ враговъ. Порта, Англія и Пруссія обольстили Густава: онъ дерзнулъ объявить войну Россіи. Когда извѣстіе о первыхъ его непріятельскихъ дѣйствіяхъ пришло въ наши столицы, тогда надлежало видѣть безпримѣрное усердіе Россіянъ къ отечеству и къ Монархинѣ. Всѣ воспылали гнѣвомъ на врага вѣроломнаго и ревностію наказывать его; всѣ мирные граждане готовы были летѣть на поле брани. Сіе воспоминаніе еще живо въ сердцахъ вашихъ, сограждане — воспоминаніе

незабвенное и радостное для Патриотовъ! Могли ли Готфы, неохотные исполнители незаконной воли, * стоять противъ сыновъ обожаемой Екатерины, сильныхъ любовію къ отечеству и невинностію къ виновнику сей войны неправедной? Густавъ думалъ, что его нечаянное нападеніе приведетъ въ трепеть Россію, и откроетъ ему путь къ столицѣ. Онъ забылъ имена и подвиги нашихъ избранныхъ легионовъ, столь ужасныхъ для его предковъ! Сіи Герои стремились возобновить прежнюю славу свою въ каменистомъ отечествѣ Финновъ, и доказать міру, что стража Монарховъ Россійскихъ достойна своего имени и сана. Гдѣ только Готфы сражались, тамъ Россіяне побѣждали, на водахъ и на сушѣ. Густавъ истощилъ всѣ способности ума и дерзости своей — напрасно и безъ успѣха! Екатерина внимала грому флотовъ его, но покойно и величественно гуляла въ садахъ Своихъ. Король, ослѣпленный высококомѣріемъ и лживыми союзниками, увидѣлъ наконецъ заблужденіе, и прибѣгнулъ къ великодушію Монархини: Она даровала ему миръ, который единственно могъ спасти бѣдные остатки силъ его.

Порта Оттоманская видѣла предъ собою конечную гибель. Твердѣйшія опоры ея пали; воинство унывало; страшные Янычары страшились одного имени Россіявъ; море, отверстое для нашихъ флотовъ, всякой день могло представить очамъ Сул-

* По законамъ Швеціи Король не могъ начинать войны безъ согласія другихъ Властей, то есть, Сейма.

тана флагъ Екатерины... Но Монархиня желала успокоить Своихъ воиновъ, и не отвергла мира. Она могла взять Константинополь, но взяла только Очаковъ, и слѣдъ Турецкаго владѣнія истребился на семь берегу Днѣстра. Всѣ Дворы удивились Ея умѣренности; но Екатерина знала время, обстоятельства; хотѣла видѣть слѣдствіе нѣкоторыхъ новыхъ Европейскихъ перемѣнъ, * и отсрочила дальнѣйшіе успѣхи Россійскаго оружія.

Польша была также предметомъ Ея вниманія. Остатки сей Республики волновались и кипѣли злобою на Россію. Безпокойные умы испровергли древніе законы, утвержденные Екатериною; собирали войско и не скрывали своихъ опасныхъ для нашей Имперіи умысловъ. Но благоразумные требовали заступленія Монархини. Она повелѣла возстановить древній Уставъ Республики: толпы мятежниковъ были разсѣяны горстію нашихъ воиновъ, и Польша могла бы еще успокоиться подъ эгидою Россійскою... Но послѣдній часъ ея насталъ. Не смѣя ратоборствовать съ Героями въ полѣ, она хотѣла умертвить ихъ въ объятіяхъ сна, и драгоценная кровь Россійская обагрила стогны Варшавскія. Слабодушные убійцы! стыдъ Сѣвера, который, издревле довольствуясь славою побѣждать Югъ во браняхъ, оставлялъ ему гнусную славу коварныхъ злодѣйствъ подъ сѣнію мира! Варшава напомнила ужасы Сициліанскіе!... Сердце Екатерины содрогнулось. Державная

* Французской Революціи.

рука Ея бросила въ урпу сей недостойной Республики жребій уничтоженія, и Суворовъ, подобно Ангелу грозному, обнажилъ мечъ истребленія; ношелъ — и вождь мятежниковъ спасается отъ смерти плѣномъ; и Прага, крѣпкая ихъ отчаяніемъ, дымится въ своихъ развалинахъ — и Варшава падаетъ къ стопамъ Екатерины. Совершилось!... Польши нѣтъ; но ея мятежные и несчастные жители, утративъ имя свое, нашли миръ и спокойствіе подъ державою трехъ союзныхъ Государствъ. Республика безъ добродѣтели и героической любви къ отечеству есть неодоушевленный трупъ. Аѳинская, Спартанская, Римская, имѣли свое цвѣтущее время: Польская была всегда игролицемъ гордыхъ вельможъ, театромъ ихъ своевольства и народнаго униженія... Богатѣйшія страны ея достались на часть Россіи.

Взятіемъ Варшавы заключилъ при Екатеринѣ подвиги свои Герой, котораго имя и дѣла гремятъ еще въ Италіи и на вершинахъ Альпійскихъ; на котораго еще взираетъ изумленная имъ Европа, хотя мы уже осыпали цвѣтами гробъ его — цвѣтами, не кипарисами: ибо смерть великаго Вонна, который полвѣка жилъ для славы, есть торжество безсмертія, и не представляетъ душѣ ничего горестнаго. Суворовъ былъ одинъ изъ самыхъ счастливейшихъ Полководцевъ; подобно Александру, сколько разъ сражался, столько разъ побѣждалъ; подобно Цесарю, ставилъ себя выше Рока, и Рокъ не смѣлъ изобличить его въ ошибкахъ. Что въ другомъ оказалось бы гибельною дерзо-

стію, то въ немъ было спасительною надежностію и предчувстіемъ событія. Онъ не шель, а летѣлъ ко Славѣ, которая съ своей стороны встрѣчала его на половинѣ пути. Вся военная теорія его состояла въ трехъ словахъ: * *взоръ, быстрота, ударъ* — но *взоръ* сей даетъ Природа не многимъ; по *быстрота* сія была тайною для самыхъ Аннибаловъ; по *ударъ* сей разителенъ единственно съ Суворовымъ. Онъ не любилъ ничего, кромѣ славы; ко всему прочему казался невнимательнымъ, нечувствительнымъ. Объ искусствѣ Военачальниковъ судилъ всегда по ихъ успѣхамъ: какихъ же высокихъ мыслей надлежало ему быть о самомъ себѣ? Нѣкоторые считали его жестокимъ — несправедливо: онъ любилъ побѣжденных непріятелей, ибо они были живыми его трофеями. Суворовъ не хотѣлъ знать, какъ искусный Полководецъ спасаетъ остатки разбитой арміи: ибо мѣсто перваго несчастнаго сраженія было бѣ ему могилою. — Изображеніе Героевъ Задунайскаго и Римпикскаго принадлежитъ къ царствованію Екатерины: Она выбрала одного, употребляла другаго, и слава ихъ есть часть Ея славы. Градъ Святаго Петра созерцаетъ ихъ памятники, вмѣстѣ стоящіе: тамъ юные воины отечества будутъ произносить обѣты геройства. И въ семъ ревностномъ твореніи слабаго моего таланта да сіяютъ вмѣстѣ имена нашихъ первыхъ Военачальниковъ!

* Написанныхъ имъ въ его тактикѣ, краткомъ, но любопытномъ сочиненіи.

Уничтоженіе Польской Республики возвратило независимость Курляндіи, завоеванію храбрыхъ Тевтоническихъ Рыцарей, странѣ плодоносной, извѣстной въ самыхъ древнихъ лѣтописяхъ по своимъ рудокопнямъ, минеральнымъ водамъ и прекрасному янтарию, собираемому на берегахъ ея. Но Курляндія, зная, что независимость всегда бываетъ нещастіемъ для области безсильной, хотѣла славы принадлежать Е к а т е р и н ѣ. Монархиня пріяла ее подъ Свою державу, и Россія обогатилась новыми Портами, драгоценными для успѣховъ торговли.

Уже орлы наши парили подъ небесами Востока; уже крылатая молва несла въ страны Великаго Могола имя Россійской Монархини; уже воинство наше, то подымаясь къ облакамъ на хребтѣ горъ туманныхъ, то опускаясь въ глубокія долины, дошло до славныхъ *вратъ Каспійскихъ*; уже *стѣна Кавказская*, памятникъ величія древнихъ Монарховъ Персін, разступилась предъ онымъ; уже смѣлый вождь его пріялъ серебряные ключи Дербента изъ рукъ старца, который въ юности своей вручалъ ихъ Петру Великому, и сей градъ, основанный, по восточному преданію, Александромъ Македонскимъ, осѣнилъ знаменами Е к а т е р и н ы... когда всемогущая Судьба пресѣкла для Монархини и теченіе побѣдъ Ея. Тайнство великой Души намъ неизвѣстно. Чудесныя дѣла Е к а т е р и н ы могли быть увѣнчаны новымъ чудомъ; война Персидская могла имѣть предметъ важный; могла открыть путь въ Россію несмѣт-

нымъ богатствамъ Востока; могла успокоить народы мятежные, которые, подъ вліяніемъ щастливѣйшаго неба, служатъ примѣромъ бѣдствій; могла... Но, повторяю: таинство великой Души намъ неизвѣстно.

Монархія оставила Россію на вышней степени геройскаго величія, обогащенную новыми странами, гаванями и милліонами жителей; безопасную внутри, страшную для вѣдшихъ непріятелей. Міръ не зналъ, какъ побѣждаютъ Россіяны, и Россіяне не знали, какъ не сокрушить врага. Ихъ стихія была слава: и симъ-то чувствомъ Великая готовила побѣды! Она умѣла награждать воинскія заслуги достойнымъ ихъ образомъ; отличала воинскія дарованія лестнымъ благоволеніемъ — и Герой, который имѣлъ щастіе лобызать Ея державную руку, слышать восхитительныя слова Милости, пылалъ новою ревностію геройства, не думая о жизни. Юноши, осыпанные цвѣтами роскоши, среди столицы усыпленные нѣгою, при первомъ звукѣ Марсовой трубы пробуждались, срывали съ себя вѣнки Грацій, и стремились на поле чести искать опасностей и вѣнковъ лавровыхъ. Только во время Екатерины видѣли мы сіи, можно сказать, волшебныя превращенія нѣжныхъ Сибаритовъ въ суровыхъ чадъ Лакедемона; видѣли тысячи Россійскихъ Альцибіадовъ! — Европа съ благоговѣніемъ взирала на Тронъ Россіи, поручивъ ему вѣсы свои. Одно слово Монархини рѣшило судьбу государствъ: ибо въ слѣдъ за нимъ готовы были летѣть непобѣдимые!

Не только благо нашего отечества, но и благо цѣлаго міра утверждено побѣдами Екатерины. Давно ли еще знамя лжепророка грозило стѣнамъ Вѣнскимъ? Новый Магометъ II могъ быть новымъ истребителемъ государствъ Европейскихъ: сколь же бѣдственны успѣхи Оттоманскаго оружія для челоѣчества и просвѣщенія? Теперь варвары уже неопасны для Европы; теперь слабый Паша Видина презираетъ могущество Порты!... И сія безопасность есть дѣло Великой Екатерины, Которая потрясла и отчасти разрушила сей колоссъ ужасный.

=

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

Екатерина Завоевательница стоитъ на ряду съ первыми Героями вселенныя; міръ удивлялся блестящимъ успѣхамъ Ея оружія — но Россія обожаетъ Ея уставы, и воинская слава Героини затмѣвается въ Ней славою Образовательницы государства. Мечъ былъ первымъ властелиномъ людей, но одни законы могли быть основаніемъ ихъ гражданскаго счастья; и находя множество Героевъ въ Исторіи, едва знаемъ нѣсколько именъ, напоминающихъ разуму мудрость законодательную.

• Нетерпѣливыя мысли мои спѣшатъ устремить-
Соч. Карамз. Т. I.

ся на многіе предметы, столь любезные уму и сердцу; но прежде означимъ главное и столь новое для Россіи благодѣяніе Екатерины, которое изъясняетъ всё другія, и которое всёми другими изъясняется; означимъ, такъ сказать, священный корень нашего блаженства во дни Ея — сію печать, сей духъ всёхъ Ея законовъ.

Она уважила въ подданномъ санъ челоуька, нравственнаго существа, созданнаго для щастія въ гражданской жизни. ПЕТРЪ Велпкій хотѣлъ возвысить насъ на степень просвѣщенныхъ людей: ЕКАТЕРИНА хотѣла обходиться съ нами какъ съ людьми просвѣщенными. Исторія представляетъ намъ самовластныхъ Владыкъ въ видѣ грознаго божества, которое требуетъ единаго слѣпаго повиновенія, не даетъ отчета въ путяхъ своихъ — гремитъ, и смертные упадаютъ во прахъ ничтожества, не дерзая возрѣть на всемогущество. ЕКАТЕРИНА преломила обвитый молніями жезлъ страха, взяла масличную вѣтвь любви, и не только объявила торжественно, что Владыки земные должны властвовать для блага пароднаго, но всёмъ своимъ долготѣтнымъ царствованіемъ утвердила сію вѣчную истину, которая отнышѣ будетъ правиломъ Россійскаго Трона: ибо ЕКАТЕРИНА научила насъ разсуждать и любить въ порфирѣ добродѣтель. Щастливые Россіяне нашего вѣка! вы уже не помните строгихъ, опасныхъ временъ, когда страшно было наименовать Вѣнценосца; но имя Екатерины, съ самаго Ея вступленія на престоль, подобно имени благодѣ-

тельного существа, изъ устъ въ уста съ любовію и радостию прелетало. Съ Нею воцарились миръ въ семействахъ и веселіе въ обществахъ; всѣ души успокоились, всѣ лица оживились, и добрые подданные сказали: «Монархиня! читай въ сердцахъ нашихъ; «мы не боимся, ибо мы любимъ Тебя!» Хотя и оставалась еще нѣкоторая тѣнь мрачнаго, Тайнаго судилища; но подъ Ея собственнымъ, мудрымъ надзирашемъ оно было забыто добрыми и спокойными гражданами. * Хотя Великая предоставила Августѣйшему Ея внуку безсмертную славу *искоренить* навѣки учрежденіе временъ несчастныхъ, ненужное въ то время, когда щастіе Монарха и подданныхъ составляетъ единое, и когда любовь народная вооружена мечемъ правосудія для наказанія злыхъ умысловъ; но въ царствованіе Екатерины одни преступники, или явные враги Ея, слѣдственно враги общаго благоденствія, страшились пустынь Сибирскихъ; для однихъ изверговъ отверзался сей хладный гробъ живыхъ. Монархиня презирала и самыя дерзкія сужденія, когда оныя происходили единственно отъ легкомыслія, и не могли имѣть вредныхъ слѣдствій для государства: ибо Она знала, что личная безопасность есть первое для чловѣка благо, и что безъ нее жизнь наша, среди всѣхъ иныхъ способовъ щастія и наслажденія, есть вѣчное, мучительное безпо-

* См. Указъ объ уничтоженіи Тайной Канцеляріи въ 1762 году, Октября 19.

койство. Сей кроткій духъ правленія, доказательство Ея любви и самаго почтенія къ человѣчеству долженствовалъ быть и главнымъ характеромъ уставовъ Ея.

Монархиня, самымъ первымъ Манифестомъ открывъ поданнымъ дальніе виды Своей мудрости и государственнаго блага, спѣшила утвердить правосудіе, защиту собственности въ гражданскомъ обществѣ. Ей извѣстно было страшное зло лихоимства, которое превращаетъ святое мѣсто Суда въ постыдное торжище, гдѣ бѣдная невинность безгласна, и гдѣ богатство есть обожаемый, всемогущій идолъ. Какое хладное сердце можетъ быть нечувствительно къ Ея краснорѣчивому, убѣдительному, трогательному Указу о семъ предметѣ? * Любовь Свою къ правдѣ ставитъ Она въ примѣръ симъ недостойнымъ судіямъ, которые, вмѣсто славы быть орудіями истины, щитомъ невинности, ужасомъ злодѣйства, пекутся только о гнусной корысти!

Сенатъ, учрежденный Петромъ Великимъ для управленія государствомъ; Сенатъ, который въ отсутствіе Монарха имѣлъ всю власть Его, но который по кончинѣ Петра утратилъ свое могущество — будучи замѣненъ Верховнымъ Тайнымъ Совѣтомъ, а послѣ Кабинетомъ Императорскимъ — хотя и былъ возстановленъ со всѣми правами Императрицею Елисаветою, но без-

* Указъ о лихоимствѣ въ 1762 году.

численные дѣла, стекаясь въ семь главномъ суди-
лищѣ, такъ сказать, исчезали въ его архивахъ,
къ неизъяснимому вреду частныхъ людей и госу-
дарственной экономіи. Екатерина раздѣлила Се-
нать на Департаменты, каждому изъ нихъ пред-
писала особенный родъ дѣлъ, и симъ порядкомъ
оживила ихъ теченіе. Вы знаете, избранные мужи,
преемники Долгорукихъ и Головиныхъ, друзей
Петровыхъ — вы знаете, чего Монархія отъ
васъ требовала! Тамъ, въ собраніи вашихъ свя-
щенныхъ хартіи, блюдется на память вѣкамъ, сіе
собственной руки Ея * начертаніе, въ которомъ
Она говоритъ съ вами какъ съ именитыми отцами
древняго Рима, изъявляя пламенную ревность
Свою ко благу Россіи, заклиная васъ любовію къ
отечеству быть достойными орудіями законовъ, и
ставя вамъ въ примѣръ Исторію! Отъ васъ еди-
ныхъ всегда зависѣло быть подобными тому вели-
чественному Совѣту, который Царямъ казался *Со-
вѣтомъ Царей*. Великая Сама засѣдала съ вами, и
разсуждала о пользѣ народной. Единый изъ васъ, **
мужъ достойный почтенія Россіянь, дерзнулъ
представить Ей возраженіе въ дѣлѣ важномъ и
государственномъ, уже рѣшенномъ Монархицею;
не трепеталъ голосъ его, и видъ спокойный не
измѣнялся: онъ зналъ Екатерину — и держав-

* Отъ 6 Іюня 1763.

** Петръ Ивановичъ Напиль. — Сей случай всѣмъ
извѣстенъ.

ная рука Ея предрала бумагу, Ею подписанную. Сей день для него славенъ — еще славнѣе для Монархини!

Желая, чтобы духъ ревности, вліянный Ею въ главное Правительство Имперіи, распространился и во всѣхъ частяхъ ея, Она обнародовала Свое мудрое *Наставленіе Губернаторамъ*, * въ которомъ предписываетъ имъ быть окомъ и душою правосудія, чтобы во всѣхъ судебныхъ мѣстахъ, имъ подчиненныхъ, обитала святая истина, и чтобы ни знатность вельможъ, ни сила богатства не могли обольщать совѣсти, а вдовы и сироты не проливали слезъ бѣдствія!

Торговля, отрасль государственнаго благосостоянія, была особеннымъ предметомъ Ея вниманія. Она даровала ей всѣ способы цвѣсти и распространяться: Она даровала ей свободу. Гавани открылись для вывоза богатыхъ произведеній Россіи, богатыхъ своею необходимостію для другихъ народовъ. Обрадованное купечество могло уже по волѣ мѣняться товарами съ Китаемъ, съ Востокомъ и съ Европою. ** Архангельскій Портъ пересталъ завидовать Петербургскому, и всѣ исключительныя права для общей пользы уничтожились. Въ правленіе Екатерины чудесныя успѣхи ввѣшной торговли были слѣдствіемъ Ея мудрыхъ коммерческихъ уставовъ.

* 1764 года, Апрѣля 21.

** Указъ 1762 году, Августа 10.

Россійское государство представляло взору Монархини многія обширныя страны, обогащенныя Натурою, но пустыя, ненаселенныя: Она благодѣтельными законами * привлекла трудолюбивыхъ иностранцевъ въ Россію, и звукъ сѣкиры раздался въ дикихъ лѣсахъ; пустыни оживились людьми и селеніями; плугъ углубился въ свѣжую землю, и Природа украсилась плодами трудовъ человеческихъ. Уже давно путешествующіе иностранцы въ отдаленныхъ предѣлахъ нашихъ съ удивленіемъ находятъ своихъ единоземцевъ, которые говорятъ имъ о щедротахъ Екатерины, и которые, по мѣрѣ ихъ искусства и прилѣжности, благоденствуютъ въ нашей Имперіи, не жалея о своемъ отечествѣ. Такъ среди волнистыхъ степей Царицынскихъ цвѣтетъ теперь мирная Колонія Евангелическаго Братства, подобно щастливому острову среди Океана; плѣняетъ глаза всѣми драгоцѣнностями ремесла, а сердце картиною добрыхъ нравовъ; дѣйствуетъ своимъ просвѣщеніемъ на сосѣдственные дикіе народы, и платитъ намъ долгъ признательности ласковымъ гостепріимствомъ.

Учрежденіе Монархини въ разсужденіи Духовныхъ имѣній есть также одно изъ достопамятныхъ дѣлъ Ея законодательнаго разума. Она знала, что строгій монашескій чинъ долженъ быть свободенъ отъ всѣхъ земныхъ попеченій, столь несообраз-

* Указы 1763 года, Іюля 22, и 1764, Марта 11.

ныхъ съ его святостию, и совершила намѣреніе Великаго Петра, отдавъ монастырскія деревни подъ начальство свѣтское, опредѣливъ достаточныя суммы для всѣхъ потребностей Духовенства, для благолѣпія церквей, и повелѣвъ употребить прочіе доходы съ его милліона душъ на успокоеніе престарѣлыхъ воиновъ и содержаніе духовныхъ училищъ. * Такимъ образомъ исполнилось желаніе благочестивыхъ людей, которые отдавая монастырямъ свое богатство безъ всякаго сомнѣнія хотѣли, чтобы оно употреблено было на благодѣтельныя заведенія: — чтожь можетъ быть святѣе призрѣнія изувѣченныхъ Героевъ и основанія училищъ, въ которыхъ образуются служители Олтарей, и достойные проповѣдники Божественнаго Слова? Знаменитѣйшія Духовныя Особы изъявили въ семъ дѣлѣ патріотическое свое усердіе. Имена Митрополита Новгородскаго и Архіепископа Санктпетербургскаго будутъ всегда извѣстны, вмѣстѣ съ именемъ Феодана, сотрудника Петра.

Я не буду говорить о безчисленныхъ Указахъ, издаваемыхъ Екатериною въ первые три года Ея царствованія и доказывающихъ ту неусыпную ревность къ отечеству, ту непонятную дѣятельность, которая объемлетъ всѣ части цѣлаго, и которыя примѣръ находимъ въ Петрѣ Великомъ. Но потомство замѣтитъ, что внутреннее превос-

* Манифестъ 1764 году, Февраля 29.

ходное образованіе нашихъ арміи есть дѣло Е к а т е р и н ы. Она опредѣлила ясно * всѣ должности отъ перваго Начальника до послѣдняго воина, и строгую необходимую для успѣховъ подчиненность основала на правилахъ разума; Она Своимъ Уставомъ вліяла въ легіоны наши духъ чести и благородства; Она произвела, что воины одного полку считали себя дѣтьми одного семейства, гордились другъ другомъ и стыдились другъ за друга; Она, требуя отъ однихъ непрекословнаго повиновенія, другимъ предписала въ законъ, не только челоуколюбіе, но и самую привѣтливость, самую ласковую учтивость; изъявляя, можно сказать, нѣжное попеченіе о благосостояніи простаго воина, хотѣла, чтобы онъ зналъ важность сана своего въ Имперіи, и, любя его, любилъ отечество.

Теперь представляется мнѣ славнѣйшая эпоха славнаго царствованія! Россія имѣла многіе частныя, мудрыя законы, но не имѣла общаго Уложенія, которые бываетъ основаніемъ государственнаго благоустройства. Обыкновенныя умы довольствуются временными, случайными постановленіями: великіе хотятъ системы, цѣлаго и вѣчнаго. Чего Пётръ Великій не могъ сдѣлать, то рѣшилась исполнить Е к а т е р и н а. Чувствуя важность сего предпріятія, Она хотѣла раздѣлить славу Своею съ подданными, и признала ихъ достойными

* См. Указъ о военной дисциплинѣ и Инструкцію Полковнику.

быть совѣтниками Трона. Повелѣвъ собраться Государственнымъ Чинамъ или Депутатамъ изъ всѣхъ судилищъ, изъ всѣхъ частей Имперіи, чтобы они предложили свои мысли о полезныхъ уставахъ для государства — Великая говоритъ: «Наше первое желаніе есть видѣть народъ Россійскій столь шастливымъ и довольнымъ, сколь далеко человѣческое шастіе и довольствіе можетъ на сей землѣ простираться. Снмъ учрежденіемъ даемъ ему опытъ Нашего чистосердечія, великія довѣренности и прямыя материнскія любви, ожидая со стороны любезныхъ подданныхъ благодарности и послушанія.» * Воображеніе мое не можетъ представить ничего величественнѣе сего дня, когда въ древней столицѣ нашей соединились обѣ гемисферы земли, явились всѣ народы, разсѣянные въ пространствахъ Россіи, языковъ, обычаевъ и вѣръ различныхъ: потомки Славянъ-побѣдителей, Нормановъ, ужасныхъ Европѣ, и Финновъ, столь живо описанныхъ перомъ Тацитовымъ; мирные пастыри южной Россіи, Лапландскіе Ихтіофаги и звѣриными кожами одѣянные Камчадалы. Москва казалась тогда столицею вселенныя, и собраніе Россійскихъ Депутатовъ сеймомъ міра. Имъ торжественно объявили волю Монархини — и Самоѣдъ удивился, слыша, что нужны законы людямъ! **

* Манифестъ о собраніи Депутатовъ.

** Сей анекдотъ извѣстенъ. Самоѣдамъ никакъ не могли изъяснить, что такое законъ.

Имъ торжественно вручили сей славный Наказъ Екатерины, писанный Ею для избранной Комисіи Депутатовъ, переведенный на всѣ Европейскіе языки, зеркало Ея великаго ума и небеснаго человеколюбія. Никогда еще Монархи не говорили съ подданными такимъ плѣнительнымъ, трогательнымъ языкомъ! Никто, никто еще изъ сѣдящихъ на тронѣ столь премудро не изъяснялся, не имѣлъ столь обширныхъ понятій о наукѣ управлять людьми, о средствахъ народнаго щастія. Сограждане! сіе твореніе такъ достопамятно и священо, что сердце мое пылаеть ревностію представить вамъ главные черты его.

Монархиня прежде всего опредѣляетъ образъ правленія въ Россіи — *Самодержавный*; не довольствуется единымъ всемогущимъ изрѣченіемъ, но доказываетъ необходимость сего правленія для неизмѣримой Имперіи. Только единая, нераздѣльная, державная воля можетъ блюсти порядокъ и согласіе между частями столь многосложными и различными, подобно Творческой Волѣ, управляющей вселенною; только она можетъ имѣть сіе быстрое, свободное исполненіе, необходимое для пресѣченія всѣхъ возможныхъ беспорядковъ; всякая медленность произвела бы несчастныя слѣдствія (9, 10, 11).* Здѣсь примѣры служатъ убѣдительнѣйшимъ доказательствомъ. Сограждане! Римъ, котораго именемъ цѣлый міръ

* Сія числа означаютъ отдѣленія Наказа,

назывался, въ единомъ самодержавіи Августа нашелъ успокоеніе послѣ всѣхъ ужасныхъ мятежей и бѣдствій своихъ. Что видѣли мы въ наше время? Народъ многочисленный на развалинахъ трона хотѣлъ повелѣвать самъ собою: прекрасное зданіе общественнаго благоустройства разрушилось; не описанныя нещастія были жребіемъ Франціи, и сей гордый народъ, осыпавъ пепломъ главу свою, проклиная десятилѣтнее заблужденіе, для спасенія политическаго бытія своего вручаетъ самовластіе щастливому Корсикапскому воину. Не за тѣмъ оставилъ человѣкъ дикіе лѣса и пустыни; не за тѣмъ построилъ великолѣпныя грады и цвѣтушія селы, чтобы жить въ нихъ опять какъ въ дикихъ лѣсахъ, не знать покоя и вѣчно ратоборствовать не только со внѣшними непріятелями, но и съ согражданами: что же другое представляетъ намъ Исторія Республикъ? Видимъ ли на семъ бурномъ морѣ хотя единый мирный и щастливый островъ? Мое сердце не менѣе другихъ воспламеняется добродѣтелию великихъ Республиканцевъ; но сколь кратковременны блестящія эпохи ея? Сколь часто именемъ свободы пользовалось тиранство и великодушныхъ друзей ея заключало въ узы? Чье сердце не обливается кровію, воображая Мильтіада въ темницѣ, Аристиды,Themistocle въ изгнаніи, Сократа, Фокіона, пьющихъ смертную чашу, Катона самоубійцу и Брута, въ послѣднюю минуту жизни уже не вѣршаго добродѣтели? Или людямъ надлежитъ быть Ангелами, или всякое многосложное Правленіе, основанное на дѣйствіи различныхъ

вошь, будетъ вѣчнымъ раздоромъ, а народъ несчастнымъ орудіемъ нѣкоторыхъ властолюбцевъ, жертвующихъ отечествомъ личной пользѣ своей. Да живетъ же сія дикая Республканская независимость въ мѣстахъ, подобно ей дикихъ и неприступныхъ, на спѣжныхъ Альпійскихъ громадахъ, среди острыхъ гранитовъ и глубокихъ пропастей, гдѣ отъ вѣчныхъ ужасовъ Природы безмолствуютъ страсти въ хладной душѣ людей, и гдѣ человекъ, не зная многихъ потребностей, можетъ довольствоваться немногими законами Природы.

Сограждане! признаемъ во глубинѣ сердца благодѣтельность Монархическаго Правленія, и скажемъ съ Екатериною: «Лучше повиноваться законамъ подъ единымъ Властелиномъ, нежели угождать многимъ» (12) «Предметъ Самодержавія», вѣщаетъ Она, «есть не то, чтобы отнять у людей естественную свободу, но чтобы дѣйствія ихъ направить къ величайшему благу (13).» Сія утѣшительная истина въ устахъ Монаршихъ плѣняетъ сердце — и неизмѣримая Имперія, подъ скипетромъ Вѣнценосца, слѣдующаго правиламъ Екатерины, кажется мнѣ счастливымъ семействомъ, управляемымъ единою волею отца, но непремѣннымъ законамъ любви его. Сіе Правленіе тѣмъ благотворяще, что оно соединяетъ выгоды Монарха съ выгодами подданныхъ: чѣмъ они довольнѣе и счастливѣе, тѣмъ власть Его святѣе и Ему пріятнѣе. Оно всѣхъ другихъ сообразяетъ съ цѣлю гражданскихъ обществъ: ибо всѣхъ болѣе способствуетъ тишинѣ и безопасности.

«Государь есть источникъ всякія власти въ Мо-
«нархіи (19); но сія власть должна дѣйствовать
«черезъ нѣкоторыя посредства, нѣкоторымъ опре-
«дѣленнымъ образомъ: раждаются Правительства
«и законы, которые дѣлають твердымъ и непо-
«движнымъ установленіе всякаго государства (20,
«21). Сенать, главное Правительство, по завися-
«щее отъ Монарха, есть въ Россіи хранилище за-
«коновъ (26). Онъ принимаетъ ихъ отъ Государя
«для исполненія; но можетъ представлять Ему,
«еслии найдетъ въ нихъ что нибудь вредное, тем-
«ное или противное Уложенію (21, 23, 24).» Та-
«кимъ образомъ Сенать въ отношеніи къ Монарху
«есть совѣсть Его, а въ отношеніи къ народу рука
«Монарха; вообще же онъ служитъ эгидою для го-
«сударства, будучи главнымъ блюстителемъ по-
«рядка.

Монархія, сказавъ, что Самодержавіе не есть
врагъ свободы въ гражданскомъ обществѣ, опре-
дѣляетъ ее слѣдующимъ образомъ: «Она есть не
«что иное, какъ спокойствіе духа, происходящее
«отъ безопасности, и право дѣлать все дозволяе-
«мое законами (38, 39); а законы не должны за-
«прещать ничего, кромѣ вреднаго для общества;
«они должны быть столь изящны, столь ясны,
«чтобы всякой могъ чувствовать ихъ необходи-
«мость для всѣхъ гражданъ: и въ семъ-то един-
«ственно состоитъ возможное равенство граж-
«данское (34)! Законодатель сообразуется съ ду-
«хомъ народа; мы всего лучше дѣлаемъ то, что
«дѣлаемъ свободно, и слѣдуя природной нашей

«склонности. Когда умы для лучших законовъ не готовы, то приготовьте ихъ; когда же надобно для счастья народа переменить его обычай, то дѣйствуйте однимъ примѣромъ. Одно необходимое наказаніе не есть тиранство, и законъ подлежитъ только явное зло (57 — 63).»

Монархія раздѣляетъ всѣ возможныя преступленія на особенные роды, и мудрость Ея, обогащенная мыслями Философовъ, которые занимались симъ важнымъ дѣломъ, опредѣляетъ для каждаго рода особенныя наказанія, извлеченныя изъ самаго естества вины: мысль святая! новое свѣтло для Законодателей! Такимъ образомъ «нарушитель благонравія да лишится выгодъ, сопряженныхъ съ благонравіемъ; да ознаменуется стыдомъ, всенароднымъ безчестіемъ; да удалится отъ общества, которому онъ служитъ поношеніемъ; да загладитъ раскаяніемъ дѣло свое, и да исправится! Такимъ образомъ нарушитель общаго покоя да лишится мирныхъ его наслажденій, и губитель другихъ да погибнетъ (68—79)!»

Премудрая доказываетъ умомъ и опытами, что «излишно строгое наказаніе не удерживаетъ людей отъ злодѣяній; что умеренное, но *продолжительное*, дѣйствуетъ на душу сильнѣе жестокаго, но *маловременнаго*; что законы *исправительные* и кроткіе благотворнѣе строгихъ, *искоренительныхъ*; что ужасная привычка къ казни ожесточаетъ сердце, и отнимаетъ у Законодателя способы къ исправленію нравовъ; что *стыдъ* долженъ быть главнымъ его орудіемъ; что не

«умѣренность наказанія, а совершенное упущеніе «вины раждаетъ дерзость и необузданность (81— «91).» Нѣжная душа Екатерины могла ли безъ трепета вообразить лютую казнь смерти, уничтоженіе существа, одареннаго чувствомъ? Монархія отрицаетъ ея необходимость въ спокойное царствованіе законовъ, и кроткая Философія торжествуетъ надъ жестокимъ обыкновеніемъ вѣковъ (210 — 213). Ко славѣ вашей, Россіяне! скажетъ нѣкогда Исторія, что у васъ первыхъ престала литься кровь человѣческая на эшафотахъ! И одно нѣжное, женское сердце, подкрѣпленное необыкновенною силою ума, могло согласить правосудіе съ человѣчествомъ! Злодѣйство наказано; но единый Богъ располагаетъ жизнію людей въ Россіи!

Закопъ, утвердивъ наказаніе, долженъ опредѣлить и способы открывать преступленіе. «Въ «стравахъ, гдѣ человѣчество угнетено, судъ «простъ и рѣшителенъ: гордый Паша выслушиваетъ распрю, и судимый оправданъ или наказанъ. Но въ государствѣ просвѣщенномъ, гдѣ «жизнь, честь и собственность гражданина священны, требуется основательнаго разысканія «истины (112 — 114.)» Монархія исчисляетъ всѣ необходимыя осторожности въ судопроизводствѣ; опредѣляя случаи, въ которыхъ многія согласныя вѣроятности раждаютъ увѣреніе, отвергаетъ всѣ сомнительныя доказательства; ставитъ неясное преступленіе еще наряду съ невинностію; щадитъ судимаго до послѣдней возможности оправ-

данія, избавляя его отъ всѣхъ ужасовъ, предшествующихъ наказанію, и страшнымъ вратамъ темницъ дозволяетъ отверзаться единственно для обличенныхъ (116 — 192.) Съ какимъ трогательнымъ краснорѣчіемъ изображаетъ Она ужасъ сего варварскаго обыкновенія терзать людей прежде осужденія, сей адомъ вымышленный способъ допросовъ, страшнѣйшій самой казни, вину бесчисленныхъ ложныхъ показаній и неправедныхъ приговоровъ (193 — 198)! Сердце всякаго чувствительнаго, содрогаясь вмѣстѣ съ добродѣтельнымъ сердцемъ Монархини, увѣрено, что въ Ея царствованіе ни въ какомъ случаѣ не могло быть терпимо сіе лютое и безразсудное истязаніе.

Съ такимъ же Ангельскимъ челоуѣколюбіемъ судить Она то преступленіе, котораго имя всего страшнѣе въ Самодержавіяхъ — «оскорбленіе Величества — и которое часто бываетъ предлогомъ несправедливыхъ жестокостей, единственно отъ темнаго и ложнаго понятія о существѣ онаго. Такъ въ Римѣ наказывалось смертію неуваженіе ко статуямъ Императора (475); такъ по древнему закону Англіи надлежало казнить врача, который дерзнулъ бы сказать о больномъ «Королѣ, что жизнь его въ опасности (476.)» Монархиня говоритъ, что истинное оскорбленіе Величества есть только злодѣйскій умыселъ противъ Государя (478); что не должно наказывать за слова какъ за дѣйствія (481), кромѣ случая, въ которомъ возмутитель проповѣдуетъ мятежъ и бунтъ, слѣдственно уже дѣйствуетъ (480); что слова все-

го болѣе подвержены изъясненіямъ и толкамъ; что безразсудная нескромность не есть злоба (481); что для самаго безумнаго поносителя имени Царей должно опредѣлять только исправительное наказаніе (482); что въ «самодержавномъ государствѣ хотя и нетерпимы язвительныя сочиненія, но что ихъ не должно вѣнчать въ преступленіе: ибо излишняя строгость въ разсужденіи «сего будетъ угнетеніемъ разума, производитъ не-«вѣжество, отнимаетъ охоту писать и гаситъ дарованія ума (484).»

Означивъ такимъ образомъ свойство и дѣйствіе законовъ, Монархія требуетъ отъ ихъ сочинителя ясности въ слогѣ, убѣдительной силы, доказательствъ пользы; они не терпятъ никакихъ излишнихъ тонкостей ума, будучи писаны для всего народа; они суть не логическія хитрости, но простое и здравое сужденіе отца, пекущагося о дѣтяхъ и домашнихъ своихъ; языкъ ихъ есть языкъ добродѣтели и благодати; слогъ ихъ совершенъ не высокопарностію, не витійствомъ, но чистотою, благородствомъ, необходимостію каждаго слова. Они должны быть свѣтлымъ зеркаломъ, въ которомъ всякій гражданинъ, правый и неправый, видѣлъ бы ясно судьбу свою; чтобы добродушный судія не усомнился въ ихъ смыслѣ, и чтобы самый лукавый не могъ находить въ нихъ двусмыслия, благопріятнаго для ябеды и неправосудія (448 — 462).

Но Екатерина не довольствуется тѣмъ, чтобы всѣ возможныя преступленія въ обществѣ были

судимы и наказываемы по ихъ истинной важности: Она желаетъ отвратить зло. Солоны и Ликурги временъ грядущихъ! внимайте словамъ Ея! «Хотите ли предупредить злодѣянія? сдѣлайте, чтобы законы благодворили равно всѣмъ гражданамъ; чтобы люди страшились только законовъ и ничего болѣе не страшились; чтобы законы уничтожали только бѣдственную свободу вредить ближнему; награждайте добродѣтель, просвѣщайте людей, усовершенствуйте воспитаніе!» (243 — 249) Екатерина открываетъ вамъ тайну человѣческаго сердца и государственнаго благополучія. Дайте способы человѣку въ каждомъ гражданскомъ отношеніи находить то счастье, для котораго Всевышній сотворилъ людей: ибо главнымъ корнемъ злодѣяній бываетъ несчастіе. Но чтобы люди умѣли наслаждаться и быть довольными во всякомъ состояніи мудраго политическаго общества, то просвѣтите ихъ! Они увидятъ необходимость гражданской зависимости, необходимость нравственнаго добра для счастья, и будутъ довольнѣе, добрѣе и счастливѣе!

Но просвѣщеніе требуетъ хорошаго воспитанія (348). Оно должно быть двоякое: нравственное воспитаніе человѣка, общее во всѣхъ странахъ, и политическое воспитаніе гражданина, различное по образу Правленій. Религія, любовь къ добродѣтели, къ трудамъ, къ порядку, чувствительность къ несчастію ближнихъ, разсудительность или повиновеніе сердца уму, принадлежитъ къ первому; любовь къ отечеству, къ его учрежденіямъ и всѣ

свойства, нужны для ихъ цѣлости, входятъ во второе (351 — 352). Пусть Спартанецъ или житель дикихъ Кантоновъ Гельвеціи не терпитъ самовластія! Въ Россіи при самомъ начальномъ раскрытіи души, должно вкоренить въ человѣка благоговѣніе къ Монарху, соединяющему въ себѣ государственныя власти, и, такъ сказать, образу отечества. «Каждое особенное семейство должно «быть управляемо примѣромъ большаго семейства «(349), которое есть государство. Хотя въ про- «странной Имперіи общественное или народное «воспитаніе невозможно, однакъжь Законодатель «долженъ предписать нѣкоторыя правила, кото- «рыя могли бы служить по крайней мѣрѣ совѣ- «томъ для родителей (350).» Монархія предписы- «ываетъ оныя — и Философъ, посвятившій всю «жизнь свою на образованіе сердца, не могъ бы «сказать ничего премудрѣе.

Екатерина обращаетъ взоръ на три государ- «ственныя состоянія: земледѣльческое, торговое «или ремесленное, и воинское. «Первое есть самое «необходимое и труднѣйшее: тѣмъ болѣе должно «ободрять его (297).» Монархія ставитъ въ при- «мѣръ обычай Китая, гдѣ Императоръ ежегодно «возвышаетъ прилѣжнѣйшаго земледѣльца въ санъ «Мандарина. Сообразуясь съ уставами нашего го- «сударства, Она предлагаетъ нныя способы на- «грады для тѣхъ, которые, потомъ лица своего о- «рошая землю, извлекаютъ изъ нѣдръ ея истинныя «сокровища людей, гораздо драгоцѣннѣйшія Перу- «анскаго злата и Бразильскихъ діамантовъ; «глав-

«ное же ободреніе сельскаго трудолюбія есть, по словамъ Ея, право собственности: всякой печется о своемъ болѣе, нежели о томъ, что другому принадлежитъ, или что другіе могутъ отнять у него (295, 296);» Ея человѣколюбивое намѣреніе ясно (264); Ея желаніе также (260). Чувствуя, сколь нужно размноженіе народа для Россіи, Екатерина спрашиваетъ: «Отъ чего болѣе половины младенцевъ, рождаемыхъ въ нашихъ селахъ, умираетъ въ дѣтствѣ?» Она угадываетъ источникъ сего страшнаго зла: «порокъ въ физическомъ воспитаніи и въ образѣ жизни. Люди, не могущіе о самихъ себѣ имѣть нужнаго попеченія въ болѣзняхъ, могутъ ли имѣть хорошій присмотръ за слабыми существами, находящимися въ безпрестанной болѣзни, то есть, въ младенчествѣ? Какое щастіе для Россіи, еслии найдется способъ отвратить такую гибель (266 — 276)!» Однимъ словомъ: Она хотѣла благоденствія земледѣльцевъ; хотѣла, чтобы, осыпанные изобиліемъ Природы, среди многочисленныхъ семействъ своихъ, они трудились для наслажденія, и подъ смиреннымъ кровомъ сельскихъ хижинъ, гдѣ любить обитать спокойствіе, не завидовали великолѣпнымъ градскимъ палатамъ, гдѣ часто праздность и скука изнуряетъ сердце; Она хотѣла, чтобы трудолюбіе, зернистые классы, златія нивы полныя житницы, были для нихъ истинною роскошью!

Какъ отъ успѣховъ земледѣлія цвѣтутъ поля и селы, такъ *среднее политическое состояніе* укра-

щаетъ грады (377). Обогащая государство торговлею и художествами, представляя ему новые источники общественного избытка и силы, оно не менѣе полезно и для усгѣховъ земледѣлія, имѣя нужду въ его плодахъ, и щедро награждая за нихъ селянина (377). Премудрая чувствуетъ необходимость особенныхъ законовъ для градскихъ жителей, для опредѣленія ихъ правъ и выгодъ (393), для одобренія ихъ промышленности и трудолюбія. Каждая мысль Ея о семъ предметѣ есть важная истина для Законодателей. «Торговля бѣжитъ отъ притѣсеній, и царствуетъ тамъ, гдѣ она свободна: но свобода не есть самовластіе торгующихъ въ странахъ вольныхъ: на примѣръ въ Англіи, они всего болѣе ограничены законами; * но законы сіи имѣютъ единственную цѣлю общее благо торговли, и купечество въ Англіи процвѣтаетъ (317 — 322).» — Сей же родъ людей прославляетъ государство науками (377), имѣющими вліяніе и на благо другихъ состояній.

Цвѣтушія села и грады должны быть безопасны отъ внѣшнихъ непріятелей, которые огнемъ и мечемъ могутъ превратить ихъ въ гробы богатствъ и людей: образуется войское состояніе, училище Героевъ, древній источникъ гражданскихъ

* О свободѣ торговой можно сказать тоже, что о свободѣ политической: она состоитъ не въ волѣ дѣлать все полезное одному человѣку, а въ волѣ дѣлать все не вредное обществу.

отличій, названныхъ правами Благородства или Дворянства (365). Гражданинъ, для общаго блага жертвующій не только спокойствіемъ жизни, но и самою жизнью, есть предметъ государственной благодарности; ея мѣра есть мѣра услугъ его. Герои, спасители отечества, были вездѣ первыми знаменитыми гражданами, пользовались вездѣ особеннымъ правами (361). Но чѣмъ же наградить война умирающаго на полѣ славы? Народная признательность изобрѣла средство быть *вѣчною*, награждая отца въ сынѣ: почестъ важнѣйшая мраморныхъ памятниковъ! И такъ право наследственнаго Благородства есть священное для самого разсудка, для самой Философій — и *полезное* для общества: ибо дѣти знаменитыхъ мужей, рожденные съ великими гражданскими преимуществами, воспитываются въ долгѣ заслужить ихъ личными своими достоинствами (374). Честь и слава, по словамъ безсмертнаго Монтескьё, есть сѣмя и плодъ Дворянства. Хотя первымъ источникомъ онаго были издревле однѣ воинскія добродѣтели; но какъ правосудіе нужно не менѣе побѣдъ для государственнаго благоденствія, то оно также можетъ быть отличіемъ сего рода людей (368) сихъ главныхъ стражей отечества внѣ и внутри его. Но славныя права Дворянъ, ихъ не менѣе славныя обязанности всегда ли будутъ только жребіемъ нѣкоторыхъ щастливыхъ поколѣній? Нѣтъ: добродѣтель съ заслугою сообщаютъ Благородство (363), вѣщаетъ Екатерина — и такимъ образомъ открываетъ путь славы для всѣхъ состоя-

ній. Что можно приобрести достоинствами, то можно утратить пороками: Монархия означает и тѣ и другіе. Естьли человекъ, который долге время былъ для согражданъ примѣромъ нравственнаго совершенства и любви къ отечеству, рукою Государя возводится на степень Дворянства: то можно ли стоять на ней измѣннику, вѣроломному, лживому свидѣтелю? Онъ свертается въ толпу народную, гдѣ гражданское правосудіе знаменуетъ его стыдомъ и безчестіемъ (371).

Глава о гусударственной Экономіи служитъ наставленіемъ всѣхъ Монарховъ, утѣшеніемъ для всѣхъ гражданъ, доказывая первымъ, что они суть только хранители общественнаго сокровища, и могутъ употреблять его единственно для блага народнаго; доказывая послѣднимъ, что они, удѣляя Государю часть своего избытка, утверждаютъ тѣмъ собственное ихъ благосостояніе; что они платятъ дань не Государю, а самимъ себѣ, или другъ другу. Естьли пастыри и земледѣльцы хотятъ, чтобы стада и поля ихъ были цѣлы, то нужно воинство для отраженія внѣшнихъ хищниковъ; естьли купечество желаетъ безопасности для кораблей своихъ, то надобенъ флотъ, готовый наказывать дерзостнаго оскорбителя ихъ Флаговъ. Внутренняя безопасность, полезныя заведенія, удобность пути для сообщенія людей, соединеніе рѣкъ, наконецъ самое великолѣпіе Двора, изображающаго величіе народа — однимъ словомъ, всѣ предметы государственныхъ расходовъ имѣютъ въ предметъ общую пользу (576 — 580). Но Мо-

нархня жѣлаеть облегчить сію необходимость для народа и предписываетъ Законодателю искать новыхъ, удобнѣйшихъ способовъ для раздѣленія налоговъ, сравнивая ихъ съ легкими парусами, долженствующими ускорять плаваніе корабля, а не бременить его (601). Самое же вѣрнѣйшее средство умножить государственныя богатства есть умножить народъ и привести въ цвѣтущее состояніе земледѣліе, ремесла, торговлю, художества, науки (603 — 618).

Всякая часть законодательства представляется важною и спасительною подѣ мудрымъ перомъ Екатерины. Она первая изобразила всѣ великія должности оберегательной власти или Благочинія. Во многихъ земляхъ имя Полиціи означаетъ единственно наущниковъ Правительства и ужасъ не только злыхъ людей, но и самыхъ добрыхъ. Монархня превращаетъ ее въ благодѣтельное судище нравовъ и порядка для всей Имперіи. Полиція, соблюдая тишину, обуздываетъ вредную роскошь, старается искоренять, и даже предупреждать нравственное зло, безчинство, обманы; печется о безопасности, физическомъ благосостояніи народа, чистотѣ воздуха, здоровой пищѣ, твердости знаній, украшеніи городовъ и селъ, о пріятной удобности путешественниковъ, — наконецъ печется о бѣдныхъ и больныхъ. Сія дѣятельная часть Правительства, — сей, такъ сказать, неуемый Аргусъ его, не присвоивая себѣ уголовнаго и гражданскаго суда, исправляетъ людей легкими

наказаніями, и спасаетъ порокъ отъ преступленія (553 — 565).

Предложивъ въ семъ Наказѣ самую лучшую основу для политическаго образованія Россіи, Екатерина заключаетъ его священными, премудрыми мыслями, которыя, подобно Фаросу, въ теченіе времени должны остерегать всѣ Монархія отъ политическаго кораблекрушенія. Сograждане! да обновится вниманіе ваше: Ее гласъ вѣчной Судьбы, открывающей намъ причину государственныхъ бѣдствій!

«Имперія близка къ своему паденію, какъ скоро
«повреждаются ея начальныя основанія; какъ
«скоро измѣняется духъ Правленія, и вмѣсто ра-
«венства законовъ, которые составляютъ душу
«его, люди захотятъ личнаго равенства, несоглас-
«наго съ духомъ законнаго повиновенія; какъ
«скоро престанутъ чтить Государя, начальни-
«ковъ, старцевъ, родителей. Тогда государствен-
«ныя правила называются жестокостію, уставы
«принужденіемъ, уваженіе страхомъ. Прежде
«имѣніе частныхъ людей составляло народныя
«сокровища; но въ то время сокровище народное
«бываетъ наслѣдіемъ частныхъ людей, и любовь
«къ отечеству исчезаетъ (502 — 566). — Что ис-
«требило наши двѣ славныя Династіи, говорятъ
«одинъ Китайскій Писатель: то, что онѣ, не до-
«вольствуясь главнымъ надзираніемъ, единствен-
«но приличнымъ Государю, хотѣли управлять
«всѣмъ непосредственно, и присвоили себѣ дѣла,
«которыя должны быть судимы разными госу-

«дарственными Правительствами. Самодержав-
«ство разрушается, когда Государи думаютъ, что
«имъ надобно изъяслять власть свою не слѣдова-
«ніемъ порядку вещей, а премъною онаго, и ко-
«гда они собственныя мечты уважаютъ болѣе за-
«коновъ (510 — 511). — Самое вышнее искусство
«Монарха состоитъ въ томъ, чтобы знать, въ ка-
«кихъ случаяхъ должно ему употребить власть
«свою: ибо благополучіе Самодержавія есть от-
«части кроткое и свисходительное правленіе. На-
«добно, чтобы Государь только ободрялъ, и чтобы
«одни законы угрожали (513 — 515). Нешаствливо
«то гоеударство, въ которомъ никто не дерзаетъ
«представить своего опасенія въ разсужденіи бу-
«дущаго, не дерзаетъ свободно объявить своего
«мнѣнія (517). — Все сіе не можетъ понравиться
«ласкателямъ, которые безпрестанно твердятъ
«земнымъ Владыкамъ, что народы для нихъ су-
«ществуютъ. Но *Мы думаемъ, и за славу Себѣ*
«*вмѣняемъ сказать, что Мы живемъ для На-*
«*шего народа.* Сохрани Боже, чтобы, по соверше-
«ніи сего законодательства, какой нибудь народъ
«на землѣ былъ щастливѣе Россійскаго! Тогда не
«исполнилось бы намѣреніе Нашихъ законовъ: —
«нешаестіе, до котораго Я дожить не желаю (520)!»

Я вѣрю своему сердцу: ваше конечно то же
чувствуетъ.... Сograждане! сердце мое трепещетъ
отъ восторга: удивленіе и благодарность произво-
дятъ его. Я любызаю Державную руку, которая,
подъ божественнымъ вдохновеніемъ души, начер-
тала сіи священныя строки! Какой Монархъ на

тронъ дерзнулъ — такъ, дерзнулъ объявить своему народу, что слава и власть Вѣнценосца должны быть подчинены благу народному; что не подданные существуютъ для Монарховъ, но Монархи для подданныхъ? Мы удивляемся Философу, который проповѣдуетъ Царямъ ихъ должности; но можно ли сравнять его смѣлость съ великодушiемъ самодержавной Екатерины, которая, утверждая престолъ на благодарности подданныхъ, торжественно признаетъ Себя обязанностию заслуживать власть Свою? Ядовитая лесть, которая вѣтсея и шипитъ вокругъ Государей, могла ли уязвить такое геройское сердце? Нѣтъ! гнусный гадъ, пресмыкаясь во прахъ, не ужалитъ орла, подъ небесами парящаго!... И сіе великое движеніе пылкой души, сіи въ восторгъ произнесенныя слова: «сохрани Боже, чтобы какой ни-
«будь народъ былъ щастливѣе Россійскаго!» не суть ли изліяніе и торжество страстной добродѣтели, которая, избравъ себѣ предметъ въ мірѣ, стремится къ нему съ пламенною ревностию, и самую жизнь въ разсужденіи его ни за что считаетъ? Такъ, Екатерина преломила бы скипетръ Царскій, свергла бы вѣнецъ съ главы Своей, возненавидѣла бы власть Свою, если бы они не служили Ей средствомъ ошастливитъ Россіянъ!

Ея Наказъ долженствовалъ быть для Депутатовъ Аріаднивою нитію въ лабиринтѣ государственнаго законодательства; но онъ, открывая имъ путь, означая все важнѣйшее на семъ пути, содержитъ въ своихъ мудрыхъ правилахъ и душу

главныхъ уставовъ, политическихъ и гражданскихъ, подобно какъ зерно заключаетъ въ себѣ видъ и плодъ растѣнія.

Уже Депутаты Россійскіе сообщали другъ другу свои мысли о предметахъ общаго Уложенія, и жезлъ Маршала гремѣлъ въ торжественныхъ ихъ собраніяхъ. Екатерина невидимо внимала каждому слову, и Россія была въ ожиданіи.... Но Турецкая война воспылала, и Монархія обратила свое вниманіе на вѣдѣнную безопасность государства.

Сограждане! принесемъ жертву искренности и правды; скажемъ — что Великая не нашла, можетъ быть, въ умахъ той зрѣлости, тѣхъ различныхъ свѣдѣній, которыя нужны для законодательства. Да не оскорбится тѣмъ справедливая гордость народа Россійскаго! Давно ли еще сіяетъ для насъ просвѣщеніе Европы? И мудрость Ликурговъ была ли когда нибудь общею? Не всегда ли великое искусство государственнаго образованія считалось небеснымъ вдохновеніемъ, извѣстнымъ только нѣкоторымъ избраннымъ Душамъ? Оставляя суетвѣрные преданія древности о Нимфахъ Эгеріяхъ, можемъ согласиться, что Нумы всѣхъ вѣковъ ищли нужду въ чрезвычайныхъ откровеніяхъ Генія. Сколько мудрости потребно Законодателю? Сколь трудно знать человѣческое сердце, предвидѣть всѣ возможныя дѣйствія страстей, обратитъ къ добру ихъ бурное стремленіе, или остановить твердыми оплотами, согласить частную пользу съ общею; наконецъ — послѣ высочай-

шихъ умозрѣній, въ которыхъ духъ человѣческій, какъ древо Моисей на горѣ Синайской, съ невидимымъ Божествомъ сообщается — спуститься въ обыкновенную сферу людей, и тончайшую Метафизику преобразить въ уставъ гражданскій, понятный для всякаго!

Но собраніе Депутатовъ было полезно: ибо мысли ихъ открыли Монархинѣ источникъ разныхъ злоупотребленій въ государствѣ. Прославивъ благую волю Свою, почтивъ народъ довѣренностію, убѣдивъ его такимъ опытомъ въ Ея благотворныхъ намѣреніяхъ, Она рѣшилась Сама быть Законодательницею Россіи.

Едва умолкли громы войны, въ самый первый годъ счастливаго мира Екатерина обнародовала новое Учрежденіе для Губерній, которое составляетъ вторую важную эпоху въ Ея правленіи, и которое, мало по малу, удивительнымъ образомъ премѣнило Россію какъ въ умахъ, такъ и во нравахъ.

Государства, подобно человѣку, имѣютъ разные нравственные возрасты: мудрый Законодатель слѣдуетъ взоромъ своимъ за ихъ измѣненіями, и отъ времени до времени обновляетъ систему свою, прибавляя или иваче располагая части ея. Что въ вѣкъ Петра Великаго было достаточно для снорога производства дѣлъ, то во дни Екатерины уже не отвѣтствовало новымъ потребностямъ Россіянина. Сograждане! опытъ и размышленіе открываютъ намъ сію любопытную истину: «что »быстрые шаги человѣка къ Философін и къ граж-

«данскому совершенству до нѣкотораго отдаленія» бывають самыя безпокойныя.» Разумъ, по-мраченный невѣжествомъ, есть тихое, заростшее травою блато, котораго сонныя воды не знаютъ никакого бурнаго волненія; но первые лучи Философид, пробуждая мысленную силу, раждаютъ сомнѣнiе за сомнѣнiемъ, которыя волнуютъ душу въ Океанѣ неизвѣстности: время заблужденiй и дерзкихъ системъ! Но вихрь наконецъ утихаетъ, и разумъ, обогащенный идеями, находитъ для себя щастливую пристань, гдѣ тишина и мирныя наслажденiя ожидаютъ его. Такъ и въ гражданскихъ обществахъ. Легко Законодателю управлять народомъ грубымъ и полудикимъ, котораго нужды, понятiя и страсти малочисленны; котораго душа недѣятельна и разумъ дремлетъ. Тогда новый гражданинъ въ случаѣ обиды скорѣе прибѣгаетъ къ чловѣческой управѣ, нежели къ гражданской; тогда бываетъ болѣе ссоръ, нежели дѣлъ тяжбныхъ. Но когда гражданинъ, такъ сказать, *осмотрится* въ политическомъ обществѣ; когда, узнавъ новыя потребности, новыя выгоды стяжанiя, онъ уже привыкнетъ ко власти законовъ, *отнимающихъ* и *дающихъ*: тогда раждается охота къ тяжбамъ, раждается ябеда, сiя *хитрость простыхъ*, которая, безпокая другихъ, сама себя изнуряетъ, и стремясь къ неправымъ приобрѣтенiямъ, ведетъ за собою разоренiе. Дальнѣйшіе успѣхи просвѣщенiя исцѣляютъ гражданина отъ сей болѣзни, открывая каждому пользу справедливости, честности и мирной жизни; но пока сiя

щастливая перемѣна не совершится, Законодатель умножаетъ способы правосудія для скорѣйшаго успокоенія невинности и наказанія ябедника. Со времянь Петра Великаго до царствованія Екатерины число тяжбныхъ дѣлъ безпрестанно возрастало, и Монархиня должна была установить новыя судилища. *

Но творенія великихъ умовъ, подобно твореніямъ Природы, не ограничивается благомъ единого рода, и новое Учрежденіе Екатерины представляетъ намъ въ своемъ намѣреніи различныя пользы для Россіи. Одна изъ великихъ мыслей сего Учрежденія есть ввести въ правленіе всѣ три гражданскія состоянія, приучить людей къ законовѣдѣнію, утвердить правосудіе на собственномъ ихъ благѣ. Всякой можетъ быть судіею для равныхъ ему, и долженъ знать уставы государственныя; всякой для своей безопасности избираетъ достойнѣйшаго, поручая ему нѣкоторымъ образомъ жребій свой; всякой, зная тяжбу, знаетъ и судящихся, будучи товарищемъ ихъ въ гражданской жизни; всякой боится употребить во зло общую довѣренность, ибо чрезъ три года возвратится онъ въ состояніе частнаго гражданина, и будетъ наказанъ общимъ презрѣніемъ, естли не исполнитъ обязанностей чести.

Монархиня повелѣла — и Россія, дотогѣ не соразмѣрная въ частяхъ своихъ, подобно дикому произведенію Натуры или слѣпнаго случая, пріяла

* См. Манифестъ при Учрежденіи.

видъ гармоническаго размѣра, подобно творенію совершеннаго Искусства; части сравнились между собою, и каждая Губернія ограничилась удобнѣйшимъ для нее постранствомъ. Монархиня повелѣла — и гласъ Ея, какъ лира Амфіонова, творить новые грады, естли не великолѣпіемъ художества, то своею пользою украшенные. Уже земледѣлецъ не принужденъ на долго разставаться съ мирными Пенатами, чтобы въ отдаленіи искать защиты отъ притѣснителя, суда на хищнаго сосѣда, или потребностей для жизни своей. Уже каждое селеніе означаетъ близость города, гдѣ правосудіе беретъ подъ свою эгиду пастыря и оратая; гдѣ торговля удовлетворяетъ ихъ главнымъ потребностямъ, и гдѣ свободно мѣняются они плодами трудовъ своихъ. Благоразумный Политикъ видитъ въ начальномъ недостаткѣ сихъ юныхъ заведеній будущіе ихъ успѣхи и богатство. Такъ юное древо, съ трудомъ пробиваясь сквозь твердыя глыбы земли, едва, едва примѣтно на ея зеленой поверхности; но время возвышаетъ его — и величественный дубъ осѣняетъ землю.

Сія округи, заключая въ средоточіи своемъ столицу Губерніи, которая управляетъ ихъ политическими дѣйствіями, представляетъ образъ различныхъ семействъ подъ начальствомъ единаго, главнаго, и Государевъ Намѣстникъ имѣлъ благословенную власть отца. * *Ходатай за пользу общую и госу-*

. Сія благодѣтельная должность есть нынѣ должность Губернаторовъ.

дарственной, заступникъ утѣсненныхъ и побудитель безгласныхъ дѣлъ, но не судія, онъ наблюдалъ теченіе правосудія, движеніе вѣсовъ его, и могъ остановить беззаконіе, относясь или въ Сенатъ или къ Самой Монархинѣ; пресѣкала всякаѣмъ роду злоупотребленія, излишнюю роскошь, тираниство и жестокости. Доброхотство и любовь къ народу должныствовали быть его главнымъ свойствомъ.* — Монархическое Правленіе требуетъ такого соединенія блюстительныхъ властей въ одномъ человѣкѣ, для храненія порядка въ разныхъ удѣлахъ государства — и когда Франція вышла изъ бурнаго хаоса безначалія и снова заняла мѣсто свое между Европейскими Державами, тогда хитрый властелинъ ея, наученный опытностію, долженъ былъ для лучшаго благоустройства установить Префектовъ, которые суть не что иное, какъ Намѣстники Государевы.

Учрежденіе Губернскаго Правленія было со-вѣмъ новое и безпримѣрное въ Россіи: мѣсто, ограниченное исполнительною властію, безъ всякой судебной. Монархиня чувствовала, сколь нужно отдѣлить сію власть, чтобы главное Мѣсто въ Губернїи не присвоило себѣ опаснаго самовластія; и такимъ образомъ оно не можетъ предписать рѣшенія нижнимъ Судамъ, которые въ совершенной свободѣ дѣйствуютъ по уставамъ; но требуетъ отъ нихъ скорости, наказываетъ пенею нерадивую

* См. Учрежденіе.

медленность; и въ случаѣ неисправленія предасть виновнаго законамъ: слѣдственно имѣеть всѣ способности благотворить обществу, не виѣшиваясь въ права Судейскія.

Прежде въ Губернскихъ и градскихъ судилищахъ соединились дѣла всякаго роду, и своимъ множествомъ, своимъ разнообразіемъ затрудняли ихъ: Монархія отличила гражданскія отъ уголовныхъ, частныя отъ государственныхъ, и предписала имъ особенный путь, какъ для скорѣйшаго, такъ и для лучшаго производства: ибо единство упражненій научаетъ Судію быстрому соображенію обстоятельствъ и вѣрнѣйшимъ способамъ открывать истину. Два Департамента Магистратовъ, Верхнихъ Расправъ и Земскихъ Судовъ, Уголовная и Гражданская Палаты, образуютъ двѣ нити правосудія, которыя соединяются между собою только въ дѣлахъ смѣшенныхъ или двойныхъ. Сіи Палаты, имѣя права Коллегій, судятъ въ средоточіи Губерній, нѣтъ дальнихъ переносовъ; всѣ нужныя объясненія могутъ быть доставляемы скоро, и медленность, первое зло неправдѣ, пресѣкается. — Государственные пользы, вѣренныя Казенной Палатѣ, (которая дѣйствуетъ, такъ сказать, на мѣстѣ, знаетъ обстоятельства, знаетъ особенныя выгоды своей Губерніи, и не резвлекается уже никакими другими предметами) составили лучшую систему хозяйства; Казна обогатилась новыми доходами и вѣрнѣйшимъ сборомъ прежнихъ.

Дворянская Опека и Сиротскій Судъ, которые, подобно небесному Провидѣнію, декутся о безза-

щитныхъ младенцахъ и вдовахъ — Общественное Призрѣніе, которое благотворитъ несчастнымъ жертвамъ бѣдности и недуговъ, воспитываетъ сирыхъ, управляетъ работными *домами* (гдѣ бѣдный гражданинъ, лишенный всего, кромѣ силъ, трудами своими живетъ и другимъ пользу приноситъ) мѣстами наказанія, или, лучше сказать исправленія гражданскихъ пороковъ — и наконецъ Совѣстный Судъ, который есть *человѣколюбіе правосудія* (божественная и безпримѣрная мысль въ законодательствѣ!) останутся въ Россіи вѣчнымъ памятникомъ того, что нѣкогда Добродѣтель въ лицѣ Монархини управляла ею.

Политическое и нравственное дѣйствіе такого новаго, всеобъемлющаго Учрежденія долженствовало скоро означиться въ государствѣ.

Многочисленное Россійское Дворянство со времени Петра Великаго служило мечемъ отечеству до изнеможенія силъ своихъ; тогда подъ знаменами воинскими, въ шумныхъ станахъ, среди опасностей и сраженій надлежало искать почтенныхъ сыновъ Россіи. Великій Императоръ, образуя армию, хотѣлъ, чтобы отличенные гражданскими правами отличались ревностію и служили до послѣдней возможности: необходимость сего требовала. Но обстоятельства перемѣнились. Уже Россія могла обойтись безъ сего принужденія, и Пётръ III заслужилъ благодарность Дворянства, оказавъ довѣренность къ его свободной патріотической ревности. Съ того времени провинціи и села оживилась присутствіемъ многихъ Благородныхъ, ко-

торые могли съ честію оставить воинскую службу; они вели спокойную, но праздную и для государства мало полезную жизнь; хозяйство и ловля звѣрей, которая пріятнымъ образомъ напоминала имъ воинскую дѣятельность, были единственнымъ ихъ занятіемъ. Россія, особливо въ отдаленныхъ частяхъ своихъ, представляла картину *Феодальныхъ* вѣковъ Европы, когда всякой владѣлецъ казался отдѣленнымъ отъ государства составомъ; и если бы тяжбы, раждаемыя грубымъ корыстолюбіемъ и самою праздностію, не давали иногда чувствовать нашимъ Дворянамъ зависимость ихъ отъ Правленія, то они могли бы нѣкоторымъ образомъ забыть отношенія гражданина къ государству. Такое состояніе конечно не благопріятствовало духу общественности и патріотизма!

Но открытіе Намѣстничествъ открыло Дворянамъ новое поле дѣятельности, выведо ихъ изъ произвольнаго заточенія, соединило въ общество, болѣе познакомило между собою и возвысило цѣну добраго мнѣнія о человѣкѣ. Прежде любопытные иностранцы находили въ Россіи пустыя, унылыя города, гдѣ пять или шесть Судей составляли все общество; но теперь въ каждой Губерніи находятъ они цвѣтущую столицу, украшенную новыми зданіями, оживленную присутствіемъ многочисленнаго Дворянства, которое призываетъ ихъ къ весельямъ лучшихъ Европейскихъ городовъ, и своимъ пріятнымъ гостепріимствомъ, ласковою учтивостію доказываетъ имъ, что обширныя степи и лѣса не

служать въ Россіи преградою для успѣховъ свѣтской людкости.

Прежде какая-то грубая восточная пышность отличала богатыхъ Дворянъ въ провинціяхъ: теперь общій вкусъ въ жизни сближаетъ состоянія, безъ роскоши украшаетъ посредственность и самому недостатку даетъ видъ довольства.

Прежде Дворяне наши гордились какою-то, можно сказать, дикою независимостію въ своихъ помѣстьяхъ: теперь, избирая важныя судебныя власти, и чрезъ то участвуя въ правленіи, они гордятся своими великими государственными правами, и благородныя сердца ихъ болѣе нежели когда нибудь любятъ свое отечество.

Прежде человѣколюбивый родитель, удаленный отъ столицы, въ сельскомъ уединеніи не имѣлъ средства достойнымъ образомъ воспитывать своихъ дѣтей: теперь, въ новомъ порядкѣ вещей, нашелъ онъ болѣе возможности образовать умъ и сердце ихъ. Пребываніе многихъ дворянскихъ семействъ въ Губернскихъ городахъ и старанія Правительства способствовали вездѣ заведенію благородныхъ училищъ.

Сія перемѣна, столь благопріятная для государственнаго просвѣщенія, не имѣла вреднаго дѣйствія и на сельское хозяйство. Великая Законодательница все предвидѣла, и почти для всѣхъ Дворянъ, избираемыхъ въ должность, назначила мѣсяцы отпусковъ въ самое то время, когда сельскія работы требуютъ глазъ помѣщика. Ссылаясь на опытъ, спрашиваю: не процвѣло ли въ наше

время и самое земледѣліе въ Россіи? Сіе изъясняется двумя причинами: вопервыхъ открылись новые способы для торговли, всегда имѣющей вліяніе на хлѣбопашество; вовторыхъ Дворяне, чрезъ взаимное сообщеніе свѣдѣній, узнали лучшіе способы земледѣлія, и старинныя предразсужденія (ибо оно также имѣетъ ихъ) уступили мѣсто новѣйшимъ полезнымъ опытамъ.

Дерзну ли еще сказать истину? Новое Учрежденіе пресѣкло многія злоупотребленія господской власти надъ рабами, поручивъ ихъ судьбу особенному вниманію Намѣстника. Сіи гнусные, но къ утѣшенію добраго сердца малочисленные тираны, которые забываютъ, что быть господиномъ есть, для истиннаго Дворянина, быть отцемъ своихъ подданныхъ, не могли уже тиранствовать во мракѣ; лучъ мудраго Правительства освѣтилъ ихъ дѣла; страхъ былъ для нихъ краснорѣчивѣе совѣсти, и судьба подвластныхъ земледѣльцевъ смягчилась. Но чувствительное и патріотическое сердце желало бы еще найти другую, утѣшительнѣйшую причину такой благой переменѣ — и для чего сверхъ боязни, не признать намъ въ семъ случаѣ и спасительнаго дѣйствія лучшей нравственности?

Чрезъ умноженіе *Окружныхъ* городовъ умножилось купечество, и процвѣло чрезъ многолюдство *Губернскихъ*, которыхъ торжища скоро представили богатое собраніе плодовъ Россійской и чужеземной промышленности. Самые нравы торговыхъ людей, отъ многихъ и близкихъ сношеній съ Дворянствомъ болѣе просвѣщеннымъ, утрати-

ли прежнюю свою грубость, и богатый купецъ вида предъ собою образцы въ лучшемъ искусствѣ жизни, непримѣтно заимствовалъ вкусъ и свѣтскую обходительность.

Земледѣльцы, сельскою добродѣтелию отъ плуга на ступени Θεмидина храма возведенные, судьи себѣ подобныхъ, должныствовали съ приобрѣтеніемъ такихъ новыхъ правъ возвыситься въ духѣ своемъ, узнать лучше гражданскую жизнь и законы, служащіе ей основаніемъ; должныствовали возвращаясь подъ домашній кровъ свой, быть опытными совѣтниками и миротворцами поселянъ.

Установленію сельскаго Благочинія обязаны мы безопасностію дорогъ и уменьшеніемъ всякаго рода беспорядковъ. Давно ли еще путешественникъ трепеталъ грозныхъ лѣсовъ Россіи? давно ли внезапный шумъ листьевъ ужасалъ его сердце? Давно ли дикіе, удивленные гроты были вертепомъ разбойниковъ? Но дѣятельная новая власть проникла въ самую непроницаемость древнихъ лѣсовъ, въ сіе отечество злодѣевъ; истребила ихъ тайныя убѣжища, и обвиняя всемѣстность взоромъ своимъ, препятствуетъ самому зарожденію опасныхъ скопищъ. Теперь путешественникъ не страшится ничего въ обширныхъ предѣлахъ Россіи; теперь, подъ щитомъ невидимой власти, безопасно и спокойно углубляется онъ въ самыя дикія мѣста, и отечество наше есть для него самая безопаснѣйшая страна въ Европѣ.

Сограждане! я означилъ только главныя дѣйствія сего Учрежденія Еккатеринны, дѣйствія уже

явныя: но еще многія хранятся въ урнѣ будущаго, или въ началѣ своемъ менѣе примѣтны для наблюдателя. Оно, необходимо просвѣщая народъ, окажется тѣмъ благодѣтельница въ слѣдствіяхъ, тѣмъ народъ будетъ просвѣщеннѣе.

Но при концѣ сего начертанія взоръ мой невольно устремляется на всю неизмѣримую Имперію, гдѣ столько морей и народовъ волнуется, гдѣ столько климатовъ цвѣтеть или свирѣпствуетъ, гдѣ столько необозримыхъ степей разстилается, и столько величественныхъ горъ бросаетъ тѣнь на землю! Я воображаю сія едва вообразимыя пространства со всѣми ихъ жителями, и думаю: «Екатерина, подобно Божеству, согласила все *словомъ* Своимъ; «отдаленные берега Ледовитаго моря представляютъ тотъ же государственный порядокъ, которому на берегахъ величественной Волги или Невы удивляемся; народы столь различные правятся единымъ уставомъ; части, толь несходныя, «всеобщимъ Учрежденіемъ Монархини приведены «въ цѣлое, и безчисленныя страны Россійскія «оставили разныя семейства единого отечества!» Сія мысль восхищаетъ духъ мой!

Какъ искусный художникъ, сотворивъ хитрое орудіе, и приводя его въ движеніе, еще не опускаетъ творческой руки своей, но внимательно наблюдая, прибавляетъ, чего не достаетъ къ совершенству онаго: такъ Великая Екатерина, исполнивъ мудрое Свое Учрежденіе, еще не успокоилась отъ трудовъ законодательныхъ, но спѣшила увѣнчать ихъ новыми.

Уставъ Благочинія * содержитъ въ себѣ не только всѣ способы внѣшняго порядка и безопасности, но и самыя святѣйшія правила Гражданскаго правоченія, столь любезнаго добродѣтельному сердцу Монархини. Такъ называемое *Зерцало Благочинія* есть зеркало всѣхъ взаимныхъ гражданскихъ обязанностей, предложенныхъ съ тою ясною краткостію, которая должна быть характеромъ законовъ, и которая сколь неплодовита словами, столь мыслями и отношеніями богата. Оно даетъ Полиціи священныя права Римской Цензуры; оно предписываетъ ей не только устрашать злодѣйство, но и способствовать благодѣланію народа, питать въ сердцахъ любовь къ добру общему, чувство жалости къ несчастному: сіе первое движеніе существъ нравственныхъ, слабыхъ въ уединеніи и сильныхъ только взаимнымъ между собою вспоможеніемъ; оно предписываетъ ей утверждать миръ въ семействахъ, основанный на добродѣтели супруговъ, на любви родительской и неограниченномъ повиновеніи дѣтей: ** *ибо миръ въ семействахъ есть миръ во градѣ*, по словамъ древняго Философа. Однимъ словомъ: Монархиня превратила въ законъ мысли Наказа Ея о семъ предметѣ, и никакое другое государство не имѣетъ столь мудраго и совершеннаго Полицейскаго Устава.

Начало Дворянства нашего теряется во мракѣ

* Обнарадованный въ 1782 году, Апрѣля 8.

** См. Зерцало Благочинія.

вѣковъ. Благородные Россіяне были конечно прежде сердцемъ и душою, нежели именемъ благородные. Мало по малу, въ теченіе временъ дѣлами знаменитые роды составили въ нашемъ отечествѣ первую ограду Трона и особенное состоянія подъ названіемъ Дворянскаго. Награжденные отъ Государей помѣстьями, они имѣли право умножать ихъ куплею и сверхъ того занимать первыя мѣста какъ въ гражданскомъ, такъ и въ воинскомъ порядкѣ. ПЕТРЪ III даровалъ имъ вольность: ЕКАТЕРИНА распространила ихъ политическія дѣйствія; но еще не доставало полного изображенія правъ Дворянскихъ, утвержденного Монаршею властію и торжественно преданнаго вѣкамъ въ образѣ священнаго монумента. ЕКАТЕРИНА обнародовала *Грамоту Дворянства*, гдѣ, представляя въ блестящей картинѣ всѣ заслуги его, представляетъ Она и всѣ награды, которыми отечество изъявило ему свою признательность. Монархія именемъ Неба скрѣпляетъ святость, вѣчность и непоколебимость сихъ преимуществъ.....

Здѣсь обращаюсь къ вамъ, мои собратія, благородные сыны Россіи, потомки мужей именитыхъ! и мысленно развертывая передъ вами сію государственную хартію, на которой сіяютъ всѣ великія права Дворянства, вопрошаю: чего не достаетъ къ совершенству нашего гражданского благоденствія? какихъ выгодъ можемъ еще желать? кому завидовать? Мы свободны! судимы только равными себѣ! боимся однихъ законовъ! имѣемъ голосъ въ Имперіи, и Монархъ внимаетъ

ему! Наша собственность неотъемлема; достоинство родовъ и право наслѣдства еохранены, но мы по волѣ располагаемъ приобрѣтеніями. Земля, которою владѣемъ, для насъ отверзаетъ нѣдра свои и тайныя сокровища; для насъ текутъ воды въ ея пространства! И естьли нѣкоторыя особенныя склонности влекутъ насъ въ климаты чуждые; естьли полезное любопытство наше требуетъ себѣ новой пищи; естьли кроткое небо южной Европы обѣщаетъ намъ лучшее здравіе: мы свободны! Дворянинъ Россійской есть гражданинъ вселенныя; нѣтъ преграды для путей его. Но и тамъ, въ странахъ отдаленныхъ, отечество не престааетъ намъ благодѣтельствовать; и тамъ мы наслаждаемся плодами нашей собственности, въ нѣдрахъ его оставленной; оттуда располагаемъ ею, и внѣ Россіи живемъ Россією. * Но естьли полная нѣбра политическаго благоденствія есть наша доля, то будемъ же признательны, и не забудемъ, что великія отличія приносятъ съ собою и великія должности; что Благородный есть ли и человекъ добродѣтельный, или поощеніе своего рода; что быть полезными есть первая наша обязанность; и что истинный Россійскій Дворянинъ не только посвящаетъ жизнь отечеству, но готовъ и смертію доказать безпредѣльную любовь свою къ его благу!

* См. Дворянскую Грамоту, подписанную въ 1785 году, 21 Апрѣля.

Екатерина, возобновивъ или умноживъ права наши, въ то же время обнародовала и *Городовое Положеніе*, которое навѣки утвердило *Среднее состояніе* въ Россіи, опредѣливъ сферу дѣйствій его, и назначивъ въ ней разныя степени, увѣчанныя наконецъ титуломъ Именитаго Гражданина, который имѣетъ уже часть Дворянскихъ преимуществъ и даетъ внуку своему право требовать сего достоинства. Каждая новая степень приноситъ съ собою новыя выгоды для общежитія, открываетъ вблизи еще важнѣйшія, возбуждаетъ ревность къ трудамъ, ревность къ дальнѣйшимъ успѣхамъ, и питая честолюбіе, способствуетъ государственному благу. Монархиня знала человѣческое сердце и тайну гражданскихъ обществъ; знала, что самыя легкія отличія производятъ дѣла важныя; знала, что всѣ государственныя степени, возвышаясь одна передъ другою, должны имѣть нѣкоторую связь — и такимъ образомъ Дворянинъ уже подаетъ руку Именитому Гражданину, который, переходя наконецъ въ санъ Благородныхъ, оставляетъ за собою лѣствицу для другихъ, ему подобныхъ. Если иностранные Писатели донынѣ говорятъ, что въ Россіи нѣтъ *Средняго состоянія*, то пожалѣемъ о ихъ дерзкомъ невѣжествѣ, но скажемъ, что Екатерина даровала сему важному состоянію истинную политическую жизнь и цѣну; что всѣ прежнія его установленія были недостаточны, не тверды и не образовали полной системы; что Она первая обратила его въ государственное достоинство, которое основано на *трудолюбіи* и *добрыхъ нравахъ*,

и которое можетъ быть утрачено пороками; * что Она первая поставила на его главную степень цвѣтъ ума и талантовъ: мужей просвѣщенныхъ науками, украшенныхъ изящными дарованіями, ** и чрезъ то утвердила закономъ, что государство, уважая общественную пользу трудолюбіемъ снисканныхъ богатствъ, равномерно уважаетъ и личные таланты, и признаетъ ихъ нужными для своего благоденствія.

Такимъ образомъ Монархія производила въ дѣйство великія мысли Своего Наказа; такимъ образомъ Ея собственная мудрая рука постепенно образовала полную государственную систему Монархической Россіи, согласную съ истиннымъ счастьемъ *человѣка*, слѣдственно несогласную съ печальнымъ именемъ *раба*, которымъ прежде гражданинъ назывался въ отечествѣ нашемъ, и которое навсегда уничтожилось Е к а т е р и н о ю . *** Глубокомысленный Политикъ и Философъ видитъ предъ собою величественное, огромное зданіе, которое всякою частію удивляетъ разумъ, свидѣтельствуется мудрость зодчаго, и должно повелѣвать вѣками. Если Великая не совершила его.... пожалѣемъ о краткомъ вѣкѣ смертнаго! Когда бы Монархи были только Законодателями, то Е к а т е

* См. Городовое Положеніе.

** Ученые и художники по сему закону имѣютъ право на достоинство Именитыхъ Гражданъ.

*** Указомъ 1786 года, Февраля 19.

рдна безъ сомнѣнія успѣла бы образовать Россію совершенно; но труды ихъ столь безчисленны, столь разнообразны, что умъ обыкновенный теряется въ сей необозримости. Внѣшняя Политика внутреннее правленіе, трудное и на многіе предметы обращенное правосудіе, занимая всю душу, истощаютъ ея дѣятельность, которая, укрываясь въ частяхъ своихъ отъ глазъ Историка, не менѣе нужна и спасительна для государствъ, и которая подобно тонкимъ, едва замѣтнымъ нитямъ ручейка, мало по малу образуящимъ свѣтлую рѣку, обращаетъ на себя вниманіе наблюдателя только чрезъ большое пространство времени, представляя картину народнаго щастія, удовольствія и порядка. *

=

ЧАСТЬ ТРЕТІЯ.

Монархія давала законы: Мать подданныхъ благотворила полезными учрежденіями.

* Я не могу говорить здѣсь о всѣхъ Указахъ Екатерины: на примѣръ о межеваніи, о фабрикахъ, о таможняхъ, о рудоконняхъ, о почтѣ, о сборѣ податей, о банкахъ, и проч. Всѣ они доказываютъ Ея попечительность о пользѣ государства и гражданъ.

Сограждане! сей огромный Домъ, который украшаетъ древнюю столицу Россійскую, величественно осѣняя рѣку ея — сей Домъ, предметъ удивленія Екropy, всѣхъ любопытныхъ чужеземцевъ, всѣхъ друзей человѣчества — есть храмъ, посвященный Екатериною Милосердію! Тамъ несчастные младенцы, жертвы бѣдности или стыда — не радость, но ужасъ родителей въ первую минуту бытія своего; отвергаемые міромъ при самомъ ихъ вступленіи въ міръ; невинные, но жестоко наказываемые Судьбою — приемятся во святилище добродѣтели, спасаются отъ бури, которая сокрушила бы ихъ на первомъ дыханіи жизни; спасаются и — что еще болѣе — спасаютъ, можетъ быть, родителей отъ адскаго злодѣянія, къ несчастію не безпримѣрнаго! находятъ челоуѣколюбивое призрѣніе; не только кровь и пищу, но и всѣ лучшіе, мудрую благостію вымышленные способы укрѣплять ихъ здравіе, образовать душу, предупреждать физическое и нравственное зло. Тамъ всегдашнія, трогательныя попеченія небесной благодѣтельности не уступаютъ самымъ нѣжнѣйшимъ родительскимъ попеченіямъ, и осыпая цвѣтами колыбель младенцевъ, скрываютъ отъ сиротъ несчастіе сиротства; тамъ кроткая улыбка добродушной надзирательницы замѣняетъ для юныхъ сердець шастливую улыбку матери; тамъ благоразумный Надзиратель заступаетъ мѣсто отца, и приучая ихъ къ трудолюбію, къ порядку, готовитъ въ нихъ отечеству полезныхъ гражданъ. Искусные въ художествахъ и ремеслахъ, которыя

дѣлають челоуѣка независимымъ властелиномъ жизни своей, сіи питомцы Монаршей щедрости выходятъ въ свѣтъ, и послѣдній даръ, ими изъ рукъ ея пріемлемый, есть — гражданская свобода. Они выходятъ, обогаченные средствами устроить себѣ пріятную долю въ обществѣ, которое ждетъ ихъ съ нетерпѣніемъ и, такъ сказать, разсыпаетъ предъ ними свои жребіи; они избирають — и сей, нѣкогда отверженный младенецъ, спасенный Монаршимъ провидѣніемъ отъ вѣрной гибели, есть теперь надежный помощникъ Именитаго Гражданина въ дѣлахъ торговыхъ, или примѣръ искуснаго ремесленника, или исправный писмоводитель въ домѣ Вельможи. — Трудолюбивый мѣщанинъ среди воспитаницъ Сиротскаго Дому находятъ себѣ подругу, наученную всѣмъ женскимъ работамъ и правиламъ хозяйства.

Да скажутъ тѣ, которые путешествовали въ странахъ чуждыхъ, и вездѣ искали знаковъ челоуѣколюбиваго Правленія — да скажутъ они, гдѣ представлялось взору ихъ нѣчто подобное Сиротскому Дому Екатерины? Какое другое благотѣльное заведеніе можетъ равняться съ нимъ обширностію плана, богатымъ основаніемъ, порядкомъ, а всего болѣе успѣхомъ и пользою? Какое другое заведеніе пріобрѣло столько общей довѣренности, чтобы частные люди повѣряли ему драгоцѣнную собственность охотиѣе, нежели первымъ богачамъ въ Имперіи, и такимъ образомъ на цвѣтущемъ его состояніи утверждали свой достатокъ?

Сдѣвъ великимъ учрежденіемъ Монархія открыла истинному человѣколюбію и патриотизму самый лучший способъ дѣйствія. Естьли вы, любимые сыны щастія, хотите доказать Провидѣнію свою признательность за дары Его; естьли чувствительное сердце ваше имѣетъ нужду излиться въ благотвореніяхъ: то не на стогнахъ ищите предмета для оныхъ: тамъ не рѣдко вредная праздность одѣвается рубищемъ бѣдности, чтобы обмануть жалость и состраданіе; но спѣшите въ сей храмъ добродѣтели, принести ей чистыя жертвы удѣленіемъ вашего избытка: ибо Екатерина позволила вамъ благотворить вмѣстѣ съ Нею; — тамъ каждый даръ вашъ процвѣтетъ и украсится сторичнымъ плодомъ для святой пользы человѣчества.

Монархія, увѣренная, что благонравіе нѣжнаго пола въ выцшемъ состояніи имѣетъ сильное вліяніе на государственное благонравіе, основала, подъ собственнымъ Ея надзираніемъ, Домъ воспитанія для двухъ сотъ благородныхъ дѣвицъ, чтобы сдѣлать ихъ образцемъ женскихъ достоинствъ. Уставъ сей и цѣлю и средствами своими заслужилъ искреннюю похвалу, искреннее удивленіе первыхъ умовъ въ Европѣ. Тамъ любовь и кротость должны ласкою образовать юное сердце для всѣхъ женскихъ добродѣтей; тамъ чувствительность и нѣжность, обращенныя въ пріятную науку, расцвѣтають въ душѣ отъ примѣровъ и наставленій. Нравственность есть главный предметъ; но и разумъ обогащается всѣми

знаніями, всѣми идеями, нужными для того любезнаго существа, которое должно быть прелестью свѣта, сокровищемъ супруга и первымъ наставникомъ дѣтей. Приятныя женскія рукодѣля, которыя украшаютъ жизнь хозяйки — искусства Грацій, которыя милую природу и совершенства ея дѣлаютъ еще милѣе — входятъ также въ систему воспитанія. Екатерина любила посѣщать сей прекрасный цвѣтникъ, Ею насажденный; любила смотрѣть на веселыхъ питомицъ, которыя, оставляя игры свои, спѣшили къ Ней на встрѣчу, окружали Ее радостными, шумными толпами, цѣловали Ее руки, одежду; единогласно называли матерью, и своею безпечною рѣзвостію въ присутствіи Монархини доказывали, что онѣ только любили, а не боялись Ее! Она знала имена, самые характеры ихъ; награждала добрые успѣхи Своимъ благоволеніемъ, ласковыми взорами и похвалами; однимъ словомъ: Она казалась истинною матерію сего многочисленнаго, цвѣтушаго семейства. Всякой пріѣздъ Ея былъ щастливымъ торжествомъ для всего Дома. — Доставляя юнымъ дѣвицамъ невинныя забавы, Монархиня желала, чтобы онѣ представляли иногда правоучительныя Драмы; славный Расинъ писалъ для Сенъ Сира: еще славнѣйшій Геній Фернейскій * хотѣлъ перомъ своимъ способствовать полезнымъ удовольствіямъ воспитанницъ Екатерины, Которая,

* См. переписку Екатерины съ Вольтеромъ.

занимая величіемъ Своимъ театръ міра, съ веселіемъ занималась театромъ любезнаго дѣтства — и минуты, проведенныя Ею въ Воскресенскомъ монастырѣ, были конечно не потерянными для счастья минутами Ея царствованія. Она предчувствовала мирное благополучіе семействъ, которое долженствовало быть плодомъ сего учрежденія — и не обманулась. Какое-то невинное добродушіе, искренность, благоправіе, сверхъ знаній и талантовъ, бывають особеннымъ характеромъ Монастырскихъ воспитанницъ. — Монархиня основала также, и для мѣщанскаго состоянія училище, котораго питомицы приготовляются быть хорошими, добродушными хозяйками, искусными въ рукодѣльяхъ, и на всю жизнь остаются подъ особою защитою Опекунскаго Совѣта. *

Академія Художествъ существовала въ Россіи едва ли не однимъ именемъ; Екатерина даровала ей истинное бытіе, законы и права, взявъ ее подъ личное Свое покровительство, въ совершенной независимости отъ всѣхъ другихъ властей; основала при ней воспитательное училище: обод-

* Не рѣдко самыя лучшія учрежденія, уже не будучи одушевляемы дѣятельнымъ надзираніемъ перваго творца ихъ, мало по малу теряють всю пользу; но Сиротской Домъ и Воскресенское Училище дѣвицъ имѣли счастье найти новую Покровительницу въ Ея Величествъ Вдовствующей Императрицѣ, Маріи Феодоровнѣ, Которая оживляетъ ихъ Своимъ попеченіемъ.

ряла таланты юныхъ художниковъ; посылала ихъ въ отчизну Искусства, вникать въ красоты его среди величественныхъ остатковъ древности, тамъ, гдѣ самый воздухъ вливаетъ, кажется, въ грудь чувство изящнаго, ибо оно есть чувство народное; гдѣ Рафаель, ученикъ древнихъ, превзошелъ своихъ учителей, и гдѣ Микель Анджело одинъ сравнялся съ ними во *вспѣхъ* Искусствахъ. Тамъ питомцы Россійскаго Художества обогащались мыслями, и кисть и рѣзецъ свой образовали по великимъ твореніямъ Генія. Сказавъ: *и мы, и мы художники!* они творили — и первыя въ Европѣ Академіи хотѣли имѣть ихъ своими Членами. — Съ того времени похвальный вкусъ къ художествамъ распространился въ Россіи; съ того времени столицы наши гордятся великолѣпными зданіями собственныхъ Архитекторовъ; красоты живописи и ваянія расцвѣли въ нашемъ климатѣ, и Россіянинъ, не выѣзжавъ изъ отечества, можетъ говорить объ Искусствѣ. — Права, данныя Академіи, служатъ величайшею почестью, какую только Государь можетъ оказать дарованіямъ: всякой ея питомецъ есть навѣки свободный человекъ со веѣмъ его родомъ, подсудимъ ей одной, или по крайней мѣрѣ безъ ея вѣдѣнія не судится другою властію; воленъ жить независимо своимъ талантомъ, воленъ избрать всякую службу, но ни къ какой не принуждается. Симъ важнымъ правомъ Екатерина почтила въ Россіи и художества и свободу!

Кадетскій Корпусъ, учрежденный Императри-

цею Анною, производилъ хорошихъ Офицеровъ и даже Военачальниковъ; ко славъ его должно вспомнить, что Румянцевъ былъ въ немъ воспитанъ. Но сіе учрежденіе клонилось уже къ своему паденію, когда Екатерина обратила на оное творческій взоръ Свой — умножила число питомцевъ, надзирателей; предписала новыя для нихъ законы, сообразныя съ челоуколюбіемъ, достойныя Ея мудрости и времени. Военная строгость, которая доходила тамъ не рѣдко до самой крайности, обратилась въ прилѣжное, но краткое надзираніе, и юныя сердца, прежде ожесточаемыя грозными наказаніями, исправлялись отъ легкихъ пороковъ гласомъ убѣдительнаго наставленія. Прежде Нѣмецкій языкъ, Математика и Военное Искусство были почти единственнымъ предметомъ науки ихъ: Екатерина прибавила какъ другіе языки (особливожъ совершенное знаніе Россійскаго), такъ и всѣ необходимыя для государственнаго просвѣщенія науки, которыя, смягчая сердце, умножая понятія челоука, нужны и для самаго благовоспитаннаго Офицера: ибо мы живемъ уже не въ тѣ мрачныя, варварскія времена, когда отъ война требовалось только искусства убивать людей; когда видъ свирѣпый, голосъ грозный и дикая наружность считались нѣкоторою принадлежностію сего состоянія. Уже давно первыя Европейскія Державы славятся такими Офицерами, которые служатъ единственно изъ благороднаго честолюбія, любятъ побѣду, а не кровопролитіе; повелѣвають, а не тиранствуютъ; храбры въ огнѣ

сраженія и пріятны въ обществѣ; полезны отечеству инагою, но могутъ быть ему полезны и умомъ своимъ. Такихъ хотѣла имѣть Монархиня, и Корпусъ сдѣлался ихъ училищемъ. Привыкая ко всѣмъ воинскимъ упражненіямъ они, въ то же самое время слушаютъ и правоученіе, которое доказываетъ имъ необходимость гражданскаго порядка и законовъ; исполняя справедливую волю благоразумныхъ Начальниковъ, сами приобрѣтаютъ нужныя для добраго Начальника свойства; переводя Записки Юлія Цесаря, Монтекукулли или Фридриха, переводятъ они и лучшія мѣста изъ Расиновыхъ трагедій, которыя раскрываютъ въ душѣ чувствительность; читая Исторію войны, читаютъ Исторію и государствъ и человѣка; восхищаясь славою Тюрена, восхищаются и добродѣтелию Сократа; привыкаютъ ко грому страшныхъ орудій смерти, и плѣняются гармонією нѣжнѣйшаго Искусства; узнаютъ и быстрые воинскіе марши и живописную игру тѣлодвиженій, которая, выражая дѣйствіе музыки, образуетъ пріятную наружность человѣка. Простая, здравая пища, мѣра трудовъ и отдыха; раздѣленіе часовъ на разные упражненія, соотвѣтственныя каждому особенному возрасту, были предписаны Екатериною по лучшей физической и нравственной системѣ воспитанія, не Аѳинскаго, не Спартанскаго, но самаго пристойнѣйшаго для юнаго Россійскаго Дворянства въ вѣки Европейскаго просвѣщенія. — Питомцы выходятъ исправными, знающими Офицерами, способными и для гражданскихъ должностей, пріятными людьми

для свѣта, съ характеромъ и съ правилами, имѣющими щастливое вліяніе на всю жизнь ихъ.

Екатерина съ прискорбіемъ видѣла, что образованіе благородныхъ дѣтей въ Россіи поручается родителями иностранцамъ, которые всего менѣе къ тому способны, не зная нашихъ нравовъ, духа народнаго, и которые, не имѣя къ отечеству нашему сыновней любви, не могутъ вселять ее и въ юныхъ учениковъ своихъ. Она повелѣла воспитывать, вмѣстѣ съ Кадетами, и нѣсколько мѣщанскихъ дѣтей, желая, чтобы они могли со временемъ посвятить себя званію учителей и замѣнить иностранцевъ. Уже многіе и изъ нихъ, исполняя намѣреніе Монархини, въ сей почтенной должности заслужили благодарность родителей и самаго отечества.

Здѣсь справедливая народная признательность требуетъ наименовать того мужа, котораго главною страстію было способствовать успѣхамъ воспитанія въ Россіи, и который служилъ Екатери нѣ первымъ орудіемъ для исполненія Ея благотворныхъ въ семъ великомъ дѣлѣ намѣреній. Бецкій жилъ и дышалъ добродѣтелию, не блестящею и не громкою, которая изумляетъ людей, но тихою и медленно-награждаемою общимъ уваженіемъ; рѣдкою: ибо люди стремятся болѣе къ блестящему, нежели къ основательному; и мужественною: ибо она не страшится никакихъ трудовъ. Онъ довольствовался славою быть помощникомъ Екатерины, радовался своими трудами, и будучи строгимъ наблюдателемъ порядка, безпрестанно взы-

скивая и требуя, сей другъ челоѣчества умѣлъ заслужить любовь и надзирателей и питомцевъ: ибо требовалъ только должнаго и справедливаго. Герой, искусный Министръ, мудрый Судія, есть конечно украшеніе и честь государства; но благодѣтель юности не менѣе ихъ достоинъ жить въ памяти благодарныхъ гражданъ.

Корпусы Морской и Артиллерійской * обязаны Е к а т е р и н ѣ нынѣшнимъ своимъ цвѣтущимъ состояніемъ. Первый образовалъ многихъ искусныхъ Офицеровъ, которыхъ и самые гордые Англичане уважають. Чтобы сообщить лучшимъ питомцамъ его совершенную опытность, знаніе морей и всѣхъ чрезвычайныхъ феноменовъ сей величественной стихіи, Монархиня посылала ихъ въ отдаленности Океана, въ другія части міра, и молодые Офицеры Россійскіе имѣли славу повелѣвать старыми мореходцами Альбіона **. — Корпусъ Артиллерійской производитъ лучшихъ Инженеровъ для нашихъ армій.

Греческое Училище, основанное для юныхъ потомковъ древнѣйшей Республики, которыхъ отцы вѣчное изгнаніе предпочли вѣчному страху и рабству подъ желѣзнымъ скипетромъ Оттоманскимъ, было также памятникомъ Е к а т е р и н и н о й бла-

* Онъ прежде назывался Школою.

** См. Указъ 1762 году о Корпусахъ. — Многіе наши Офицеры, какъ извѣстно, служили на Англійскихъ корабляхъ.

годѣтельности. Тѣ, которые въ несчастномъ отечествѣ своемъ не узнали бы, можетъ быть, никогда славной его Исторіи, великихъ именъ ея, и самаго древняго языка ихъ, научались во глубинѣ Сѣвера гордиться своимъ происхожденіемъ. Во градѣ Святаго Петра воскресали для нихъ священные тѣни Героевъ и мудрецовъ Греческихъ; во градѣ Святаго Петра юныя сердца ихъ бились при имени Термопилъ и Маратона; во градѣ Святаго Петра они бесѣдовали съ Платономъ и Ксенофонтomъ; воображая древнюю славу Греціи, стремились душею къ святымъ мѣстамъ ея; воображая настоящее униженіе страны ихъ, радовались пребыванію своему въ странѣ великихъ дѣлъ и Героевъ. Они не чужды въ Россіи — они *дома* — въ отечествѣ славы! *

Такимъ образомъ Монархиня благодворила юности и человечеству въ своей Имперіи, вѣдая, что самые мудрые законы безъ добрыхъ нравовъ не сдѣлаютъ государства щастливымъ, и что нравы должны быть впечатлѣваемы на зарѣ жизни. Учреждая общественное воспитаніе, и полагая святую нравственность главнымъ его основаніемъ, Она торжественно объявила всѣмъ родителямъ Свое желаніе, чтобы они въ самомъ домашнемъ воспитаніи сообразовались съ правилами, Ею обнародованными. ** Одна истинная Мать народа, по-

* Еще учреждены Монархиною Горнос, Лекарское и Судходное Училища.

** См. главу о воспитаніи въ Наказѣ.

вторю, могла имѣть столько попеченія о благѣ дѣтей въ государствѣ.

Мать народа... конечно!... Сердцу моему пріятно напомнить вамъ, о сограждане! еще трогательное доказательство сихъ нѣжныхъ чувствъ Екатерины. Она съ самаго Своего вступленія на престолъ пеклась о физическомъ благосостояніи Россіи; установила Медицинскую Коллегію, и предписала ей * не только снабдить государство искусными врачами, но и собирать всѣ мѣстные свѣдѣнія о болѣзняхъ народныхъ, о ихъ причинахъ; искать лекарствъ простѣйшихъ на всякую болѣзнь, особливо для земледѣльцевъ; изслѣдовать врачебную силу травъ Россійскихъ, и всякое полезное открытіе немедленно обнародовать для общаго блага. Сего не довольно: ужасный, неизъяснимый ядъ въ крови, съ которымъ почти рождаются младенцы, обнаруживаясь въ своей жестокости, похищалъ въ Россіи едва ли не большую часть дѣтей и на самыхъ спасенныхъ рокомъ оставлялъ страшные знаки своей свирѣпости и безобразія. Уже извѣстно было въ Европѣ средство избавленія; но Россія не пользовалась симъ благодѣтельнымъ открытіемъ, страшась новости, не извѣданной очевиднымъ опытомъ. Что одна мать можетъ сдѣлать для своего обожаемаго младенца, то Екатерина сдѣлала для своихъ подданныхъ: Она привила Себѣ оспу!... День незабвенный для родителей, обя-

* Прежде была Медицинская Канцелярія.

занныхъ ему спасеніемъ дѣтей и милою ихъ красотою! Благодарная Россія по справедливости его торжествовала — и чувствительный отецъ семейства никогда торжествовать не престанетъ. Онъ украситъ розами дѣтей своихъ, и поведетъ ихъ въ священный храмъ молить за Екатерину. Она собственнымъ опытомъ заставила насъ прибѣгнуть къ шастливому средству, и съ того времени мы не боимся ужаснѣйшей эпохи въ физическомъ бытіи нашемъ.

Еще Монархія не ограничила системы государственнаго просвѣщенія заведенными Ею воспитательными обществами, какъ для Благороднаго, такъ и для мѣщанскаго состоянія. Лучи солнечные теряютъ силу свою въ неизмѣримыхъ пространствахъ; столица, отъ нѣкоторыхъ частей Имперіи столь отдаленная, едва ли могла на нихъ дѣйствовать. Екатерина учредила вездѣ — въ малѣйшихъ городахъ, и въ глубинѣ Сибири — *Народныя училища*, чтобы разлить, такъ сказать, богатство свѣта по всему государству. Особенная Коммисія, изъ знающихъ людей составленная, должна была устроить ихъ, предписать способы ученія, издавать полезнѣйшія для нихъ книги, содержащія въ себѣ главныя, нужнѣйшія челоуѣку свѣдѣнія, которыя возбуждаютъ охоту къ дальнѣйшимъ успѣхамъ, служатъ ему ступенію къ вышшимъ знаніямъ, и сами собою уже достаточны для гражданской жизни народа, выходящаго изъ мрака невѣжества. Сія школы, образуя учениковъ, могутъ образовать и самыхъ учителей,

и такимъ образомъ быть всегдашнимъ и время отъ времени яснѣйшимъ источникомъ просвѣщенія. Онѣ могутъ—и должны быть полезнѣе всѣхъ Академій въ мѣрѣ, дѣйствуя на первые элементы народа; и смиренный учитель, который дѣтямъ бѣдности и трудолюбія изъясняетъ буквы, ариметическія числа, и рассказываетъ въ простыхъ словахъ любопытные случаи Исторіи, или, развертывая нравственный катихизисъ, доказываетъ, сколь нужно и выгодно человѣку быть добрымъ, въ глазахъ Философа почтенъ не менѣе Метафизика, котораго глубокомысліе и тонкоуміе самымъ Ученымъ едва вразумительно; или мудраго Натуралиста, Физиолога, Астронома, занимающихъ своею наукою только нѣкоторую часть людей. Если въ городахъ, едва возникающихъ, въ семь новомъ твореніи Екатерины, еще не представлялось глазамъ ни палатъ огромныхъ, ни храмовъ великолѣпныхъ: то въ замѣну сихъ, иногда обманчивыхъ свидѣтельствъ народнаго богатства взоръ Патриота читалъ на смиренныхъ домикахъ любезную надпись: *Народное Училище* — и сердце его радовалось. Кто благоговѣлъ предъ Монархиней среди Ея пышной столицы и блестящихъ монументовъ славнаго царствованія, тотъ любилъ и восхвалялъ Просвѣтительницу отечества, видя и слыша, въ стѣнахъ мирной хижины, юнаго ученика градской школы, окруженнаго внимающимъ ему семействомъ, и съ благородною гордостію толкующаго своимъ родителямъ нѣкоторыя про-

стыя, но любопытныя истины, свиданцыя имъ въ тотъ день отъ своего учителя.

Словесность, сей главный органъ Генія и чувствительности; сія, можно сказать, посланница Неба, которая разноситъ изъ страцы въ страну великія и полезныя идеи, соединяетъ умы и сердца, производитъ и питаетъ нѣжную потребность души: заниматься изящными мыслями, наслаждаться твореніемъ стройнаго воображенія, изліаніемъ сердца — Словесность была предметомъ особеннаго благоволенія и покровительства Еккатерины: ибо Она знала ея сильное вліаніе на образованіе народа и щастіе жизни. Всякое истинное дарованіе было правомъ на лестное отличіе — и славная Россіяда въ Ея время украсила нашу Поэзію. Державинъ въ Русскихъ стихахъ оживилъ Горація, и представилъ новыя сильныя черты пштыческой живописи. Богдановичъ своими цвѣтами осыпалъ Лафонтену сказку, и въ легкомъ слогѣ игралъ воображеніемъ. Многіе другіе Стихотворцы явились — и Екатерина, дерзну сказать, была для нихъ Музою: душа ихъ пылала Ея славою, и хвала Премудрую, они не боялись казаться льстецами! Сама Она, великими дѣлами обремененная Монархія, въ рѣдкіе часы досуга любила перомъ Своимъ способствовать успѣхамъ нашей Словесности. Европѣ извѣстно, что Екатерина, плывя по величественной Волгѣ, въ то самое время, когда сильная буря утрашала всѣхъ бывшихъ съ Нею, спокойно переводила Велисарія, къ безсмертной славѣ Мармонтеля! — Она указы-

вала Русскимъ Авторамъ новыя предметы, вредныя пороки общества, которые должны осмѣивать Талии,—черты характера народнаго, которыя требуютъ кисти таланта; писала, для юныхъ Отраслей Августѣйшаго Дому Своего правоучительныя повѣсти; но всего болѣе, чувствуя важность отечественной Исторіи (и предчувствуя, что сія Исторія должна нѣкогда украситься и возвеличиться Ею!) занималась Россійскими лѣтописями, изъясняла ихъ, соединяя предложеніе дѣйствій съ философскими мыслями, и драгоценныя труды свои для Публички издавала. Желая присвоить Россіи лучшія творенія древней и новой чужестранной Литтературы, Она учредила Коммисію для переводовъ, опредѣлила награду для трудящихся—и скоро почти все славнѣйшіе въ мірѣ Авторы вышли на языкъ нашемъ, обогатили его новыми выраженіями, оборотами, а умъ Россіянъ новыми понятіями. Чтобы утвердить Русской языкъ на правилахъ и привести въ систему, Монархиня основала Академію Словесности, по примѣру Французской, и мы обязаны сему трудолюбивому обществу Полнымъ Россійскимъ Словаремъ, нужнымъ для всякаго и необходимымъ для Авторовъ. Царствованіе Елисаветы произвело Ломоносова и Сумарокова; первый смѣло парилъ за орломъ Пиндаровымъ и бросалъ на бумагу сильныя, безсмертныя строфы: второй имѣлъ славу написать нѣсколько нѣжныхъ и остроумныхъ стиховъ. Но сіи два Поэта не образовали еще нашего слога: во время Екатерины Россіяне начали выражать свои мысли ясно

для ума, пріятно для слуха, и вкусъ сдѣлался общимъ: ибо Монархиня Сама имѣла его и любила нашу Словесность; и естли Она Своими ободреніями не произвела еще болѣе талантовъ, виною тому независимость Генія, который одинъ не повинуется даже и Монархамъ, дикъ въ своемъ величїи, упрямъ въ своихъ явленіяхъ, и часто самыя неблагопріятныя для себя времена предпочитаетъ блестящему вѣку, когда мудрые Цари съ любовію призываютъ его для торжества и славы.

Не довольствуясь тѣмъ, чтобы покровительствовать науки и таланты въ Россїи, Она на всѣ страны міра, на всю область ума распространила Свои благодѣянія, и славу Свою возвышала, такъ оказавъ, славою всѣхъ отмѣнныхъ дарованій, Ею ободряемыхъ. Философы гордились благосклоннымъ воззрѣніемъ Екатерины, и горѣли ревностію величать Ту, которая воцарила съ собою Философію, и тайныя желанія мудраго челоуѣколюбія обратила въ государственныя уставы. Вольтеръ жалѣлъ, что старость не позволяла ему видѣть *Съверную Владычицу сердецъ*. Пылкій Дидеротъ спѣшилъ лично изъяснить Ей свое удивленіе, Плиній Франціи съ восторгомъ говорилъ, что одобрительное слово Екатерины ему драгоценнѣе похвалъ Академическихъ. * Даламберъ славился Ея милостію болѣе, нежели именованіемъ глубокомысленнаго Математика. Европа съ удивленіемъ

* См. Сешелево путешествіе въ Монбаръ.

читаетъ Ея переписку съ ними — и не имъ, но Ей удивляется. Какое богатство мыслей и знаній! какое провищаніе! какая тонкость разума, чувства и выраженій! Та, Которая истощила своимъ царствованіемъ всѣ похвалы міра, умѣла съ неподражаемою пріятностію хвалить цвѣты Словесности, игру остроумія, тонкую черту сердца. Сколь трогательно такое снисхожденіе въ Монархинѣ! Но *унижается* ли Монархъ, когда онъ сходитъ иногда съ высокаго трона, становится на ряду съ людьми, и будучи любимцемъ Судьбы, платитъ дань уваженія любимцамъ Природы, отличнымъ дарованіямъ? Власть разума не можетъ ли еще служить въ некоторою опору для политической власти? По крайней мѣрѣ она можетъ быть ея орудіемъ во всемъ, что касается до блага человѣчества. Такъ думали Августъ, Лудовикъ XIV, Фридрихъ и Петръ Великій, Который, приходя къ Боргаву, къ Лейбницу, говорилъ: *я съ вами человекъ!* * Такъ думала и Великая Екатерина.

Въ Ея царствованіе Россійская Академія Наукъ еще болѣе пріобрѣла знаменитыхъ Членовъ, и сдѣлалась несравненно полезнѣе для отечества, во первыхъ *ежемѣсячными сочиненіями*, которыя, будучи магазиномъ историческихъ и другихъ любопытныхъ свѣдѣній, распространяли ихъ въ

* Я читалъ переписку Лейбница съ Петромъ Великимъ. Ко славѣ того и другаго можно сказать, что они почитали другъ друга.

государствѣ; вовторыхъ путешествіями ея Профессоровъ по всѣмъ обширнымъ странамъ Россіи: намѣреніе великое, достойное Екатерины! исполненіе, достойное намѣренія! эпоха важная въ ученой Исторіи нашего государства и цѣлаго міра! Сія избранные мужи должны были отъ береговъ Невы до горъ Рифейскихъ, до морей Азовскаго, Каспійскаго и далѣе, видѣть и описать Россію въ трехъ царствахъ Природы, проникнуть во внутренность пустынь, во глубину пещеръ и лѣсовъ дремучихъ, гдѣ око наблюдателя еще никогда не примѣчало за творческою Натурою, гдѣ она искони дѣйствовала уединенно или предъ свидѣтелями невнимательными; исчислить минералы въ нѣдрахъ земли, растенія на зеленыхъ коврахъ ея, животныхъ въ трехъ стпхіяхъ, и такимъ образомъ собрать богатства для Россійской Естественной Исторіи. Симъ предметомъ еще не ограничились труды ихъ: Монархиня желала, чтобы они изслѣдовали всѣ историческіе монументы въ нашей Имперіи; замѣчали слѣды народовъ, которые отъ странъ Азій преходили Россію, сами исчезли, но оставили знаки своего теченія, подобно рѣкамъ изсохшимъ; желала, чтобы они въ развалинахъ, среди остатковъ древности, какъ бы забытыхъ временъ, искали откровеній прошедшаго; чтобы они въ нынѣшнихъ многочисленныхъ народахъ Россійскихъ узнавали ихъ неизвѣстныхъ предковъ, разбирая языки, происхожденіе и смѣсь оныхъ; чтобы они, наблюдая обычаи, нравы, понятія сихъ людей, сообщили Исторіку и Моралисту новыя свѣдѣнія,

а Законодателью новыя средства благодѣянія.—Повелѣнія были исполнены, и не только Россія, но и вся Европа; не только Ученые, но и всѣ любопытные читаютъ съ удовольствіемъ и пользою описаніе сихъ путешествій.

Московскій Университетъ, подъ начальствомъ Шувалова (который всегда будетъ знаменитъ титуломъ основателя его и Ломоносова Мецената) во время Екатерины болѣе нежели прежде благотворилъ обществу: ибо щедрость Ея даровала ему болѣе способовъ дѣйствія. Многіе Ученые были имъ призваны изъ Германіи участвовать въ трудахъ его, наставлятъ юношество, питать въ немъ охоту къ наукамъ, и воспалить благородное соревнованіе въ Россійскихъ Профессорахъ. Но всего болѣе оживляла Московскій Университетъ извѣстная всѣмъ любовь Екатерины къ наукамъ, побуждая родителей учить дѣтей своихъ. Число юныхъ питомцевъ его съ каждымъ годомъ умножалось, а съ числомъ ихъ возрастала благодѣтельность сего храма просвѣщенія. И естли мы видимъ нынѣ столь многихъ достойныхъ судей въ столицахъ и въ самыхъ отдаленныхъ Губерніяхъ; естли слогъ приказный уже не всегда устрашаетъ насъ своимъ варварствомъ; естли необходимыя правила Логики и языка саблюдаются не рѣдко въ опредѣленіяхъ судилищъ; естли Министерство находитъ всегда довольно юношей, способныхъ быть его орудіями и служить отечеству во всѣхъ частяхъ своими знаніями: то государство обазано сею пользою Московскому Университету; Универ-

ситеть же обязанъ сею великою славою Е к а т е р и н ѣ и духу Ея царствованія.

Чтобы еще болѣе размножить народныя свѣдѣнія чрезъ книги, Она дозволила заведеніе вольныхъ Типографій, учредивъ благоразумную Ценсуру, необходимую въ гражданскихъ обществахъ: ибо разумъ можетъ уклоняться отъ истины, подобно какъ сердце отъ добродѣтели, и неограниченная свобода писать столь же безразсудна, какъ неограниченная свобода дѣйствовать. Но какъ мудрый Законодатель, избѣгая самой тѣни произвольнаго тиранства, запрещаетъ только явное зло, и многія сердечныя слабости предаетъ одному наказанію общаго суда или мнѣнія: такъ Монархія запрещенію Ценсуры подвергала только явный развратъ въ важнѣйшихъ для гражданскаго благоденствія предметахъ, оставляя здравому разуму гражданъ отличать истины отъ заблужденій; то есть, Она сдѣлала ее не только благоразумною, но и снисходительною, и сею довѣренностію къ общему суду приобрѣла новое право на благодарность народную.

И такъ чудно ли, что Россія, въ 34 года дѣятельнаго царствованія, котораго главною цѣлію было народное просвѣщеніе, столь преобразилась, возвысилась духомъ, созрѣла умомъ, что отцы наши, есть ли бы они теперь воскресли, не узнали бы Россіи? Естьли сердце Государей въ рукъ Провидѣнія, то сердца на родовъ въ рукъ Государей: что могло устоять противъ неутомимаго въ благотвореніяхъ Правительства, которое дѣйствовало на подданныхъ и славою внѣшнихъ успѣховъ, и мудрыми законами,

и воспитаніемъ, и всѣми средствами просвѣщенія? Что могло не покориться всемогущей и благой волѣ, пылавшей тою огненною ревностію, которая бываетъ главнымъ свойствомъ великихъ душъ, истинныхъ подобій Божества? Екатерина, возведенная Самимъ Небомъ на тронъ едва не безпредѣльной въ мірѣ Имперіи, не ужаснулась безпредѣльныхъ Своихъ обязанностей, священныхъ для добродѣтели; но почувствовала вдохновеніе героискаго сердца, которому все возможнымъ кажется, ибо самъ Богъ помогаетъ ему. Чувство каждой должности раждало въ Ней стремленіе и силу исполнить ее — и Россія, Ей нѣкогда чуждая, ставъ театромъ Ея добродѣтелей, сдѣлалась для Екатерины истиннымъ отечествомъ, нѣжно любимымъ: ибо отечество для душъ великихъ есть та страна, гдѣ онѣ могутъ дѣйствовать; ихъ ближніе суть тѣ люди, которыхъ могутъ онѣ творить счастливыми. Чѣмъ болѣе Монархиня трудилась для Россіи, чѣмъ болѣе осыпала ее добромъ и славою, тѣмъ болѣе Она любила въ ней предметъ Своихъ благодѣяній и каждое благодѣяніе было для насъ залогомъ новаго. Сograждане! я изъясню теперь общее наше чувство: скажите, что великое могло наконецъ удивить насъ въ дѣлахъ Екатерины? Не все ли въ рукахъ Ея казалось намъ легкимъ, естественнымъ, даже необходимымъ? Пріученные къ Ея обыкновенной славѣ и добродѣтели, мы были уже, дерзну сказать, какъ бы нечувствительны къ дѣламъ Монархини; истощенная благодарность наша уподоблялась неблагодарности! Ваше сердце

разумѣть меня, о сограждане! я не порицаю, но хвалю вашу чувствительность. Виновать ли смертный, естли Небо, открывая для Монаршей добродѣтели поле безконечное, полагаетъ границу нашей любви, признательности, самому удивленію; естли, даруя Своимъ орудіямъ нѣкоторую часть правъ Своихъ, оставляетъ насъ, обыкновенныхъ людей, въ тѣсномъ кругу челоуѣчества?

Сія геройская ревность къ добру соединялась въ Екатерину съ рѣдкимъ проицаніемъ, которое представляло Ей всякое дѣло, всякое начинаніе въ самыхъ дальнѣйшихъ слѣдствіяхъ; и потому Ея воля и рѣшеніе были всегда непоколебимы. Она знала Россію, какъ только одни чрезвычайные умы могутъ знать государство и народы; знала даже мѣру Своимъ благодѣяніямъ: ибо самое добро въ философическомъ смыслѣ можетъ быть вредно въ Политикѣ, какъ скоро оно не соразмѣрно съ гражданскимъ состояніемъ народа. Истина печальная, но опытомъ доказанная! Такъ, самое пламенное желаніе ошастливитъ народъ можетъ родить бѣдствія, естли оно не слѣдуетъ правиламъ осторожнаго благоразумія. Сограждане! я напомию вамъ Монарха, ревностнаго къ общему благу, дѣятельнаго, неутомимаго, который пылалъ страстію челоуѣколюбія, хотѣлъ уничтожить вдругъ всѣ злоупотребленія, сдѣлать вдругъ все добро, но который ни въ чемъ не имѣлъ усійха, и при концѣ жизни своей видѣлъ съ горестію, что онъ государство свое не приблизилъ къ цѣли политическаго совершенства, а удалилъ отъ нее: ибо Преемнику, для

восстановленія порядка, надлежало всё новости его уничтожить. Вы уже мысленно наименовали Юсифа — сего несчастнаго Государя, достойнаго, по его благимъ намѣреніямъ, лучшей доли! Онъ служить тѣнию, отъ которой мудрость Екатерины тѣмъ лучезарнѣе сіяетъ. Онъ былъ несчастливъ во всѣхъ предпріятіяхъ: Она во всемъ счастлива; онъ съ каждымъ шагомъ впередъ — отступалъ назадъ: Она непрерывными шагами текла къ своему великому предмету; писала уставы на мраморѣ, неизгладимыми буквами; творила во-время и потому для вѣчности, и потому никогда дѣлъ Своихъ не передѣлывала — и потому народъ Россійскій вѣрилъ необходимости Ея законовъ, непримѣнныхъ, подобно законамъ міра. Европа удивлялась *щастію* Екатерины: Европа сираведлива, ибо мудрость есть рѣдкое щастіе. Но кто думаетъ, что темный, неизъяснимый случай рѣшить судьбу государствъ, и не разумная или безразсудная система правленія, тотъ по крайней мѣрѣ не долженъ писать Исторіи народовъ. Нѣтъ, нѣтъ! феноменъ Монархини, Которыя всё войны были завоеванія и всё уставы щастіемъ Имперіи, изъясняется только соединеніемъ великихъ свойствъ ума и души.

Душа Екатерины была тверда, мужественна, истинна геройская. Небо, какъ бы единственно для славы Ея, нѣсколько разъ помрачало тучами горизонтъ Россіи въ царствованіе великой Монархини, чтобы Она, презирая бури и громы, могла доказать народамъ крѣпость души Своей: такъ искусный

мореходецъ еще болѣе славенъ опасностями, чрезъ которыя провелъ онъ корабль свой въ мирное пристанище. Сograждане! я дерзну напомнить вамъ то время, когда Россія, сражаясь съ свѣлымъ вѣшнимъ непріателемъ, видѣла язву, смерть, волненіе въ стѣнахъ Московскихъ, и скоро послѣ безумный, яростный бунтъ, который пламенною рѣкою разливался по обширнымъ странамъ ея; когда завистники Екaтeрины, сильные Цари, радовались нашему бѣдствію, и грозили Ей новою войною... тогда, тогда надлежало видѣть славу мужественныхъ Ея добродѣтелей! Она вѣщаетъ Вождю Своего отдаленнаго воинства: *иди далѣе и побѣждай!* Она какъ солнце взираетъ съ трона на градъ столичный, и печальный мракъ его исчезаетъ; Она отвѣтствуетъ на угрозы Дворовъ: *Я отражу нападеніе!* И мы удивляемся Риму, который, видя у вратъ своихъ непріателя, повелѣваетъ Консулу итти съ воинствомъ въ другую часть міра, или, тѣснимый со всѣхъ сторонъ врагами, съ презрѣніемъ слышитъ о новыхъ!.. Сograждане! я уже говорилъ о той минутѣ, когда Монархиня въ увеселительномъ Дворцѣ Своемъ спокойно исчисляла выстрѣлы кораблей Шведскихъ, и когда главныя арміи наши были за отдаленными предѣлами отечества: Англія, Пруссія вооружались, хотѣли предписать намъ миръ: но Екaтeрнна непоколебимая даровала оный Густаву, а Питтъ и Фридрихъ Вильгельмъ должны были смириться. — Сія-то рѣшительная твердость принудила всѣ Кабинеты въ нѣкоторомъ смыслѣ зависть отъ нашей Монархини,

и всѣ трактаты Ея съ Державами были славны для Россіи.

Но Великая въ Герояхъ сохранила на тронѣ нѣжную чувствительность Своего пола, которая вступалась за несчастныхъ, за самыхъ виновныхъ; искала всегда возможности простить, миловать; смягчала всѣ приговоры суда, и служила совершеннѣйшимъ образцемъ той высокой добродѣтели, которую могутъ имѣть одни Небеса и Государи: милосердія! О божественная кротость сердца! украшая человѣчество во всякомъ состояніи, ты торжествуешь на престолѣ! Каждое движеніе твое есть тамъ спасеніе людей — и зрѣлище виновнаго, тобою сохраненнаго и помилованіемъ исправленнаго, есть прелестный рай твой, неизвѣстный душамъ жестокимъ! Ахъ! человѣческое правосудіе не можетъ быть истиннымъ правосудіемъ безъ милосердія! Но Екатерина чувствительная вѣдала ту черту, которая отдѣляетъ небесную добродѣтель отъ слабости; не преступала ее, и Царскимъ долгомъ побѣждала нѣжность Своего сердца.

Спрашиваю у всѣхъ Россіянъ: было ли чтонибудь оскорбительное для человѣческой гордости, чтонибудь тягостное для самолюбія въ чувствахъ нашего безпредѣльнаго къ Ней повиновенія? Не казалось ли оно природнымъ влеченіемъ сердца, необходимостію души, ея любезною потребностію? Слѣдуя уставамъ Монархини, мы слѣдовали гласу Неба, и повинуюсь, не знали принужденія. Она прелестными качествами души Своей украшала власть Державную. Благоговѣя предъ Обла-

дательницею народовъ, сердца Россіянъ обожали ЕКАТЕРИНУ, и лучезарныя добродѣтели Монархини соединялись въ Ней съ плѣнительною любезностію человѣка. Чужеземцы! вы, которые изъ отдаленныхъ климатовъ пріѣзжали въ Россію единственно за тѣмъ, чтобы видѣть ЕКАТЕРИНУ! скажите, съ какимъ чувствомъ вы приближались къ Ней, когда Она, окруженная Своими Полководцами и Министрами, окруженная славою дѣлъ Своихъ, взирала на васъ съ величіемъ? Не представлялось ли вамъ, что вы зрите Монархиню міра и вашу собственную? Но вы, которые наслаждались неоцѣненнымъ щастіемъ видѣть и слышать Ее, когда Она отъ величія снисходила къ любезности, и какъ бы преставаая быть Монархиною, являлась только въ видѣ свѣтской пріятности, дружественной искренности, среди достойнѣйшихъ людей Двора Ея, въ незабвенныхъ для васъ вечернихъ собраніяхъ, куда принужденіе входитъ не дерзало, гдѣ царствовала свобода въ разговорахъ, гдѣ всякой для себя могъ заниматься удовольствіями общества! вы съ удивленіемъ и слезами говорите о сихъ часахъ, которые вамъ казались минутами, и въ которые ласковыя слова Ея, простое обхожденіе, искренняя веселость и невинныя игры, Ея присутствіемъ и самымъ участіемъ оживляемыя, заставляли васъ позабывать Самодержицу и восхищаться одною неизъяснимою прелестію ума ЕКАТЕРИНЫ.

Сія трогательная, любезная мысль уступаетъ мѣсто еще любезнѣйшей: Мать отечества быца и

самою нѣжнѣйшею матерію семейства. Какое во-
ображеніе безъ сладкаго душевнаго чувства мо-
жетъ представить себѣ Монархиню, Которая, од-
ною рукою подписывая судьбу государствъ, дру-
гою ласкаетъ цвѣтушія Отрасли Императорскаго
Дому, и Которая, прерывая нить великихъ поли-
тическихъ мыслей, оставляя на минуту заботы
правленія, отдыхаетъ сердцемъ въ семействен-
ныхъ радостяхъ, и, такъ сказать, дополняетъ ими
щастіе добродѣтельной Монархини? Естьли обык-
новенному уму трудно вообразить сіе неизъясни-
мое щастіе, то всякое чувствительное сердце пред-
ставитъ себѣ душевное удовольствіе нѣжной Пра-
матери, когда священное потомство Ея расцвѣ-
тало предъ нею; когда Она видѣла предъ Собою
и совершенство Ангельской красоты и нравствен-
ное совершенство, и надежду любви Своей и на-
дежду Россіи!

Но какая чудесная сила укрѣпляла Е к а т е р и н у
для безчисленныхъ предметовъ Ея дѣятельности,
такъ, что Великая могла, занимаясь правленіемъ
Имперіи, ежедневно заниматься и Августѣйшимъ
Домомъ Своимъ; находить время для внѣшнихъ
Министерскихъ, внутреннихъ государственныхъ
и частныхъ судебныхъ дѣлъ, для Своей особен-
ной переписки, ученыхъ трудовъ, для самыхъ
женскихъ прелестныхъ рукодѣлій (ибо Она лю-
била иногда напоминать себѣ простоту Пенело-
пина вѣка) — и наконецъ для пріятнаго отдох-
венія въ избранномъ Своемъ обществѣ? Сія чу-
десная сила есть *духъ порядка, благодѣтельный*

для всякаго, а въ добромъ Монархѣ щастіе народа. Каждый часъ представлялъ Ей особенное упражненіе, и сіе разнообразіе, обновляя вниманіе души, служило для разума Ея нѣкоторымъ успокоеніемъ. Слѣдуя такой мудрой системѣ, Она успѣла затмить самыя дѣятельнѣйшія царствованія, извѣстныя намъ по Исторіи; дѣла *единой* Государыни могли бы прославить *многихъ* Государей.

И слава ЕКАТЕРИНЫ принадлежитъ Ей Самой. Генрихъ IV былъ Царь мудрый и благодѣтельный; но Сюлли стоитъ подлѣ него: Исторія освѣщаетъ ихъ однимъ лучемъ славы. Лудовикъ XIV гремѣлъ въ Европѣ, возвеличилъ Францію; но Кольберъ, первый Министръ въ мірѣ, былъ его Министромъ! ЕКАТЕРИНА, Законодательница и Монархиня, подобно ПЕТРУ, образовала людей — но сіи люди жили и дѣйствовали Ея душою, Ея вдохновеніемъ; сіяли заимствованнымъ отъ Нее свѣтомъ, какъ планеты сіяютъ отъ солнца; Она отличала нѣкоторыхъ, и сіе отличіе было мѣрою ихъ важности. Такимъ образомъ видѣли мы при ЕКАТЕРИНѢ возвышеніе человѣка, котораго нравственное и патриотическое достоинство служить еще предметомъ споровъ въ Россіи. Онъ былъ знатенъ и силенъ: слѣдственно не многіе могутъ судить о немъ безпристрастно; зависть и неблагодарность суть два главные порока человѣческаго сердца. Но то неоспоримо, что Потемкинъ имѣлъ умъ острый, пронизательный; разумѣлъ великія намѣренія ЕКАТЕРИНЫ, и потому заслуживалъ Ея довѣренность. Еще неоспоримѣе то, что онъ

не имѣлъ никакого рѣшительнаго вліянія на Политику, внутреннее образованіе и законодательство Россіи, которыя были единственно твореніемъ ума Екатерины. Ея Министры исполняли только волю Ея — и Россія имѣла щастіе быть управляемою однимъ великимъ Геніемъ во все долговременное царствованіе Екатерины.

Но щастіе можетъ ли казаться долговременнымъ?... О сограждане! Небо проститъ намъ несправедливость пашу, когда мы, пораженные ударомъ, забыли непремѣнные уставы Природы; забыли, что Великая успѣла осыпать насъ благодѣяніями на теченіе вѣковъ, и дерзали обвинять Провидѣніе, что Оно толь скоро лишило наше отечество Матери, и толь внезапно: ибо Екатерина *не умирая* не приготовивъ насъ страхомъ къ сему несчастію, въ одно мгновеніе сокрылась духомъ отъ земли и Россіи! Обольщенные безсмертіемъ дѣль Ея, мы думали, что и Сама Она безсмертна; думали, что Та, Которая украсила вечеръ жизни отцевъ нашихъ, должна была царствовать и для благоденствія нашихъ дѣтей! Она оставила намъ мудрые законы Свои, источникъ блага и просвѣщенія для самыхъ отдаленныхъ потомковъ; но намъ казалось, что съ Нею мы всего лишились; что Она вся во гробѣ, и съ нашимъ щастіемъ, дѣломъ рукъ Ея. Не тѣ одни были неутѣшны, которые наслаждались лицезрѣніемъ Великія, внимали плѣнительнымъ словамъ Премудрыя, окружали тропъ Ея; нѣтъ, вся Россія проливала горестныя слезы: ибо Она не для лю-

бимцевъ, а для Россіи царствовала; не только нѣ-
которымъ, но всѣмъ благотворила — и слезы чув-
ствительныхъ сердецъ текли Ей въ жертву съ
равнымъ жаромъ въ столицахъ и въ самыхъ от-
даленныхъ предѣлахъ государства. О Монархи
міра! Екатерина и жизнь и смерть Свою слу-
жила вамъ примѣромъ: такъ царствуйте, чтобы
смертные обожали васъ! и видя, съ какимъ уми-
леніемъ, съ какою трогательною любовію донинѣ
говорятъ Россіяне о Великой, будьте увѣрены,
что народы чувствительны и благодарны противъ
Царей добродѣтельныхъ, и что память ваша, если
вы заслужили любовь подданныхъ, пребудетъ во-
вѣкъ священной. И самаго недостойнаго Госу-
даря хвалятъ, когда онъ держитъ въ рукѣ ски-
петръ: ибо его боятся, или гнусные льстецы хо-
тятъ награды; но когда сей скипетръ изъ руки
выпадетъ, когда Монархъ платитъ дань общему
року смертныхъ: тогда, тогда внимайте гласу Ис-
тины, которая, повелѣвая умолкнуть страстямъ,
надеждѣ и страху, опершись рукою на гробъ Царя,
произноситъ свое рѣшеніе: и вѣки повторяютъ
его! Не въ чертогахъ Царскихъ обнаруживается
чувство народное; о всякомъ Монархѣ ктонибудь
изъ царедворцевъ искренно проливаетъ слезы;
нѣтъ, оно явно только на стогнахъ града, въ ти-
хомъ жилищѣ семействъ, отъ Двора удаленныхъ,
и въ хижинѣ мирнаго трудолюбія: естли въ нихъ
сердечная признательность не оплакиваетъ смер-
тій Государя, то онъ не царствовалъ для народ-
наго счастья!

Сограждане! Какимъ торжествомъ для добродѣтелей Монархини и для вашей святой благодарности были первыя слова юнаго Самодержца, Который, восходя на престолъ Россіи, и желая объявить волю Свою царствовать мудро и добродѣтельно, сказалъ только: *Я буду царствовать по сердцу и законамъ Екатерины Великой!*... Великой! повторила вся Россія. — Симъ обѣтомъ Онъ почтилъ и память Ея, и вашу признательную къ Ней любовь; вы разумѣли Его — и утѣшились!

Но благотворенія новыя не охлаждають въ сердцахъ нашемъ признательности къ дѣламъ Екатерины; мы воспоминаемъ ихъ съ любовію, читаемъ мудрые законы Ея съ удивленіемъ, и въ восторгѣ чувствительности взираемъ на небо, гдѣ око смертнаго ищетъ всегда безсмертныхъ... Намъ кажется, что священный Духъ Монархини, въ образѣ Генія хранителя Россіи, и тамъ не престаётъ заниматься нашимъ отечествомъ; намъ кажется, что мы внимаемъ небесному гласу Екатерины:

«О Россіяне! вы, которые были столь любезны моему сердцу; которыхъ счастье было Моимъ счастьемъ; на которыхъ взирала Я съ радостію Матери, видящей благоденствіе дѣтей своихъ! «если Я обогатила Россію новыми предѣлами и народами, украсила чело ваше пальмою побѣды, «гремѣла въ трехъ частяхъ міра и славилась вами: «то слава Моя была мнѣ залогомъ вашей силы и безопасности; желая, чтобы міръ васъ страшился, Я хотѣла единственно того, чтобы вы могли

«никого не страшиться. Если Мои законы огра-
«ничиваютъ природную вольность человѣка, то
«будьте увѣрены, что Я пожертвовала частію сво-
«боды только единой цѣлости гражданскаго по-
«рядка, и предпочла независимости вашей одно
«ваше благополучіе; не даровала вамъ тѣхъ од-
«нихъ правъ, которыя могли быть для васъ вред-
«ными. Я просвѣщала васъ, Россіяне! слѣдствен-
«но не хотѣла угнетать человѣчества. И, если
«Мое царствованіе не возвело еще Россіи на вы-
«сочайшую степень народнаго блаженства: то пом-
«ните, что власть Государя не есть всемогуще-
«ство Небесное, Котораго воля есть уже совер-
«шеніе; помните, что Имперіи цвѣтутъ вѣками, и
«что Провидѣніе требуетъ отъ Царей только воз-
«можнаго блага. Но Я указала вамъ великую цѣль:
«теките къ ней осѣненные Моими лаврами, путе-
«водимые Моими законами! И когда всѣ народы
«земли будутъ завидовать вашей долѣ; когда имя
«Россіянина будетъ именемъ счастливѣйшаго граж-
«данина въ мірѣ: тогда исполнятся тайные обѣты
«Моего сердца; тогда вы узнаете, что Я хотѣла,
«по чего не могла сдѣлать; и признательность
«ваша почтитъ равно и дѣла Мои и Мою волю:
«единая награда, къ которой добрые Монархи мо-
«гутъ быть чувствительны и по смерти своей!»

И я клянусь именемъ вашимъ, о сограждане!
именемъ всего нашего потомства, что память Ека-
терины Великой будетъ во вѣки вѣковъ благо-
словляема въ Россіи.

1801 г.

ИЗВѢСТІЕ

О МАРѢ ПОСАДНИЦѢ,

ВЗЯТОЕ ИЗЪ ЖИТІЯ СВ. ЗОСИМЫ.

Женщины во всѣ времена и во всѣхъ земляхъ жили болѣе для семейственнаго щастія, нежели для славы: мудрено ли, что ихъ имена рѣдки въ Исторіи? Чѣмъ ближе народъ къ простотѣ естественной, тѣмъ менѣе вліянія имѣютъ онѣ на политическую судьбу его. Не одно воспитаніе опредѣляетъ скромную жизнь ихъ: сама Природа хотѣла того, давъ имъ нѣжное сердце, чувствительныя нервы, робость, стыдливость и болѣзни. Мы видимъ цѣль ея: кому нибудъ надлежало поручить воспитаніе и храненіе младенцевъ. Однакожь Природа любитъ иногда чрезвычайности, отходитъ отъ своего обыкновеннаго закона и даетъ женщинамъ характеры, которые выводятъ ихъ изъ домашней неизвѣстности на театръ народный, не только въ странахъ просвѣщенныхъ, гдѣ Искусство во многомъ измѣняетъ Натуру, но и въ самомъ почти дикомъ состояніи людей. Такимъ образомъ и *старая Русь* являетъ намъ примѣры нѣ-

которыхъ славныхъ женщинъ — весьма не многихъ, но по тому еще болѣе достойныхъ вниманія нашего.

И безъ сказки, напечатанной въ *Вѣстникъ Европы*, всѣ мы знали, что Марѳа Посадница была чрезвычайная, рѣдкая женщина, умѣвъ присвоить себѣ власть надъ гражданами въ такой Республикѣ, гдѣ женщинъ только любили, а не слушались. Если бы современные лѣтописцы разумѣли, что такое Исторія, и что важно въ ней для потомства, то они конечно постарались бы собрать для насъ всѣ возможныя извѣстія о Марѳѣ; но не ихъ дѣло было цѣнить характеры. Въ сказкахъ, въ пѣсняхъ и преданіяхъ осталось болѣе слѣдовъ ея, нежели въ лѣтописяхъ. Тѣмъ любопытнѣе показаное намъ въ Житіи Св. Зосимы слѣдующее извѣстіе о Посадницѣ, которое выписываемъ здѣсь для Читателей:

Обширныя владѣнія Новгородскія простирались на сѣверъ до рѣки Двины и Бѣлаго моря. Бояре и Вельможи сей Республики имѣли знатныя помѣстья въ нынѣшней Архангельской губерніи. Люди ихъ часто бывали, для рыбной ловли, на островѣ Соловецкомъ, и наглымъ образомъ оскорбляли монаховъ тамошней новой обители. Зосима, начальникъ ея, пріѣхалъ въ Новгородъ и требовалъ защиты отъ Теофила. Отвѣтъ сего Архіепископа достоинъ примѣчанія, изъясняя великое уваженіе Духовныхъ властей къ тогдашнему Новгородскому Правительству: «я готовъ помогать монастырю твоему, но не могу ничего сдѣлать

«безъ воли Бояръ *начальныхъ*» — и святой мужъ, безъ сомнѣнія узнавъ о могуществѣ Марѳы, *великой Болырины града*, просилъ ея заступленія. Она имѣла деревни въ *земль Корельской*: рабы ея, вмѣстѣ съ другими часто обижавъ Соловецкихъ монаховъ и боясь допустить Зосиму къ строгой госпожѣ своей; оклеветали его передъ нею, такъ, что Марѳа велѣла выгнать старца изъ дому: черта, которая не доказываетъ отмѣннаго ея Христіанскаго благочестія. Но Бояре Новгородскіе обопились съ нимъ ласковѣе, выслушали его справедливыя жалобы, обѣщали покровительство Соловецкой обители, и вывели Марѳу изъ заблужденія на счетъ характера Св. Зосимы. Сія пылкая женщина, устыдясь своей несправедливости, рѣшилась загладить ее блестящимъ образомъ — дала великолѣпный обѣдъ — пригласила знаменитѣйшихъ Бояръ Новгородскихъ и Зосиму — встрѣтила его съ великими знаками уваженія — посадила за столомъ въ *первомъ мѣстѣ*, угощала съ ласкою, и желая превзойти щедростію всѣхъ Бояръ (которые одарили святаго мужа богатыми церковными сосудами и ризами), отдала Соловецкому монастырю большую деревню на рѣкѣ Сумѣ. — Зосима получилъ отъ Совѣта Новгородскаго грамоту на *владѣніе островомъ*, съ приложеніемъ осьми оловянныхъ печатей: Архіепископской, Посадничей, *Тысященачальнической* и *пяти Концовъ города*. Естьли сія грамота донинѣ сохранилась въ архивѣ Соловецкаго монастыря, то она должна быть драгоцѣнна для Историка Россіи, который можетъ

найти въ ней имена послѣднихъ народныхъ чиновниковъ Новгородскихъ: ибо, скоро по возвращеніи Угодника въ Соловецкую обитель, Князь Иванъ Васильевичъ объявилъ войну сей Республикѣ и навѣки уничтожилъ ее. Чудеса не принадлежатъ къ Исторіи; однакожь упомянемъ здѣсь о пророчествѣ Св. Зосимы. Выгнанный въ первый разъ гордою Посадницею, онъ сказалъ ученикамъ своимъ: «скоро, скоро сей домъ опустѣетъ и дворъ «его заростетъ травою!» что и въ самомъ дѣлѣ совершилось. Родъ Борецкихъ погибъ съ Республикою; домъ Марѳинъ опустѣлъ — по донинѣ еще показываютъ въ Новгородѣ мѣсто его. * —

Оставляя Марѳу, изъявимъ желаніе, чтобы когда нибудь искусное перо изобразило намъ *галерею Россіянокъ*, знаменитыхъ въ Исторіи или достойныхъ сей чести. Въ разсужденіи древности благоразумный Авторъ ограничить себя Несторомъ и не вздумаетъ начать — на примѣръ — съ Томирисы, Скиѣской Царицы, которая, естли вѣрить Геродоту и Діодору Сицилійскому, приковала къ кресту несчастнаго Кира. Предки наши Славя-

* Другое чудо, описанное въ Житіи сего Угодника, заставляетъ думать, что Князь Иванъ Васильевичъ не простилъ тогда знатныхъ Новгородцевъ, какъ говорятъ наши лѣтописи. Св. Зосима, взглянувъ на шесть главныхъ чиновниковъ, вмѣстѣ съ нимъ обѣдавшихъ у Марѳы, увидѣвъ ихъ сидящихъ безъ головъ. Авторъ *Житія* прибавляетъ, что сіи шесть чиновниковъ были послѣ казни Московскимъ Княземъ.

не были конечно Скифскаго племени; но есть ли дозволимъ себѣ восходить такимъ образомъ въ Исторіи народовъ, то доберемся наконецъ до Адама и должны будемъ говорить объ Евѣ какъ о первой знаменитой Россіянкѣ. Нѣтъ, *галлерей* наша открылась бы Ольгою и Гориславою; а среднія времена представили бы намъ изображеніе Греческой Княжны Софіи, супруги Князя Иоанна, (которой Россія обязана первыми искрами просвѣщенія * —) матери Царя Ивана Васильевича, имѣвшей слабости, но весьма умной — первой супруги его, прекрасной и любезной Анастасіи — Маріи Гудоновой, которой добродѣтель обуздывала иногда Бориса въ жестокостяхъ его подозрительнаго характера — и трогательной, невинной Ксеніи. — Правда, что Русскіе лѣтописцы, въ которыхъ должно искать матеріаловъ для сихъ біографій, крайне скупы на подробности; однакожь умъ внимательный, одаренный *историческою догадкою*, можетъ дополнять недостатки соображеніемъ, подобно какъ ученый любитель древностей, разбирая на какомъ нибудь монументѣ старую Греческую надпись, по двумъ буквамъ угадываетъ третью, изглаженную временемъ, и не ошибается. — Новѣйшая Русская Исторія имѣетъ также своихъ знаменитыхъ женщинъ; наменуемъ изъ нихъ Наталію Кириловну, дочь бѣднаго дворянина, и Царицу Россіи, и мать

* Съ нею пріѣхали изъ Италіи многіе ученые Греки, которые остались въ Россіи.

Петра Великаго, въ дѣвическомъ уединенномъ теремѣ и въ царскихъ чертогахъ равно смиренную, кроткую, добродѣтельную, такъ, что никакой микроскопъ исторической строгости не открываетъ въ ея жизни ни малѣйшаго пятна — Софію, почти великую, — умомъ славу Россіянокъ, духомъ сестру Петрову, сердцемъ женщину, но любезную — Екатерину I, по великодушному характеру достойную блестящей судьбы ея, чудесной и романтической. Не знаю, дозволить ли Политика въ наше время Философу-Историку свободно и торжественно судить царствованія Анны и Елисаветы; но умный живописецъ-Авторъ можетъ въ легкихъ чертахъ представить Ихъ личные характеры съ хорошей стороны и безъ лести. Должно отличить сердце Анны отъ Ея строгаго правленія: какъ женщина, Она была умна и добродушна (по рассказамъ нашихъ отцевъ и всѣмъ извѣстнымъ чужестранцевъ); какъ Государыня — имѣла нещастіе уважать Бирона, * но имѣ достоинство огорчаться его жестокостію. Имя Елисаветы напоминаетъ — если не чрезвычайныя, великія дѣла, то по крайней мѣрѣ веселый Дворъ и щастливое царствованіе, которое послѣ бывшихъ строгостей казалось весьма человѣколюбивымъ. Россія на первыхъ мѣстахъ государственныхъ увидѣла опять Русскихъ, снова услышала вокругъ

* Патріотическая Исторія рано или поздно воздастъ ему по дѣламъ его. Къ щастію онъ былъ не Руской!

трона любезный языкъ свой, отдохнула и оживилась. При Елисаветѣ родилась и торжествовала наша Поэзія. Щастливая пѣсня дѣлала щастье стихотворца, и какаѣ-то нѣжность была общимъ характеромъ Двора Государыни мягкосердечной, не хотѣвшей наказывать смертію и самыхъ злыхъ преступниковъ. Довольно для пріятной картины!—
Наконецъ не на одномъ тронѣ Сочинитель долженъ искать лицъ для историческихъ портретовъ: овѣ вспомнить, на примѣръ, сію Графиню Головкину, которая добровольно промѣняла столицу на Сибирь, и годъ жила въ землянкѣ съ мертвымъ тѣломъ супруга. Такое геройство супружеской любви давно бы прославлено было въ цѣломъ свѣтѣ, если бы Русскіе умѣли и любили хвалиться добродѣтелями Русскихъ. Однимъ словомъ, *галерея славныхъ Россіянокъ* можетъ быть весьма пріятнымъ сочиненіемъ, если бы Авторъ, имѣя талантъ и вкусъ, изобразить лица живыми красками любви къ женскому полу и къ отечеству. Нужно ли сказать, кому надлежало бы приписать такое сочиненіе *въ наше время?*

1803 г.

О РОССИЙСКОМЪ ПОСОЛЬСТВѢ ВЪ ЯПОНИЮ.

Въ прошедшемъ году *Вѣстника* было упомянуто о морской экспедиціи, приготовляемой въ Петербургѣ и любопытной не только для Россіи, но и для всей Европы: ибо предметъ ея не ограничивается успѣхами нашей торговли, но касается и до Наукъ, до блага человѣчества и распространенія выгодъ гражданственности между народами дикими. Сообщимъ теперь подробнѣйшее извѣстіе о семъ важномъ предпріятіи.

Господинъ Камергеръ Рязановъ, назначенный Посломъ въ Японию, отправляется съ двумя купеческими кораблями, купленными въ Лондонѣ. Одинъ изъ нихъ принадлежитъ Русской Американской Компаніи. Экипажъ обоихъ состоитъ изъ опытныхъ Офицеровъ и матрозовъ нашего флота. При миссіи ѣдутъ Гвардіи Офицеры, вмѣстѣ съ Учеными, которые должны въ семъ путешествіи обогатить Науку Природы новыми открытіями и замѣчаніями. — Русскіе мореплаватели отправятся 1 Іюня изъ Кронштата въ Портсмуть; оттуда къ островамъ Канарскимъ или *благополучнымъ* — какъ ихъ на-

зываютъ Древніе — и въ самомъ дѣлѣ достойнымъ сего имени, по своему щастливому климату и богатству даровъ естественныхъ. Тамъ, Русскіе Ученые увидятъ высочайшую вулканическую гору въ мірѣ, при восхожденіи солнца, огромною своею тѣнію закрываетъ и весь островъ и море до самаго горизонта, и которая, будучи на вершинѣ покрыта вѣчнымъ льдомъ, на уступахъ и скатахъ своихъ производитъ гигантское дерево, самое твердѣйшее изъ всѣхъ извѣстныхъ. * Умъ, просвѣщенный Наукою, можетъ объяснить тамъ исторію великихъ революцій міра: ибо Тенерифа, по мнѣнію Физиковъ, образовалась дѣйствіемъ подземнаго огня, который изъ глубокнхъ нѣдръ земли извергнулъ ее на поверхность моря. Горы ея, составленныя изъ растопленныхъ и сожженныхъ камней, занимали всегда любопытство наблюдателей. — Отъ сихъ острововъ корабли наши пойдутъ вправо, къ южнымъ странамъ Америки, къ богатой Бразиліи, гдѣ рѣки выбрасываютъ на берегъ золото и камни драгоценные; гдѣ взору Европейца представляется совсѣмъ иная Натура, такъ, что описаніе тамошнихъ растений и животныхъ показалось бы намъ баснословіемъ, если бы за истину его не ручался имена Ученыхъ, заведенныхъ въ сію землю ревностію къ успѣхамъ Науки. Сколько еще любопытныхъ открытій можно тамъ сдѣлать! сколько наблюденій повѣрить и

* Виватико.

дополнить! — Оттуда наши мореплаватели должны слѣдовать путемъ славнаго Магеллана, оставить Сѣверный Океанъ Атлантическій и, мимо Капа-Горна, войти въ Южный или Тихій. Они увидятъ жителей земли Магелланской, которыхъ и самые Англійскіе путешественники (Байронъ, Валдисъ), возобновляя старыя сказки Гишпанцевъ, описываютъ намъ ужасными Гигантами. Русскіе повѣрятъ сія извѣстія, и мы узнаемъ наконецъ истину о Патагонахъ. — Дошедши, вдоль береговъ Хили, до гавани Вальпарезо, они обратятся къ Сандвичевымъ островамъ (гдѣ славный Кукъ, преодолевъ всѣ опасности морей, столь несчастно кончилъ жизнь свою отъ руки дикаго), и наконецъ пойдутъ въ Японію, чтобы открыть и основать торговое сообщеніе для Россіи съ сими островами, гдѣ промышленность и невѣжество людей равно удивительны, гдѣ нѣкоторыя искусства достигли до неизвѣстной намъ степени совершенства, но гдѣ разумъ человѣка еще въ колыбели. Донинѣ сія земля, жертва Деспотизма и суевѣрія, торговала единственно съ Китаемъ и Голландцами, которые охотно подвергались всякаго роду униженіямъ, чтобы сохранить только чрезмѣрно выгодныя коммерческія связи съ нею. Если Посольство наше успѣетъ въ своемъ намѣреніи, то мы разныя вещи будемъ получать изъ Японіи гораздо лучше, нежели изъ Китая. Японскій чай, фарфоръ, лакъ, шелковыя и бумажныя матеріи, превосходятъ Китайскіе. Русская Американская Компанія можетъ вымѣнивать ихъ на свои това-

ры. Японцы же, при всей ихъ грубости, не такіе злые и коварные обманщики въ торговлѣ, какъ наши сосѣды Китайцы. — Сія острова представляютъ весьма много любопытнаго для Натуралистовъ, особливо въ царствѣ животныхъ. Соловей, который, по древнимъ баснямъ, столь восхитительно пѣлъ на могилѣ Орфеевой, былъ конечно родомъ изъ Японіи!! ибо нигдѣ не поютъ они столь пріятно, какъ тамъ, и самыми красивыми перьями отличаются. Разныя другія птицы, чудесно украшныя рукою Натуры, и прекраснѣйшія насѣкомыя въ свѣтѣ также находятся въ Японіи и могутъ обогатить *собранія* Русскихъ Натуралистовъ. Тамъ же безпреставно свирѣпствуетъ восемь Вулкановъ, пламенная лава льется рѣками; и минеральныя воды, отмѣннаго свойства, кипятъ въ нѣдрахъ земли, какъ на сильнѣйшемъ огнѣ. Всякой, имѣя понятіе о благородномъ энтузіазмѣ Наукъ, можетъ вообразить, какъ прелестна должна быть для сѣверныхъ наблюдателей земля столь богатая красотою Натуры и не менѣе любопытными ужасами.

Изъ Японіи Русскіе отправятся на 1805 годъ зимовать въ Камчатку; оттуда въ Уналашку, въ Кадьякъ и другіе острова сего Архипелага, который находится между Камчаткою и сѣверною Америкою и который открытъ нашими мореплавателями. Достойно замѣчанія, что Господинъ Рязановъ, начальникъ сей важной экспедиціи, есть зять славнаго Шелехова, присоединившаго къ Россійскимъ владѣніямъ новыя Американскіе острова,

ядовитыхъ и лекарственныхъ травъ, какъ на островахъ Филиппинскихъ.

Ява, Суматра и полуостровъ Индѣйскій будутъ также предметомъ любопытства Русскихъ плавателей. Тамъ увидятъ они храмы, можетъ быть, древнѣйшей Религіи въ мірѣ, монументы суевѣрія грубаго, но почтеннаго вѣкамъ; народы многочисленныя въ подданствѣ купцовъ Европейскихъ, правящихъ ими по одному закону хитраго корыстолюбія. Тамъ обзрятъ они всѣ заведенія цвѣтущей Англійской и нынѣ уже слабой, издыхающей Голландской торговли. Наконецъ, оплывъ Мысъ Доброй Надежды, съ другой стороны выдутъ на тотъ пунктъ, съ котораго обратились къ южной Америкѣ, и возвратятся въ любезное отечество.

Такимъ образомъ въ первый разъ флагъ Россіи *окружитъ* шаръ земный, и въ странахъ, гдѣ едва имя ея извѣстно, услышатъ языкъ нашего отечества; увидятъ въ Русскихъ не хищниковъ, не тирановъ, которые нѣкогда спѣшили по слѣдамъ Колумба злодѣйствовать въ Новомъ Мірѣ, но друзей человѣчества, предлагающихъ народамъ взаимныя выгоды торговли; увидятъ любопытныхъ наблюдателей Природы, которые выдутъ на берегъ съ орудіями мирныхъ Наукъ, а не смерти.

И такъ сія важная экспедиція должна имѣть слѣдствіемъ своимъ 1) открытіе для насъ морской торговли съ Китаемъ, съ Японією, можетъ быть съ южною Америкою и съ Индією; 2) образованіе Русскихъ колоній и торговыхъ заведеній на островахъ и твердой землѣ въ сѣверной Америкѣ; 3) на-

блюденія, открытія ученія, благодѣтельныя вообще для успѣховъ разума человѣческаго.

Пусть другіе удивляются молодымъ, благороднымъ Россіянамъ, которые добровольно оставляютъ пышную столицу и ввѣряютъ себя волнамъ на нѣсколько лѣтъ, чтобы переходить изъ одной части міра въ другую, быть во всѣхъ жаркихъ климатахъ Линіи и въ холодныхъ предѣлахъ Сѣвера: мы искренно завидуемъ ихъ долѣ, воображая безчисленныя удовольствія, которыя ожидаютъ ихъ въ неизмѣримостяхъ Океана! Любопытство дѣятельнаго ума имѣетъ рай свой, неизвѣстный умамъ робкимъ и лѣнивымъ. Къ симъ удовольствіямъ прибавимъ еще славу участвовать въ предпріятіи важномъ и полезномъ, славу открыть путь новый для Россійскаго мореплаванія, наконецъ славу презирать опасности! онѣ и въ самой тихой, бездѣйственной жизни для человѣка неизбѣжны: опасность блестящая есть выгода славолубія.

Заклучимъ эту статью нѣкоторыми общими примѣчаніями. Есть люди — и Русскіе, безъ сомнѣнія очень скромные — которые утверждаютъ, что Россія не должна и думать о знаменитости въ мореплаваніи (ибо гавани ея запираются льдомъ на шесть мѣсяцевъ въ году), и что благоразуміе велитъ намъ довольствоваться продажою и куплею на мѣстѣ. П е т р ъ Великій не такъ думалъ. Мудрено ли? Онъ былъ Русской въ душѣ и Патріотъ; а сіи господа или *Англоманы*, или *Галломаны*, и желаютъ называться Космополитами. Только мы, обыкновенные люди, не можемъ съ ними парить

умомъ выше *низкаго* Патріотизма; мы стоимъ на землѣ, и на землѣ Русской; смотримъ на свѣтъ не въ очки Систематиковъ, а своими природными глазами; думаемъ, что въ нынѣшнемъ состояніи вещей Государство не можетъ достигнуть до совершеннаго величія безъ флотовъ и знаменитыхъ успѣховъ мореплаванія, а славное происхожденіе Русскихъ, ихъ гордость народная, безпримѣрная храбрость и внутренняя сила государственная указываютъ намъ на первую степень въ Политикѣ. Если бы Пётръ Великій не завелъ флота, то Англійскій фрегатъ пришелъ бы иногда бомбардировать Ревель, и всякой островъ могъ бы смѣло оскорблять Русскихъ: наши арміи не имѣли бы средствъ наказать дерзкихъ за моремъ; а сія мысль не утѣшительна для народнаго, справедливаго самолюбія обширнѣйшей Имперіи въ свѣтѣ. Сверхъ того сильному Государству надобны деньги; а ихъ не лзя имѣть много безъ выгодной виѣшней торговли, которая возбуждаетъ, усиливаетъ внутреннюю промышленность. Россія богата естественными дарами; но они драгоцѣнны единственно своимъ *великимъ количествомъ*: ихъ можно вывозить только моремъ. Безъ собственныхъ купеческихъ кораблей мы находимся въ совершенной зависимости отъ чужестранныхъ мореплавателей и купцовъ, отпуская, что имъ взять угодно. *Перевозъ* вещей есть также большая выгода — занимаетъ, питаетъ, обогащаетъ множество людей: для чего уступать ее другимъ народамъ?... «Но Русскія моря замерзаютъ!...» Однакожь вромѣ Чернаго, которое соединяетъ насъ

съ Средиземнымъ, пока Геллеспонтъ открытъ для кораблей нашихъ... (Константинополь такъ близокъ! и Турецкая Имперія такъ ветха!)... Да и се неудобство главнаго нынѣшняго Русскаго порта, то есть Кронштатскаго, можетъ быть побѣждено усиліями торговаго ума и промышленности. Корабль имѣетъ время сходить въ Лондонъ, въ Гавръ, въ Бордо; и чтобы не стоять ему праздно 6 мѣсяцевъ, для чего не воспользоваться симъ временемъ для *отдаленнаго* мореплаванія съ новымъ грузомъ, чтобы возвратиться лѣтомъ? Было время, когда сѣверные мореходцы — Норманы, не чужіе Русскимъ — считались первыми въ Европѣ; являлись безпрестанно на берегахъ Франціи, Итали — правда, не для торговли, а чтобы славиться храбростію. Русскимъ недостаетъ одного для успѣховъ ихъ мореплаванія: смѣлаго духа предприимчивости; но онъ созрѣетъ вмѣстѣ съ нашимъ политическимъ умомъ — и любезный, благодѣтельный Монархъ нашъ способствуетъ тому сею важною Японскою экспедиціею. Теперь военные корабли снабдили купеческіе Офицерами и матрозами: со временемъ купеческіе могутъ снабдить ими военные, какъ въ другихъ земляхъ бываетъ. Самолюбіе наше не должно оскорбляться тѣмъ, что мы, предпринимая окружить землю, должны были нынѣ купить Англійскіе корабли, или для скорости, или для того, что они лучше и надежнѣе Русскихъ: давно ли занимаемся искусствомъ мореплаванія? давно ли мы, какъ сказалъ Ломоносовъ, *сидѣли на лодкѣ въ лужѣ*? Вспомнимъ, что и самая Англія покупала нѣкогда чужіе корабли для

своей Индѣйской торговли: Ганзейскіе города продавали ихъ купцамъ Лондонскимъ. Теперь Англія есть первая морская Держава!

Пусть вѣтры благополучные несутъ нашихъ Аргонавтовъ по обширному Океану! Мы будемъ слѣдовать за ними взорами и сердцамъ. Пусть они обозрѣваютъ моря, какъ легкое передовое войско обозрѣваетъ мѣсто, гдѣ скоро должна явиться армія! Мы жгли флоты непріятельскіе на Эгейскомъ морѣ, истребляли ихъ на Балтійскомъ, щастіемъ, великимъ духомъ Екатерины и Русскою храбростію: намъ остается доказать, что можемъ господствовать на семь элементѣ и народною, торговою, умною предпринимчивостію!

1803 г.

О МОСКОВСКОМЪ МЯТЕЖЕ

ВЪ ЦАРСТВОВАНІЕ

АЛЕКСѢЯ МИХАЙЛОВИЧА.

Кровопротліе, мятежи и бѣдствія составляютъ главную и, къ несчастію, любопытнѣйшую часть всемірныхъ лѣтописей; но Исторія нашего отечества, подобно другимъ описывая жестокія войны и гибельные раздоры, рѣдко упоминаетъ о бунтахъ противъ Властей законныхъ: что служитъ къ великой чести народа Русскаго! Онъ, кажется, всегда чувствовалъ необходимость повиновенія и ту истину, что своевольная управа гражданъ есть во всякомъ случаѣ великое бѣдствіе для государства. Такимъ образомъ народъ Московскій, великодушно терпѣлъ всѣ ужасы времени Царя Ивана Васильевича, всѣ неготовота его Опричныхъ, которые, подобно шайкѣ разбойниковъ, злодѣйствовали въ столицѣ какъ въ землѣ депривтадекой. Граждане смиренно приносили жалобу, не находили защиты, безмолвствовали — и только въ храмахъ Царя Царей молили Небо, со слезами прорупуть, смягчить жестокое сердце Іоанна.

Тѣмъ болѣе удивляется Историкъ Россіи, когда царствованіе Государя добраго, милосердаго, народолюбиваго, представляетъ ему для описанія ужасныя бунты въ столицѣ и лютое изступленіе народа... Я говорю о *первомъ* мятежѣ, бывшемъ въ Москвѣ при Царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ. Онъ никѣмъ изъ Русскихъ писателей не былъ изображенъ подробно и вѣрно; а какъ всякое изъ народныхъ происшествій, самое горестное, оставляетъ для потомства благодѣтельное правоученіе, то мы вздумали собрать разсыянные извѣстія о семъ бѣдственномъ случаѣ, и предлагаемъ ихъ читателю за достоверныя.

Царь Алексѣи Михайловичъ, подобно своему родителю, въ цвѣтущей юности сдѣлался самодержавнымъ Государемъ. Воспитанный Бояриномъ Морозовымъ, онъ имѣлъ къ нему довѣренность неограниченную, соединенную съ трогательною любовью. Уже Россія наслаждалась миромъ и благоустройствомъ, которое Михаилъ возстановилъ съ великимъ трудомъ и съ явною помощію Неба; но Царь юный и неопытный чувствовалъ нужду въ мудромъ совѣтникѣ для мудраго управленія Государствомъ. Къ несчастію, Борисъ Ивановичъ Морозовъ не походилъ характеромъ своимъ на добродѣтельнаго Патриарха Филарета, который былъ истиннымъ Геніемъ-хранителемъ и Царя и царства во времена самыя опасныя: сей Бояринъ славился умомъ, но унижался склонностями и пороками души слабой: завистию, корыстолюбіемъ и пристрастіемъ къ своимъ угодникамъ. Желая вла-

ствовать, какъ Годуновъ при Феодорѣ властвовалъ, онъ не имѣлъ мудрой, глубокой политики сего великаго человѣка, изумлявшаго народъ блескомъ своихъ добродѣтелей, но прибѣгнувъ къ средствамъ хитрости низкой: удаливъ отъ Двора многихъ знаменитыхъ Патриотовъ, особенно же родственниковъ покойной Царицы, * разославъ ихъ по городамъ Воеводами, окружилъ Царя ближними людьми своими и пристрастилъ его къ охотѣ, чтобы отвести отъ дѣлъ государственныхъ; ибо властолюбивые Министры во всѣхъ земляхъ и во всѣ времена боялись трудолюбиваго Монарховъ. Наконецъ, къ увѣнчанію своихъ хитростей, онъ показалъ ему двухъ прекрасныхъ дочерей Милославскаго; и когда Государь, влюбясь въ большую, соединился съ нею бракомъ, Морозовъ черезъ десять дней женился на меньшей сестрѣ, надѣясь титуломъ Царскаго свояка еще болѣе утвердить права и власть Царскаго Ментора.

Рѣдко случается, чтобы любимцы Государей пользовались любовью народною; ихъ судятъ жестоко, ибо судіею бываетъ зависть, которую трудно обезоружить и добродѣтельно. Морозова уважали, но не терпѣли: Бояре за его самовластіе, а народъ за разныя новыя подати и откуцы, тогда введенныя. Говорили, что онъ убѣдилъ Царя воз-

* Царь Алексѣй Михайловичъ, оплакавъ родителя, черезъ нѣсколько дней лишился и матери: тронъ дорого стоилъ его добродѣтели.

высить цѣну на соль и отдать ее на откупъ Думному Дьяку Назарію Ивановичу Чистову, и что первый Бояринъ выдумываетъ такія монополіи для собственной прибыли. Купечество жаловалось на то, что Правительство запретило употребленіе неклеименыхъ аршиновъ и наложило на казенные высокую цѣну. Но сіи жалобы, едва ли основательныя, не могли бы произвести ужаснаго и всеобщаго возмущенія безъ другихъ причинъ, гораздо важнѣйшихъ.

Шляхъ Даниловичъ Милославской хотя издавна служилъ при Дворѣ, но былъ весьма небогатый дворянинъ; сдѣлавшись тестемъ Государя, осыпанный вдругъ его благодѣяніями и возведенный на степень Боярина, онъ старался обратить милость Царскую и на всѣхъ ближнихъ и дальнихъ своихъ родственниковъ, которые скоро заняли важнѣйшія мѣста государственныя. Морозовъ охотно способствовалъ ихъ возвышенію, соединивъ честь

За пудъ соли платили тогда 30 копѣекъ, а прежде 20: такая надбавка не могла быть тягостна и для самыхъ бѣдныхъ людей. Введеніе клеименыхъ аршиновъ было нужно для отерашенія всякихъ обмановъ въ мѣрѣ. Купейцы не разорялись, платя въ казну однажды навсегда шесть или семь гривенъ за желѣзный аршинъ. Но Морозова не любили, и всѣ выдумки его казались преступленіемъ. Надежда на соль такъ озабочивала гражданъ, что они стали гораздо меньше почитать ее, и казна, вмѣсто прибыли, имѣла убытокъ. Между тѣмъ испортилось множество рыбы отъ недосоленія.

и пользу своего рода съ честію и пользою Милославскихъ. Сіи люди, по большей части весьма бѣдные и привыкшіе въ низкой долѣ завидовать богатымъ, съ переменною судьбы своею не переменялись душою: хотѣли только наживаться и не имѣли тогдаго честолюбія древнихъ фамилій Боярскихихъ; но зная стыда, ужаснаго только для сердца благородныхъ, не знали и страха; ибо сильный Морезовъ былъ ихъ свойственникомъ и покровителемъ. Двое изъ новыхъ любимцевъ Фортуны сдѣлались особеннымъ предметомъ народной ненависти: Окольничіе Леонтій Плещеевъ и шурина его Траханиотовъ. Первый начальствовалъ въ Земскомъ Приказѣ, то есть уголовномъ и гражданскомъ судѣ; столицы, и жертвовалъ правдою гнусной корысти съ такимъ безстыдствомъ, съ такою дерзостію, что въ наше время трудно повѣрять разсказамъ о дѣлахъ сего человѣка. Онъ разорялъ правыхъ и виноватыхъ; научалъ злодѣевъ доносить на богатыхъ людей, бралъ ихъ подъ стражу, заключалъ въ темницу и предлагалъ имъ выкупать себя деньгами. — Траханиотовъ, будучи главою Пушкарскаго Приказа, имѣлъ въ своемъ вѣдѣніи оружейные и другіе заводы. По уставу Царскому надлежало всякой мѣсяцъ выдавать жалованье мастеровымъ людямъ, которые на нихъ работали; но Траханиотовъ не думалъ исполнять его, бралъ деньги себѣ, и тирански мучилъ

Плещеевъ по имени въ Москвѣ, описали какъ

* Иностранцы, бывшіе тогда въ Москвѣ, описали какъ

работниковъ, которые смѣли усиленно требовать платы и жаловаться. Сими бѣднымъ людямъ съ ихъ семействами оставалось умереть съ голоду. — Напрасно путешественные искали правосудія. Челобитныя, вручаемыя даже самому Государю, не имѣли никакого дѣйствія: ибо онъ, не читая, отдавалъ ихъ на разсмотрѣніе Боярамъ, которые или не хотѣли или боялись обличать виновныхъ, и всякую жалобу представляли ему въ видѣ ложной. Граждане Московскіе чувствовали сію несправедливость тѣмъ живѣе, что благодатное царствование Михаила приучило ихъ къ царству милости и правосудія; времена прежнихъ насилій и безпорядковъ уже заглаждались въ ихъ памяти. Добрымъ Царь, отдѣленный отъ народа высокою Кремлевскою стѣною, не зналъ, что дѣлается за нею, и не слышалъ народнаго вопля. Плещеевъ и Траханиотовъ его слышали, но презирали, вмѣстѣ съ другими Боярами веселясь безопасно въ новыхъ Кремлевскихъ палатахъ своего родственника Милославскаго. * Морозовъ наслаждался любовію молодой, прекрасной супруги и всеми удовольствіями власти. Гроза висѣла надъ его головою; но онъ былъ уносимъ своимъ величіемъ, и зная неограниченную къ себѣ милость Царя, не могъ вообразить никакой бѣдственной переменны своего жребія.

См. примечанія къ 1-му тому, стр. 100.

* Царь подарилъ ему домъ въ Кремль; но пышный Милославскій разломилъ его и построилъ новый.

Народъ толпился на Красной площади, а въ другихъ частяхъ города собирався передъ церквами, совѣтуясь, что ему дѣлать. Онъ угадывалъ чувствительное сердце юнаго Монарха; былъ увѣренъ, что Царь защитилъ бы своихъ добрыхъ подданныхъ и наказалъ бы неправду чиновниковъ, если бы зналъ, что терпятъ одни, и какъ другіе употребляютъ во зло его довѣренность. Въ самомъ дѣлѣ могутъ ли Государи хотѣть народнаго утѣшенія? По крайнѣй мѣрѣ сн примѣры рѣдки въ Исторіи. Все склоняетъ ихъ къ правосудію и милости: собственная польза, слава и щастіе. Личное благо людей, самыхъ знатнѣйшихъ въ государствѣ, можетъ быть противно общему; только одинъ человекъ никогда не бываетъ въ такомъ опасномъ искушеніи добродѣтели — и сей человекъ есть Монархъ самодержавный. — Народныя недовольства и совѣщанія были конечно извѣстны двумъ сильнѣйшимъ Боярамъ Русскимъ: Морозову и Милославскому; но они не взяли никакихъ дѣйствительныхъ мѣръ отвратить мятежъ, и старались, можетъ быть, только закрыть сію тучу отъ Государя, въ безразсудной надеждѣ, что она сама собою разсѣется. Ослѣпленіе властителей бываетъ всегда предтечею государственныхъ бѣдствій. Сн Бояре могли бы укротить народъ отставкою Плесеева и Траханиотова; но имъ казалось стыдно покориться общему желанію, и своихъ родственниковъ явно признать недостойными чиновниками. **Такия ничтожныя побужденія бывають для**

характеровъ слабыхъ сильнѣе государственнаго блага!

Объяснивъ главныя обстоятельства тогдашняго времени, безъ которыхъ не лзя имѣть справедливаго понятія о дѣйствіяхъ, приступаемъ къ горестному описанію мятежа и крайностей народнаго изступленія.

23 Іюня 1648 году, * въ день Крестнаго Хода въ монастырь Срѣтенской, Царь, отслушавъ тамъ обѣдню, возвращался верхомъ въ Кремлевскій дворецъ свой: многочисленныя толпы народа окружили его на площади. *Стой, Государь!* кричали ему со всѣхъ сторонъ, и схватили за узду лошадь Царскую. Изумленный Монархъ остановился. Граждане молили его быть отцемъ своего народа; рассказали все, что они терпятъ отъ судій несправеднаго, Леонтія Плещеева, и просили съ величайшею покорностію, чтобы Государь защитилъ ихъ и на мѣсто сего жестокаго челоуѣка посадилъ Боярина честнаго и добросовѣтнаго. Царь слушалъ съ удивленіемъ и милостиво отвѣтствовалъ, что граждане могутъ быть покойны; что онъ самъ изслѣдуетъ дѣло и накажетъ виновнаго. Народъ громогласно изъявилъ благодарность Монарху, и восклицанія: *здравія и многія лета нашему Царю Государю!* провожали его до Спасскихъ воротъ.

Такимъ образомъ все могло кончиться мирно,

* То есть, въ третій годъ царствованія Алексѣя Михайловича.

законно и благополучно. Еще народъ не былъ преступникомъ: онъ пожаловался только своему отцу и Монарху на судію недостойнаго; желалъ единственно отставки Плещеева: не требовалъ даже и его наказанія; умолчалъ о всѣхъ другихъ неудовольствіяхъ своихъ и людяхъ, ему ненавистныхъ. Такая умѣренность предвѣщала ли влодѣйства, которымъ надлежало совершиться въ сей день, бѣдственный для Москвы и цѣлой Россіи?... Къ несчастію, нѣкоторые чиновники, прискакавъ за Царемъ на площадь, и слыша, что сдѣлаемое, безразумно вступились за Леонтія Плещеева, начали укорять гражданъ мятежною дерзостію — даже бить ихъ, топтать лошадьми... Тутъ искры бунта воспламени. Граждане забыли власть законовъ и присвоили себѣ насильственную управу. Страшный вопль раздавался на площади; камни посыпались на чиновниковъ: народъ, въ слѣдъ за ними, вломился въ Кремль, гналъ ихъ до самыхъ палатъ Государевыхъ, и Стрѣльцы съ великимъ трудомъ могли остановить его на ступеняхъ крыльца. Бѣшенство овладѣло имъ, и тысячи голосовъ требуютъ, чтобы имъ выдали Плещеева.... Бояринъ Морозовъ выходитъ на Красное крыльцо, и говоритъ народу именемъ Монарха, что Царь обѣщалъ имъ правосудіе и сдержитъ слово свое.... Напрасно; мятежники кричатъ ему: «намъ и тебя надобно; мы хотимъ и твоей головы!»... Едва онъ могъ спастись отъ ихъ злобы во дворецъ Государевъ. Они бросились въ Кремлевскій домъ Морозова; отбили ворота: умертвили вѣрнаго слугу, который хотѣлъ

нимъ противиться, и ворвались въ горницу, гдѣ была супруга Боярина.... Сія женщина, молодая и прекрасная, ожидала вѣрной смерти отъ непостоявыхъ; но они не тронули ее и сказали: *благодари Бога, что Царица сестра твоя!*... Такимъ образомъ и въ самомъ бунтѣ народъ не забывалъ уваженія къ Царской фамилии.... Въ нѣсколько минутъ домъ Боярина былъ разграбленъ; сундуки, шкапы взломаны; богатые ковры Персидскіе, парчи, бархаты, соболы и черныя лисцы изорваны на части; мѣшки съ ефимками высыпаны на полъ, серебряная посуда выброшена изъ оконъ на улицу; жемчугъ выносили въ шапкахъ и за ничто продавали. Грабители дерзнули даже прикоснуться и къ святымъ образамъ и сняли съ нихъ богатые ризы; известно, что въ старину сіи драгоценныя оклады составляли въ домахъ главное украшеніе и сокровище. Въ день свадьбы Морозова Государь подарилъ ему великолѣпный берлинъ, окованный серебромъ и внутри обитый золотомъ парчею съ собольею опушкою: народъ изломалъ его. Глубокій недостатокъ Боярскій, по словамъ одного иностраннаго Писателя, обратился въ колодезь: Нѣмецкія и Французскія вина лились изъ разбитыхъ бочекъ.

Матерьяки, опустошивъ домъ перваго Боярина, раздѣлились на многія толпы: однѣ пошли къ Думному Дьяку Чистову, ненавистному въ столицѣ за селянскій откупъ; другіе къ Плещееву, Траханиотову, въ лѣвотныхъ друзьямъ ихъ и помощникамъ; Близьямъ Никитѣ Одоевскому; и Алыеву. Грабленіе въ домахъ ихъ продолжалось до всю ночь;

до самого утра. Плещеевъ и шуринъ его спаслись бѣгствомъ; но Чистовъ, за нѣсколько дней передъ тѣмъ упавъ съ лошади, лежалъ больной на постелѣ. Слыша о бунтѣ и зная народную къ себѣ ненависть, онъ спрятался: * невѣрный слуга указалъ его матежникамъ, которые тирански умертвили несчастнаго и бросили на дворѣ въ яму. Олсарій, зная лично сего Думнаго Дьяка, описываетъ его человѣкомъ суровымъ и корыстолюбивымъ; будучи при Дворѣ знатенъ и силенъ, онъ дѣлалъ великія неудовольствія Голштинскимъ. Послать за то, что они мало дарили его.

Правительство какъ будто бы испразно; въ сіе время, оставивъ столицу въ жертву, можетъ быть, горсти бунтовщиковъ: ибо конечно не весь народъ участвовалъ въ такихъ злодѣяніяхъ. Морозовъ, гордый въ щастіи, оказалъ всю малость души своей въ опасности; думалъ уже не совѣтовать Царю, а единственно спасать жизнь свою, какъ спасають ее люди недостойные власти. — то есть, бѣгствомъ. Кто родился управлять народомъ, тотъ предупреждаетъ опасность мудростію или отражаетъ ее великодушіемъ, или гибнетъ, держа твердо рукою жезлъ правленія... Юный Монархъ, поставленный своимъ главнымъ совѣтникомъ, изъвивлялъ нерѣшительность. Онъ велѣлъ только запереть Кремлевскія ворота, когда народъ разбѣжался по Китаю и Бѣлому городу.

* Подъ вѣтниками, говоритъ Олсарій.

На другой день мятежники снова двинусь на
большой площади и грозили довершить свое мще-
ние. Тогда Государь приказал собраться въ Крем-
ль войску иностранному. Нисколько съез Ним-
цовъ, под начальствомъ Офицеровъ своихъ, шли
вооруженные сквозь толпы народа, который из-
двизъ не любить ихъ и часто оскорблялъ грубыми
высказками; но тутъ оубъ свободно давъ имъ до-
рогу и чествовалъ ласково: добрые Нимцы не таро-
нть насъ, а мы впрядь будемъ жить оубъ мирно
и дружно. Для нихъ отворили Спасенія ворота: никто изъ
мятежниковъ не дерзнулъ идти въ Кремль за пи-
щи. Офицеры иностранные разставили караулы у
всехъ башенъ и вокругъ дворца, гдѣ собрались
върывъ Бояре; готовые умереть за Царя и отече-
ство. Знавшій между ими былъ Никита Плато-
новичъ Романовъ-Юрьевъ, Дворецкій Государя и
близкій его родственникъ, человекъ умный, но
беспечный; благодѣтель всѣхъ бѣдныхъ въ сто-
лицѣ, покровитель иностранцевъ и *любитъ об-
щаться*; которыми Патриархъ часто укорялъ его въ
бездѣлн, но дружелюби и ласково: ибо все знатное
и не знаетъ добли сего именинаго Боярина.
Царь, милосердивъ по своему характеру природно-
му, и оубъ лично автъ расхоуженный къ средствамъ
кроткимъ, избравъ его въ посредники между се-
бою и народомъ. Романовъ выхалъ верхомъ изъ
Кремля на площадь, снялъ съ головы высокую Бо-
ярскую шапку свою и показалъ, что хочетъ гово-

рить народу, * который, окруживъ его толпами, кричалъ: *здравствуй, отецъ нашъ!* Добродѣтельный Бояринъ съ чувствительностію изъявилъ гражданамъ, сколь прискорбно сердцу Государя, что они не удовольствовались его обѣщаніемъ разсмотрѣть ихъ жалобы, присвоили себѣ право наказывать виновныхъ и сами впали въ преступленіе; что Государь вторично даетъ имъ слово казнить всѣхъ народныхъ притѣснителей, но желаетъ, чтобы добрые граждане усмирились и покойно разошлись по домамъ своимъ.... Народъ отвѣтствовалъ, что онъ чувствуетъ милость Царскую, готовъ умереть за него, но не сойдетъ съ площади, пока истинные виновники мятежа: Морозовъ, Плещеевъ и Траханиотовъ, не будутъ ему выданы и наказаны... Никита Ивановичъ Романовъ изъявляетъ гражданамъ благодарность за ихъ усердіе къ Царю, увѣряя клятвенно, что Морозова и Траханиотова нѣтъ во дворцѣ, и что они бѣжали изъ города. Народъ требуетъ Плещеева. Бояринъ обѣщаетъ обо всемъ донести Государю, кланяется народу и ѣдетъ назадъ въ Кремль....

«Здѣсь Русскій Историкъ, съ умилненіемъ прославивъ добродушіе Монарха, замѣтитъ, что оно бы-

* Въ сей пьесѣ нѣтъ ни одной гермы, которая не была бы историческою въ строжайшемъ смыслѣ. Авторъ отъ слова до слова повторяетъ здѣсь извѣстіе чужестранцевъ, бывшихъ очевидными свидѣтелями происшествія.

до уже несогласно съ государственнымъ благомъ, которое въ такихъ несчастныхъ обстоятельствахъ утверждается богѣ непоколебимымъ мужествомъ власти, нежели ея снисхожденіемъ. Народъ слѣпъ и безразсуденъ: рѣшительностію Правителю оный долженъ быть самъ отъ себя спасаемъ.

Вмѣсто того, чтобы въ грозномъ ополченіи выслать изъ Кремля Стрѣльцовъ и роты иностранныя, съ повелѣніемъ разсѣять мятежниковъ, если они не захотятъ усмириться и добровольно исполнить воли Монаршей, Царь приказалъ имъ объявить, что Леонтій Плещеевъ долженъ быть немедленно казненъ въ глазахъ народа, и *другіе* также, если они будутъ пойманы... Черезъ нѣсколько минутъ въ самомъ дѣлѣ отворились Кремлевскія ворота, и народъ увидѣлъ сего несчастнаго: палачъ велѣлъ его; судья уголовный держалъ въ рукѣ приговоръ къ смерти. Мятежники не дали совершиться законному обряду казни, и съ лютою растерзали человѣка, нѣкогда для нихъ страшнаго.... Въ то же время Государь отпраздновалъ Князя Семена Пожарскаго въ слѣдъ за Траханиотовымъ; его догнали близъ монастыря Троицкаго, заключили на нѣсколько часовъ въ темницѣ Земскаго Двора и казнили на площади 25 Іюня. — Сія двѣ жертвы усмирили народъ. Ему извѣстно было, что Морозовъ дѣйствительно искалъ спасенія въ бѣгствѣ: ибо ямщики видѣли его за валомъ. — и хотѣли схватить; но онъ ускакалъ отъ нихъ, возвратился въ городъ и тихонько пробрался во дворецъ, какъ въ самое безопаснѣйшее для себя мѣсто. Мнѣ

тежники, полагая, что сего Боярина нѣтъ въ столицѣ, удовольствовались общаніемъ Царя наказать его, когда онъ будетъ сысканъ. Изъяввъ Государю благодарность за Его правосудіе, они разошлись по домамъ, и Москва отдохнула, бывъ три дни жертвою мятежа и страха....

Сіе спокойствіе скоро нарушилось бѣдствіемъ ниаго роду. Въ 10 часовъ утра возстановилась тишина въ городѣ: въ три часа вечера сдѣлался страшный пожаръ на Дмитровкѣ и на Тверской, который обратилъ въ пепелъ всѣ дома, бывшіе за бѣлою стѣною до самой Неглипной; перешелъ даже за сію рѣку и грозилъ опять пламенемъ главный питательный домъ казенный, гдѣ стояло множество бочекъ съ виномъ... Кятай-городъ и самый дворецъ Государевъ былъ въ опасности. вмѣсто того чтобы гасить огонь, чернь съ жадностію бросилась въ казенные погреба; пьяные безъ чувствъ вадали на улицахъ и задыхались отъ дыма. Олеарій, описывая пожаръ, рассказываетъ случай невѣроятный. Въ 11 часовъ сей бѣдственной ночи, говорятъ онъ, нѣсколько иностранцевъ стояло на улицѣ и съ ужасомъ смотрѣло на быстрое теченіе пламени. Вдругъ видятъ они монаха, который съ великимъ усиліемъ тащитъ за собою мертвое тѣло; и говоритъ имъ: *помогите мнѣ бросить свое въ огонь; это остатки злодѣя Плещеева; ничьимъ другомъ нельзя остиновать пожара.* Иностранцы не хотѣли сдѣлать того; но мальчики, тутъ бывшіе, схватили трупъ и бросили въ огонь,

который въ самомъ дѣлѣ, къ удивленію ихъ, началъ гаснуть...

Черезъ нѣсколько дней послѣ того Царь угодилъ въ Кремль всю свою гвардію. * Милославскій, спасенный отъ народной злобы достоинствомъ Царскаго тестя, началъ также давать обѣды знаменитѣйшимъ изъ купцовъ и гражданъ, помогать бѣднымъ, ласкать народъ и снискивать любовь его. Патриархъ велѣлъ Священникамъ утверждать прихожанъ въ тишинѣ, миролюбіи и повиновеніи властямъ законнымъ. Мѣсто Пешкова и Траханиотова заняли чиновники достойные, известные столицѣ по ихъ любви къ справедливости. Всѣ признаки волненія исчезли, и жители Московскіе снова обратились къ мирной дѣятельности гражданской. Бояре ѣздили по улицамъ, и народъ изъявлялъ обыкновенное къ нимъ уваженіе.

Тогда столица увидѣла зрѣлище великое и рѣдкое въ лѣтописяхъ міра — зрѣлище, которое описаніе останется навѣки трогательнымъ въ нашей Исторіи для всѣхъ сердець истинно-Русскихъ привязанныхъ къ добрымъ своимъ Монархамъ.

Объявили народу, что Государь желаетъ говорить съ нимъ. Послѣ обѣдни — день былъ праздничный — Царь Алексѣй Михайловичъ выѣхавъ изъ Кремля, сошелъ съ лошади и сталъ на возвышенномъ мѣстѣ **... Граждане со всѣхъ сторонъ

* То есть, Стрѣльцовъ.

** Олеарій называетъ сіе мѣсто *театромъ*.

тѣспились къ Нему, громогласно изъявляя усердіе къ священной особѣ Монарха. Подлѣ Него стоялъ добрый и любимый Бояринъ Никита Ивановичъ Романовъ - Юрьевъ. Государь съ Ангельскою кротостію сказалъ купечеству и гражданству, что «Ему горестно было свѣдать все претерпѣнное ими отъ злыхъ чиновниковъ; что сіи недостойные заслужили казнь, употребляя во зло священную власть закона, которая перешла наконецъ въ руки чистыя и непорочныя; что Бояре добросовѣстные, заступившіе мѣсто Плещеева и Траханиотова, будутъ править и судить по уставу челоуколюбія и справедливости; что самъ Онъ, не смотря на общую довѣренность къ симъ почтеннымъ людямъ, будетъ неусыпнымъ окомъ смотрѣть за всеми частями правленія; что особенныя привилегіи и монополіи немедленно уничтожатся; что прежняя цѣна соли восстанавливается; что выгода и благоденствіе гражданъ составятъ единственный предметъ Его попеченій, и что Онъ всеми дѣлами Своего царствованія желаетъ приобрести имя Ему любезное: имя отца народнаго».... Граждане низко поклонились Царю, благодаря Его за милость и желая Ему здравія и долголѣтія, по обычаю Русскихъ.... Тутъ великодушный Царь обратилъ рѣчь на Бориса Ивановича Морозова, и сказалъ, «что не находя его совершенно правымъ, не находить и во всемъ виноватымъ, и не требуя еще въ Свое царствованіе никакой жертвы отъ гражданъ, надѣется, что они вспомнятъ первую просьбу Его и простятъ сего Боярина, — ко-

торый — за что Онъ ручается — заслужить впродъ любовь и дружбу ихъ; что если они не хотятъ видѣть Морозова въ Синклитѣ, то Онъ исключить его изъ сего Верховнаго Совѣта, желая только, чтобы народъ не требовалъ головы человѣка, который былъ Ему вторымъ отцомъ и наставникомъ».... Глаза чувствительнаго Монарха наполнились слезами: онѣ составили неизъяснимо трогательное заключеніе Его рѣчи — и самыя тѣ, которые не давно еще свирѣпствовали какъ жестоыіе мятежники въ столицѣ, были поражены: смъ зрѣлишемъ: упали на колѣна, цѣловали одежду Царя, ноги Его, и восклицали единогласно: *да будетъ, что угодно Богу и Тебѣ, Государю! Мы всрдыти твои!*... Сердечное удовольствіе изобразилось на лицѣ Монарха, до сей минуты печальнаго. Онъ изъяснилъ народу Свою признательность; увѣщевалъ его быть кроткимъ и послушнымъ, увѣряя, что не забудетъ никогда Своихъ Царскихъ обѣщаній и вѣрно исполнитъ ихъ... Съ сими словами Государь сѣлъ на коня и со всею свитою Бояръ и царедворцевъ возвратился въ Кремль....

Такое дѣйствіе Монарха, внушенное ему чувствительнымъ сердцемъ, безъ сомнѣнія восхитительно. Дерзну сказать, что сія минута была едва ли не самую прекраснѣйшую изъ тридцати-двудлѣтняго царствованія Алексѣя Михайловича — минута, въ которую Онъ столь разительно доказалъ нѣжную дружбу Свою къ воспитателю, и священное уваженіе *даннаго слова*: ибо Ему легко было и другими средствами спасти Морозова. Одна

пылка, юная душа могла такъ отважно поручить народу свое драгоценное спокойствіе! Жить единственно для счастья подданныхъ, быть истиннымъ отцемъ народнымъ — сіи обѣты, подтвержденные Царемъ въ минуту живѣйшаго чувства признательности, были конечно искренны и начертаны во глубинѣ Его сердца!... мысль плѣнительная!... Но для чего великая наука управлять государствами не есть одно съ прекрасными движеніями чувствительности?... Историкъ строгимъ сапомъ своимъ обязанъ казаться иногда жестокосердымъ, и долженъ осуждать то, что ему какъ человѣку любезно, но что бываетъ вреднымъ въ правленіи, ибо люди не Ангелы! Отирая сладкія слезы свои, онъ скажетъ, что здравая Политика, основанная на опытахъ и знаніи человѣчества, предписывала Царю Алексѣю Михайловичу совѣмъ иные средства утушить мятежъ. Мудрая верховная власть можетъ быть снисходительною, но никогда не требуетъ снисхожденія; она прощаетъ, но не проситъ — и благодарность должна быть чувствомъ подданныхъ, а не Монарха.

Черезъ нѣсколько дней послѣ того * Государь отправился въ монастырь Троицкій. Борисъ Ива-

* Въ *Летописи о мятежахъ* сказано, что народный бунтъ начался 2 Іюня; но число, въ сей означенное, можетъ быть опискою. Олеарій, рассказывая достоверно подробности, именно говоритъ, что Царь, послѣ крестнаго хода, возвращался тогда изъ Срѣтенскаго

новичъ Морозовъ, который около двухъ недѣль скрывался во дворцѣ, въ первый разъ явился тогда глазамъ народа Московскаго: вѣхалъ верхомъ подлѣ Царя, своего спасителя, и на обѣ стороны низко кланялся гражданамъ. Съ сего времени онъ сдѣлался первымъ народнымъ благотворителемъ, и кто вручалъ ему свою челобитную, тотъ могъ вѣрно ожидать успѣха, если дѣло его было право. Подобно Боярину Никитѣ Ивановичу Романову, Морозовъ объявилъ себя также и покровителемъ иностранцевъ.

монастыря; а крестный ходъ въ сей монастырь бываетъ 23 числа Юня. — Г. Голяковъ, положивъ на Ядро Россійской Исторіи, говорить, что Царь Алексій Михайловичъ наказалъ смертію многихъ мятежниковъ: это послѣдъ гласно ни съ другими вѣрнѣйшими извѣстіями, ни онъ разумомъ, ни съ характеромъ Царя. Могъ ли онъ въ угодность имъ казнить Плещева, Траханиотова, — просить гражданъ, чтобы они не требовали головы Морозова, и въ то же время казнить ихъ самихъ! Авторы Русскихъ записокъ мнимоусердною ложью своею часто оскорбляютъ память добрыхъ Государей! такъ и Плинь и Хилковъ, или, лучше сказать, Переволочинъ и Го Миссиа, сочинитель Ядра Россійской Исторіи: онъ боялся унижить Алексія Михайловича излишнимъ милосердіемъ, и для того вздумалъ изобразить вѣроломнымъ Царя великодушнаго и добродѣтельнаго, который не хотѣлъ нарушить и слова, даннаго его именемъ злобному Разипу! Впрочемъ въ нѣкоторыхъ историческихъ запискахъ первый мятежъ столицы не отличенъ отъ второго, бывшаго также въ царствованіе сего Монарха.

О ТАЙНОЙ КАНЦЕЛЯРИИ.

Левекъ говоритъ что Царь Алексѣй Михайловичъ учредилъ Тайную Канцелярію, и, какъ легкій Французской Авторъ, прибавляетъ: «жаль! онъ былъ впрочемъ хорошій Государь!» Мы знаемъ, какъ по большей части Французы пишутъ Исторію, и не удивляемся. Гораздо важнѣе то, что Г. Шлецеръ, бывшій нѣсколько лѣтъ Профессоромъ Русской Исторіи въ нашей Академіи — (Иностраннѣйшій Профессоръ Русской Исторіи!!) — шутилъ надъ Левекомъ, и называя его не *Историкомъ*, а *граверомъ-Левекомъ*, также приписываетъ учрежденіе Тайной Канцеляріи Алексѣю Михайловичу. «Ужасъ ея, говоритъ онъ, такъ поразилъ умы, что перо выпало изъ рукъ лѣтописцевъ, и всѣ лѣтописи перервались въ царствованіе сего Государя.» Это, на примѣръ, очень любопытно, если справедливо; но могли ли Г. Шлецеръ, ученый Критикъ и страстный любитель нашей Исторіи, не усомниться въ истинѣ такого случая? Если и словесная критика возможна въ Исторіи, философская еще важнѣе. Какъ! Царь Алексѣй Михайловичъ, доброй и челоуѣколюбивой, основалъ страшное судилище? и для чего? какія чрезвычай-

иностранцы всегда любил изображать яркими красками. Самое преданіе сохранило бы для потомства память начальныхъ ужасовъ тайнаго суднища; если бы они и въ самомъ дѣлѣ заставили молчать гѣтописцевъ. Но можно доказать, что царствование Михаила Ѳеодоровича и Алексея Михайловича было, напротивъ того, двѣтушимъ временемъ Русскихъ гѣтописей, перерванныхъ несчастіями Россіи, если имѣемъ описаніе временъ Годунова, Дмитрія Самозванца, Шуйскаго и славныхъ патриотическихъ дѣлъ междоцарствій, по малу объяны тѣмъ спокойному вѣку великихъ Романовыхъ.

на предразсудкѣ: во Франціи они ищутъ легкомысленныхъ, въ Итали злобныхъ и мстительныхъ, въ Испаніи лѣнивыхъ, въ Англии чудаковъ, въ Германіи педантовъ, а въ Россіи варваровъ. Случаи и характеры, которые не согласны съ общими предразсудкомъ о народѣ, остаются неуваженными. Гораздо легче твердить за другими, нежели наблюдать и мыслить. Люди, которые даже славятся умомъ, сводятъ въ Европѣ, не рѣдко судятъ таковы образомъ о народахъ, и Виандажъ сказалъ въ Парламентѣ, что Русскіе варвары; что солдаты наши разбойники, грабители! Сей Ораторъ, Донъ-Кихотъ повторилъ слова своего дѣлашки, не заботясь о томъ, справедлива ли она въ наше время; иначе, узнавъ, что въ Итали, Швейцаріи и Нѣмецкой землѣ говорятъ о дисциплинѣ Англійскихъ и Русскихъ солдатъ, онъ напелся бы принужденнымъ называть варварами первыхъ. Какъ люди, такъ и народы должны презирать клевету. Устыдить можно единственно тѣхъ, которые имѣютъ стыдъ; а клеветники, по счастью, не знаютъ его въ глаза.

Добрые монахи, которые въ нашествіе Поляковъ служили для Русскихъ не только примѣромъ любви къ отечеству и къ Вѣрѣ, но и примѣромъ храбрости, могли тогда снова обратиться къ мирнымъ упражненіямъ благочестивой жизни и къ похвальной охотѣ своей быть Историками отечества. Смѣло требую свидѣтельства, всѣхъ знакомыхъ съ манускриптами нашихъ монастырскихъ библиотекъ: на многихъ историческихъ рукописяхъ именно означено время ихъ сочиненія, и сія время есть — царствованіе Михаила и великодушнаго Сына Его. Я самъ имѣю одну лѣтопись, тогда писанную и доведенную до начала Польской войны при Алексѣѣ Михайловичѣ: въ концѣ Ея поставленъ 1664 годъ. Гдѣ же страхъ, произведенный Тайною Канцелярією? Гдѣ онѣмъніе лѣтописцевъ? спрашиваемъ у Г. Шлецера; но онъ развертываетъ первый томъ Татищева, показываетъ намъ страницу 59 — и мы оставляемъ въ покоѣ сего ученаго иностранца, достойнаго нашей искренней благодарности за то, что онъ во многихъ случаяхъ умною своею критикою способствуетъ основательности Исторіи Русской.

Такъ Г. Татищевъ ввелъ въ заблужденіе и Левака и Шлецера; онъ именно говоритъ, что Царь Алексѣй Михайловичъ, основавъ Тайную Канцелярію, устрасилъ лѣтописцевъ и заставилъ ихъ безмолвствовать. «Могъ ли грубо ошибиться нашъ умной, трудолюбивый Историкъ?», скажутъ нѣкоторые: «онъ конечно писалъ то, что зналъ, и что въ самомъ дѣлѣ было.» Вы несовсѣмъ оиде-

баются, милостивые государи: *Тайная Канцелярія* точно была при Алексѣѣ Михайловичѣ. . . . «Самодержавно Татищевъ правъ?» Нѣтъ! *тайная* значила *домашняя* или *приватная*:* въ сію канцелярію входили экономическія дѣла Государевы; подъ ея вѣдѣніемъ находились нѣкоторыя село и деревни, которыя онъ считалъ собственными: на примѣръ, село Алексѣевское, Тайнинское; и когда Царь хотѣлъ изъяснить свое отмѣнное благоволеніе къ какому нибудь монастырю, Онъ подчинилъ его Тайной Канцеляріи: на примѣръ, Савинскій, котораго всѣ расходы и счета въ ней повѣрялись.** Дѣлякъ или Секретарь управлялъ ею, всюду ѣзжалъ съ Государемъ и писалъ *личные* Царскіе указы. Однимъ словомъ, Она была Кабинетомъ и никогда не занималась наказаніемъ государственныхъ преступниковъ. Имя *тайной* обмануло Татищева: онъ вообразилъ то гибельное судилище, которое прославилось къ несчастію, въ повѣйшія времена; а находя, что многія лѣтописи идутъ не далѣе кончины Михаила Θεодоровича, заключилъ, что монахи не смѣли писать ихъ при Его сынѣ, и догадку свою выдалъ за историческую истину, вмѣстѣ съ лѣтописью Юакима и многими любопытными анекдотами, которыхъ источника мы никогда не узнаемъ.

* *Chancellerie privée*. По Русски называемъ мы и *Conseiller privé* Тайнымъ Слѣдственникомъ.

** Вамъ скажутъ объ этомъ, и въ Архивѣ Иностранныхъ Дѣлъ и въ Савинскомъ монастырѣ.

Лѣтописцы наши не Тациты: не судили Государей; рассказывали не всё дѣла ихъ, а только блестящія — воинскіе успѣхи, знаки набожности, и проч. *Левъ не раздѣвалъ челюстей за такими Историкама*, и самъ ужасный Царь Иванъ Васильевичъ могъ съ удовольствіемъ читать описаніе своихъ побѣдъ, путешествій къ Троицѣ и въ другіе монастыри. Только славной Бояринъ Курбскій не утѣшилъ бы его своими запсками: за то сей достойной мужъ убрался въ Польшу, чтобы оставить намъ *вѣрное*, но едва *вѣроятное* изображеніе Государя своего. — Однакожь мы обязаны вѣчною благодарностію добрымъ монахамъ за Русскія лѣтописи: Безъ ихъ труда исчезла бы и память старей Руси; они сохранили по крайней мѣрѣ нить случаевъ — и когда время Петра Великаго и строгаго, взятій Имъ мѣры противъ монаховъ отдала у нихъ не только охоту, но и самую возможность продолжать лѣтописи, Исторія наша не обогатилась лучшими собраніями матеріаловъ. Кто у насъ думалъ заготовлять ихъ для описанія временъ Екатерины I, Петра II, Анны, Елисаветы? Правда, есть Архивъ Иностранныхъ Дѣлъ; но собранія трактатовъ и дипломатическихъ бумагъ не довольно для Историка. Надобно будетъ читать иностранцевъ; а какъ вѣрно описываютъ они случаи и людей, мы знаемъ по ихъ извѣстіямъ о нашихъ временахъ! Надобно будетъ обратиться къ преданіямъ: но скоро исчезнетъ слѣдъ ихъ. Гдѣ старцы, которые еще недавно говаривали со слезами о Петрѣ Великомъ? Не много уже и такихъ, кото-

рые говорят о правленіи Анны, о несчастіи Долгорукихъ, о лютостяхъ Бироиа, о весельяхъ Двора Елисаветы — и кто ихъ слушаетъ со вниманіемъ? У насъ заняты громы такими важными дѣлами!!

Обратимся къ Тайной Канцеляріи. Желаете ли видѣть ея дѣла? Поѣдте въ село Преображенское, которое надлѣгаетъ Москву хорошею подою — тамъ, среди огородовъ, укажутъ вамъ развалины небольшого каменнаго зданія: тамъ Великій Императоръ, преобразуя отечество, и на всякомъ шагу встрѣчая неблагодарныхъ, злымы умыслы и заговоры, долженъ былъ для своей и государственной безопасности основать сіе ужасное судище... Такъ, Петръ Великій былъ его учредителемъ; но Исторія не дерзнетъ обличать славнаго Монарха: жестокія обстоятельства заставили Его прибѣгнуть къ жестокому средству. Я видѣлъ глубокія ямы, гдѣ сидѣли несчастные, видѣлъ желѣзныя рѣшетки въ маленькихъ окнахъ, сквозь которыя проходилъ свѣтъ и воздухъ для сихъ государственныхъ преступниковъ. Воспоминаніе конечно горестное; но въ ту же минуту вы произнесите имя Александра, и сердце ваше отдыхаетъ!

Я чувствую великія дѣла Петровы, и думаю: «шастливы предки ваши, которые были ихъ свидѣтелями!» однакожь — не завидую ихъ счастью! Гораздо веселѣе жить въ то время, когда въ Преображенскомъ проливаютъ землю не кровью, а водою для произведенія овощей и салата!

Естьли бы кто нибудь въ царствованіе Александра могъ быть еще недоволенъ — (но мы для одной риторической фигуры предполагаемъ сію возможность) — то я желаю бы въ лѣтній вечеръ сводить его въ Преображенское!

1803 г.

1803 г.

[Faint, mostly illegible text, possibly bleed-through from the reverse side of the page]

ЗАПИСКА

0

МОСКОВСКИХЪ ДОСТОПАМЯТНОСТЯХЪ. *

Писано въ 1817 году для нѣкоторой Особы, вхавшей въ Москву.

Мы знаемъ по несомнительнымъ историческимъ свидѣтельствамъ, въ 1147 году Москва уже существовала: ибо въ семь году, Марта 28, Князь Суздальскій, Юрій или Георгій Долгорукій, роскошно угощалъ въ ней друга и союзника своего, Князя Святослава Ольговича Сѣверскаго. *Вѣроятно*, что Князь Юрій былъ ея первымъ основателемъ. Она прежде называлась *Кучковымъ*: ибо тамъ жилъ, какъ рассказываютъ, богатый Дворянинъ Степанъ Ивановичъ *Кучко*, имѣя домъ на Чистыхъ Прудахъ. Мѣсто нынѣшняго Кремля было покрыто густымъ лѣсомъ, гдѣ въ маленькой хижинѣ оби-

* Авторъ согласился напечатать здѣсь эту записку единственно для того, что она, безъ его вѣдома, была напечатана въ Украинскомъ Вѣстникѣ съ ошибками.

талъ пустынный *Букаль*: тамъ стоитъ нынѣ церковь *Спаса на Бору*.

Въ 1238 году Татарскій Наполеонъ, Батый, сжегъ Москву. Сынъ Александра Невского, Данилъ, былъ ея первымъ знаменитымъ Княземъ, а сынъ Даниловъ, Юаннъ Калита, первымъ Великимъ Княземъ (въ 1328 году). Въ то время Св. Митрополитъ Петръ, оставивъ древнюю столицу Великаго Княженія, Владиміръ, переѣхалъ въ Москву и тѣмъ способствовалъ ея возвышенію.

До самаго XVI вѣка одинъ Кремль, обнесенный каменною стѣною въ Княженіе Дмитрія Донскаго (въ 1367 году), былъ *городомъ*, а прочія части Москвы назывались *Посадамъ*, *Загородьемъ*, *Зарѣчьемъ*.

Нынѣшняя *Срътенка* въ XIV вѣкѣ была еще внѣ Москвы и называлась *Кучковымъ Полемъ*: тамъ при Донскомъ казнили государственныхъ преступниковъ; тамъ въ 1395 году, во время нашествія Тамерлана, Духовенство и народъ Московскій встрѣтили Владимірскій образъ Богоматери; тамъ, въ память чудеснаго спасенія Москвы, Великій Князь Василій Димитріевичъ соорудилъ церковь и монастырь *Срътенскій*. Въ Лѣтописяхъ XV вѣка упоминается объ *Арбатѣ*, *Неглинной*, *Подолѣ*, то есть, нижней части города, между Кремлемъ и Москвою-рѣкою. Въ началѣ XVI столѣтія уже были улицы *Рождественка*, *Мясницкая*, *Варварская*, *Покровская*, *Тверская*, составляя *Большой Посадъ*. Такъ называемая *Великая улица* шла берегомъ Москвы-рѣки, мимо Кремля, къ

нынѣшнему Воспитательному Дому. Въ 1535 году заложенъ *Китай-городъ*, матерью Царя Іоанна Васильевича, а *Бѣлый* въ 1586 году. При Василии, отцѣ Іоанна Грознаго, считалось въ Москвѣ до сорока тысячъ домовъ, естли вѣрить Герберштейну; церковей же при Царѣ Михаилѣ Теодоровичѣ около двухъ тысячъ (нынѣ же ихъ менѣе трехъ сотъ).

Кремль нынѣшній есть памятникъ XV вѣка или Іоанна Васильевича I, который призвалъ въ Россію многихъ Италіянскихъ Архитекторовъ славнаго вѣка Медицисовъ. Стѣны и башни воздвигнуты сими художниками отъ 1485 до 1492 году. *Грановитая Палата* основана въ 1491 году Маркомъ Фрязиномъ и Петромъ Антоциемъ. Дворецъ старый или *теремный* заложенъ въ 1499 году Миланскимъ Архитекторомъ Алсвизомъ.

Соборъ Успенскій, освященный въ 1479 году, построенъ славнымъ *Аристотелемъ*, извѣстнымъ въ Италіи подъ именемъ *Фіоравенти*. Тамъ надобно видѣть: 1) ризу Спасителю, привезенную въ Москву при Царѣ Михаилѣ Теодоровичѣ изъ Персіи; 2) Владимірскій образъ Богоматери, знаменитѣйшій въ Россіи, Палладіумъ Суздальскаго Великаго княженія, принесенный во XII вѣкѣ Андреемъ Боголюбскимъ изъ Вышегорода въ Владиміръ, а сыномъ Донскаго въ Москву (см. выше); 3) гробы древнихъ Московскихъ Святителей, Митрополитовъ и Патріарховъ; 4) ризницу, въ коей много и богатаго и любопытнаго.

Нынѣшніе Соборы Архангельскій и Благовѣщенскій также основаны при Великому Князѣ

Іоаннъ Васильевичъ. Въ Архангельскомъ лежатъ
всѣ наши Государи, отъ Калиты до Царя Іоанна
Алексіевича. Вотъ святилище Исторіи Россійской!
Сіи безмолвные гробы краснорѣчивы для того,
кто, смотря на нихъ, воспоминаетъ преданія Мос-
ковскихъ лѣтописей отъ XIV до XVIII столѣтія.
Тамъ искалъ я вдохновенія, чтобы живо изобрази-
тъ Донскаго и двухъ Іоанновъ Васильевичей.
Древнѣйшій гробъ заключаетъ въ себѣ прахъ Ка-
литы, основателя Московской или нынѣшней Рос-
сійской Державы... Тутъ знаменитые Романовы:
Михаилъ, Алексій, Теодоръ; тутъ Св. младенецъ
Димитрій, тѣнь коего въ видѣ Самозванца низ-
вергла умнаго, во многихъ отношеніяхъ Великаго
Царя Бориса Годунова, ознаменованнаго печатію
тайнаго злодѣйства (онъ лежитъ уединенно въ
Троицкой Обители). Тутъ же погребенъ и юный
Царь Казанскій, Александръ, сынъ знаменитой не-
щастіемъ Сіюнбеки.

Соборъ Благовѣщенскій достопамятенъ тѣмъ,
что его Протоіерей, отъ временъ Іоанна Грознаго
до нашихъ, бывали обыкновенно Духовниками Го-
сударей. Сей Соборъ вмѣстѣ съ Успенскимъ зави-
ситъ единственно отъ Синода.

Самая древнѣйшая церковь въ Москвѣ есть
Кремлевскій Соборъ Преображенія или *Спасъ на
Бору*: она создана Іоанномъ Калитою въ 1328
году. Тамъ мощи Св. Стефана Перискаго, мужа
добродѣтельнаго, обратившаго Пермяковъ въ Вѣру
Христіанскую при Димитріи Донскомъ.

Спасъ за золотую рѣшеткою, возобновленный

ри Императрицѣ Аннѣ, основанъ въ XVII вѣкѣ. Тамъ любопытны сосуды церковныя съ рѣзными надписями.

На мѣстѣ цыцѣшней Кремлевской церкви *Никола Гостунскаго* * было нѣкогда Ординское подворье, гдѣ жилали чиновники Хановъ, надсматривая за Великими Князьями. Супруга В. Кн. Иоанна Васильевича, Греческая Царевна Софія, не хотѣла терпѣть сихъ опасныхъ лазутчиковъ въ Кремль, послала дары къ женѣ Ханской (около 1477 года) и писала къ ней, что она (Софія), имѣвъ какое-то видѣніе, желаетъ создать церковь на Ординскомъ подворьѣ, проситъ его себѣ и даетъ вмѣсто онаго другое. Царица, жена Ханова, согласилась: домъ разломали, и Татары, выѣхавъ изъ него, остались безъ пристанища; ихъ уже не впустили въ Кремль. На развалинахъ подворья выстроили деревянную церковь *Николая Лыянаго*, а при Князѣ Василіи Иоанновичѣ, каменную *Никола Гостунскаго*.

Колокольня *Иванъ Великій* есть памятникъ Царя Годунова и страшнаго голода, бывшаго тогда въ Россіи (около 1600 г.). Бѣднымъ людямъ выдавали хлѣбъ и деньги съ тѣмъ, чтобы они помогали каменщикамъ въ строеніи. Пишутъ гдѣ-то, что Архитекторомъ былъ Нѣмецъ *Иоаннъ Вильке*, и что отъ его имени названа колокольня *Иваномъ Великимъ*. Это несправедливо: сіе имя дано ей отъ церкви Св. Иоанна, находящейся подъ оною. Тамъ 33

* Она уже сломана.

колокола. Въ числѣ ихъ долженъ быть и славный Новогородскій *Вльчевый*. Огромнѣйшій въ свѣтѣ колоколь, вылитый при Императрицѣ Аннѣ, вѣсомъ въ 12 тысячъ пудъ, лежитъ въ ямѣ. Увѣряли, что онъ висѣлъ на башнѣ, упалъ во время пожара 1735 года и расшибся: это басня. Его лили въ сей ямѣ, повредили отъ неискусства и такъ оставили.

Чудовъ Монастырь, гдѣ со временъ Елисаветы Петровны находится Каедрa Московскихъ Архіепископовъ, основанъ Св. Алексіемъ Митрополитомъ при Димитріи Донскомъ. Сей добродѣтельный Святитель умѣлъ своимъ ходатайствомъ въ Ордѣ смирять Хановъ для блага угѣсненной Россіи. Тамъ мощи его. Тамъ погребены и многіе Вельможи прошедшихъ вѣковъ: *Философъ* Іеромонахъ Епифаній, именованный въ надписи мудрѣйшимъ толкователемъ Св. Писанія, и Тимошей Юродивый, который 28 лѣтъ юродствовалъ въ домѣ у Царицы Параскевы Теодоровны, супруги Іоанна Алексіевича, отца Императрицы Анны. Тамъ лежитъ и послѣдній Царь Казанскій Симеонъ. Сей Царь былъ умный человекъ. Видя на Кремлевской площади знатныхъ Лифляндскихъ плѣнниковъ, онъ сказалъ имъ: «Каковы Русскіе? «Вы, Нѣмцы, учили ихъ; а они и васъ и насъ проучили!»

Вознесенскій Дѣвичій Монастырь основанъ супругою Донскаго, Евдокією, славною отчѣвнымъ благочестіемъ. Тамъ гробница ея и почти всѣхъ Московскихъ Великихъ Княгинь, всѣхъ Царицъ

во XVIII вѣкѣ. Достопамятнѣйшія суть: 1) сама Елизавета; 2) Анна Грозная Софія, супруга Іоанна Васильевича; 3) Батина, мать Іоанна Грознаго, умная, хитрая и неслободѣтельная; 4) благодушная, милосердная Анастасія, его первая супруга, и 5) мать Петра Великаго, Наталья Кирилловна.

Домъ Патриаршій (нынѣ Синодальная или Крестовая Палата) построенъ Никономъ Патриархомъ въ 1655 году. Тамъ древняя Патриаршеская библиотека и ризница, достойныя особеннаго вниманія.

Изъ старинныхъ зданій Кремлевскихъ упомянемъ еще и Нотный Домъ дворца Царя Алексея Михайловича (здѣсь онъ забавлялся музыкою и театральными представленіями), онъ и нынѣмъ дворца или запасной въ сѣвѣннѣйшихъ зданіяхъ отъ временъ Петра Великаго до нашихъ дней суть: огромный Арсеналъ, дворецъ Елисаветы Петровны, Сенатъ, зала Оружейная и Мастерская Палата, куда вынесены древнѣйшія наши любопытныя древности, Марская палата, Мномахова, сосуды, доспѣхи, одежда древнихъ Государей и Витязей Россійскихъ. Чему есть особливое подробное описаніе, изданное Н. С. Валуевымъ, но сочиненное А. Ф. Малюковскимъ.

Въ Кремлевской Экспедиціи надобно видѣть слабую модель великолѣпнаго Баженовскаго дворца, заложенаго между Архангельскимъ Соборомъ и Москвою-рекою въ 1773 году, но скоро оставленаго по неудобности мѣста. Видимъ только за-
Соч. Карава. Т. I.

мысль прекрасный, и читаемъ надписи на камняхъ, на мѣди, недостойныя даже и бумаги. Вотъ одна:

Да процвѣтетъ Москва подобьемъ райска крпна:
Возобновляетъ Кремль и градъ Екатерина.

Это еще не самая худая. Планы знаменитаго Архитектора Баженова уподоблялись *Республикѣ Платоновой* или *Утопiи* Томаса Моруса: имъ можно удивляться единственно въ мысляхъ, а не на дѣлѣ.

Во многихъ мѣстахъ Кремля, въ землѣ, видны остатки кирпичныхъ сводовъ: это были погреба Князей и Бояръ, имѣвшихъ тамъ свои дома. Въ древнемъ Кремлѣ находились болѣе двадцати улицъ. Отъ дворца къ Москвѣ-рѣкѣ былъ подземельный ходъ или *Тайникъ*, на случай опасности.

Кремль есть мѣсто великихъ историческихъ воспоминанiй. Здѣсь, среди развалинъ порядка гражданскаго, возникла мысль спасительнаго Единодержавiя, какъ жизнь среди могилъ и тлѣнiя. Здѣсь, подъ звукомъ цѣпей Ханскихъ, воспылала ревность государственной независимости, изготовились средства побѣды и свободы. Здѣсь Донскiй развернулъ черное знамя Великокняжеское, чтобы итти на Мамаю. Здѣсь Юаннъ Васильевичъ растопталъ Басму, или образъ Хава. Здѣсь началось, утвердилось Самодержавiе, не для особенной пользы Самодержцевъ, но для блага народнаго. Отсюда священныя тѣни добродѣтельныхъ предковъ

изгнали Иоанна Грознаго, когда онъ измѣнилъ добродѣтели. Кремль былъ душенью для тирана!... Въ Спасскія ворота въѣхалъ на конѣ Василій Шуйскій, держа въ одной рукѣ Св. крестъ, а въ другой мечъ обнаженный, чтобы свергнуть Лжедмитрія. Показываютъ мѣсто, гдѣ лежалъ Самозванецъ, выскочивъ изъ окна заднихъ переходовъ дворца. На паперти храма Успенскаго нововѣнчанный, юный Царь Михаилъ лилъ горькія слезы, когда Россіяне лобызали ноги его, также со слезами, но радостными.

Сія священная ограда бывала и театромъ ужасовъ: тутъ кипѣли волны буйствъ Стрѣлецкихъ; тутъ издыхалъ на копьяхъ знаменитый Матвѣевъ! Мысленно видимъ улыбку торжествующей Софіи; видимъ десятилѣтняго Петра, уже Монарха взоромъ и гласомъ повелительнымъ. Сей великій Государь, прославивъ Россію, отнялъ у Кремля славу быть всегдашнимъ жилищемъ Царей: но здѣсь пріемлютъ они вѣнецъ отъ Бога и Отечества; здѣсь, какъ въ средоточіи Россіи, отъ времени до времени являются передъ нами въ важныя, рѣшительныя эпохи своего Царствованія!... Такъ мы видѣли здѣсь Александра въ роковой, незабвенный годъ (1812), когда надлежало искутить великодушіе и твердость Россіянь! Здѣсь померкла блудящая звѣзда Наполеонова... Вотъ славнѣйшее изъ всѣхъ воспоминаній Кремлевскихъ для вѣковъ грядущихъ!

Осмотрѣвъ достопамятности Кремля, иноземные путешественники всегда съ живѣйшимъ лю-

бопытствомъ, съ искреннѣйшимъ удивленіемъ осматриваютъ Сиротскій Домъ, Институты, больницы. Говорить о сихъ прекрасныхъ, великолѣпныхъ заведеніяхъ человѣколюбія есть славить Августѣйшую ихъ Покровительницу, равно добродѣтельную и скромную....

Говоря о Москвѣ, забудетъ ли Исторіографъ то мѣсто, гдѣ собраны всѣ наши Государственныя Хартіи пяти вѣковъ, отъ XIII до XVIII? *Архивъ Коллегіи Иностранныхъ Дѣлъ* есть одинъ изъ богатѣйшихъ въ Европѣ. Его начальники, отъ незабвеннаго Миллера до А. Ѳ. Малиновскаго, съ величайшею ревностію, съ неописаннымъ трудомъ привели всѣ бумаги въ наилучшій порядокъ, коему удивлялся Императоръ Іосифъ, сказавъ: «Я прислалъ бы сюда нашихъ Вѣнскихъ Архивистовъ.» Тамъ любопытные читаютъ древнѣйшія грамоты Новгородскія и Московскія, Хартію Максимилианову, въ которой уже отецъ Іоанна Грознаго названъ *Императоромъ*, письма славной Англійской Королевы Елисаветы и проч. Тамъ же можно видѣть и портреты нашихъ первыхъ Царей.

Обратимся къ зданіямъ. Въ Китаѣ-городѣ (то есть, *среднемъ*, по смыслу сего имени на языкѣ Татарскомъ) представляется глазамъ нашимъ богатѣйшій, огромнѣйшій *Гостинный дворъ* въ Россіи. Онъ стоитъ на семь мѣстѣ уже пятый вѣкъ. Древнѣйшіе иноземные путешественники удивлялись тамъ богатству и дешевизнѣ Азіатскихъ товаровъ. Старыя имена нѣкоторыхъ рядовъ нынѣ уже непонятны, на прим: *Суровскаго, Москатиль-*

наго; первый названъ такъ отъ города *Сурожя*, или *Судака*, откуда шли въ Москву шелковыя ткани.

Близъ Спасскихъ воротъ замѣтимъ Готическую церковь *Василія Блаженнаго*. Она воздвигнута Иоанномъ Грознымъ въ память завоеванія Казанскаго Царства. Пишутъ, что Иоаннъ велѣлъ ослѣпить ея строителя, Италіянскаго художника, сказавъ: «хочу, чтобы эта церковь осталась единственнымъ славнымъ памятникомъ его искусства.» Къ счастью, это ложь. Тогда сей Царь назывался еще *Любимымъ*, а не *Грознымъ*.

Другая новѣйшая Готическая церковь *Успенія*, если не ошибаюсь, въ Бѣломъ городѣ, на Покровкѣ, также достойна замѣчанія: нашъ славный Зодчій Баженовъ хвалилъ соразмѣрность и красоту ея. Она построена на иждивеніе гостя *Сверчкова* въ концѣ XVIII вѣка. Въ надписи сказано: «се дѣло рукъ человѣческихъ!»

На Лубянкѣ у Никольскихъ воротъ церковь *Гребенскія Богоматери* основана Великимъ Княземъ Иоанномъ Васильевичемъ въ XV вѣкѣ, когда онъ шелъ усмирить Новгородъ.

Древнѣйшіе монастыри суть: 1) *Богоявленскій* (въ немъ не нашелъ я ничего достопамятнаго, кромѣ гробницъ Боярскихъ); 2) *Петровскій* (гдѣ погребены братья Царицы Наталіи Кирилловны, убитые мятежными Стрѣльцами); 3) *Симоновъ*, (близъ коего, на *Старомъ Симоновѣ*, находится древняя церковь Рождества, гдѣ лежитъ прахъ двухъ сподвижниковъ Донскаго, Инокъ *Пере-*

свѣта и Осляби, убитыхъ въ Куликовскомъ сраженіи); 4) Новоспасскій (гдѣ схоронена мать Царя Михаила Ѳеодоровича, Марѳа Іоанновна, четыре его брата и дочь, Царевна Ирина); 5) *Андроніевъ*, основанный Св. Алексіемъ Митрополитомъ, по обѣту, данному имъ на морѣ въ часъ ужасной бури; 6) Даннловъ, гдѣ мощи Св. Данила, перваго Кн. Московскаго; 7) Новодѣвичій, созданный Василиемъ, отцемъ Іоанна Грознаго, въ память завоеванія Смоленска (тамъ лежитъ: Анна, дочь Грознаго, три дочери Царя Алексія, Евдокія, Екатерина и Софія, столь знаменитая честолюбіемъ и нещастіемъ, умершая схимницею въ слезахъ, но безъ раскаянія, и Евдокія Ѳеодоровна Лопухина, бабка Петра II, въ санѣ Царицы лишенная чести супругомъ Петромъ Великимъ, и въ монашествѣ честимая какъ Царица юнымъ внукомъ своимъ); 8) Донскій, памятникъ Царя Ѳедора Іоанновича и побѣды одержанной надъ Крымцами (имя сей Обители происходитъ отъ Донскаго образа Богоматери, бывшаго съ Димитріемъ Іоанновичемъ въ Куликовской битвѣ). Не многіе изъ тѣхъ, которые провели большую часть жизни въ Москвѣ, смотрятъ равнодушно на Донской Монастырь: почти всѣ приближаются къ нему съ умиленіемъ и слезами: ибо тамъ главное кладбище Дворянства и богатаго купечества. Жить долго есть терять мильхъ. Такъ нѣкоторыя Эпитафіи младенцевъ сочинены мною.... Но гробы дѣтей моихъ не имѣютъ Эпитафій.

Монастыри *Законоспасскій* и *Греческій*, на Ни-

кольской улицѣ, основаны во время Царя Алексія: первый Бояриномъ Кн. Феодоромъ Фед. Волконскимъ. Главная церковь Греческаго монастыря построена бывшимъ Господаремъ Молдавскимъ Дмитриемъ Кантемиромъ. Законоспасское Училище, названное послѣ Академіею, заведено при Царѣ Феодорѣ Алексіевичѣ. Первые учителя были Греки. Сей достойный братъ Великаго Петра любилъ Просвѣщеніе: имъ построенъ и Печатный Дворъ (на Никольской улицѣ). Типографія же существовала въ Москвѣ еще со временъ Юанна Грознаго. Первая напечатанная въ ней книга была *Апостолъ*: его можно видѣть въ Библіотекѣ Типографской на семь дворѣ, равно какъ и многія другія, нынѣ уже рѣдкія книги. Подобіе Англійскаго герба, изображенное тамъ на воротахъ, заставило нѣкоторыхъ думать, что сей домъ былъ Англійскимъ подворьемъ.

Къ описанію Московскихъ достопамятностей, прибавимъ слѣдующее:

На Варварской улицѣ, гдѣ нынѣ Знаменскій мужескій Монастырь, былъ домъ знаменитой Фамиліи Романовыхъ.

Въ Китаѣ-городѣ, на старой Троицкой площади, гдѣ нынѣ Церковь Троицы на Поляхъ, было мѣсто нашихъ древнихъ *судебныхъ поединковъ*.

За Москвою рѣкою, гдѣ нынѣ Церковь *Спасъ* на *Болвановкѣ*, Великіе Князья Московскіе обыкновенно встрѣчали Пословъ Ханскихъ, которые при-

ѣжали съ *Басмою* (или съ рѣзнымъ изображеніемъ Хана).

Между Покровкою и Мясницкою, не далеко отъ Меншиковой башни, былъ домъ Боярина Матвѣева и церковь, гдѣ Царь Алексій увидѣлъ въ первый разъ дѣвицу Наталію Нарышкину, воспитанную у сего Боярина.

Высокую башню Московскую, называемую *Сухаревую*, строилъ въ 1695 году вѣрный Стрѣлецкій Полковникъ Сухаревъ. Тамъ, около 1700 года, было заведено первое Математическое училище, которое перенесено въ С. Петербургъ и названо Морскимъ Кадетскимъ Корпусомъ.

Иностранцы со временъ Великаго Князя Юанна начали селиться въ Москвѣ; жили прежде за Москвою-рѣкою и на берегу Яузы, а послѣ въ разныхъ частяхъ города. Царь Алексій снова переселилъ ихъ на берегъ Яузы въ нынѣшнюю Нѣмецкую Слободу. Старое кладбище иностранцевъ было въ Марьиной рошѣ: тамъ, какъ вѣроятно, лежитъ славный путешественникъ Тавернье, умершій въ Москвѣ, другъ Петра Великаго, Лесоръ, погребенъ въ Московской Протестантской церкви; но мы жъ сожалѣнію, не знаемъ его гроба.

Въ селѣ Преображенскомъ, которое даетъ Москвѣ лучшую воду, среди огородовъ нашелъ я то мѣсто, гдѣ гнѣздилась первая Тайная Канцелярія со всѣми своими ужасами. Воспоминаніе несчастнаго царствованія Петра! Какія времена! и въ сравненіи съ нашими! Да онѣмѣть языкъ, который не похвалитъ образованія!

Мы говорили о монастыряхъ: прибавимъ, что они большею частію стоятъ на прекрасныхъ мѣстахъ: Андроніевъ, Новоспасскій, Симоновъ, гдѣ я провелъ столько пріятныхъ лѣтнихъ вечеровъ, смотря на заходящее солнце съ высокаго берега Москвы-рѣки.

Въ самомъ городѣ безъ сомнѣнія лучшей видъ изъ Кремля, съ колокольни Ивана Великаго; но есть и другіе виды прелестные: на примѣръ, съ бывшаго мѣста Кн. Безбородка, въ Яузской Части.

Но ничто не можетъ сравняться съ Воробьевыми горами: тамъ извѣстная Г-жа Лебрюнь неподвижно стояла два часа, смотря на Москву, въ безмолвномъ восхищеніи. Дѣдъ, отецъ Іоанна Грознаго, живали на Воробьевыхъ горахъ, гдѣ былъ сельскій дворецъ и Екатерины II. Березовую рощу на сихъ горахъ сажалъ Петръ Великій.

Вообще Москва хвалится своими пріятными окрестностями: означимъ еще нѣкоторыя изъ ближнихъ и дальнихъ:

1) *Поклонная гора*, на Тульской дорогѣ. Вся Москва передъ глазами. Тутъ извозчики снимаютъ шапки, и кланяются ея золотымъ куполамъ.

2) *Васильевское*, нынѣ Князя Н. Б. Юсупова, а прежде Долгорукаго-Крымскаго: тамъ сей заслуженный воинъ и достойный Градоначальникъ угощалъ Москвитянъ. Домъ не великолѣпенъ, но мѣсто живописное.

3) Прекрасный видъ изъ *Кунцово*, въ шести верстахъ отъ Москвы, подаренное Царемъ Алексіемъ тестю своему, Нарышкину.

4) *Коломенское*, любимое мѣсто Царей Романовыхъ. Оно славно плодовитыми садами. Тамъ былъ каменный Дворецъ Алексія Михайловича. Многие думаютъ, что Петръ Великій родился въ Коломенскомъ: нѣтъ, въ Кремлѣ.

5) Противъ Коломенскаго за Москвою-рѣкою *Перерва*, гдѣ нынѣ бывшая Занковоспасская Академія, и Самарова гора (гдѣ авторъ живалъ весною, лѣтомъ въ своей молодости, когда онъ еще занимался мечтами воображенія).

6) *Царицыно*, купленное Екатериною въ 1775 году у Кн. Каптемира, съ нѣкотораго времени любимое гульбище Московскихъ богатыхъ купцовъ. Сады, звѣринецъ (паркъ), деревья, растенія прекрасны. Дворецъ похожъ на темницу. Екатерина любила Готическую Архитектуру: велѣла сломать Баженовскій дворецъ и построить этотъ новый, который еще хуже сломаннаго. Не легко найти мѣсто пріятнѣйшее для сельскаго жилища Царей.

7) *Архангельское*, прежде Князей Голицыныхъ, нынѣ Князя Н. Б. Юсупова, прекрасно не только мѣстоположеніемъ, но и садами; домъ также хорошъ. Тамъ хранилось знатное собраніе историческихъ древнихъ рукописей умнаго Кн. Дмитрія Михайловича Голицына. Сей-то Князь, въ минуту, когда Императрица Анна при радостныхъ восклицаніяхъ Двора перервала надвое договоръ, заклю-

ченый ею съ Государственнымъ Тайнымъ Совѣтомъ, сказалъ зрителямъ: «Господа! пиръ былъ «изготовленъ, гости позваны; никто не явился; «простите!» Искусный Генераль-Фельдмаршалъ Кн. Михайло Михайловичъ Голицынъ жилъ и дѣйствовалъ его умомъ.

8) *Горенки*, Графа Алексѣя Кирилловича Разумовскаго, извѣстны ботаническимъ садомъ, гдѣ много рѣдкаго.

9) *Петровское*, (въ 7 верстахъ отъ города) Графа Льва Кирилловича Разумовскаго: мѣсто не высокое, но садъ едва ли не лучший въ окрестностяхъ Москвы.

10) *Останьково* правилось Графу Шереметеву развѣ близостию къ городу. Положеніе совсѣмъ не красиво. Домъ великъ; въ украшеніяхъ замѣтенъ мелочный вкусъ. Въ саду есть хорошія деревья; всего лучше древніе кедры, привезенные Кн. Михайломъ Яковлевичемъ Черкасскимъ изъ Сибири, гдѣ онъ былъ Губернаторомъ. Останьково принадлежало ему.

11) *Кусково*, нѣкогда славное. Тамъ отдыхалъ на лаврахъ Герой Шереметевъ, сподвижникъ Петра Великаго (тамъ въ числѣ трофеевъ Оружейной Камеры, я видѣлъ сѣдло Карла XII); тамъ Графъ Петръ Борисовичъ угощалъ Екатерину и Графа Фалькенштейна; тамъ всякое Воскресеніе, отъ Маія до Сентября, съѣзжалось лучшее Московское Дворянство веселиться въ сельскомъ домѣ Русскаго Боярина.

12) *Свирлово*, (въ 7 верст. отъ Москвы), Н. П.

Высоцкаго, пріятно разнообразіемъ своихъ прогулокъ. Съ нѣкотораго времени живутъ тамъ многіе изъ Дворянъ и богатыхъ купцовъ въ наемныхъ сельскихъ домикахъ.

13) *Дубровицы*, нынѣ Графа Мамонова, верстахъ въ 30 отъ Москвы, славится мѣстоположеніемъ (на слияніи двухъ рѣкъ, Дѣсны и Похры) и церковью, сдѣланною изъ бѣлаго камня. ПЕТРЪ Великій часто ѣздилъ смотрѣть ея строеніе. На дорогѣ къ Дубровицамъ показываютъ мѣсто, гдѣ онъ всегда останавливался пить чай подъ тѣнію высокихъ липъ.

14) Въ *Алексѣевскомъ* (въ 5 верст. отъ города, на Троицкой дорогѣ) еще недавно стоялъ ветхій дворецъ и баня Царя Алексѣя Михайловича. Недалеко оттуда прекрасный Мытищенскій водоводъ.

15) Въ селѣ *Тайнинскомъ*, (верстахъ въ 20 отъ Москвы) Великіе Князья и Цари часто забавлялись охотою. Тамъ былъ дворецъ Елисаветы Петровны. Нынѣ въ саду полынь и крапива, а въ црудахъ тина.

Вы безъ сомнѣнія будете въ Троицкой Лаврѣ: я описалъ главныя достопамятности сего важнаго Историческаго мѣста.

Монастырь Воскресенскій, или Новый Іерусалимъ, (въ 40 верст. отъ Москвы) также достоинъ вашего вниманія. Огромная церковь сего монастыря, совершенное подобіе Іерусалимской, заложена при Царѣ Алексѣи Михайловичѣ Патриархомъ

Никономъ, а достроена въ малолѣтство Петра Великаго. Не одни Русскіе, но и многіе любопытные чужеземцы ей удивлялись (на прим. Юсифъ II). Тамъ погребено тѣло знаменитаго Никола; тамъ его пустынная келья, вериги и проч. Онъ безъ сомнѣнія не лицемѣрилъ въ дѣйствіяхъ своей отмѣнной набожности, но тѣмъ не менѣе былъ честолюбивъ. Не далеко отъ Новаго Іерусалима на голову разбили мятежныхъ Стрѣльцевъ, когда ПЕТРЪ Великій находился въ чужихъ краяхъ.

Мѣсто Воскресенской Обители прекрасно: еще лучше мѣсто *Саввинской*, верстахъ въ 20 оттуда, близъ Звенигорода, на Москвѣ рѣкѣ. Основанный еще въ XIV вѣкѣ на горѣ, гдѣ обыкновенно стояла воинская *стража* тамошняго Удѣльнаго Князя, сей Монастырь названъ *Сторожевскимъ*. Цари Романовы отмѣнно любили его. Алексій Михайловичъ живалъ въ немъ дней по десяти, и самъ входилъ во всѣ экономическія дѣла онаго. Тамъ хранятся письма, а въ ризницѣ одежда сего Царя. На большомъ Саввинскомъ колоколѣ вырѣзана непонятная надпись. Вѣроятно, что это не буквы, а шифры разныхъ азбукъ. Нигдѣ въ Московской губерніи не видалъ я такого богатства растѣній, какъ вокругъ Саввина. Цвѣты, травы, деревья исполнены какой-то особенной силы и свѣжести. Липы, дубы прекрасны. Дорога оттуда къ Москвѣ есть самая пріятная для глазъ, гориста; но какіе виды!

Я писалъ на память; могъ иное забыть, но не былъ главнаго.

Въ заключеніе скажемъ, что Москва будетъ всегда истинною столицею Россіи. Тамъ средоточіе Царства, всѣхъ движеній торговли, промышленности, ума гражданскаго. Красивый, великолѣпный Петербургъ дѣйствуетъ на Государство, въ смыслѣ Просвѣщенія, слабѣе Москвы, куда отцы везутъ дѣтей для воспитанія, и люди свободные ѣдутъ наслаждаться пріятностями общежитія. Москва непосредственно даетъ Губерніямъ и товары и моды и образъ мыслей. Ея полу-Азіятская фязіогномія, смѣсь пышности съ неопрятностію, огромнаго съ мелкимъ, древняго съ новымъ, образованія съ грубостію, представляетъ глазамъ наблюдателя нечто любопытное, особенное, характерное. Кто былъ въ Москвѣ, знаетъ Россію.

Со временъ Екатерины Великой Москва прослыла *Республикою*. Тамъ безъ сомнѣнія болѣе свободы, но не въ мысляхъ, а въ жизни; болѣе разговоровъ, толковъ о дѣлахъ общественныхъ, нежели здѣсь въ Петербургѣ, гдѣ умы развлекаются Дворомъ, обязанностями службы, исканіемъ, личностями. Тамъ болѣе людей, которые живутъ для *удовольствія*: слѣдственно не рѣдко скучаютъ и рады всякому случаю поговорить съ живостію, но весьма невинною. Здѣсь сцена, тамъ зрители; здѣсь дѣйствуютъ, тамъ судятъ, не всегда справедливо, но всегда съ любовію къ справедливости. Гласъ народа, гласъ Божій: а въ Москвѣ болѣе парода, нежели въ Петербургѣ.

Во время Екатерины доживали тамъ вѣкъ свой многіе люди, знаменитые родомъ и чиномъ, ува-

жаемые Дворомъ и Публикою. Въ домахъ ихъ соби-
ралось лучшее Дворянство: слушали хозяина и пе-
ресказывали другъ другу слова его. Сии почтен-
ные старцы управляли образомъ мыслей. Нынѣ
уже мало такихъ домовъ. Надобно ѣхать въ Ан-
глійскій клубъ, чтобы узнать общее мнѣніе; можно
знать его и дома, послушавъ нѣсколько разъ, какъ
судятъ Москвичи. У нихъ есть какія-то неизмѣн-
ныя правила, но всѣ въ пользу Самодержавія: Яко-
бинца выгнали бы изъ Англійскаго Клуба! Сии пра-
вила вообще благородны. Въ Москвѣ съ жаромъ
хвалятъ заслуги Государственныя, помнятъ старое
добро, и доннынѣ славятъ бывшихъ ея знамени-
тыхъ Градоначальниковъ: Долгорукова-Крымска-
го, Графа З. Г. Чернышева, Еропкина, и пр.; од-
нимъ словомъ: Москва заслуживаетъ имя *добрый*.

ПУТЕШЕСТВІЕ ВОКРУГЪ МОСКВЫ.

Письмо первое изъ Коломны отъ 14-го Сентября.

Я обѣщалъ вамъ, любезный другъ, объѣздить Московскія окрестности и сказать нѣсколько словъ о томъ, что увижу. Исполняю свое обѣщаніе; но время, мною избранное, не благопріятствуетъ живописи предметовъ. Осенью хорошо сидѣть у камина, а не скитаться; хорошо думать, а не смотрѣть. Не даромъ Русскіе бранятся Сентяремъ мѣсяцемъ! Унылый видъ природы располагаетъ только къ меланхолическимъ *Іереміадамъ*, для которыхъ нѣтъ нужды дышать туманами и прятаться въ коляскѣ отъ дождя: плакать стихами и прозою всего лучше въ кабинетѣ. Бѣдные люди мои конечно не понимаютъ, какъ можно по грязи ѣздить для удовольствія и въ Коломнѣ искать любопытнаго! *Наблюденія* вашего путешественника не очень важны: что дѣлать? Москва не Римъ.

Я выѣхалъ изъ своей деревни не рано, и первымъ моимъ ночлегомъ было Кусково, нѣкогда столъ извѣстное Московскимъ жителямъ, а нынѣ

оставленное и забытое. Оно может упрекать ихъ неблагодарностію! Бывало, всякое Воскресенье, отъ Мая до Августа, дорога Кусковская представляла улицу многолюднаго города, и карета обскакивала карету. Въ садахъ гремѣла музыка, въ аллеяхъ тѣснились люди, и Венеціанская гондола съ равноцвѣтными флагами разѣзжала по тихимъ водамъ большаго озера (такъ можно назвать обширный Кусковскій прудъ). Спектакль для благородныхъ, разныя забавы для народа и потѣшныя огни для всѣхъ составляли еженедѣльный праздникъ Москвы. Роскошь можетъ быть нѣкоторымъ образомъ почтенною, когда имѣетъ свою цѣлю общественныя удовольствія.—Въ Кусковѣ два раза была угощаема Великая Екатерина. Знаменитый путешественникъ, Графъ Фалькенштейнъ,* удивлялся тамъ сельскому великолѣпію Русскаго Боярина. Наконецъ къ чести и славѣ сего помѣстья должно вспомнить, что въ немъ отдыхалъ на лаврахъ Герой Шереметевъ, когда отечество и Петръ Великій не имѣли враговъ. Память и слѣды такихъ людей украшаютъ мѣста лучше всѣхъ зданій великолѣпныхъ. Не только фамилія, но и Россія можетъ справедливо гордиться Графомъ Борисомъ Петровичемъ и тѣмъ добродѣтельнымъ Шереметевымъ, котораго мучилъ Царь Иванъ Васильевичъ, желая узнать, гдѣ скрыты его мнимыя сокровища, и который отвѣтствовалъ ему съ велико-

* Императоръ Іосифъ.

душною кротостію: *Государь! я отправилъ ихъ на тотъ свѣтъ съ бѣдными!* *

Теперь Кусково можетъ завидовать Останкину, которое въ самомъ дѣлѣ лучше мѣстоположеніемъ; первое есть старинное помѣстье Шереметевыхъ, а второе досталось имъ отъ Черкасскихъ. Славные Останкинскіе кедры присланы изъ Сибири Княземъ Михайломъ Яковлевичемъ Черкасскимъ; онъ былъ въ Тобольскѣ Губернаторомъ.—Вообще можно сказать, что наши старинные Бояре для сельскихъ жилищъ своихъ не искали живописныхъ мѣстъ, которыхъ довольно въ окрестностяхъ Москвы. Одинъ Кирилла Полуектовичъ Нарышкинъ умѣлъ выбрать несравненное Кунцово на высокомъ берегу Москвы рѣки, гдѣ представляется взору самый величественный амфитеатръ. У насъ и нынѣ обыкновенно думаютъ, что въ деревняхъ надобно садить аллеи, рыть пруды, строить бесѣдки; у всякаго свой вкусъ—но я люблю тѣ мѣста, которыя для своей пріятности не требуютъ никакихъ искусственныхъ украшеній. Люди не богатые, лѣнивые, а можетъ быть и нѣкоторые люди *со вкусомъ* пристанутъ къ моему мнѣнію. Чего стоилъ Кусковскій прудъ? Хорошо взглянуть на него; но здорово ли жить на берегу страшной, водяной *массы*, почти неподвижной? Рѣка чиститъ воздухъ: большой прудъ наполняетъ его только вредною сыро-

* Курбскій называетъ его *мудрыми Царскими Советниками*.

стию. — Кусковскіе сады, гдѣ глаза мои видали нѣкогда столько людей, представили мнѣ довольно печальныхъ мыслей! Тамъ, въ главной аллѣе, выставлялись прежде всѣ померанцовыя деревья изъ оранжерей: она казалась уголкомъ Гишпаніи. Теперь все уныло и пусто.

На другой день въ 10 часовъ я остановился въ деревнѣ Люберцахъ, * которая принадлежала славному Князю Меншикову, а теперь государева. Меншиковъ назвалъ ее *новымъ Преображенскимъ*, именемъ мѣста любезнаго великому его Императору и другу. Пётръ III, будучи Великимъ Княземъ, желалъ имѣть въ Люберцахъ сельской домъ; но его не успѣли достроить, и заготовленные матеріалы, отвезенные въ Москву, послужили для строенія Воспитательнаго Дома. Я, какъ Русской и дворянинъ, желалъ видѣть мѣсто, которое нравилось Петру III: Онъ подписалъ два указа, славные и бессмертные!.... Я съ удовольствіемъ вошелъ и въ садъ, гдѣ гулялъ нѣкогда Меншиковъ, храбрый, искусный Генералъ и *великой человекъ въ нещастіи*. Никакихъ слѣдовъ его не осталось въ сей деревнѣ. Мѣстоположеніе красиво, и большой садъ, раздѣляющій селеніе на двѣ половины, находится подъ вѣдѣніемъ Коломенскаго Управителя.

Отъѣхавъ верстѣ 25, увидѣлъ я на правой сторонѣ Москву-рѣку и нѣсколько деревень, которыя съ господскими домами и садами образуютъ пре-

* Въ 16 верстахъ отъ Москвы.

прекрасный ландшафтъ. Къ счастью—какъ бы нарочно для моего удовольствія — въ самую ту минуту проглянуло солнце... Если исключить Владимірскую лѣсную и скучную дорогу, то можно сказать, что ваша древняя столица окружена со всѣхъ сторонъ пріятными мѣстами. — Въ селѣ Марковѣ я останавливался искать на берегу Москвы-рѣки окаменѣлостей, которыми оно славится. Мнѣ удалось найти пять или шесть камней довольно замѣчательныхъ цвѣтомъ и видомъ; одинъ съ удивительнымъ совершенствомъ представляетъ кусокъ ржанаго хлѣба.

Почти всѣ деревни, чрезъ которыя ѣхалъ я отъ Кускова до Коломны, принадлежатъ Графу Шереметеву. Извѣстный въ Исторіи Бояринъ Василій Борисовичъ Шереметевъ, одинъ изъ первыхъ богатѣй въ Россіи, хотя имѣлъ дѣтей, но отказавъ Московскія и Коломенскія помѣстья свои Фельд-маршалу Борису Петровичу, тогда еще молодому челоуѣку. Сей Бояринъ отъ измѣны Казаковъ попалъ въ плѣнъ Крымскимъ Татарамъ въ 1660 году, и 20 лѣтъ страдалъ въ тяжелой неволѣ. Освобожденный миромъ, заключеннымъ Россіею съ Ханомъ, онъ жилъ и погребенъ въ селѣ Чиркинѣ — гдѣ я ночевалъ за дурною погодою, и на другой день къ обѣду пріѣхалъ въ Коломну.

Желаете ли знать, когда и кѣмъ построенъ сей городъ? никто вамъ того не скажетъ. Мѣстописи въ первый разъ упоминаютъ объ немъ въ концѣ XII вѣка; онъ, можетъ быть, древнѣе — и гораздо древнѣе Москвы. Вообще имя Коломны встрѣчается въ Исторіи по двумъ случаямъ: или Татары

жгутъ ее, или въ ней собирается Русское войско идти противъ Татаръ — что бывало всегда на большой равнинѣ, гдѣ течетъ рѣка Сѣверка: мѣсто достойное примѣчанія для всѣхъ любителей Исторіи! Тутъ Князь Дмитрій Донской осматривалъ легионы свои, побѣдившіе Мамаю. Здѣсь же онъ примирился торжественно съ Рязанскимъ Княземъ Олегомъ (человѣкомъ сварливымъ и безпокойнымъ), къ неудовольствію Бояръ его, которые желали, чтобы Дмитрій наказалъ Олега. Преподобный Сергій былъ ихъ миротворцемъ. — Что касается до имени города, то его для забавы можно произвести отъ славной Италіанской фамиліи Солонна. Извѣстно, что Папа Вонифатій VIII гналъ всѣхъ знаменитыхъ людей сей фамиліи, и что многіе изъ нихъ искали убѣжища не только въ другихъ земляхъ, но и въ другихъ частяхъ свѣта. Нѣкоторые могли уйти въ Россію, выпросить у нашихъ Великихъ Князей землю, построить городъ и назвать его своимъ именемъ!! Писатели, которые утверждаютъ, что Рюрикъ происходитъ отъ Кесаря Августа, и что осада Трои принадлежитъ къ Славянской Исторіи, безъ сомнѣнія не найдутъ лучшихъ доказательствъ! — Если мы не знаемъ, кто основалъ Коломну, то знаемъ по крайней мѣрѣ, что Великій Князь Василій Пвановичъ окружилъ ее каменцою стѣною съ башнями. Улицы и строеніе здѣсь не красивы; но за то промышленность людей достойна вниманія и похвалы. Давно извѣстны Коломенскія фабрики, кумашныя, полотняныя, шелковыя, которыя съ нѣкотораго времени раз-

множились и въ другихъ мѣстахъ кругомъ Москвы. Въ самыхъ маленькихъ деревенькахъ женщины въ избахъ своихъ вьютъ шелкъ, а мужья ткутъ платки, и проч. Мудрено ли, что многіе крестьяне начинаютъ жить господами, опратно, со вкусомъ и даже рѣскошно? Иностранные путешественники могли бы удивиться ихъ избытку; но иностранцы смотрятъ въ Москвѣ большую пушку, разбитой колоколь, и не ѣздятъ по окрестнымъ деревнямъ. Надобно только замѣтить, что богатѣйшіе изъ Подмосковныхъ крестьянъ Раскольники: они не пьянствуютъ! — Всего извѣстнѣе въ Россіи Коломенскіе сальные заводы: ихъ болѣе тридцати! Сало, отправляемое за море, идетъ по большой части отсюда. Жители торгуютъ рогатымъ скотомъ, закупаютъ его на Дону, въ Малороссіи, солятъ мясо и продаютъ какъ въ Москвѣ, такъ и въ Петербургѣ: не удивительно, что имя мясника здѣсь почтеннѣе, нежели гдѣ нибудь! Коломна славится еще яблоками, вишнями и другими плодами; мы ѣдимъ ихъ въ Москвѣ. Не только въ городѣ, но и въ окрестныхъ деревняхъ я видѣлъ очень хорошіе сады.

Въ пяти верстахъ отъ Коломны впадаетъ Москва-рѣка въ Оку, среди глубокихъ песковъ. Тутъ построены монастырь, который возбудилъ мое любопытство своимъ именемъ: онъ называется *Голутвинымъ*. Рассказываютъ по старому монашескому преданію, что на семь мѣстѣ жили некогда разбойники, которыхъ называли *голытбою* или голыми людьми, и что ихъ имя въ теченіе времени

досталось монастырю въ наслѣдство. Воры не боялись въ старину близости городовъ, въ самыхъ окрестностяхъ Москвы имѣли станы и были не рѣдко ужаснѣе самыхъ чужеземныхъ непріятелей. Есть ли мѣсто въ Россіи, гдѣ бы преданіе не сохранило памяти ихъ злодѣйствъ? Всѣ старинныя сказки и пѣсни доказываютъ, что они царствовали во время ига Татарскаго.

Въ Голутвинѣ монастырѣ три церкви и кельи всѣ каменные. Сказываютъ, что онъ построенъ Сергіемъ Чудотворцемъ (слѣдственно въ XIV вѣкѣ). Тамъ хранится посохъ его. Прежде сей монастырь былъ очень богатъ.

Въ 25 верстахъ отъ Коломны находится село Дѣдлово, весьма достойное любопытства. Я давно желалъ видѣть его. Тутъ въ царствованіе Михаила Ѳедоровича строился фрегатъ для Голштинскаго Посла, отправленнаго Герцогомъ чрезъ Россію къ Персидскому Шаху. Олеарій описалъ сіе путешествіе. Голштинцы изъ Дѣдлова поѣхали Окою и Волгою въ Астрахань. Корабль или фрегатъ Царя Алексѣя Михайловича, названный *Орломъ* и состроенный Стенькою Разинымъ въ Астрахани, строенъ тамъ же, равно какъ и ботикъ Петра Великаго, *дѣдъ Русскаго флота*, прославленный Ломоносовымъ въ стихахъ и въ прозѣ, и торжественно встрѣченный большими внуками его, военными кораблями въ Петербургѣ.* И нынѣ строятъ въ Дѣд-

* Въ 1723 году.

ловѣ барки или струга, на которыхъ возятъ хлѣбъ изъ Орла въ Москву, и которыя ходятъ Волгою до Астрахани. Самъ Петръ Великій сдѣлалъ для нихъ модель, которую еще показываютъ тамъ любопытнымъ, по которой уже давно не слѣдуютъ. Я смотрѣлъ съ душевнымъ удовольствіемъ на сей памятникъ Великаго Императора.

Деревня Клинь, которая была въ старину наслѣдственнымъ помѣстьемъ фамиліи Романовыхъ, принадлежитъ къ Дѣдлову. Оно разселено вдоль низкаго берега Оки на великомъ пространствѣ, и въ весенніе мѣсяцы заливаема водою недѣль на шесть, такъ, что жители другъ ко другу ѣздятъ въ лодкахъ. Въ немъ около 3000 душъ и три каменные церкви. Крестьяне совсѣмъ почти не имѣютъ земли, но богаты отъ промысловъ и строенія судовъ. Екатерина Великая пожаловала это славное въ цѣлой Россіи село Господину Измайлову.

Странствія мои, любезный другъ, не кончились; но дурное время заставляетъ меня отстрочить ихъ до весны. Тогда надѣюсь еще написать къ вамъ нѣсколько писемъ, разумѣется *историческихъ* и самыхъ простыхъ. Иногда, особливо въ ясный день, позволю себѣ быть и маляромъ, если не живописцемъ; иногда расскажу вамъ и какой нибудь анекдотъ, только не выдуманной. Вокругъ Москвы живутъ люди, и много добрыхъ. Хотя вы принадлежите къ сектѣ Дюкре Жанлисъ, которая не любитъ чувствительныхъ путешественниковъ *пропхавшихъ мило, чтобы написать томъ*; однакожь я имѣю злой

умыселъ искусить ваше терпѣніе и при первомъ случаѣ рассказать вамъ самую жалкую повѣсть! На сей разъ будьте покойны: возвращаюсь къ камину своей Подмосковной.

1803 г.

ИСТОРИЧЕСКІЯ

ВОСПОМИНАНІЯ И ЗАМѢЧАНІЯ

НА ПУТИ КЪ ТРОИЦѢ.

=

Троицкой монастырь святъ не только для сердце набожныхъ, но и для ревностныхъ любителей отечественной славы; не только Россіяне, но и самые просвѣщенные иностранцы, знающіе нашу Исторію, любопытствуютъ видѣть мѣста великихъ происшествій.

Возобновивъ въ памяти своей дѣла нашей древности, въ прекраснѣйшее время года я выѣхалъ изъ Москвы на ту дорогу, по которой столь часто Цари Русскіе ѣзжали и ходили на богомолье, испрашивать побѣды или благодарить за нее Всевышняго, въ обители, основанной святымъ мужемъ и Патриотомъ: сердце его, забывъ для себя все земное, желало еще благоденствія отечеству. Черезъ нѣсколько минутъ открылось село Алексѣевское, напоминающее именемъ своимъ Царя Алексѣя Михайловича, который приготовилъ Россію къ величію и славѣ. Но тамъ представляется глазамъ еще другой ближайшій его памятникъ: старый дворецъ, гдѣ

онъ всегда останавливался на возвратномъ пути изъ монастыря Троицкаго и распоряжалъ торжественный въездъ свой въ Москву. Я спѣшилъ видѣть сіе почтенное зданіе, едва ли не старѣйшее изъ всѣхъ деревянныхъ домовъ въ Россіи. Оно очень не высоко, но занимаетъ въ длину сажень тридцать. На лѣвой сторонѣ отъ Москвы были комнаты Царя, на правой жили Царевны, а въ срединѣ Царица; въ первыхъ окна довольно велики, а въ другихъ гораздо менѣе и выше отъ земли, вѣроятно для того, чтобы нескромное любопытство не могло въ нихъ со двора заглядывать — тогда думали болѣе о скромности, нежели о симметріи. Стѣны разрушаются; но я осмѣлился войти въ домъ, и прошелъ во всю длину его, естли не съ благоговѣніемъ, то по крайней мѣрѣ съ живѣйшимъ любопытствомъ. Печи вездѣ большія, съ разными, отчасти аллегорическими фигурами на израсцахъ. Внутреннія украшенія не могли истощить казны Царской: потолки и стѣны обиты выбѣленнымъ холстомъ, а двери (и то въ однѣхъ Царскихъ комнатахъ) краснымъ сукномъ съ широкими жестяными скобами; окна выкрашены зеленою краскою. Я воображалъ нашего добраго Русскаго Царя, сидящаго тутъ среди вельможъ своихъ, или, лучше сказать, *передъ ними*: тогда и самые важные Вояре, приходя къ Государю, останавливались у дверей; а сиджали съ нимъ единственно въ Совѣтѣ или за обѣдомъ, и то за другимъ столомъ. Къ сожалѣнію, мы худо знаемъ старинные обычаи; а что и знаемъ, то по большей части отъ иностранцевъ,

которые, бывъ въ Россіи, описывали ихъ: на примѣръ Герберштеньгъ, Петреусъ, Олеарій, Маржеретъ и другіе. Лѣтописцы наши и не подозрѣвали, что должно изображать характеръ времени въ его обыкновеніяхъ; не думали, что сіи обыкновенія мѣняются, исчезаютъ и дѣлаются занимательнымъ предметомъ для слѣдующихъ вѣковъ. Не все то любопытно, что хорошо; за то многое любопытно, чего и вельзя назвать хорошимъ. Пусть мы умнѣе своихъ предковъ, пусть намъ нечего занять отъ нихъ; но самое просвѣщеніе дѣлаетъ умъ любопытнымъ: хочется знать старину, какова ни была она, даже и чужую, а своя еще милѣе. Мнѣ случилось видать памятники иностранной древности; но дворецъ Государя Алексѣя Михайловича гораздо болѣе занималъ мое воображеніе, даже и сердце. Я съ какою-то любовію смотрѣлъ на тѣ вещи, которыя принадлежали еще къ характеру старой Руси; съ какимъ-то неизъяснимымъ удовольствіемъ брался рукою за дверь, думая, что нѣкогда отворялъ ее Родитель Петра Великаго, или Канцлеръ Матвѣевъ, или собственный предокъ мой, служившій Царю. Я чувствовалъ, что во мнѣ не простыла Русская кровь!

Москва не много видна изъ оконъ дворца; но вѣроятно, что бывшій съ этой стороны заборъ (ямы столбовъ не загладились еще въ нѣкоторыхъ мѣстахъ) не позволялъ и того видѣть: въ старину любили жить открытымъ сердцемъ, а не въ открытомъ домѣ. Передъ окнами растутъ двѣ березы, изъ которыхъ одна запустила корень свой подъ са-

малѣй дотѣ: можетъ быть, Царица Наталія Кирилловна посадила ихъ! — Другая стѣна безъ оконъ, но съ дверьми въ садъ или въ огородъ, который безъ сомнѣнія украшался всего болѣе подсолнечниками (этотъ вкусъ видимъ еще и нынѣ въ провинціальныхъ купеческихъ огородахъ); теперь густѣютъ въ немъ однѣ рябины, малиновые и смородинные кусты, такіе старые, что Царевны могли еще брать съ нихъ ягоды. Тутъ видны развалины двухъ бань, въ которыя онѣ ѣзжали не рѣдко изъ самой Москвы, даже зимою, какъ я слыхалъ отъ стариковъ, свидущихъ въ Русскихъ преданіяхъ. — Вокругъ дворца не осталось никакихъ другихъ зданій, кромѣ погреба, гдѣ не только медъ, но даже и снѣгъ не таетъ до глубокой осени; слѣдственно Царь могъ всегда пить здѣсь самый холодный медъ! — Онъ любилъ Алексѣевское, хотя впрочемъ мѣстоположеніе очень обыкновенно: ровное и гладкое; на дѣвой сторонѣ видна основная роца. Большая маленькая церковь Алексѣевская сооружена также Царемъ Алексѣемъ Михайловичемъ. Дворецъ подлѣ нее. Пусть одно время разрушить его до основанія, а не рука человѣческая! У насъ мало памятниковъ прошедшаго: тѣмъ болѣе должны мы беречь, что есть!

Сѣвъ въ коляску, я могъ на досугѣ мыслить о быстрыхъ и медленныхъ успѣхахъ гражданскаго искусства. Воображая, какъ въ седьмомъ-надесять вѣкѣ жили еще Цари наши, и сравнивая тогдашній образъ жизни съ нашимъ, мы готовы назвать оwoнѣхъ предковъ варварами; но должно заглянуть мы-

слению въ другія части свѣта, чтобы судить сира ведливо о степеняхъ гражданскаго просвѣщенія. Въ Азіи, въ Африкѣ есть народы, которые десять, пятнадцать вѣковъ учатся въ школахъ общежитія, и еще далеки отъ того состоянія, въ которомъ были Русскіе во время Царей. Этотъ низенькой домикъ Алексѣя Михайловича удивилъ бы своей огромностію Министровъ Сенарскаго Царя.

Но я увидѣлъ не далеко отъ дороги прекрасный *водоводъ*, оставилъ сравненія и пошелъ смотрѣть его. Вотъ одинъ изъ монументовъ Екатериной благодѣтельности! Она любила во многомъ слѣдовать примѣру Римлянъ, которые не жалѣли ничего для пользы имѣть въ городахъ хорошую воду, столь необходимую для здоровья людей, необходимое самихъ Аптекъ. Издержки для общественнаго блага составляютъ роскошь, достойную великихъ Монарховъ, — роскошь, которая питаетъ самую любовь къ отечеству, нераздѣльному съ Правленіемъ. Народъ видитъ, что объ немъ пекутся, и любитъ своихъ благотворителей. Москва вообще не имѣетъ хорошей воды; едва ли двадцатая часть жителей пользуется Трехгорною и Преображенскою, за которою надобно посылать далеко. Екатерина хотѣла, чтобы всякой бѣдной чело-вѣкъ находилъ близъ своего дому колодезь свѣжей, здоровой воды, и поручила Генералу Бауеру привести ее трубами изъ ключей Мытишскихъ; теперь она уже въ городѣ: остается сдѣлать каналы внутри его. Работа долговременна и трудна, но благодареніе превосходитъ труды; и время откры-

тія народныхъ колодезей будетъ важною эпохою для Московскихъ жителей, то есть небогатыхъ, слѣдственно для большаго числа.—Водоводъ идетъ мостомъ черезъ низкую долину, на каменныхъ аркахъ, и длиною будетъ сажень сто. Я увѣренъ, что всякой иностранный путешественникъ съ удовольствіемъ взглянетъ на сіе дѣло общественной пользы.

Коляска дождалась меня въ деревнѣ Ростокинѣ, которая достойна примѣчанія для любителей Исторіи. Тутъ народъ Московскій, всегда усердный къ добрымъ Государямъ своимъ, встрѣтилъ Царя Іоанна Васильевича, когда онъ, взявъ Казань, съ торжествомъ возвращался въ столицу, еще не обогрѣнной кровію подданныхъ, истинныхъ Бояръ Русскихъ — еще не грозный истребитель невинныхъ Новгородцевъ, славнѣйшихъ дѣтей древней Россіи, но юный Герой, украшенный лаврами славы, и нѣжный супругъ прелестной Анастасіи, столь любезной для Историка, впервыхъ по ея кроткимъ добродѣтелямъ, вовторыхъ и потому, что брачному союзу Іоанна съ нею обязаны мы царствованіемъ Фамиліи Романовыхъ, которая успокоила и возвеличила Россію. Извѣстно, что главною причиною избранія въ Цари Михаила Θεодоровича было свойство его съ Іоанномъ черезъ Анастасію. Лѣтописи говорятъ, что все пространство отъ города до Ростокинскаго моста (то есть, семь верстъ) было занято радостными Московскими жителями, которые слѣдуя собственному побужденію, спѣшили скорѣе преклонить колѣна предъ своимъ Госу-

даремъ; спѣшили изъявить ему благодарность за то, что онъ сокрушилъ грозное Татарское царство. Не многихъ побѣдителей народы благодарили столь искренно! Въ семъ случаѣ польза была явная для Россіи, и Государь не имѣлъ нужды доказывать ее подданнымъ. Осада и приступъ стоили крови; но вдовы и сироты жаловались только на судьбу, а не на Царя своего. Принявъ народную благодарность, онъ снялъ съ себя воинскую одежду, надѣлъ корону Мономахову и въ величественномъ смиреніи пошелъ за крестами въ городъ. — Историкъ Россіи признаетъ сіе время щастливѣйшимъ и славнѣйшимъ временемъ Юаннова царствованія.

Я своротилъ влѣво съ большой дороги, чтобы видѣть село Тайпнское, гдѣ Царь Алексѣй Михайловичъ любилъ забавляться соколиною охотою. Мѣсто уединенное и пріятное! Тутъ запруженная Яуза кажется большою рѣкою, и со всѣхъ сторонъ обтекаетъ дворецъ Елисаветы Петровны, которая (любя слѣды великаго ея дѣда) построила его близъ развалинъ дворца Алексѣя Михайловича. Онъ также разрушается и, какъ мнѣ сказывали, продается на свозъ. Я осмотрѣлъ его: есть большія комнаты, и видно, что нѣкоторыя были хорошо отдѣланы. Госпожа Радклифъ могла бы воспользоваться симъ дворцомъ и сочинить на него ужасной романъ; тутъ есть все нужное для ея мастерства: пустыя залы, коридоры, высокія лѣстницы, остатки богатыхъ украшеній, и (что всего важнѣе) тѣтеръ воесть въ трубахъ, свиститъ въ разбитыя окончины и хлопаютъ дверьми, съ которыхъ валится

позолота. Я же ходилъ по гнилымъ его лѣстницамъ при страшномъ громѣ и блескѣ молніи: это въ самомъ дѣлѣ могло сильно дѣйствовать на воображеніе. — Жаль, что такое пріятное мѣсто, окруженное водою и густо осененное старыми деревьями, которыя могли бы закрыть и самое огромное зданіе, теперь остается дикою пустынею. Вездѣ трава въ поясъ; кропива и полынь растутъ на свободѣ. Сонныя воды Яузы одѣлись тиною. Мосты сгнили, такъ, что я съ великимъ трудомъ могъ черезъ одинъ изъ нихъ перебраться. Эта неприступность напомнила мнѣ Эрменонвильскій островъ, гдѣ нѣкогда покоились Руссовы кости. — Прибавлю, что въ Тайнинскомъ ночевалъ Царь Іоаннъ Васильевичъ, возвращаясь въ Москву по взятіи Казани. Тамъ встрѣтили его главные Бояре и Князь Юрій Васильевичъ, братъ его. По обычаю тогдашняго времени Царица Анастасія должна была ожидать супруга въ Московскомъ дворцѣ и преодолѣть желаніе сердца, которое стремилось на встрѣчу къ нему, чтобы представить Іоанну новорожденного сына ихъ, Димитрія. Казалось, что Провидѣніе хотѣло тогда со всѣхъ сторонъ осыпать сладкими чувствами сердце сего Государя.

Выѣхавъ опять на большую Троицкую дорогу въ Мытищахъ, я ходилъ пѣшкомъ, сквозь длинную насаженную аллею, къ тамошнимъ славнымъ колодцамъ, откуда проведена вода въ Москву. Ихъ числомъ 42; каждый представляетъ издали видъ маленькаго домика, и всѣ вмѣстѣ кажутся небольшимъ, прекраснымъ селеніемъ. Тутъ я отвѣды-

валъ воду: она чиста и не имѣетъ никакого вкуса, слѣдственно очень хороша. Колодцы деревянные, кромѣ одного, каменнаго, называемаго *громовымъ*, для того, какъ увѣряютъ, что тутъ ударилъ нѣкогда громъ въ землю, и что изъ отверстія, имъ сдѣланнаго, потекла сама собою чистая вода.

Сѣло Пушкино (въ 26 верстахъ отъ Москвы) извѣстно въ нашей Исторіи тѣмъ, что въ немъ Бояринъ Иванъ Андреевичъ Хованскій, оклеветанный Милославскимъ, взятъ былъ подъ стражу. Въ другомъ мѣстѣ упомянемъ о нѣкоторыхъ подробностяхъ сего случая. — Здѣсь замѣчу только, что многіе крестьяне села Пушкина живутъ не въ избахъ, а въ красивыхъ домикахъ, не хуже самыхъ богатыхъ поселянъ въ Англіи и въ другихъ Европейскихъ земляхъ. Вотъ дѣйствіе усердія Московскихъ жителей къ Святому Сергію! Троицкая дорога ни въ какое время года не бываетъ пуста, и живущіе на ней крестьяне всякой день угощаютъ проѣзжихъ съ большою для себя выгодною. Они все могли бы разбогатѣть, если бы гибельная страсть къ вину не разоряла многихъ — страсть, которая въ Россіи, особливо вокругъ Москвы, дѣлаетъ по крайней мѣрѣ столько же зла, какъ въ сѣверной Америкѣ между дикими народами. Я всегда радуюсь успѣхамъ промышленности, встрѣчая на улицахъ, въ торговые дни, милостивыхъ крестьянокъ съ ягодами, цвѣтами, травами для Аптекъ; но какъ отцы и мужья ихъ употребляютъ деньги? Не только пицета и болѣзни, но и самыя злодѣйства бываютъ слѣдствіемъ сего ужаснаго порока.

Русской человекъ добродушенъ: ему надобно впасть въ нѣкоторое безпамятство, чтобъ поднять руку на ближняго... Но что говорить о такомъ злѣ, которое всѣмъ извѣстно!

Тамъ, гдѣ Цари наши всегда отдыхали на пути къ Троицѣ, въ селѣ Братовщинѣ, я также остановился, не столько для отдыха, сколько для того, чтобы видѣть тамъ на досугѣ нѣкоторые монументы старины. Они стоятъ въ деревянной церкви, построенной, думаю, еще прежде Царя Алексѣя Михайловича, и въ ветхомъ зданіи, похожемъ на анбаръ и называемомъ *Царскою вышкой*. Это имя было для меня не ново: я слыхалъ, что въ старину назывались такъ высокіе терема, въ которыхъ Русскіе Бояре прохлаждались лѣтомъ. Цари наши не требовали ничего великолѣпнѣйшаго для своего дорожнаго отдыха. Тутъ вѣрно клали имъ перину или устилали полъ травою для свѣжести, отворяя со всѣхъ сторонъ *завдвижныя* окна: тогда не боялись еще сквознаго вѣтра. Приставъ сказывалъ мнѣ, что другая *вышка*, которая уже разрушилась, была гораздо просторнѣе. Близъ ветхой церкви (гдѣ давно нѣтъ ни службы, ни образовъ) построенъ дворецъ при Елисаветѣ Петровнѣ: Г. Миллеръ ошибся, назвавъ его древнимъ зданіемъ Царей. Къ нему идетъ отъ села прекрасная березовая аллея. Рѣчка Скауба на лѣвой сторонѣ, поля и луга составляютъ очень хорошій сельскій видъ. Онъ полюбился Екатеринѣ Великой, которая, бывъ тутъ въ 1775 году, приказала строить новый дворецъ и каменную церковь. Сдѣланъ фундаментъ,

изготовлены матеріалы — и все такъ оставлено. Отъ мѣста, гдѣ подлежало быть новому зданію, насажена въ правую сторону еще другая березовая аллея до самой большой дороги. Во всякомъ дѣлѣ, которое начато и не совершено, есть для меня что-то печальное. Развалины древности говорятъ по крайней мѣрѣ о прошедшемъ; тутъ зданіе отслужило время свое: это почтенный старецъ, лѣтами склоненный къ землѣ и гробу—а гдѣ разрушается недостроенное, тамъ можно только жалѣть о' трудахъ потерянныхъ.

Сѣвъ на гнилой церковной паперти, я съ удовольствіемъ смотрѣлъ вокругъ себя и на сельскіе ландшафты вдаль, думая, что не только люди, образъ ихъ жизни и твореній, но и самый видъ Натуры перемѣняется со временемъ. Теперешніе веселые луга и поля были нѣкогда или болотомъ или густымъ лѣсомъ. Г-нъ Миллеръ удивляется, отъ чего Переславль названъ *Зальскимъ*, когда вокругъ его нѣтъ даже и рощи! Видно, что онъ безъ вниманія смотрѣлъ на окрестности Троицкой дороги: частый кустарникъ и самый грунтъ земли (на правой и на лѣвой сторонѣ) доказываютъ, что тутъ прежде были сплошные лѣса, которые, вѣроятно, простирались и далѣе къ сѣверу, то есть, къ Переславлю. Россія въ сравненіи съ другими Европейскими землями есть конечно новая страна въ разсужденіи *обитаемости*; въ первые вѣки Христіанскаго лѣтосчисленія она состояла изъ обширныхъ пустынь, гдѣ являлись иногда кочующіе народы, подобно караванамъ въ степяхъ Африкан-

скихъ, и гдѣ въ десятомъ, одиннадцатомъ вѣкѣ рѣдкія селенія уподоблялись рѣдкимъ островамъ на Океанѣ; но присутствіе людей въ два или три столѣтія чудеснымъ образомъ измѣняетъ натуру. Гдѣ размножаются люди, тамъ (особливо въ сѣверныхъ земляхъ) исчезаютъ лѣса; нѣкоторые боятся того, думая, что потомкамъ нашимъ со временемъ нечѣмъ будетъ согрѣвать домовъ своихъ: страхъ напрасной! Впервыхъ, по мѣрѣ истребленія лѣсовъ, изсушенія болотъ и другихъ успѣховъ гражданской дѣятельности, климатъ становится теплѣе; вовторыхъ, деревья растутъ у насъ скоро; наконецъ, въ случаѣ нужды, нестоимые слѣзи земляныхъ угольевъ ожидаютъ въ Россіи только заступна, чтобы пылать въ нашихъ печахъ и камнахъ.

Маленькая деревня Талица, въ 9 верстахъ отъ Братовщины, замѣчена мною по любопытной встрѣчѣ. Я шелъ пѣшкомъ, увидѣлъ старика съ сумою, и проговорилъ съ нимъ долге часу. Ему около ста лѣтъ; но онъ едва начинаеть сѣдѣть, и твердь на ногахъ какъ чловѣкъ лѣтъ въ 50; только худо видить. Жена у него еще старѣе (двумя или тремя годами) и живетъ съ нимъ въ хижинѣ какъ Бавкида съ Филемономъ. У нихъ было 12 дѣтей, которыя всѣ померли во младенчествѣ. Я зашелъ къ нимъ въ гости. Они питаются милостынею и дома не пекутъ хлѣба, однакожь варятъ щи. Мужъ приносить воду и дрова, а жена затопляетъ печь; онъ имѣеть болѣе силъ, а она лучше видить. Какая рѣдкая судьба! жить вмѣстѣ 80 лѣтъ! Можетъ быть на всемъ земномъ шарѣ нѣтъ другаго супру-

жества столь долговременнаго! Я хотѣлъ знать, любятъ ли они другъ друга? — «Какъ не любить! мужъ да жена больше, чѣмъ братъ да сестра * » — «Боятесь ли вы смерти?» — «Чего бояться? Мы, слава Богу! пожилн. Смерть не бѣда.» — «Тебѣ не жаль будетъ старушки?» — «Чего жалѣть! Кому нибудь надобно умереть прежде.» — «А если она переживетъ тебя?» — «Ну что же? въ свѣтѣ не безъ добрыхъ людей; дадутъ ей уголокъ.» — Такимъ образомъ лѣта служатъ самымъ лучшимъ приготовленіемъ ко смерти, и Натура себя оправдываетъ! По ея закону мы должны любить жизнь, когда она еще сильно дѣйствуетъ въ крови и въ нервахъ; силы изнуряются, и благодѣтельное равнодушіе заступаетъ мѣсто сей, нѣкогда пламенной любви; утружденный старецъ видитъ для себя въ могилѣ мѣсто отдохновенія. — Къ удовольствію всѣхъ страстныхъ охотниковъ до здѣшняго свѣга замѣтимъ, что едва ли въ какой нибудь землѣ люди живутъ такъ долго, какъ у насъ: не въ городахъ, разумѣется, а въ деревняхъ всякой годъ (какъ известно по вѣдомостямъ разныхъ Губерній, вносимымъ въ газеты) умираетъ въ Россіи множество стариковъ за сто лѣтъ. Вотъ благословеніе сѣверныхъ земель и трудолюбивой жизни! а мы не рѣдко бранимъ климатъ свой и боимся работы; хотимъ богатства, чтобы имѣть все безъ труда—то есть, хотимъ преждевременной смерти!

Въ селѣ Воздвиженскомъ, въ 12 верстахъ отъ

* Думаю, что это старинная пословица.

Троицы, юные Цари, Иоаннъ и Петръ, съ Царевною Софіею жили вѣсколько времени, боясь въ Москвѣ мнимаго злоумышленія Хованскихъ. Князь сей фамиліи Андрей Ивановичъ и Милославскій были тогда начальниками грозныхъ Стрѣльцовъ и поссорились другъ съ другомъ. Стрѣльцы взяли сторону перваго, и Милославскій, страшась ихъ обыкновеннаго неистовства, уѣхалъ въ деревню: но оттуда написалъ къ Государямъ и Царевнѣ, что Хованскій имѣеть злодѣйскій умыселъ обagrить руки свои въ крови Царской, умертвить Патриарха, всѣхъ главныхъ Бояръ; что сынъ его всенародно хвалится свойствомъ съ Королями Польскими и говоритъ, что онъ рожденъ царствовать, а не повиноваться; что отецъ хочетъ возвести его на тронъ Россіи, и проч. Испуганный Дворъ немедленно уѣхалъ въ Савинъ монастырь, а оттуда въ Воздвиженское. Между тѣмъ отъ имени Царей написали къ Князю Андрею Ивановичу, что по извѣстнымъ его заслугамъ и вѣрности къ трону Государя желаютъ совѣтоваться съ нимъ въ нѣкоторомъ важномъ дѣлѣ и требуютъ его къ себѣ вмѣстѣ съ сыномъ. Сей Бояринъ, ничего не подозрѣвая (убѣдительно доказательство его невѣрности!) спѣшилъ къ Монархамъ; но Царевна Софія велѣла еще на дорогѣ взять подъ стражу отца и сына, оковать и привезти въ Воздвиженское. Тамъ ожидалъ несчастныхъ эшафотъ безъ всякаго изслѣдованія и суда. Старецъ Хованскій со слезами просилъ Бояръ, чтобы они только выслушали его; но Софія не велѣла принимать никакихъ оправданій

— ему отрубили голову. Войско, собравшееся тогда вокруг монастыря Троицкаго, единодушно требовало дозволенія идти въ Москву, истребить опасное ополченіе Стрѣльцовъ, и навсегда успокоить Дворъ; но Государя, или, лучше сказать, правительствующая Царевна не хотѣла того: дерзкіе мятежники были нужны для тайныхъ замысловъ ея властелюбія. — Въ селѣ Воздвиженскомъ между поселянами сохранилось преданіе, что Пётръ Великій въ юности своей искалъ у нихъ безопасности. Мудрено понять, для чего Дворъ въ то время не прямо отправился къ Троицѣ, а остановился въ селѣ, укрѣпленномъ только своими оврагами.

Версты за семь отъ Троицы открываются, среди зелени лѣсовъ, златыя главы церквей ея, вокругъ огромной колокольни, подобной величественному столпу. — Я взѣхалъ на гору Волкушу.... Русскіе Патріоты! это мѣсто должно быть намъ извѣстно. Здѣсь Архимандритъ монастыря Троицкаго благословлялъ крестомъ и кропилъ Святою водою достойныхъ сыновъ Россіи, которые съ Вождемъ Пожарскимъ и съ гражданиномъ Мининымъ шли освободить Москву отъ чужестранныхъ тирановъ!... Я сталъ на вершинѣ горы — и воображеніе представило глазамъ моиѣ ряды многочисленнаго войска подъ сѣнію распущенныхъ знаменъ, украшенныхъ именемъ городовъ, которыхъ добрые жители шли подъ ними: Нижняго Новгорода, Дорогобужа, Вязьмы, Ярославля, Владимира, и проч. Миѣ казалось, что я вижу сановитаго Пожарскаго среди мужественныхъ воеводъ

его, и слышу громъ оружія, которому черезъ пѣскольکو дней надлежало грянуть во имя отечества!... Русскіе были тогда сиротами: не имѣли Государя и сражались за одну Россію.

Лавра со всѣхъ сторонъ окружена горами, покрытыми нѣкогда дремучимъ лѣсомъ. Святыи Сергій, рожденный въ несчастныя времена нашего отечества, когда внѣшніе непріатели и внутренніе раздоры обращали Россію въ истинную *юдолю плача*, въ самой цвѣтущей юности удалился отъ свѣта, который представлялъ ему горестное зрѣлище злодѣйствъ и бѣдствій. Здѣсь мракъ лѣсовъ и дикое уединеніе, оградивъ его своею тишиною, не мѣшали святому юношѣ мирно бесѣдовать съ Творцемъ Натуры; здѣсь, отвращаясь сердцемъ и взоромъ отъ мятежной земли, въ безмолвіи пустынь гласилъ онъ съ Пророкомъ древности: *Небеса повѣдаютъ славу Божию!.... Но Святыи Угодникъ*, какъ говоритъ почтенный Историкъ Лавры, *сокрывъ себя въ пустынь; не могъ сокрыть имени своего*. Мірскія добродѣтели ищутъ славы: она сама находитъ небесную святость, и не щадитъ ея скромности. Скоро уединеніе благочестиваго Сергія сдѣлалось извѣстнымъ, и многіе старцы захотѣли молиться вмѣстѣ съ юношею. Вотъ происхожденіе сея обители, смиренной въ своемъ началѣ, славной и великолѣпной въ послѣдствіи! то есть, судьбу ея можно нѣкоторымъ образомъ уподобить жребію самой Христіанской Религіи.

Я обошелъ сперва вокругъ стѣны монастырской и готическихъ башенъ ея. Глубокой ровъ, вы-

сокія стѣны и самое положеніе монастыря дѣлали его вѣкогда лучшею крѣпостію нашего государства. Въ пятомъ и шестомъ-надесять вѣкѣ монахи ограждали себя каменными стѣнами не столько отъ мірскихъ соблазновъ, сколько отъ грозныхъ непріятелей, которые искали у нихъ сокровищъ. Всѣ старинные монастыри вокругъ Москвы построены на высокихъ мѣстахъ, безъ сомнѣнія не для хорошихъ видовъ, о которыхъ не думали святые отшельники, но для удобнѣйшей защиты. — Я видѣлъ слѣды батарей, которыми Поляки громили Троицкія стѣны; но и развалины бывають тамъ могилою непріятеля, *гдѣ* два спящія чувства: любовь къ отечеству и Вѣра, вооружають защитниковъ.

Входя во внутренность ограды, вы видите передъ собою монументы четырехъ вѣковъ, которые, по словамъ Стихотворца, привѣтствуютъ васъ

Одинъ съ угрюмостью своей,
Другой съ улыбкою веселой!

Соборъ Троицкій основанъ еще при Князѣ Васильѣ Димитріевичѣ, слѣдственно въ началѣ XV вѣка; онъ въ свое время казался безъ сомнѣнія великолѣпнымъ, а теперь малѣйшая изъ приходскихъ церквей въ Москвѣ болѣе его. Италіанскій Архитекторъ, именемъ Аристотель, родомъ изъ Болоньи, привезъ къ намъ вкусъ щастливаго вѣка Медицисовъ въ Княженіе Іоанна Васильевича и построилъ въ Москвѣ Соборъ Успенскій, служившій образцомъ и для Успенскаго Собора Лавры,

храма величественнаго; прежде того въ Россіи не имѣли идеи о хорошей архитектурѣ. — Изъявивъ Христіанское усердіе къ святынь Троицкаго монастыря, я съ любопытствомъ осматривалъ достопамятности церквей и ризницы. Два образа, даръ Царей Іоанна и Годунова Троицкому Собору, осыпаны рѣдкой величины драгоцѣнными камнями. Тутъ же Русскіе Патріоты съ особенною вѣрою прикладываются къ образу Сергія, написанному на отломкѣ гробовой доски его и бывшему во всѣхъ походахъ съ Государемъ Петромъ Великимъ, и еще съ Царемъ Алексѣемъ Михайловичемъ: вотъ славное знамя Россіи!—Между многими любопытными вещами я замѣтилъ пелену Софіи, Греческой Княжны, супруги Великаго Князя Ивана Васильевича, и многія церковныя утвари, вышитыя самою Императрицею Анною, Которая отменно любила женскія рукодѣлья. Елисавета Петровна подарила монастырю богатую служебную шапку и панагію, а Великая Екатерина большіе золотые сосуды. Однимъ словомъ, здѣсь всякой Русской Государь ознаменовалъ свое царствованіе какимъ нибудь даромъ, кромѣ, если не ошибаюсь, Петра Великаго. Иностранцы, которые видали богатство Италіянскихъ и Гишпанскихъ монастырей, могутъ еще подивиться богатству Троицкой ризницы, большимъ серебрянымъ паникадиламъ, подсвѣчникамъ и другимъ украшеніямъ здѣшнихъ церквей. Серебряная рака Чудотворца Сергія есть конечно самая драгоцѣннѣйшая гробница въ свѣтѣ. Кромѣ щедрости Госуда-

рей, кромѣ 100,000 душъ, бывшихъ во владѣніи у сего монастыря, вклады частныхъ людей также не мало способствовали его велелѣпію. Сіе отмиѣнное усердіе къ Лаврѣ не прохладается въ сердцахъ Россіянъ. Не только жители Москвы и въ радостяхъ и въ горестяхъ своихъ посѣщаютъ ее, но и другіе, изъ самыхъ отдаленныхъ мѣстъ отъ столицы, ѣздятъ сюда на богомолье. Святость Лавры торжествовала и въ наши времена: когда Москва и окрестности ея представляли ужасъ язвы—когда всѣ деревни на Троицкой дорогѣ, и даже здѣшнія слободы были опустошены ею—ни одинъ человѣкъ не заразился въ монастырѣ, отворенномъ для всѣхъ молещниковъ, которые толпами приходили въ него.

Между колокольнею и Троицкимъ Соборомъ стоитъ каменный обелискъ, сооруженный Митрополитомъ Платономъ. Тамъ, на бѣлыхъ мраморныхъ доскахъ, изображены *четыре* эпохи славы его и незабвенныя услуги, оказанныя имъ Россіи.

1. Когда Димитрій, вдохновенный любовію къ отечеству, осмѣлился наконецъ, чрезъ 150 лѣтъ удивительной робости Славянскаго потомства, сразиться съ Татарами, онъ спѣшилъ принять совѣтъ и благословеніе Сергія, который не только утвердилъ его въ семъ великомъ предпріятіи, но далъ ему и двухъ иноковъ, Пересвѣта и Осляби, явившихъ себя Героями на полѣ сраженія. Хотя радость народа и торжество Димитрія были кратковременны; хотя злобный Тохтамышъ скоро послѣ того опустошилъ Россію, взялъ и выжегъ Мо-

скву: однакожь на полѣ Куликовскомъ исчезло гибельное суевѣріе Русскихъ, главная вина ихъ постыднаго рабства: *они считали грозныхъ Татаръ бичемъ Небеснымъ, которому ничто не могло противиться.* Такимъ образомъ великодушный Князь Александръ, Герой на берегахъ Невы, ужасъ Шведовъ и храбрыхъ Нѣмецкихъ рыцарей, унижался передъ Батыемъ и Сартакомъ—не стыдился смиренно молить ихъ о помилованіи Россіи! Богатыри его: Полочаннъ Храбрый, Мпша Новгородецъ, Сава Сильный, Ратмиръ Смѣлый, не дерзали поднять руки на Татарина! Но Димитрій далъ призывъ, и великій Князь Іоаннъ имъ воспользовался; свергнулъ ихъ и—Москва въ стѣнахъ своихъ увидѣла плѣнныхъ Князей Татарскихъ.

2. Въ мятежное царствованіе Шуйскаго Троицкій монастырь былъ осажденъ Поляками, которые требовали, чтобы онъ сдался Лжедмитрію, извѣстному подъ именемъ Тушинскаго. Архимандритъ Іосафъ съ Воеводами Долгорукимъ и Голохвостовымъ изъявили непріятелю одно презрѣніе. Начались приступы, кровопролитныя сраженія, и монахи вмѣстѣ съ малочисленными Стрѣльцами умирали на стѣнахъ; святыя гимны Христіанскіе, которые день и ночь не умолкали въ храмахъ Троицы, были для Русскихъ гимнами битвы. Дѣло невѣроятное! цѣлая армія болѣе года осаждала монастырь, истощила всѣ усилія, и наконецъ отступила. — Троицкая обитель увѣчала подвиговъ свой тѣмъ, что отправила къ Царю всѣ церков-

ныя сокровища : ибо ему нужны были деньги для содержанія войска.

3. Когда недостойные Бояре и гнусные изменники свели съ престола несчастнаго Шуйскаго и впустили Поляковъ въ Москву злодѣйствовать, тогда Троицкіе Патріоты, Архимандритъ Діонисій и Келарь Аврамій Палицынъ писали грамоты во всѣ города и молили гражданъ вспомнить отечество. Трубецкій, ими убѣжденный, собралъ войско и приступилъ къ Москвѣ; но не могъ или не хотѣлъ усмирить мятежниковъ въ своей арміи. Пожарскій остановился въ Ярославѣ: Келарь Палицынъ спѣшилъ къ нему, заклиналъ его не медлить, самъ отправился съ войскомъ къ столицѣ, былъ въ сраженіяхъ и способствовалъ побѣдамъ. Козаки, требуя жалованья, взбунтовались: начальники Троицкаго монастыря, не имѣя денегъ, прислали имъ ризы, стихари, жемчужные эпитрахили; мятежники были тронуты, ничего не взяли, и вѣдлись быть вѣрными.—Столица освободилась отъ ига; юный Михаилъ царствовалъ, но Польскій Королевичъ Владиславъ называлъ себя Царемъ Русскимъ, и скоро осадилъ Москву; не могъ взять ее, и приступилъ къ Троицкому монастырю—но тамъ были еще живы побѣдители Сапѣги и Папа Лисовскаго: храбрые иноки снова явились на стѣнахъ съ Келаремъ Авраміемъ, и такъ славно отразили Владислава, что онъ потерялъ надежду завоевать престолъ Россійскій—заключилъ перемиріе съ монастыремъ и требовалъ мира съ Россією.

4. Наконецъ юный Петръ два раза находилъ въ стѣнахъ Троицкихъ убѣжище отъ злобы Стрѣльцовъ. Здѣсь вооружился онъ мечемъ правосудія для наказанія заговорщиковъ и твердостью прекратилъ умыслы Софїина властолюбія.

Однимъ словомъ, Троицкая Лавра съ самаго основанія своего была истинною Русскою защитою, и благочестивые старцы ея не только молитвами, но и дѣломъ ревностно служили отечеству. Вообще должно отдать справедливость Россійскому Духовенству: оно во всѣхъ народныхъ бѣдствіяхъ изъявляло геройскій патріотизмъ: для того свирѣпство Поляковъ, желавшихъ спокойно тиранствовать въ Россіи, болѣе всего устремлено было противъ нашего Духовенства. Такъ добродѣтельный Патріархъ Эрмогенъ сдѣлался жертвою ихъ лютости и своей любви къ отечеству. Гетманъ Желковскій требовалъ отъ него, чтобы онъ запретилъ Пожарскому собирать войско; но сей великій мужъ отвѣчалъ ему: *а кто же спасетъ Россію?* и кончая жизнь, грозилъ Гетману правосудіемъ Неба, храбростию вѣрныхъ сыновъ отечества. Патріоты! вамъ надобно знать, что прахъ Эрмогена покоился въ Чудовѣ монастырѣ (а нынѣ рака его въ Успенскомъ Соборѣ). Отъ того, что мы не имѣемъ порядочной Исторіи, славныя и великія дѣла предковъ намъ мало извѣстны; но ихъ довольно для пера краснорѣчиваго. Съ нѣкотораго времени намъ натвердили о Мининѣ и Пожарскомъ: ихъ любовь къ отечеству безъ сомнѣнія трогательна; но еще трогательнѣе для меня тогдашнее брат-

ское согласіе Русскихъ воиновъ, изображенное сею милою, простою чертою въ нашихъ лѣтописяхъ *никакой ссоры между людьми Пожарскаго не бывало, но всѣ совѣтно и единомысленно другъ съ другомъ поступали.* Вотъ что должно быть въ памяти всѣхъ Русскихъ! Мы со слезами читаемъ въ Греческой Исторіи, съ какимъ усердіемъ маленькія Республики высылали гражданъ своихъ противъ Царя Персидскаго: у насъ была такая же эпоха. Русскіе съ радостію отдавали имѣніе и жизнь отечеству. На примѣръ: Смоленскъ осажденъ Сигизмундомъ; жители окрестныхъ мѣстъ оставляютъ и дома и семейства свои въ жертву Полякамъ, чтобы спѣшить къ Пожарскому подъ знамя отечества!

Я съ любопытствомъ взглянулъ на Троицкія пушки, бросавшія громъ на Поляковъ, и разсматривалъ остатки оружія, которымъ ихъ разили храбрые иноки. Здѣсь была особенная палата, наполненная бердышами, мечами и пищалями; но Генераль-Фельдцейгмистеръ Шуваловъ по указу Императрицы Елисаветы Петровны взялъ сіе древнее оружіе въ Петербургъ; осталась только нѣкоторая часть его на память монастырю.

Въ Лаврѣ двѣ бібліотеки: одна принадлежитъ Семинаріи, а другая монастырю; первая состоитъ изъ 6000 книгъ иностранныхъ и Русскихъ, историческихъ, нравоучительныхъ, богословскихъ, и проч.; а во второй однѣ церковныя книги и рукописи. Въ Россіи, подобно какъ и во всѣхъ другихъ земляхъ, монахи во время общаго невѣжества бы-

ли почти единственными хранителями любопытныхъ манускриптовъ. Всѣ историческія рукописи были изъ Троицкой библіотеки посылаемы къ Е. Кларинѣ Великой, Которая столь ревностно занималась нашею Исторіею; но мнѣ сказывали, что въ нихъ нѣтъ никакихъ важныхъ отмѣнъ противъ напечатанныхъ лѣтописей.

Къ любопытнымъ вещамъ въ Лаврѣ принадлежитъ и большой колоколъ, въ 4000 пудъ вѣсомъ, первой въ Россіи и въ цѣломъ свѣтѣ, такъ, что и славный Китайскій не можетъ съ нимъ равняться. Вѣроятно, что онъ и навсегда останется первымъ: вкусь къ огромнымъ колоколамъ проходить. Троицкіе всѣ называются особенными именами: Годуновъ, Лебедь, Переспоръ; и проч. — Видъ съ колокольни (превышающей двумя или тремя саженьями Ивана Великаго) отмѣнно хорошъ; монастырскія окрестности живописны.

Еще недавцо сломанъ Троицкій каменный дворецъ Царя Іоанна Васильевича. Архитектура нынѣшняго дворца не показываетъ древности. Странно, что въ архивѣ монастырской не нашлось никакихъ записокъ о его построении. Знаютъ только, что онъ назывался Писаревскимъ, и что Тихонъ Писаревъ былъ Троицкимъ Архимандритомъ около 1720 году; слѣдственно можно заключать, что онъ и построенъ въ это время; внутри же украшенъ лѣпною работою при Елисаветѣ Петровнѣ. Зала, расписанная бирюзовою краскою, представляетъ въ барельефахъ всѣ победы Пе-

тра Великаго, съ девизами не худо вымышленными. Я съ большимъ удовольствіемъ смотрѣлъ на барельефы и читалъ надписи. Въ двухъ комнатахъ стоятъ алебастровыя изображенія всѣхъ нашихъ Князей и Государей отъ самаго Рюрика, сдѣланныя съ медалей, которыя не весьма удачно изобрѣтены художникомъ. На примѣръ, Свято-славъ, чудесный Герой своего времени, столь прекрасно и живо описанный Несторомъ, изображенъ какимъ-то смиреннымъ Игумномъ: ни одной черты геройской! Лице Годунова характернѣе другихъ; оно есть также вымыселъ, какъ думаю: въ его время у насъ не писали портретовъ, воображая, что это грѣхъ, и что одни лица Святыхъ достойны живописи. Любопытно знать, когда и съ кого былъ написанъ первый портретъ въ Россіи! — ПЕТРЪ Великій могъ еще жить въ этомъ дворцѣ. Онъ часто бывалъ въ Троицкомъ монастырѣ и часто бралъ деньги изъ монастырской казны, давая собственноручныя росписки, которыя и теперь хранятся въ Лаврѣ. Государь посылалъ Архимандрита въ церковь, оставался съ Келаремъ и дружески спрашивалъ: есть ли у нихъ деньги? Келарь отвѣчалъ: «какъ не быть для Вашего Величества?» и приносилъ мѣшки. Надобно знать, что Троицкіе Архимандриты не вмѣшивались въ экономію монастыря: ею занимались всегда Келари. Я слышалъ сіи подробности отъ такого человѣка, которому онѣ извѣстны по вѣрному преданію. — Садъ подлѣ дворца, состоящій изъ аллея сѣнистыхъ, вокругъ немалаго пруда, и боль-

ное зданіе, гдѣ живутъ Семинаристы, называются также Писаревскими.

Троицкая Семинарія, заведенная при Государынь Елисаветѣ Петровнѣ, есть одно изъ главныхъ духовныхъ училищъ въ Россіи. Въ ней всѣхъ учениковъ около 400, изъ которыхъ 150 на полномъ казенномъ содержаніи. Кромѣ древнихъ языковъ, здѣсь учатъ Французскому и Нѣмецкому. Это похвально: кому надобно проповѣдывать, тотъ долженъ знать Боссюэта и Массильюпа. Нѣкоторые изъ здѣшнихъ монаховъ говорили со мною по-Французски; а важные учителя виѣшивали въ свой разговоръ Латинскія фразы. Они доказывали мнѣ, что ученость привѣтлива: ходили со мною и все показывали съ видомъ искренней услужливости. Наука даетъ человѣку какое-то благородство во всякомъ состояніи.

Въ Лаврѣ погребены многіе знаменитые люди; и читая списокъ ихъ, я нашелъ множество именъ, которыхъ уже нѣтъ въ нашихъ дворянскихъ книгахъ: на примѣръ, Князей Пожарскихъ, Горбатовыхъ, Гагиныхъ, Ряцоловскихъ, Воротынскихъ. Князя Долгорукіе имѣли бы право возобновить фамилію Пожарскихъ, которой послѣдняя отрасль, внука (естли не ошибаюсь) Князя Дмитрія Михайловича, вышла за Долгорукаго; съ нею исчезло сіе имя, столь любезное для Русскихъ! — Мнѣ показывали гробъ славнаго Архимандрита Діонисія. Я спросилъ, гдѣ лежатъ кости добродѣтельнаго Келара Аврамія? и къ сожалѣнію услышалъ, что Преосвященный Платонъ, любя великихъ мужей

Россіи, напрасно искалъ его могилы; время сокрыло ее завѣсою тайны. Извѣстно только по запискамъ монастырскимъ, что Аврамій оставилъ по кончинѣ своей: мало богатства, но много славы! — Въ Успенскомъ Соборѣ погребена единственная *Лифляндская* Королева въ свѣтѣ, Марѳа Владиміровна, двоюродная племянница Царя Іоанна Васильевича и супруга Магнуса, столь извѣстнаго въ нашей исторіи. Іоаннъ игралъ судьбою сего Датскаго Принца; давалъ ему города, чтобы снова отнимать ихъ; велѣлъ Лифляндцамъ быть ему вѣрными и жестоко наказывалъ ихъ за сію вѣрность; пожаловалъ его въ Короли, и взялъ въ плѣнъ. Нѣжная супруга раздѣляла съ Магнусомъ непостоянную судьбу его; она по любви къ нему отказалась отъ Россіи, когда онъ прибѣгнувъ наконецъ къ защитѣ Польши, и горести сократили жизнь ея. — Въ часовнѣ, при церкви Сошествія Св. Духа стоитъ гробъ ученаго Грека Максима, еще болѣе добродѣтельнаго, нежели ученаго. Онъ противился браку Великаго Князя Василія Іоанновича съ Княжною Глинскою, находя его незаконнымъ — былъ сосланъ въ заточеніе, возвращенъ при Іоаннѣ и жилъ въ Троицкомъ монастырѣ, когда Царь, послѣ своей тяжелой болѣзни, съ Царицею и съ сыномъ пріѣхалъ въ сію обитель. Узнавъ о намѣреніи его отправиться въ Кирилловскій монастырь, Философъ Максимъ всячески уговаривалъ Государя остаться въ Москвѣ, доказывая, что Богъ во всѣхъ мѣстахъ равно присутствуетъ, и что гораздо лучше царствовать добродѣтельно, не-

жели скитаться по отдаленнымъ монастырямъ. Видя же, что Іоаннъ не принимаетъ его совѣта, онъ предсказалъ ему кончину Царевича. Такъ повѣствуетъ Курбскій, говоря, что благочестивый Максимъ призывалъ къ себѣ Князя Мстиславскаго, Адашева и его самого, заклиная ихъ удержать Царя. Но Іоаннъ не послушался, и предсказаніе сбылося. Сей анекдотъ дѣлается еще любопытнѣе своимъ послѣдствіемъ. Въ монастырѣ С. Николая, на берегу рѣки Яхромы, путешествующій Царь желалъ увидѣться съ однимъ старымъ монахомъ, который прежде былъ Епископомъ, и котораго любилъ отецъ его. Князь Щербатовъ говоритъ, что лѣтописцы наши не сказываютъ мени сего монаха, а сохранили только его прозванье *Топорковъ*. Почтенный Историкъ ошибся: Князь Курбскій именуетъ его Вассіаномъ, прибавляя, что онъ былъ родомъ изъ Лифляндіи, и за его злыя дѣла лишенъ Епископскаго сана по смерти Василя Іанновича. Сей чернецъ совѣтовалъ Царю быть истинно самодержавнымъ, отнять всю власть у Боярѣ и царствовать ужасомъ. Іоаннъ, по словамъ Курбскаго, такъ плѣнился коварнымъ совѣтомъ монаха, что поцѣловалъ руку его съ восторгомъ, сказавъ: *самъ отецъ мой не могъ бы присовѣтовать мнѣ лучше!.....* Царевичъ Дмитрій скончался дорогою; скоро умерла добродѣтельная Царица Анастасія; Іоаннъ началъ свирѣпствовать, и къ семейственнымъ утратамъ своимъ прибавилъ еще важнѣйшую: потерю любви народной. — Умный Историкъ долженъ рассказывать такіе анекдоты: ибо они

любопытны и показываютъ образъ мыслей времени; но онъ имѣетъ еще и другую обязанность: разсуждать и сказки отличать отъ истины.

Подлѣ Успенскаго Собора вросла въ землю маленькая, желѣзомъ крытая палатка, гдѣ погребена фамилія Годуновыхъ: Царь Борисъ, супруга его, сынъ Ѳеодоръ и несчастная Ксенія. Кто не остановится тутъ подумать о чудныхъ дѣйствіяхъ властолюбія, которое дѣлаетъ людей великими благодѣтелями и великими преступниками? Если бы Годуновъ не убійствомъ очистилъ себѣ путь къ престолу, то Исторія назвала бы его славнымъ Государемъ; и царскія его заслуги столь важны, что Русскому Патріоту хотѣлось бы сомнѣваться въ семь злодѣяній: такъ больно ему гнушаться памятью человѣка, который имѣлъ рѣдкій умъ, мужественно противоборствовалъ государственнымъ бѣдствіямъ и страстно хотѣлъ заслужить любовь народа! Но что принято, утверждено общимъ мнѣніемъ, то дѣлается въ некотораго рода святынею; и робкій Историкъ, боясь заслужить имя дерзкаго, безъ критики повторяетъ лѣтописи. Такимъ образомъ Исторія дѣлается иногда эхомъ злословія.... Мысль горестная! Холодный пепелъ мертвыхъ не имѣетъ заступника, кромѣ нашей совѣсти: все безмолвствуетъ вокругъ древняго гроба! глубокая тишина его прерывается только благословеніями или проклятіемъ идущихъ мимо и читающихъ гробовую надпись. Что, если мы клеветаемъ на сей пепелъ; если несправедливо терзаемъ память человѣка,

вѣря ложнымъ мнѣніямъ, принятымъ въ лѣтописъ безсмысліемъ или враждою?.... Но я пишу теперь не Исторію; слѣдственно не имѣю нужды рѣшить дѣла, и признавая Годунова убійцею Святаго Дмитрія, удивляюсь Небесному правосудію, Которое наказало сіе злодѣйство столь ужаснымъ и даже чудеснымъ образомъ.

Борисъ Годуновъ * былъ одинъ изъ тѣхъ людей, которые сами творять блестящую судьбу свою и доказываютъ чудесную силу Натуры. Родъ его не имѣлъ никакой знаменитости, и воспитаніе тогдашняго времени не могло воспалить въ немъ того страстнаго властолюбія, научить той великой хитрости, которыя составляютъ его характеръ. Двадцати лѣтъ онъ сдѣлался извѣстенъ при Дворѣ въ должности Рынды или оруженосца: для чего надлежало ему быть пріятной наружности: ибо иностранцы, описывая Дворъ Царей нашихъ, замѣчаютъ отмѣнную красоту юношей, которые, въ длинной бѣлой одеждѣ, носили передъ Государями оружіе въ ихъ торжественныхъ выходахъ. Борисъ умѣлъ пріобрѣсти благосклонность Малюты Скуратова, любимца Іоаннова; женился на его дочери, былъ пожалованъ въ Кравчіе, былъ дружкой на свадьбѣ Царя и наконецъ выдалъ сестру свою за Царевича Θεодора: изъ чего можно заключить о великой милости Іоанновой къ Годунову. Кончина

* Несправедливость нашихъ лѣтописцевъ въ разсужденіи сего Царя заставила меня войти здѣсь въ нѣкоторыя подробности.

сего Государя и слабость Θεодора открыли ему дальнѣйшіе виды властолюбія. Будучи только 17-мъ Членомъ Тайнаго Совѣта,* онъ сдѣлался единственною его душею: однихъ удалилъ, другихъ преклонилъ на свою сторону, и властвовалъ въ Россіи. Иностранные Писатели называютъ его торжественно объявленнымъ Протекторомъ Государства; но онъ въ самомъ дѣлѣ имѣлъ только властолюбіе и разумъ Кромвеля, не имѣя его титула: Русскіе лѣтописцы даютъ ему одно имя Конишаго. Мирное и кроткое царствованіе Θεодора, послѣ ужасовъ Іоаннова; казалось народу и дворянству истиннымъ золотымъ вѣкомъ: такъ выгодно быть преемникомъ жестокаго Царя! А какъ всѣ знали, что Θεодоръ мало занимался государственными дѣлами, то вся слава правленія относилась къ Годунову, который своею мудрою дѣятельностію, благоразумною политикою въ разсужденіи иностранныхъ Державъ, правосудіемъ внутри государства, ласковымъ обхожденіемъ съ Боярами и щедростію къ народу,** заслужилъ общее уваженіе и любовь. Онъ воспитывалъ сына своего сообразно съ тайнымъ, великимъ его назначеніемъ; вызвалъ для того изъ Нѣмецкой земли ученыхъ мужей и явилъ въ Россіи примѣръ нравственнаго образованія, достойный самыхъ просвѣщенныхъ временъ. Димитрія уже не было.... Увѣривъ Рос-

* Онъ состоялъ изъ 31 человѣка.

** Доходы его простирались до 90,000 рублей.

сію въ своей рѣдкой мудрости, Годуновъ спокойно ожидалъ слѣдствій; онъ предвидѣлъ скорую кончину Θεодора, слабаго душею и тѣломъ.

Надежда его исполнилась. Общій гласъ наименовалъ Годунова Царемъ, * когда на тронѣ пресѣкся родъ Князей Варяжскихъ и Царица Ирина отказалась отъ правленія. Россія въ первый разъ избрала себѣ Государя, торжественно и свободно. Бояре и народъ, Патріархъ и Духовенство предложили ему вѣнецъ отечества. Хитрый Годуновъ хотѣлъ показать, что твердая душа его не ослѣпляется блескомъ трона, и съ скромнымъ величіемъ отвергнулъ корону; но Іовъ умолялъ его, народъ требовалъ, сама Царица просила — и Борисъ съ видомъ глубокой горести отвѣтствовалъ паконецъ, что онъ изъ повиновенія соглашается властвовать.

Ложный слухъ о вооруженіяхъ Хана Крымскаго благопріятствовалъ тонкой полпикѣ Годунова: онъ желалъ увѣрить Россіявъ, что безопасность отечества ему дороже сана Царскаго — отложилъ священный обрядъ вѣнчанія и велѣлъ собираться войску. Серпуховъ былъ свидѣтелемъ великаго зрѣлища: тамъ въ нѣсколько недѣль собралось болѣе 200,000 воиновъ: ** армія, какой еще въ Россіи никогда не видали! Бояре и дворянство хотѣли

* Одни Шуйскіе и Григорій Годуновъ тому цѣвились.

** Маржеретъ говорить: пять сотъ тысячъ.

явитъ отмѣнное усердіе новому Государю; вооружили столько людей, сколько могли набрать въ своихъ помѣстьяхъ, и явились въ станъ со всѣмъ блескомъ восточной роскоши. Годуновъ прибылъ въ сей необозримый станъ какъ на пиръ великолѣпный, который давала ему довольная и щастливая Россія; бранный шлемъ украшалъ тогда голову его не хуже вѣнца Царскаго. Но Казигирей требовалъ мира и прислалъ Мурзъ своихъ быть свидѣтелями славы и величія Царя Россійскаго. Пораженные зрѣлищемъ безчисленнаго войска, стоявшаго въ ружьѣ на пространствѣ семи верстъ, они отъ страха и трепета едва могли говорить съ Царемъ. Въ станѣ начались пиршества, которыхъ описаніе кажется намъ даже романтическимъ. Цѣлыя шесть недѣль Государь угощалъ ежедневно болѣе 10,000 человекъ, въ богатыхъ ставкахъ, на серебряныхъ блюдахъ; раздавалъ деньги простымъ воинамъ, а чиновниковъ дарилъ золотыми парчами и бархатомъ; наконецъ утвердивъ миръ съ Татарами, заключилъ ежедневныя празднества обѣдомъ для всего войска: изъявилъ ему благодарность за усердіе, и съ торжествомъ возвратился въ Москву принять корону отъ Патріарха. Властолюбивая Годунова душа блаженствовала въ сіе время. Едва ли какое нибудь другое царствованіе начиналось столь великолѣпно и славно: можно ли было ожидать такого конца ужаснаго?

Принимая вѣнецъ, Годуновъ со слезами клялся быть правосуднымъ, челолюбивымъ, отцомъ народа. Онъ старался исполнить обѣтъ свой. Лѣ-

тописцы наши, столь неохотно отдающіе ему справедливость, признаются, что Борисъ *любилъ въ судахъ правду*, и что въ его время не лилась кровь человѣческая на эшафотахъ; по все, чего можно было не сказать въ похвалу Годунова, ими умолчано: на примѣръ, какъ онъ облегчалъ бремя налоговъ; какъ хотѣлъ прекратить разныя злоупотребленія власти, вредныя для народа; * какъ во время общихъ бѣдствій, которыми Богъ посѣтилъ Россію въ его правленіе, истощилъ онъ всю казну Царскую на благодаренія.... Провидѣнію не угодно было, чтобы намѣреніе Годунова исполнилось, и чтобы Россія въ его время начала уже спорить съ другими Державами въ успѣхахъ гражданскаго искусства; но онъ имѣлъ сіе намѣреніе, и мы должны быть признательны къ чрезвычайнымъ дѣйствіямъ ума во мракѣ самаго невѣжества. Царь Борисъ, по увѣренію иностранныхъ Писателей, ** хотѣлъ ввести въ Россію науки съ художествами; любилъ великихъ людей, и всячески убѣждалъ славнаго Англійскаго Математика Ди приѣхать въ Москву; отправлялъ молодыхъ дворянъ въ другія земли *** учиться; взялъ въ Рус-

* См. Манифестъ Годунова, отысканный Миллеромъ въ Сибирскихъ Архивахъ.

** Мильтота, Патрей и проч.

*** Ихъ послано было 18 въ Швецію и въ Нѣмецкую землю. Трое изъ нихъ служили при дворѣ Карла IX въ Штокгольмѣ.

скую службу многихъ Нѣмецкихъ Офицеровъ — однимъ словомъ хотѣлъ употребить тѣ же способности для просвѣщенія Россіи, которые сто лѣтъ послѣ были увѣнчаны совершеннымъ успѣхомъ въ рукахъ Петра Великаго. Но судьба не позволила ему царствовать долѣе осьми лѣтъ; не позволила ему и въ сіе краткое время спокойно заниматься благомъ отечества, омрачивъ Россію ужасами и бѣдствіями. Годуновъ сдѣлалъ все, чего можно требовать отъ человѣческой мудрости, когда она должна сражаться съ ожесточеннымъ рокомъ. Очевидцы, Маржеретъ и Петрей, описали намъ его удивительную попечительность о спасеніи народа во время страшнаго голода, который два года свирѣпствовалъ въ Россіи. Царь ежедневно раздавалъ бѣднымъ 30,000 рублей; * отправлялъ лекарства и большія суммы денегъ въ Смоленскъ, опустошаемый язвою; истребилъ цѣлую армію злодѣевъ, которые подъ начальствомъ грознаго, отчаяннаго Хлонка, сего Русскаго Катилпы, все жгли и грабили въ окрестностяхъ столицы. Въ самое то время, когда государство было жертвою неслыханныхъ золъ, Царь Борисъ, находя въ духѣ своемъ довольно твердости для ихъ отраженія, спокойно и величественно принималъ въ

* См. Петрея и Маржерета. Онъ нарочно завелъ строенія, чтобы бѣдные люди, имъ пятаемые, могли трудомъ быть полезны государству. Иванъ Великій остался монументомъ сего благодѣянія.

Москвѣ иностранныхъ Министровъ, удивлялъ ихъ велелѣшіемъ Двора, давалъ убѣжище Принцамъ, * сажалъ Царей на троны, ** заключалъ выгодные союзы, строилъ города и крѣпости; славился своимъ миролюбіемъ; дѣйствіемъ одной хитрой политики, безъ оружія, истребилъ опасныя Нагайскія Орды, и безъ побѣдъ заставилъ Европейскія Державы *** уважать Россію болѣе прежняго. Послы Сигизмунда III, Королей Датскаго и Шведскаго, Елисаветы Англійской и преемника ея, славныхъ городовъ Ганзейскихъ, надменнаго Папы, Императора Рудольфа и наковецъ завоевателя восточнаго, Персидскаго Шаха Аббаса, благоговѣли передъ трономъ Годунова.... И сего Монарха, о которомъ Петръ Великій отзывался съ уваженіемъ, и котораго имя самъ Царь Михаилъ велѣлъ сохранить на Иванѣ Великомъ, не смотря на то, что родитель его былъ гонимъ Борпсомъ; сего Монарха, говорю, лѣтописцы наши не стыдятся описывать безумнымъ злодѣемъ, увѣряя, что овъ, для пріобрѣтенія любви народной, жегъ Москву, тайно умерщвлялъ старыхъ монахинь, изъ фамиліи Ро-

* Шведскому.

** Касимовскаго.

*** Самъ жестокой Авторъ Ядра Россійской Исторіи въ этомъ признается — не Хилковъ, а Секретарь, или Переводчикъ его, истинный сочинитель сей книги, какъ то открылось по найденнымъ запискамъ въ Архивѣ Иностранной Коллегіи.

мановыхъ, * научалъ слугъ доносить на господъ своихъ въ нелѣпостяхъ, и даже самъ грабилъ съ ними дома Бояръ! ** Мы, слава Богу! живемъ въ такія времена, въ которыя можемъ и должны разсуждать; изъясненіемъ характеръ человѣка дѣломъ, и дѣло характеромъ человѣка; знаемъ, что властолюбіе умныхъ людей не всегда бываетъ чуждо злодѣйства, но что для вѣроятности сего злодѣйства надобно доказать связь его съ пользою властолюбія. Годуновъ, ослѣпленный страстію, могъ ужаснымъ образомъ пролить невинную, святую кровь для приобрѣтенія короны: къ несчастію рода человѣческаго мы находимъ такія страшныя дѣла въ Исторіи; но почти всѣ другія мнимыя преступленія его кажутся мнѣ нелѣпостями, достойными грубыхъ невѣждъ, которые хотѣли злословіемъ льстить царствующей Фамиліи Романовыхъ. Безпристрастный Историкъ конечно осудитъ въ немъ безпокойную подозрительность въ разсужденіи нѣкоторыхъ знатныхъ фамилій: она была причиною ссылки Романовыхъ; она заставила Годунова мѣшать брачнымъ союзамъ Бояръ и терпѣть шпіонство; но должно вспомнить характеръ того времени; должно вспомнить, что Борисъ царствовалъ скоро послѣ Іоанна, который позволялъ себѣ не такіе ужасы въ случаѣ малѣйшаго сомнѣнія. Онъ не родился Госуда-

* Евфимію Никитишву, жену Князя Ивана Васильевича Свцкаго.

** См. Ядро Россійской Исторіи.

ремъ; а подозрительность гораздо извинительнѣе въ избранномъ, нежели въ наследственномъ Монархѣ. Послѣдній въ самой колыбели уже казался намъ властелиномъ; но люди таковы, что имъ трудно считать земнымъ богомъ человѣка, который нѣкогда былъ наравнѣ съ ними. Годуновъ могъ думать, что знатные Бояре не охотно ему повинуются; и хотѣвъ быть осторожнымъ, сдѣлался притѣснителемъ. Иностранные Писатели * замѣчаютъ, что онъ весьма рѣдко показывался народу: не трудно угадать причину: Годуновъ-Царь боялся напомнить ему лицомъ своимъ Годунова-подданнаго — страхъ неизвѣстныйи наследственный Вѣнценосцамъ! — Къ чести нравственнаго характера его должно замѣтить, что онъ былъ нѣжнимъ отцомъ и супругомъ. Москва въ царствованіе Бориса не видѣла при Дворѣ тѣхъ соблазнительныхъ, развратныхъ явленій, которыя описаны Курбскимъ, и которыми она гнушалась послѣ въ царствованіе Лжедмитрія: тамъ сіяло одно великолѣпіе и соблюдалась строгая благопристойность. Усердная набожность принадлежитъ также къ характеру Годунова; не лзя сомнѣваться въ ея искренности, когда онъ пожертвовалъ ей жизнью любимаго сына, велѣвъ его больнаго, въ холодный зимній день, нести въ церковь. ** Никто изъ Русскихъ Царей чаще Бориса не бывалъ

* Маржереть.

** См. Флетчера.

въ монастырѣ Троицкомъ и въ другихъ святыхъ обителяхъ. Можетъ быть угрызеніе совѣсти влекло его къ олтарямъ Религіи, которая самыхъ преступниковъ не отвергаетъ, и льетъ бальзамъ на сокрушенное тайнымъ раскаяніемъ сердце.

Уже Россія забывала свои бѣдствія: рука дѣятельнаго правленія залечила язвы ея; изобиліе, порядокъ и благоустройство начинали царствовать *.... Вдругъ все перемѣнилось!.... Сей Царь, мудрый и сильный, на котораго смотрѣла съ почтеніемъ Европа и Азія, уступаетъ тронъ свой Польскому бродягѣ!.... Вотъ любопытная эпоха нашей Исторіи, трудная, но весьма занимательная для ума историческаго. Онъ долженъ рѣшить важное сомнѣніе, не только для Россіи, но и для Европы; рѣшить не иначе, какъ собравъ довольно число вѣроятностей для убѣжденія.... Хотя Историкъ судить безъ свидѣтелей; хотя не можетъ допрашивать мертвыхъ: однакожь истина всегда зараняется искры для наблюдателя безпристрастнаго; должно отыскать ихъ въ пеплѣ — и тогда происшествіе объясняется.

Еслии Небесное правосудіе хотѣло наказать Годунова, то Оно не могло избрать ужаснѣйшаго способа для сего наказанія, какъ воскресивъ имя убіеннаго для пораженія убійцы; и еслии Году-

* Маржеретъ, вѣрный слуга Лжедмитрія, и слѣдственно недоброжелатель Годунова, пишетъ, что Россія была тогда сильнѣе и счастливѣе прежняго.

новъ подлинно отравилъ себя ядомъ, то безразсудное его отчаяніе можно только изъяснить непосредственнымъ дѣйствіемъ вышняго Промысла и безпокойной совѣсти: * ибо онъ въ самомъ дѣлѣ не имѣлъ еще никакихъ причинъ бояться самозванца, на голову побитаго Царскою арміею и несмѣившаго вытти изъ Путивля, гдѣ едва ли было у него и 3000 сброднаго войска: ** Внезапная смерть Годунова, молодость Царя Феодора, несогласіе Боярѣ и наконецъ измѣна неблагодарнаго Басманова открыли ему путь къ Москвѣ. — Что принадлежитъ до тогдашней народной ненависти къ Царю Борису, о которой говоритъ Князь Щербатовъ, то я не вижу рѣшительныхъ доказательствъ. Известно непостоянство народа: онъ могъ быть обольщенъ чудесною новостію и слѣдовать за Лжедмитріевыми знаменами безъ всякой особенной ненависти къ Борису, который правленіемъ сво-

* Маржеретъ и Петрей, бывшіе тогда въ Россіи, говорятъ, что ударъ прекратилъ жизнь его; нѣкоторые иностранцы думали, что измѣнникъ Петръ Басмановъ далъ ему яду; а наши лѣтописцы утверждаютъ, что Борисъ самъ себя отравилъ.

** Вотъ тогдашнее состояніе дѣлъ: самозванецъ, побитый Шуйскимъ, ушелъ въ Путивль съ своими Іезуитами; Воевода Сендомирскій, отецъ Марины, уѣхалъ назадъ въ Польшу; часть Борисовой арміи не могла взять Рыльска, занятаго единомышленниками Отрепьева; главная армія осаждала Кромы и начальники ея ссорились между собою.

имъ не заслужилъ ее. Скорѣе повѣрю я Татищеву, что *Бояре* не любили тогда Годунова: ибо оцъ, запретивъ крестьянамъ переходить съ мѣста на мѣсто, отнялъ у сплныхъ и богатыхъ господъ средство разорять бѣдныхъ дворянъ; то есть переманивать ихъ земледѣльцевъ къ себѣ. Татищевъ находитъ въ семъ законѣ причину гибели Царя Бориса и несчастнаго семейства его. Но Патриоту не хотѣлось бы оскорблять памяти старинныхъ Бояръ Русскихъ и думать, что грубое корыстолюбіе могло привязать ихъ къ успѣхамъ самозванца.

Ничто по крайней мѣрѣ не мѣшаетъ намъ жалѣть о добродѣтельной Борисовой супругѣ (отъ которой онъ, по словамъ одной лѣтописи нашей, таилъ непохвальныя дѣла свои) — о юномъ и прекрасномъ *Теодорѣ*, котораго умъ и свойства единодушно прославляютъ всѣ Русскіе лѣтописцы, и который, подобно Англійской *Аннѣ Грей*, нашель на тронѣ одну преждевременную смерть — наконецъ о любезной *Ксеніи*, столь милой доброму сердцу по самымъ ужаснымъ ея бѣдствіямъ. Едва оплакавъ кончину достойнаго жениха своего, *Принца Датскаго*, она рѣшилась родителя — видѣла убіеніе матери, брата, и была жертвою гнуснаго сластолюбія убійцы ихъ. Ея жизнь угасла въ слезахъ подъ сводомъ монастырской кельи.

Шуйскій, сдѣлавшись Царемъ, велѣлъ перевезти тѣло Годунова изъ *Варсонофьевскаго* монастыря въ *Троицкій* и похоронить его *честно*, вмѣстѣ съ супругою и дѣтьми, при *Успенскомъ Соборѣ*. Сямъ изъявилъ онъ уваженіе къ памяти Годунова,

который любилъ его. На лѣвой сторонѣ отъ Собора, съ краю, лежитъ Царница; надъ нею Борнсъ; въ третьемъ гробѣ Косенія, а въ четвертомъ Феодоръ.

Всякой, кто знаетъ исторію отчества, кто умѣетъ цѣнить характеры и дѣла, будучи въ Лаврѣ, захочетъ видѣть эту смиренную палатку; устремить на нее глаза съ любопытствомъ; скажетъ: «вотъ чѣмъ должно кончиться земное властолюбіе!» и примолвитъ: «Богъ судитъ тайныя злодѣянія; а мы должны хвалить Царей за все, что они дѣлаютъ для славы и блага отчества!» 11

Изъ монастыря поѣхалъ я въ село Деулино, до котораго будетъ версты 4 отъ Троицы. Тутъ заключенъ съ Поляками миръ при Царѣ Михаилѣ Феодоровичѣ, не славный, однакожъ въ тогдашнихъ обстоятельствахъ благодѣтельный для Россіи. Она уступила Польшѣ Смоленскъ и еще нѣсколько городовъ; за то Коромевичъ Владиславъ отказался отъ своихъ требованій на престолъ Россійскій, и возвратилъ изъ плѣна Филарета Никитича. Три раза съѣзжались Министры: въ первый разъ (по словамъ лѣтописцевъ) они побрались; въ другой едва не подрались, а въ третій заключили миръ на 14 лѣтъ. Поляки, выходя изъ Россіи, конечно не думали, что имъ уже никогда не возвращаться въ ея предѣлы. Деулинскій договоръ былъ послѣднимъ дѣйствіемъ трагедіи, которую они столько лѣтъ играли въ нашемъ отечествѣ. Воображая ихъ неистовства—грабежи, убійства, всякаго роду насилія — я вижу дѣйствіе Небеснаго правосудія,

которое дозволило потомству отмстить за предковъ, избравъ Екатерину Великую для совершенія удара. Взаимная ненависть двухъ народовъ рано или поздно кончится погиблiю одного изъ нихъ.

Г. Миллеръ замѣчаетъ, что многія мѣстечки и деревни въ Россiи, гдѣ заключались трактаты съ Швеціею и Польшею, или совсѣмъ исчезли или перемѣнили свои имена; такимъ образомъ, возвращаясь изъ Сибири, между Тихвина и Старой Ладogi, онъ напрасно искалъ села Столбова, гдѣ подписанъ былъ трактатъ съ Шведами. Заполье и Андрусово, гдѣ въ 1582 и 1667 году Россiя заключила миръ съ Поляками, также намъ неизвѣстны. Но Деулицо и самая деревянная церковь, построенная Троицкимъ Архимандритомъ Діонисіемъ и Келаремъ Авраміемъ на память миру, служитъ донынѣ предметомъ любопытства для Русскихъ, знающихъ свою Исторію. — Недалеко отъ Деулицкой церкви видны еще остатки укрѣпленій: Русскихъ или Польскихъ, не извѣстно. Тамошній Священникъ, о которомъ пишетъ Г. Миллеръ, и который разговаривалъ съ нимъ о Польской войнѣ, давно умеръ. Я не видалъ нынѣшняго, и не могъ узнать, столько ли онъ свѣдуещъ въ Русскихъ древностяхъ, какъ его предмѣстникъ.

Такимъ образомъ два дни прошли для меня въ историческихъ воспоминаніяхъ, дѣлающихъ мѣста и предметы любопытными. Исторія въ нѣкоторыхъ лѣтахъ занимаетъ насъ гораздо болѣе романовъ; для зрѣлаго ума истина имѣетъ особенную

прелесть, которой нѣтъ въ вымыслахъ. Въ самомъ грустномъ расположеніи, въ которомъ цвѣты разума и воображенія не веселятъ насъ, человѣкъ можетъ еще съ какимъ-то меланхолическимъ удовольствіемъ заниматься Исторіею : тамъ все говорить о томъ, что было, и чего уже нѣтъ !....

1803 г.

РУССКАЯ СТАРИНА.

(Сообщаю анекдоты и разныя извѣстія о старой Москвѣ и Россіи, выбранныя мною изъ чужестранныхъ Авторовъ, которые во время Царей жили въ нашей столицѣ и которые не во всѣхъ библіотекахъ находятся. Думаю, что эта статья для многихъ читателей будетъ занимательна. Къ печастыю, мы такъ худо знаемъ Русскую старину, любезную для сердца Патриотовъ!)

Во время Царя Михаила Ѳеодоровича считалось въ Москвѣ около 2000 церквей. Сіе великое число покажется удивительно; но должно знать, что всякой Бояринъ, всякой знатной или богатой чело-вѣкъ того времени хотѣлъ имѣть ообственную церковь свою. Онѣ были почти всѣ деревянныя и маленькія. Патріархъ Никонъ, видя частые въ Москвѣ пожары, уговаривалъ набожныхъ и богатыхъ людей строить каменные церкви, и множество деревянныхъ было при немъ сломано. Оларій говоритъ о *пятидесяти* церквахъ въ Кремлѣ; но вѣроятно, что онъ и придѣлы называетъ храмами. — Иностранцы, замѣчая, что всѣ наши церкви внутри бываютъ съ круглыми сводами, хотѣли знать причину того, но не смогли свѣдать ее. Извѣстно, что и языческіе храмы (какъ на при-

мѣръ, Пантеонъ въ Римѣ) по большой части имѣли круглые своды: видъ неба безъ сомнѣнiя служилъ для нихъ образцомъ. — Католики и Лютеране спрашивали также у Русскихъ: для чего въ храмахъ нашихъ не бываетъ музыки? Для того (отвѣчали они), «что инструменты бездушные не могутъ хвалить Бога, и что въ Новомъ Заветѣ совсѣмъ не упоминается о музыкѣ.» — Олеарій и другіе чужестранные Писатели говорятъ, что одно Русское ухо могло сносить страшной звонъ Московскихъ колоколовъ. Въ большой колоколъ Годунова, вѣсомъ въ 356 центнеровъ, звонили единственно въ большіе праздники, или тогда, какъ Цари принимали въ Кремлѣ важныхъ Пословъ чужестранныхъ. — Описывая тишину благочестія, наблюдаемую Русскими въ церквахъ, Олеарій прибавляетъ, что Московскіе жители и на улицахъ безпрестанно молятся; или передъ иконами, стоящими на воротахъ, или передъ крестами церкви. Герберштейнъ, бывшій въ Москвѣ еще при Князѣ Васильѣ Ивановичѣ, также замѣчаетъ великую набожность Русскихъ, и пишетъ, что они, приходя одни къ другому въ гости, обыкновенно снимаютъ шапку въ дверяхъ, идутъ глазами не хозяина, а иконы; становятся посрединъ горницы, три раза крестятся и кланяются имъ, говоря въ слухъ: *Господи помилуй*; а тамъ уже оборачиваются къ хозяйну съ привѣтствіемъ: *дай Боже здравіа тебѣ и домочадцамъ твоимъ!* — До самыхъ временъ Императора Петра Великаго Русскіе Священники не смѣли говорить проповѣдей

въ церквахъ; начальники Духовенства боялись ереси и расколу, который, по ихъ мнѣнію, могъ родиться отъ своевольныхъ изъясненій Св. Писанія. Во время Патріарха Никона Муромскій Протопопъ Логинъ отступилъ отъ сего закона и началъ проповѣдывать въ церкви, уговоривъ и другихъ Муромскихъ священниковъ слѣдовать его примѣру. Народъ слушалъ ихъ съ великимъ удовольствіемъ; но Патріархъ, свѣдавъ о томъ, разстригъ Логина и товарищей его, и сослалъ ихъ въ Сибирь. — Цари бывали со всеми Боярами ежегодно два или три раза въ Монастырѣ Троицкомъ. Царь Михаилъ Ѳеодоровичъ всегда праздновалъ тамъ день Троицы и свои именины въ Сентябрѣ мѣсяцѣ. Не добзжая до монастыря за три версты, онъ выходилъ изъ коляски или берлина, чтобы со всеми Боярами идти пѣшкомъ до самыхъ воротъ, гдѣ встрѣчалъ его Архимандритъ. Царь живалъ тамъ по нѣскольку дней, и часто забавлялся охотою въ окрестныхъ мѣстахъ. Петрей говоритъ, что Архимандритъ, по старинному обыкновенію, долженъ былъ угощать Царей и свиту ихъ на счетъ богатой казны монастырской. — Все Рускіе Государя старались отличить себя благочестіемъ; но едва ли кто нибудь изъ нихъ могъ сравняться въ усердной набожности съ Михаиломъ Ѳеодоровичемъ, который, по словамъ Олеарія, почти всегда молился въ церкви на колѣняхъ и падалъ ницъ передъ иконами.

Олеарій при описаніи своего путешествія издалъ весьма хорошій и вѣрный планъ Москвы. Въ его

время она раздѣлялась на *Китай-городъ*, *Царь-городъ* (нынѣ Бѣлой-городъ), *Скородомъ* и Стрѣлецкую Слободу; бывшую за Москвою-рѣкою. Кремль считался только частію Китая-города. Олеарій пишетъ великолѣпнй дворца, построеннаго въ Италіанскомъ вкусь Царемъ Михаиломъ для сына его Алексѣя Михайловича; самъ же Царь жилъ для своего здоровья въ деревянномъ домѣ. Всѣ знатнѣйшіе Бояре имѣли дома въ Кремлѣ. Палаты Никола Патріарха были тамъ, послѣ дворца, огромнѣйшимъ зданіемъ. Олеарій не изъясняетъ имени Кремля; но мы знаемъ, что оно Татарское и значить *крѣпость*. За то онъ сказываетъ намъ, что имя Китая-города значить *средній городъ*, — вѣроятно, также на Монгольскомъ или Татарскомъ языкѣ, изъ котораго наши предки заимствовали довольно словъ. Будучи между Кремлемъ и Царемъ-городомъ, *Китай* могъ назваться *среднимъ*. Въ немъ жили тогда всѣ богатѣйшіе гости или купцы, нѣкоторые Князья Московскіе и дворяне. Олеарій, упоминая о готической и примѣчанія достоинѣйшей въ Китаѣ-городѣ церквцъ Василія Блаженнаго, рассказываетъ, что Царь Іоаннъ, будучи ею весьма доволенъ, приказалъ выколоть глаза Архитектору ея, чтобы онъ не могъ построить другаго, столь же красиваго храма: возможно — но справедливо ли? оставимъ безъ изслѣдованія. По крайней мѣрѣ сей анекдотъ рассказывали у насъ въ старину за истину. Не далеко отъ Василія Блаженнаго было возвышенное мѣсто, на которомъ *лежали* неподвижно двѣ огромныя нушки, обра-

пенныя къ той улицѣ, откуда обыкновенно приходил Татары. На Красной Площади съ утра до вечера толпилось множество людей праздныхъ, господскихъ слугъ, купцовъ и продавцевъ всякаго рода вещей. Сіе мѣсто походило на Римской Форумъ. Тутъ рассказывались всякія любопытныя вѣсти. Уже при Царѣ Михаилѣ Ѳеодоровичѣ (вѣроятно, что и гораздо прежде) для всякаго товара былъ въ Москвѣ особенный рядъ, какъ и нынѣ, и на томъ же самомъ мѣстѣ. Олеарій именуеетъ ряды: шелковый, суконный, серебряный, шапошный, сѣделный, сапожный, иконный и проч. Опъ говоритъ еще о рынкѣ (между Польскимъ Дворомъ и Красною Площадью), гдѣ въ хорошую погоду Московскіе жители стригли себѣ волосы, которыми земля была тамъ устлана какъ *мяскими тюфяками*. Китай-городъ окруженъ былъ *красною*, а *Царь-городъ* бѣлою стѣною. Въ сей части города жили Дѣти Боярскіе или дворяне, богатое мѣщанство; купцы, имѣвшіе торгъ съ другими городами ремесленники и всѣ хлѣбники; тамъ же были Царская ковюшня и литейной дворъ, на томъ мѣстѣ, которое называлось *поганымъ прудомъ*. — Третья часть Москвы (за нынѣшнимъ *Бѣлымъ городомъ*) называлась *Скорodomъ* отъ того, что она состояла изъ однихъ деревянныхъ маленькихъ домовъ, которыхъ строеніе не требовало много времени. Тамъ находился лѣсной рядъ, гдѣ продавались всегда готовые срубы. Въ *Скорodomъ*, окруженномъ *деревянною стѣною съ башнями*, жили мѣщане и подъячіе. — Четвертая часть города, или *Стрѣлецкая Слобода* (за

Москвою-рѣкою), также обнесенная деревянною стѣною, была построена во время Князя Василья Ивановича для иностранныхъ солдатъ, взятыхъ имъ въ Русскую службу. Во время Годунова, Дмитрія и Царя Михаила Феодоровича жили тамъ Стрѣльцы и самые бѣднѣйшіе люди.

Густая борода и толстое брюхо считались на Руси великимъ украшеніемъ человѣка. Цари, принимая чужестранныхъ Министровъ, нарочно окружали себя людьми дородными, чтобы тѣмъ придать болѣе важности своимъ аудіенціямъ. Знатные господа обыкновенно подбрывали себѣ волосы кругомъ, и единственно тогда отпускали ихъ, когда впадали при Дворѣ въ немилость. Бояринъ съ длинными волосами ходилъ всегда потупивъ глаза въ землю, и народъ, встрѣчаясь съ нимъ, говорилъ: *Царь-Государь на него прогнѣвался*. — Иностранцы чрезмѣрно хвалили красоту Московскихъ женщинъ, но съ отвращеніемъ говорили о странномъ ихъ обыкновеніи *размазывать* себѣ лицо бѣлилами и румянами, такъ, что сія грубая краска лежала на немъ толстыми слоями. Сія безобразная мода перешла въ Россію изъ Константинополя еще во время Великихъ Князей Кіевскихъ. Бѣдныя красавицы наши иногда со слезами должны были ей слѣдовать. Олеарій рассказываетъ, что въ бытность его въ Москвѣ жена Боярина, Князя Ивана Борисовича Черкаскаго, будучи молода и прекрасна, не хотѣла бѣлиться; но всѣ знатныя женщины объявили ей войну за такое презрѣніе къ древнему обыкновенію, подбили мужей

питься за честь бѣлилъ, и наконецъ принудили молодую Княгиню раскрасить, подобно другимъ, пѣжное лицо ея.

Предки наши носили не совсѣмъ такое платье, какое нынѣ называется *Русскимъ*. Сверхъ короткой рубашки (у богатыхъ вышитой разными шелками, и даже золотомъ, на рукавахъ и на воротникѣ, который выставлялся изъ-подъ одежды) они надѣвали узкое и короткое полу-кафтанье, едва достававшее до колѣнъ, и сшитое всегда изъ тонкой матеріи (изъ тафты или атласа) съ бархатнымъ или парчевымъ воротникомъ, высокимъ и стоячимъ; а сверхъ того кафтанъ, по икру, также изъ тонкой матеріи, но всегда стеганный и называемый *фerezъ*; * а когда имъ надлежало вытти изъ дому, тогда всякой наряжался въ кафтанъ длинной, суконной, темно-синій или кофейной, иногда же парчевой или атласной, съ широкимъ воротникомъ, съ золотыми петлицами и съ длинными сборчатыми рукавами. Такихъ богатыхъ кафтановъ хранилось множество въ Царской кладовой; въ день аудіенціи давали ихъ надѣвать чиновникамъ, и снова запирали въ сундуки — Бояре, при всякомъ торжественномъ случаѣ, являлись въ *высокихъ* шапкахъ, собольихъ и черныхъ лисьихъ, а другіе знатные или богатые люди носили обыкновенно бархатныя съ собольею опушкою. Сапо-

* Нынѣ мы называемъ *фerezями* одни нарядные са-рафаны.

га у нихъ были короткіе, по большой части изъ Персидскаго сѣльяна, остроносые и съ высокими каблукками. Женщины носили фрезы, или сарафаны, а сверхъ шубу или длинное, широкое платье, почти такое же, какъ мужины, съ застежками или серебряными пуговицами. Замужнія ходили въ шапкахъ * съ бобровою опушкою, унизанныхъ жемчугомъ, вышитыхъ золотомъ; а дѣвцы въ большихъ лисьихъ. — Маржереть говоритъ, что знатныя Русскія женщины обыкновенно провожали верхомъ Царицу, когда она ѣзжала гулять за городъ: это покажется иному невѣроятнымъ; но для чего же лгать Маржерету, который долго жилъ въ Москвѣ при Годуновѣ и Димитріи? Надобно думать, что Русскія женщины переняли ѣздить верхомъ у Татарокъ.

Описаніе домашней жизни старыхъ Русскихъ Бояръ безъ сомнѣнія не плѣнитъ нашего воображенія. Не многіе изъ нихъ имѣли каменные дома; и то уже во время Романовыхъ; при Годуновѣ жили они въ деревянныхъ, маленькихъ и темныхъ домикахъ. Горницы обивались иногда выбѣленною холстиною, и единственнымъ украшеніемъ ихъ были образа. Домашняя посуда состояла — въ горшкахъ, въ деревянныхъ или оловянныхъ чашахъ и тарелкахъ. Въ одномъ дворцѣ подавали кушанье на серебрѣ; богатые и знатные люди имѣли только чарки и стопы серебряныя. Ши, раз-

* По крайней мѣрѣ не лѣтомъ, какъ надобно думать.

ныя похлебки, каши, пироги, ветчина, всякія жареныя мяса (кромя телятины), икра и соленая рыба составляли богатство Русской кухни. Олеарій говоритъ, что старки наши съ похмѣлья ѣдали обыкновенно рубленую баранину съ огурцами, перцомъ, уксуомъ и разсоломъ огурешнымъ; что они крайне любили чеснокъ, и что въ самыхъ знатнѣйшихъ домахъ рѣдко проходилъ запахъ его. Иностранцамъ отнѣнно нравились Русскіе меды: малиновой, вишневой, смородиной и другіе. Что же касается до Италіянскихъ и Французскихъ винъ, то Бояре хотя и получали ихъ черезъ Архангельскъ, однакожь предпочитали имъ водку. Знатные люди не рѣдко давали обѣды и приглашали къ себѣ гостей изъ низшаго состоянія, на примѣръ изъ купцовъ: въ такомъ случаѣ сіи послѣдніе обыкновенно изъявляли благодарность свою дорогими подарками, такъ, что хозяинъ не оставался въ накладѣ. Если онъ хотѣлъ дружески обласкать ихъ, то призывалъ жену, чтобы она подчивала гостей водкою; - иногда дозволялось имъ даже и цѣловать ее въ губы. Такимъ образомъ нѣкто изъ людей знаменитыхъ въ Москвѣ, угощая Олеарія, вызвалъ его въ другую комнату, гдѣ встрѣтила ихъ хозяйка въ богатой одеждѣ, поклонилась сперва мужу, а тамъ гостю; взяла изъ рукъ служанки подносъ съ наливою чаркою, сама отвѣдала и подала Олеарію. Сія молодая, прелестная женщина, исполняя волю супруга, должна была, покраснѣвши, поцѣловать иностранца, и

вручила ему бѣлую тафтяную ширинку, вышитую золотомъ и серебромъ.

Русскіе обѣдали въ старину часу въ одиннадцатомъ утра, и тотчасъ ложились отдыхать, какъ знатные, такъ и простые люди. Въ сіе время не лзя было итти въ гости ни къ купцу, ни къ Боярину; даже сидѣльцы запирали лавки свои и въ лѣтнее время спали на землѣ передъ ними. Димитрій Самозванецъ никогда не отдыхалъ послѣ обѣда и не ходилъ въ баню: жители Московскіе заключали изъ того, что онъ не Русской!

Жены богатыхъ и знатныхъ мужей вели обыкновенно жизнь праздную и мало думали о хозяйствѣ; вышивали платки и кошельки золотомъ; сидѣли поджавъ руки, или качались на качеляхъ съ служанками. Онѣ рѣдко выходили изъ дому, даже и въ церковь: ибо Русскіе мужья въ старину не стыдился быть ревнивыми. Боярыни, нарядясь великолѣпно, выѣзжали лѣтомъ въ закрытыхъ маленькихъ коляскахъ или *колымагахъ*, обитыхъ *снаружи* краснымъ сукномъ; а зимою въ саняхъ, также закрытыхъ. Всякая изъ нихъ сажала въ ноги своихъ *молодую рабу*. Кругомъ шло множество слугъ, иногда до 30 и 40 человекъ, говоритъ Оларій, а на лошади, впряженной въ колымагу или въ сани, висѣли лисьи хвосты. Такъ украшались и Боярскія и Царскія лошади; сихъ послѣднихъ обвѣшивали иногда и соболями.

Иностранцы, бывшіе при Царяхъ въ Москвѣ, находили нашихъ предковъ невѣждами въ сравненіи съ другими европейскими народами; но исключе-

изъ сего числа нѣкоторые знатныхъ людей, уже имѣвшихъ довольно свѣдѣній. Такъ на пригвѣр, Олеарій чрезмѣрно хвалитъ умъ и любезность Боярина Никиты Ивановича Романова-Юрѣва, человека веселаго и добродушнаго. Онъ былъ усерднымъ покровителемъ всѣхъ чужестранцевъ въ Москвѣ, любилъ ихъ обычай, музыку; даже сдѣлалъ себѣ Нѣмецкое платье; ѣздилъ въ немъ иногда на охоту, и не слушался Патріарха Юсифа, который упрекалъ его такую непристойностію; однакожь Юсифъ досталъ наконецъ хитростію Нѣмецкое платье Боярина и сжегъ его. Сей Никита Ивановичъ не рѣдко спорилъ съ Патріархомъ о Религій; говорилъ не много, но сильно и рѣзко: ибо онъ, будучи родственникомъ Государевымъ и любимъ всѣми, не боялся досадить ему. — Борисъ Ивановичъ Морозовъ, воспитатель Царя Алексѣя Михайловича, описывается иностранцами также весьма умнымъ и любопытнымъ человекомъ. Онъ дружески обласкалъ Голштинскихъ Пословъ, бывшихъ въ Москвѣ при Царя Михайла — угощалъ ихъ въ домѣ своемъ, веселилъ соколиною охотою и провожалъ съ музыкою по Москвѣ-рѣкѣ, когда они отправились водою въ Персію. — Патріархъ Никонъ есть важный характеръ для Историка Россіи: Иностранцы отдавали справедливость необыкновенному его разуму. Онъ жилъ, по ихъ извѣстіямъ, весьма хорошо и даже роскошно въ новыхъ Кремлевскихъ палатахъ своихъ; любилъ веселиться съ умными Боярами, любилъ шутить въ разговорахъ. — Впрочемъ Никонъ хотѣлъ всегда стро-

гаго общественнаго благонравія. Такъ, на примѣръ, онъ запретилъ музыку въ столицѣ, думая, что она можетъ развратить нравы; велѣлъ отобрать музыкальные инструменты не только въ питейныхъ, но и во всѣхъ частныхъ домахъ и торжественно сжечь ихъ за Москвою-рѣкою. Одинъ Никита Ивановичъ Романовъ не послушался его, и не переставалъ забавляться музыкою въ домѣ своемъ.

Герберштейнъ описываетъ Русскихъ Бояръ и дворянъ весьма гордыми. «Простые люди (говоритъ онъ) почти не имѣютъ къ нимъ доступа, и не могутъ вѣхтать верхомъ на Боярскій дворъ. Знатной человѣкъ никогда не ходитъ пѣшкомъ, боясь тѣмъ унизиться; ему надобно сѣсть на лошадь, чтобы видѣться съ сосѣдомъ, живущимъ отъ него въ десяти шагахъ.» Сей Гербенштейнъ хвалитъ трудолюбіе и воздержность Московскихъ ремесленниковъ, которые, сходявъ въ праздникъ къ обѣднѣ, возвращались домой и снова принимались за дѣло: «ибо они думали» (вотъ точные слова его!) «что однимъ Боярамъ и знатнымъ людямъ можно быть праздными, и что работать гораздо душеспасительнѣе, нежели гулять и пьянствовать. Впрочемъ и самый законъ дозволяетъ имъ пить медъ и пиво въ одни большіе праздники.» — Еще и во время Великихъ Князей Московскіе купцы знали и твердили пословицу: *товаръ лицомъ продать*. Хитрость ихъ въ куплѣ и продажѣ удивляла Нѣмцовъ; которые говорили: «однѣ Сатана обманетъ Русскаго.» Но естли иностранецъ ошибкою платилъ Русскимъ купцамъ

лишнія деньги, то они всегда отдавали ихъ назадъ, думая, что пользоваться такою ошибкою есть быть воромъ. — Мастеровые люди наши и въ старину славились отмінною переимчивостію. Иностранцые художники, прїѣзжавшіе въ Россію со временъ Князя Іоанна, не пускали ихъ наконецъ въ свою мастерскую, боясь, чтобы они не сравнялись съ ними въ искусствѣ.

Къ чести Русскихъ, иностранцы замѣчали въ нихъ великую любовь къ благотворенію. По смерти всякаго богатаго человѣка родственники его, въ теченіе шести недѣль, ежедневно раздавали деньги бѣднымъ людямъ. Купецъ, идучи по утру въ лавку, заходилъ прежде на рынокъ, покупалъ хлѣбъ, и разрѣзавъ его на ломти, отдавалъ нищимъ, которые не только сами питались сею милостынею, но и продавали еще множество сухарей дорожнымъ людямъ изъ остатковъ ея. — По древнему обыкновенію Цари наши, въ первый день Пасхи, между заутрени и обѣдни, ходили въ городскую темницу, и сказавъ преступникамъ: *Христосъ воскресъ и для васъ!* дарили каждаго изъ нихъ *новою шубою*, и сверхъ того присылали имъ чѣмъ разговѣться. Зимомъ обыкновенно получали Бояре запасъ изъ деревень своихъ: тогда ключники ихъ должны были навѣдываться о бѣдныхъ людяхъ и надѣлять ихъ мукою, масломъ и проч.

Такія достохвальныя черты нравовъ мрутъ насъ съ невѣжествомъ и суевѣріемъ нашихъ предковъ.... Они считали Астрономію колдовствомъ. Слыша, что Царь Михаилъ Ѳеодоровичъ желаетъ

оставить при Дворѣ своемъ Астронома Олеарія, народъ ужасался и говорилъ: «Царь хочетъ имѣть при себѣ волшебника, который по звѣздамъ угадываетъ будущее!» Это испугало Олеарія.... Черезъ нѣсколько лѣтъ прїѣхавъ опять въ Москву, онъ вздумалъ однажды забавлять Дьяка иностран ныхъ дѣлъ темною камерою, и показывалъ ему на стѣнѣ предметы, бывшіе на улицѣ: Дьякъ крестился.... Всего страннѣе казалось ему то, что люди и лошади изображались вверхъ ногами и такимъ образомъ двигались. — Голландскій Фельдшеръ, именемъ Квиринусъ, служившій Царю, имѣлъ у себя въ горницѣ скелеть человѣка. Однажды Квиринусъ игралъ на лютнѣ и вѣтеръ шевелилъ кости, висѣвшія на стѣнѣ противъ раствореннаго окна. Стрѣльцы увидѣли это и разгласили по городу, что Голландскій Фельдшеръ держитъ у себя мертвыхъ и заставляетъ ихъ плясать по лютнѣ. Дѣло дошло до Патріарха, и бѣднаго Квиринуса хотѣли-было сжечь какъ волшебника. Къ щастію, удалось ему изъяснить свое колдовство Клязю Ивану Борисовичу Черкасскому, и страшная исторія кончилась тѣмъ, что Фельдшера выслали изъ Россіи, а скелеть его сожгли за Москвою-рѣкою.

Нарвскій Пасторъ Мартинъ Беръ, бывшій въ Москвѣ при Царѣ Годуновѣ, рассказываетъ слѣдующій анекдотъ: «Царь Борисъ занемогъ пода-грюю и велѣлъ объявить въ столицѣ, что искус-ный человѣкъ, который исцѣлитъ его отъ сей-бодѣзни, будетъ щедро награжденъ Царскимъ и»

«лостно. Жена одного Сына Боярскаго вздумала
«тѣмъ воспользоваться, чтобы отметить мужу сво-
«ему за разные его жестокости; пришла во дво-
«рецъ и сказала, что мужъ ея знаетъ вѣрное сред-
«ство вымечить Царя, но не хочетъ употребить
«его. Боярскаго Сына призываютъ, спрашиваютъ:
«онъ божится, что не имѣетъ понятія о Медици-
«нѣ. Ему не вѣрятъ и грозятъ темницею, даже
«казнію. Видя, какъ говорятъ по-Русски, *бѣду не*
«*мануемую*, сынъ Боярскій требуетъ сроку — по-
«сылаетъ людей своихъ накосить возъ травы, дѣ-
«лаетъ изъ нее Царю припарки, и — боль утихаетъ,
«конечно не отъ лекарства, но сама собою. Царь
«увѣрился въ искусствѣ мнимаго врача, и велѣлъ
«наказать его за то, что онъ не хотѣлъ сперва по-
«мочь ему; однакожь наградилъ битаго собольею
«шубою, двумястами рублей денегъ и осьмнад-
«цатью дворами крестьянъ, обязавъ его подпи-
«скою не метить женѣ. Слышно было, что супру-
«гв жили послѣ того въ совершенномъ мирѣ и со-
«гласіи.» — При Годуновѣ были въ Москвѣ ино-
«странные Медики, которые лечили какъ Царя,
такъ и знатнѣйшихъ Бояръ; но естли лекарства
не дѣйствовали и больной умиралъ на ихъ рукахъ,
то имъ надлежало отвѣтствовать за сію неудачу
какъ за уголовное преступленіе. Когда Датскій
Принцъ, женихъ любезной Ксеніи, занемогъ въ
Москвѣ, Борисъ Годуновъ объявилъ Докторамъ,
что они жизнь свою заплатятъ за его смерть. Къ
несчастью, Принцъ умеръ, и Медики должны бы-
ли скрыться. Но скоро пришла къ Царю злая по-

дагра, и онъ велѣлъ объявить милостивое прощеніе. — Годуновъ и самъ давалъ Докторскіе патенты. Одинъ изъ его лекарей хотѣлъ ѣхать въ Нѣмецкій Университетъ, чтобы получить тамъ градусъ Доктора. «Это пустое,» сказалъ Царь: «я знаю твое искусство, жажду тебѣ въ первоклассныя Медики и велю написать патентъ не хуже Университетскаго.» — «Но только Дворъ и Бояре,» говоритъ Маржереть, «прибѣгаютъ изъ иностранныхъ врачамъ: всѣ другіе Московскіе ищутъ не вѣрять ихъ искусству и летаетъ по своему; а именно, вѣномъ съ растертымъ порошкомъ или чеснокомъ: что, вмѣстѣ съ жарібію бачитъ, служитъ для нихъ лекарствомъ во всѣхъ болѣзняхъ. Надобно признаться, что они гораздо здоровѣе насъ, Французовъ! Въ Россіи очень много людей за 80, 100 и 120 лѣтъ.»

При Царѣ Михаилѣ Федоровичѣ былъ въ Россіи Докторъ Павелъ Флемингъ, человекъ умной, доброй — и стихотворецъ. Любопытство, видѣть народъ почти неизвѣстный въ Европѣ, завело его въ наше отечество. Онъ пять мѣсяцевъ жилъ въ разныхъ селеніяхъ вблизи Новгорода, старался узнать нравы земледѣльцовъ Русскихъ, и въ Нѣмецкихъ стихахъ описалъ ихъ такими красками; какими славный Галлеръ описываетъ нравы счастливыхъ Альпійскихъ жителей въ извѣстной Поэмѣ своей *die Alpen*. Я переведу здѣсь нѣкоторые стихи его....

«Любопытство ума заставило меня проститься съ отечествомъ и съ друзьями, чтобы видѣть страну отдаленную, которую мы знаемъ только

«заслужио сесеѣдовъ оя или разеназамъ лживыхъ
«путешественниковъ. Благодарю судьбу!.... Добро-
«му сердцу пріятно вездѣ находить хорошее. Въ
«землѣ, называемой варварскою, вижу людей до-
«стойныхъ называться людьми. Земледѣлецъ Рус-
«ской не мудрствуетъ о свободѣ, но истинно сво-
«боденъ душею; онъ богатъ, не чувствуя ника-
«кихъ недостатковъ; цвѣтетъ здоровьемъ, имѣетъ
«доброе сердце и не знаетъ, что оно есть рѣдкое
«достоинство въ человѣкѣ; живетъ въ низкой хи-
«жинѣ, имъ срубленной, и доволенъ, что она укры-
«ваетъ его отъ немястѣя и холода; работаетъ ве-
«село, въ надеждѣ на Бога; наслаждается покоемъ
«въ объятіяхъ вѣрной супруги и засыпаетъ слад-
«ко подъ громкимъ цѣніемъ соловья. Жена ща-
«стлива повиновеніемъ мужу, и строгость его счи-
«таетъ знакомъ любви. Онъ не боится воровъ
«(бѣдность служитъ ему наилучшимъ стражемъ):
«не заботится о будущемъ, вѣря, что небесный
«Отецъ печется о людяхъ. Не жалѣйте о невѣже-
«ствѣ его, ученые мужи Европы! онъ разумѣетъ
«добраго сосѣда своего, и думаетъ, что знаетъ все
«нужное. Ахъ! народъ сей принадлежитъ еще къ
«древнему царству Сатурна: ибо хитрость, ковар-
«ство, обманы, ему неизвѣстны. Щастливая про-
«стота, любезная невинность! мы васъ уже не ви-
«димъ въ странахъ своихъ: кто бы думалъ, чтобы
«вы, оставивъ Германію, переселились въ землю
«Русскую? Кто могъ бы искать здѣсь добродѣте-
«лей Астреица вѣка?»

Во время Великаго Князя Ивана Васильевича

начали иностранцы прѣзжать въ Россію и селатья въ Москвѣ. Онъ и сынъ его, Василій Ивановичь, брали ихъ въ Русскую службу. Послѣ имъ отведено было мѣсто за городомъ, на берегу Яузы, гдѣ на счетъ казны выстроили для нихъ домики. Жены солдатъ Нѣмецкихъ, замѣтивъ что нибудь странное въ Русскихъ, ходившихъ мимо ихъ оконъ, кричали другъ другу: *Кукке, кукке гиръ*, то есть: *смотри, смотри!* Русскіе затвердили это слово, и прозвали Нѣмецкую слободу *Кукуемъ*. Черезъ нѣсколько лѣтъ она заустѣла: иностранцы переселились въ городъ, и богатѣйшіе изъ нихъ начали тамъ строить каменные дома. Лютеране имѣли церковь свою въ Бѣломъ городѣ (близъ нынѣшней Мецъщиковой башни); но женская ссора *разрушила ее до основанія*. Олеарій такимъ образомъ говоритъ о семъ случаѣ. Многіе Нѣмецкіе Офицеры, бывшіе въ Русской службѣ, женились на служавкахъ, которыя, гордясь чиномъ мужей своихъ, захотѣли въ церкви сидѣть выше купеческихъ женъ. Послѣднія не соглашались уступить имъ мѣста, и вышла ссора, даже драна. Въ самую ту минуту Патріархъ ѣхалъ мимо, узналъ причину шума, и сказалъ: *когда онъ входятъ въ церковь не молятся, а гордятся, то имъ лучше не имѣть ее*— и велѣлъ сломать церковь до основанія. Черезъ нѣкоторе время онъ построили новую въ Земляномъ городѣ; но скоро должны были совѣмъ переселиться за валъ. Еще при Михаилѣ Феодоровичѣ Московскіе Священники жаловались на то, что Нѣмцы живутъ въ ихъ приходахъ, покупаютъ са-

мыя лучшія мѣста и строятъ большіе дома, съ которыхъ церкви не имѣютъ никакого дохода; но какъ Государь уважалъ иностранцевъ, то сін жалобы не имѣли успѣха до самыхъ временъ Царя Алексѣя Михайловича. Тогда считалось въ Москвѣ уже болѣе 1000 человекъ Нѣмцовъ. Всѣ они носили Русское платье. Однажды Патріархъ — не извѣстно, который, но вѣроятно, что Іосифъ — ѣхалъ по улицѣ, благословляя народъ, и замѣтилъ, что нѣкоторые люди въ толпѣ не хотѣли, подобно другимъ, ему кланяться. Сін люди были иностранцы. Патріархъ, оскорбленный ихъ гордостію, требовалъ отъ Царя, чтобы Онъ приказалъ имъ носить Нѣмецкое платье и тѣмъ отличатся отъ *православныхъ*. «Я не хочу (сказалъ Патріархъ) впредь ошибаться и благословлять иновѣрцевъ.» Черезъ два дня всѣ они должны были одѣться по-своему * — и сверхъ того Царь Алексѣй Михайловичъ, уваживъ новыя жалобы Духовенства, запретилъ Нѣмцамъ жить въ городѣ, исключая тѣхъ, которые захотятъ принять Греческую Вѣру. Имъ снова отвели мѣста на берегу Яузы или на *Кукуль*. Съ того времени иностранцы, отличенные одеждою, едва смѣли показываться въ городѣ: маль-

* Нѣкоторые не могли такъ скоро сдѣлать себѣ Нѣмецкихъ кафтановъ и надѣвали чужіе. «На одномъ (говоритъ Олеарій кафтанъ тащился по землѣ, а на другомъ не доставалъ до колѣна — что не лзя было видѣть безъ смѣха).

чишии бѣгали за ними по улицамъ, оскорбляли ихъ нещепетойными словами и дразнили именемъ Кукуя. Наконецъ, лишась терпѣнія, Нѣмцы требовали защиты Царя, и въ прошеніи своемъ говорили, что они, стараясь быть полезными для Россіи, съ горестію видятъ себя предметомъ народной ненависти; что отцы ихъ были щастливѣе, пользуясь милостію Государя Михаила Теодоровича, который, не смотря на свое великое усердіе къ Вѣрѣ Греческой, не позволялъ Русскимъ обижать иновѣрцевъ. Добрый Царь Алексѣй Михайловичъ приказалъ увѣрить ихъ въ своемъ покровительствѣ и всенародно объявить, чтобы никто не смѣлъ оскорблять чужестранныхъ ни словомъ, ни дѣломъ; что всякое преступленіе сего роду будетъ строго наказано, и что жилище Нѣмцовъ должно впредь называться *новою иноземскою Слободою*. Вотъ происхожденіе нынѣшней Слободы Нѣмецкой. Иностранцы продали каменные дома свои въ городѣ, а деревянные перевезли на берегъ Яузы, и были весьма довольны своимъ жребіемъ; отдѣлясь отъ Русскихъ, они лучше могли пользоваться удовольствіями общества между собою и благодарили Царя за то, что онъ велѣлъ имъ ходить въ собственной народной одеждѣ; построили двѣ Лютеранскія и двѣ Реформатскія церкви (Английскую и Голландскую), и скоро обратили Слободу въ маленькую особенной городокъ, который черезъ нѣсколько лѣтъ соединился съ Москвою.

Жителямъ Московскимъ извѣстно старое Нѣмецкое кладбище, въ Марьиной рощѣ.

узнать, когда оно было оставлено, и спрашивалъ о томъ у Пасторовъ здѣшнихъ Лютеранскихъ церквей; но они не могли отвѣчать мнѣ удовлетворительно. Олеарій пишетъ, что Нѣмцы, Лютеране и Реформаты, переселясь въ Слободу во время Царя Алексѣя Михайловича, обнесли стѣною *новое* кладбище свое: вѣроятно, что въ самое сіе время было оставлено ими старое, отъ Слободы удаленное кладбище, гдѣ они погребали мертвыхъ, живучи въ городѣ. — Достоинно замѣчавія, что Цари наши однимъ Католикамъ не позволяли въ Москвѣ свободнаго богослуженія: дѣйствіе взаимной ненависти между Восточною и Западною Церковію! Сія ненависть усилилась еще во времена лже-Дмитрія и Польскихъ злодѣйствъ въ Россіи. При осадѣ Смоленска было въ нашей арміи нѣсколько Католиковъ; по, по окончаніи войны, ихъ немедленно выслали за границу. Голштинскимъ Посламъ, ѣхавшимъ въ Персію черезъ Россію при Михаилѣ, объявили именемъ Царя, что въ свитѣ ихъ не должно быть ни одного Католика.

Многіе иностранцы во время Государя Миханла Феодоровича принимали нашу Вѣру. Нѣкто Графъ Шликъ, молодой человекъ, пріѣхалъ въ Россію съ письмомъ Датскаго Короля Христіана VI, и будучи обласканъ Царемъ и Боярами, объявилъ, что онъ желаетъ окреститься по обрядамъ Греческой Церкви. Государь, въ знакъ своего удовольствія, опредѣлилъ ему болѣе тысячи рублей въ годъ жалованья: сумма великая по тогдашнему времени. Всѣ знатнѣйшіе люди были свидѣтелями его кре-

щенія, — и Графъ Шликъ, взятый ко Двору, назвался Княземъ Львомъ Александровичемъ Шлыковымъ или Шлаковскимъ. Онъ зналъ Латинскій и другіе языки, имѣлъ вообще много свѣдѣній, былъ уменъ, ловокъ, и надѣялся жениться на дочери самого Царя, Иринѣ Михайловнѣ; однакожь сія надежда не исполнилась. Король Датскій уведомилъ Государя, что мнимый Графъ Шликъ несправедливо называется симъ именемъ, будучи со всѣмъ другой и весьма незнатной фамиліи; но Царь сдѣлалъ только выговоръ новому Русскому Князю и не лишилъ его своихъ милостей. Сей молодой человекъ женился потомъ на дочери одного Боярина. — Полковникъ Лесли, Баронъ Петръ Ремонъ и Французскій дворянинъ де Гропъ также приняли въ Москвѣ Греческую Вѣру. Первый служилъ съ великимъ отличіемъ при осадѣ Смоленска, и бывъ щедро награжденъ Государемъ, выѣхалъ изъ Россіи; но черезъ нѣсколько лѣтъ опять возвратился въ Москву, выпросилъ себѣ у Царя большую деревню на берегу Волги, и поселился въ ней съ женою и дѣтьми своими. Русскимъ крестьянамъ не полюбилось работать на чужестраннаго господина: они жаловались, что жена его обходится съ ними весьма безчеловѣчно и даже оказываетъ явное презрѣніе къ обрядамъ Греческой Церкви. Послѣднее обвиненіе было уважено еще болѣе перваго. Леслиа и жену его привезли въ столицу и строго допрашивали: они клялись въ своей невинности; но самъ Патріархъ вступился въ сіе дѣло и вмѣстѣ съ Боярами убѣдилъ Государя

не отдавать крестьянъ иновѣрцамъ. Леслей, узнавъ
о томъ и крайне желая удержать за собою доход-
ную деревню, вызвался переимѣнить Вѣру. Его
окрестили, но деревню — отдали другому: ибо
крестьяне объявили, что они хотятъ лучше уме-
реть, нежели принадлежать ему. Между тѣмъ Царь
опредѣлилъ Леслею хорошее жалованье.

1803 года.

СТАТЬИ ПОЛИТИЧЕСКІЯ

ИЗЪ

ВѢСТНИКА ЕВРОПЫ.

1802 и 1803 года.

I.

ВСЕОБЩЕЕ ОВОЗРѢНІЕ.

Наконецъ міръ въ Европѣ. Исчезли ужасы десятилѣтней войны, которая потрясла основаніе многихъ Державъ, и, разрушая, угрожала еще *большими* разрушеніями; которая, не ограничиваясь Европою, разливала пламя свое и на всѣ другія части міра, и которая будетъ славна въ лѣтописяхъ подъ страшнымъ именемъ *войны революціонной*. Особеннымъ ея характеромъ было всеобщее волненіе умовъ и сердець. Кто не занимался ею съ живѣйшимъ чувствомъ? Кто не желалъ ревностно успѣховъ той или другой сторонѣ? и многіе ли сохраняли до конца сей войны то мнѣніе о вещахъ и людяхъ, которое имѣли они при ея началѣ? Она не только

государства, но и самыя души приводила въ смятеніе.

Какъ послѣ жестокой бури взоръ нашъ съ горестнымъ любопытствомъ примѣчаетъ знаки опустошеній ея, такъ мы воспоминаемъ теперь, что была Европа; сравниваемъ настоящее съ прошедшимъ, и удивляемся великимъ политическимъ измѣненіямъ сего десятилѣтія. Цѣлыя области со всѣмъ исчезли. Гдѣ Польша? * гдѣ Венеція? гдѣ многія Княжества въ Германіи и въ Италиі? Сего мало: надобно, чтобы и въ Африкѣ отдались грома Французской Революціи — гдѣ славные Египетскіе Бей и древніе Мамелюки? Новыя области явились въ Европѣ: здѣсь воскресло древнее имя царство Этрурив; тутъ Ломбардія превратилась въ Чинзальпинскую Республику; на островахъ Средиземнаго моря образовалась новая Юнія. Границы государствъ перемѣстились, и Авторы географическихъ Картъ должны снова начать свою работу.

Исторія замѣтитъ, что только одно Европейское государство спаслось отъ кровопролитія *революціонной войны*, а именно Швеція, бывъ два раза въ готовности воевать, сперва съ Французами, а послѣ съ Англичанами. Смерть Густава удалила Шведовъ отъ разрыва съ Республикою: кончина

* Безъ Французскихъ новостей она не вздумала бы переимѣнить своего правленія и не раздражила бы Россіи Варшавскимъ кровопролитіемъ: слѣдственно Польша была также жертвою Французской Революціи.

Императора Павла I остановила ихъ непріятельскія дѣйствія противъ Англичанъ.

Исторія замѣтитъ также, что Франція, гдѣ воспылали первыя искры мятежа, послѣ многихъ чудесныхъ перемѣнъ судьбы своей, при заключеніи славнаго для себя мира вошла точно въ старинныя свои граицы, то есть границы древней Галліи, съ одной стороны по Рейнъ, а съ другой до внутренней Италіи, съ тою разницею, что Гальскіе народы, соединяясь иногда въ воинскихъ предпріятіяхъ, часто и другъ съ другомъ воевали, не имѣли общаго средоточія, ни единства воли, ни единства дѣйствій; а теперь 50 милліоновъ повинуются законамъ и Гецію одного человѣка, устремляютъ политическія силы свои на одинъ предметъ, служатъ (такъ сказать) одною рукою для Правленія и новый Цесарь, новый Кловисъ не страшень для новыхъ Галловъ.

Подивимся игрѣ неизъяснимаго Рока: сколько разъ въ теченіе сей войны Республика по всѣмъ вѣроятностямъ разума должна была погибнуть? Въ самомъ началѣ она казалась вѣрною жертвою, безъ искусныхъ Генераловъ, безъ дисциплины, съ толпами людей едва не безоружныхъ или не умѣющихъ владѣть оружіемъ, при ужасномъ безпорядкѣ въ правленіи среди множества недовольныхъ, явныхъ и тайныхъ *внутреннихъ* непріятелей, желающихъ успѣха *внѣшнимъ*, которые въ грозной и стройной многочисленности, подъ начальствомъ славнѣйшаго полководца, съ имепемъ лучшихъ Европейскихъ армій, съ опытными и храбрыми

Офицерами, или... не побѣдить достойнаго ихъ непріятеля, а только усмирить мятежниковъ, и заняли стая въ 180 верстахъ отъ Парижа! Еще четыре дни Суворовскаго марша и конецъ Революціи! Уже самые смѣлые Жирондисты, Петіоны и Бриссоты въ отчаяніи своемъ хотятъ бѣжать изъ Парижа, увести заключеннаго Короля въ южныя провинціи, въ ущелинахъ и на хребтѣ горъ Пиринейскихъ основать вторую Швейцарскую Республику; или погибнуть въ пропастяхъ. Вдругъ соединенныя арміи, въ изступленіи папическаго, *до сего времени* непонятнаго страха, бѣгутъ назадъ, а Дюмурье называетъ себя Ахиллесомъ, жалуетъ другихъ Генераловъ * въ Аяксы, и торжествуетъ безъ побѣды! — Скоро другой благоприятный случай представляется союзникамъ. Принцъ Кобургскій, ученикъ Римническаго, побѣждаетъ Французовъ; ихъ славный Ахиллесъ передается къ Австрійцамъ, и хочетъ самъ вести ихъ къ Парижу, въ то время, когда возстаютъ Лавандейцы, бьютъ Республиканцевъ и готовы съ другой стороны также идти къ столицѣ Франціи и мятежа. Европа опять думаетъ, что всему конецъ: *consummatum est!* Нѣтъ, надобно, чтобы союзники раздѣлились; надобно, чтобы Герцогъ Йорскій пошелъ къ Дюнкирхену и далъ Гушару способъ разбить Англичанъ; надобно, чтобы Принцъ Кобургскій не во время приступилъ къ Мобёжу, и послѣ оставилъ Журдана въ

* Берноввиля.

покоѣ; надобно, чтобы Король Прусской, приучивъ Французовъ къ огню сраженій (подобно какъ Шведы учили въ свое время армию Петра Великаго) заключилъ съ ними миръ! — Наконецъ Французы имѣли уже великихъ Генераловъ и многочисленное войско, узнавшее тайну побѣды. Италия, большая часть Германіи была въ ихъ рукахъ; Моро, Гошъ, особливо Бонапарте, дали имъ имя *непобѣдимыхъ*; казалось, что судьба Республики уже рѣшилась къ ея славѣ. Но безумные властелины Директоріи, отправивъ Бонапарте въ Египетъ вмѣстѣ съ нѣхъ счастьемъ, снова поставили Францію на край бездны. Суворовъ, какъ Цесарь, пришелъ, увидѣлъ, побѣдилъ — Эрцгерцогъ разбилъ Журдана — еще 35 тысячъ Русскихъ вступаетъ въ Швейцарію — Англо-Россійская армія идетъ къ Амстердаму. Союзники дѣйствовали съ жаромъ и съ твердостью. Французское Правленіе колебалось; утратило свою надежность и довѣренность народа; оно не могло подкрѣплять арміи, которыя уже разучились побѣждать; и ждали, такъ сказать, съ часу на часъ конца своего. — Герой Италійскій, Эрцгерцогъ и Генералъ Корсаковъ должны были вдругъ напасть на Массену, разбить, истребить его, вступить черезъ Швейцарію во Франт-Конте и прямо идти къ Парижу, не имѣя передъ собою ни крѣпостей, ни арміи. Французы чувствовали свое бѣдственное состояніе, и я помню рѣчь одного изъ знаменитѣйшихъ Членовъ Пятисотнаго Совѣта, Эшассеріо, который уже говорилъ объ эшафотахъ для Республиканцевъ. Можетъ быть

Австрійцы позавидовали славѣ Русскихъ; можетъ быть Тугутъ ошибся въ расчетахъ своей тонкой и глубокой Политики; можетъ быть.... Какъ бы то ни было, но отступление Австрійской арміи къ Мангейму все разстроило и перемѣнило въ системѣ войны. Съ сего времени щастіе снова обратилось лицомъ къ Французамъ, и не переставало уже до конца служить имъ. — Такимъ образомъ Республика *три раза* была въ самомъ отчаянномъ состояніи; три раза политическіе Медики осуждали ее на смерть; но Судьба въ теченіе сей войны болѣе, нежели когда нибудь, играла случаями и приводила въ недоумѣніе умъ человѣческой.

Первому году новаго вѣка принадлежала слава общаго мира, который былъ необходимостію всѣхъ народовъ послѣ долговременныхъ бѣдствій. Война не могла уже имѣть прежней цѣли своей: опасныя и безразсудныя Якобинскія правила, которыя вооружили противъ Республики всю Европу, исчезли въ самомъ своемъ отечествѣ, и Франція, не смотря на ния и вѣкототыя Республиканскія формы своего правленія, есть теперь въ самомъ дѣлѣ не что иное, какъ истинная Монархія. Римской Императоръ, потерявъ Брабантъ (гдѣ всегда съ большими издержками надлежало ему имѣть многочисленную армію) и Ломбардію (которая, въ самомъ дѣлѣ приносила ему мало существенной пользы), награжденъ за то Венеціею, которая вводитъ Австрію въ число морскихъ Державъ. Россія и Франція не могли ничего требовать другъ отъ друга: имъ оставалось только возобновить коммер-

ческія связи свои. Миръ Франціи съ Портою даетъ первой многія торговыя выгоды, а для послѣдней спасителемъ тѣмъ, что Англія и Франція обязываются хранить цѣлость ея владѣній. Но Король Сардинскій, Герцогъ Тосканскій и Нѣмецкіе Князья остаются жертвами общаго покоя; они виноваты, ибо слабость есть вина въ Политикѣ!

Миръ Республики съ Англіею казался весьма труднымъ: онъ удивилъ Европу своими условіями. Франція беретъ все назадъ, Англія выигрываетъ только одинъ миръ, платя за то почти всеѣми своими блестящими завоеваніями и выгодами исключительной торговли, которыми она во всю войну пользовалась, и которыя должно теперь раздѣлить ей съ другими народами. Трудно сказать, что именно заставило Англійское Министерство быть столь великодушнымъ и безкорыстнымъ, но конечно не одно желаніе пресѣчь кровопролитіе и угождать народу; такого человѣколюбія и снисхожденія не можетъ предполагать въ Аддингтонѣ и Гакесбури, особливожь зная то, что они дѣйствовали по мыслямъ Питта, которой славенъ умомъ, а не мягкимъ сердцемъ, и которой готовъ былъ цѣлымъ міромъ жертвовать пользѣ своего отечества. Известно, что Аддингтонъ, передъ самымъ подписаніемъ мирныхъ условій, нѣсколько дней провелъ въ деревнѣ съ Питтомъ. Любопытной человѣкъ хотѣлъ бы подслушать сихъ двухъ знаменитыхъ Министровъ, когда они, сидя подъ вѣтвями какого нибудь величественнаго дерева, разсуждали о судьбѣ міра, угадывали всевозможности и сравни-

вали однѣ съ другими! Можетъ быть, они предвидѣли, что Европейскія Державы, желая мира, принудили бы наконецъ Англію исполнить сіе желаніе, самымъ тѣмъ средствомъ, которое хотѣлъ употребить Павелъ I, то есть, закрывъ для нее всѣ свои гавани; можетъ быть, они предвидѣли, что вѣчная война обременила бы Англійской народъ несносными налогами, или произвела бы неминуемое государственное банкротство; можетъ быть, они въ самомъ дѣлѣ боялись, чтобы Французы рано или поздно не сдѣлали высадки въ Англию или въ Ирландію, гдѣ все еще таились искры бунта. Догадки наши будутъ сомнительны; но человечество безъ всякаго сомнѣнія благодарно Англійскимъ Министрамъ, что они по осторожности или неосторожности заключили миръ.

Англійской народъ внѣ себя отъ радости. Всѣ Лондонскіе Журналисты прославляютъ Министерство, и старинные противники его, Фоксъ, Шериданъ, Тирней, хвалятъ миръ.... Любопытно было слушать Питта, когда онъ въ собраніи Нижняго Парламента говорилъ о должномъ уваженіи къ Французскому Правительству и къ Бонапарту, называя его прежде Корсиканскимъ разбойникомъ! Но Лордъ Гренвиль, бывшій Государственный Секретарь, и Виндамъ, бывшій Министръ военный, прежніе друзья Питтовы, говорили съ великимъ жаромъ противъ мира; особливо Виндамъ, который въ пророческомъ взступленіи воскликнулъ: «Англія погибла! Пусть веселится народъ; но скоро увидитъ онъ свое заблужденіе! Сія ра-

«догнать» огни, дымящие теперь въ Лондонѣ, ка-
«куются намъ печальными свѣтъмишками погребен-
«на. Одни неврагиримые враги наши воспользу-
«ются; иронъ, и мы рано или поздно будемъ жерт-
«вою ихъ коварно-ласковой улыбки! Они цѣлѣмъ
«притворнаго дружелюбія усыпятъ намъ путь къ
«могила! Несчастное отечество! гробъ для тебя
«уже отверзается!» Краснорѣчивый Экс-Министръ
содержаніемъ рѣчи и голосомъ своимъ заставилъ
плакать многихъ зрителей и самыхъ Членовъ Пар-
ламента. Но чего же хотѣлъ онъ? Вѣчной войны!
«Съ Французами, сказалъ Виндамъ, не лзя поми-
рится между прочимъ и для того, что супруже-
ство основано у нихъ на одномъ гражданскомъ
контрактѣ!» Онъ не удовольствовался другими

Экс-Министръ видѣлъ въ будущемъ конечно из-
лишніе ужасы для Англіи; но то правда, что при-
обрѣтеніе Гишпанскаго острова Троицы и Гол-
ландскаго Цейлана не могутъ наградить ее за вой-
ну, которая стоила ей болѣе 3000 милліоновъ руб-
лей; что Франція въ мирное время конечно умно-
житъ флоты свои, и что Великобританія хотя не
скоро, но вѣрно должна утратить первенство свое
на море. Островъ Св. Троицы производитъ сахаръ,
хлопчатую бумагу и множество разныхъ плодовъ;
онъ всего важнѣе для Англичанъ тѣмъ, что до-
ставляетъ имъ удобное средство торговать съ Ги-
шпанскою Америкою. Цейланъ славенъ жемчуж-
ною ловлею и своею корицею. Лондонскіе Журна-
листы говорятъ, что мореплаватели, приближаясь

къ нему, за нѣсколько миль уже чувствуютъ благоуханіе! — Но главнымъ приобрѣтеніемъ Англіи въ теченіе сей войны * останется слава ея непобѣдимыхъ флотовъ, истребившихъ морскія силы Франціи, Голландіи, Гишпаніи. — Думаютъ, что въ тайныхъ статьяхъ мира Англійское Министерство не забыло несчастныхъ Принцевъ Бурбонскаго Дому и Штатгальтера. Сей послѣдній, выѣзжая изъ Лондона, написалъ къ Королю умное, и хотя благодарное, но гордое письмо, достойное потомка Вильгельмова и Маврикіева.

Естьли Англійской народъ обрадовался миру, то радость Французовъ была еще живѣе и основательнѣе, особливо въ городахъ приморскихъ и торговыхъ, которые съ восхищеніемъ увидѣли дружественной флагъ Великобританіи въ своихъ гаваняхъ, и спѣшатъ теперь отправлять корабли во всѣ части свѣта. Усердіе къ Бонапарте дошло до высочайшей степени: со всѣхъ сторонъ пишутъ къ нему благодарныя письма, въ которыхъ называютъ его *спасителемъ Республики, первымъ Героемъ всѣхъ вѣковъ, единственнымъ*, и проч. и проч. Онъ конечно заслужитъ признательность Французовъ, естьли, разрушивъ мечту равенства, которая всѣхъ ихъ дѣлала равно несчастными, и возстановивъ Религію, столь нѣжную для сердца въ мірѣ превратностей, не менѣе нужную и для цѣлости государствъ, отеческимъ правленіемъ за-

* Не говорю здѣсь о завоеваніяхъ ея въ Индіи, которые не имѣли связи съ Французскою войною.

глядитъ бѣдственныя слѣды Революціи, дастъ Республикѣ мудрую систему гражданскихъ законовъ, будетъ искреннимъ покровителемъ наукъ, художествъ, торговли, и на семъ основаніи утвердитъ благоденствіе Франціи, миролюбивою Политикою согласивъ ея выгоды съ выгодами другихъ Державъ. Тогда сей Монархъ-Консулъ оправдаетъ дѣло Судьбы, которая возвела его изъ праха на такую степень величія.

Многіе Политики боятся рѣшительнаго вліянія Франціи на участь Европы. «Мы вѣримъ миролюбію и благоразумію Консула Бонапарте, говорятъ они: вѣримъ, что онъ не возмутитъ спокойствія Державъ и будетъ заниматься только внутреннимъ благомъ государства; но когда другой со временемъ заступитъ его мѣсто, и не будучи, подобно ему, насыщенъ воинскою славою, захочетъ лавровъ, имѣя въ своихъ рукахъ Францію и еще три Республики, которыя непременно должны отъ нее зависѣть: что будетъ тогда съ Европою, по крайней мѣрѣ съ Германією и съ Италією?» Сей страхъ не совсѣмъ основателенъ. Союзъ Россіи, Австріи, Пруссіи и Англіи можетъ всегда ограничивать внѣшнія дѣйствія Франціи и противоборствовать всякому злоупотребленію силъ ея. На одной сторонѣ сіи четыре Державы, а на другой Французская Республика, Голландская, Швейцарская и Чезальпинская (прибавимъ къ нимъ еще и Гиспанію), составятъ то равновѣсіе, которое нужно для политическаго благосостоянія Европы.

Удалимъ теперь отъ мыслей своихъ все печаль-

ное. Небо проясняемое надъ нами; въיותרше
остатки тучь видны еще на горизонтѣ, но мы съ
сердечнымъ удовольствіемъ смотримъ на свѣтъ
мѣста его. Австрія отдыхаетъ послѣ кровопро-
литной войны, и Правительство ея старается вве-
сти во всѣ части государственной системы лучшей
порядокъ и согласіе. Нѣмецкіе Принцы надвѣются
на слѣдствіе Регенсбургскаго Сейма или Амьен-
скаго Конгреса. Голландія, въ самыхъ революці-
яхъ спокойная и флегматическая, занимается но-
выми планами для воскресающей торговли своей и
отправляетъ Губернаторовъ въ Африку и Америку.
Пруссія, Давія и Швеція представляютъ шастли-
вую картину мудраго Начальства и довольныхъ
подданныхъ. Россія видитъ на Тронѣ своемъ лю-
безнаго сердцу Монарха, который всего равно-
стнѣе желаетъ ея шастія, взявъ себя за правое,
что добродѣтель и просвѣщеніе должны быть осно-
ваніемъ государственнаго благоденствія. Всѣ за-
данные Имъ законы сообразны съ духомъ време-
ни, и служатъ залогомъ Его человеколюбивыхъ
намѣреній. — Обращая взоръ отъ сѣвера къ югу,
видимъ и тамъ пріятныя дѣйствія надежды. На
Альпахъ раздается голосъ, требующей возоше-
вленія древней Гельветической свободы, уничто-
женной безразсудными Французскими Директо-
рами. Республиканская свобода и независимость
принадлежитъ Швейцаріи такъ же, какъ ея гра-
нитныя и снѣжныя горы; человекъ не разрушитъ
дѣла Природы, и Бонапарте даетъ Телесамъ по-
томкамъ волю утвердить судьбу свою безъ всяка-

го чуждаго вліянiя. Чизальпинская Республика, бывъ долгое время подъ опекою, ожидаетъ наконецъ своей независимости и свободнаго политическаго бытія. Многочисленные Депутаты ея, избранные изъ всякаго состоянiя, Епископы и воины, ученые и купцы, спѣшатъ въ Лионъ, гдѣ Бонапарте вмѣстѣ съ ними назначить главныхъ чиновниковъ ихъ Республики, и такимъ образомъ довершить свое твореніе, которое всегда было особеннымъ предметомъ любви его. Луціанъ Бонапарте, второй братъ Французскаго Консула, чело-вѣкъ пылкой, умной и красворѣчивой, будетъ, какъ думаютъ, Чизальпинскимъ Консуломъ или Президентомъ. — Піемонтъ по крайней мѣрѣ спокоенъ. Судьба его не рѣшена; но вѣроятно, что Франція раздѣлитъ его съ Чизальпинскою и Лигурійскою Республикою. Сія послѣдняя должна опять имѣть своего Дожа; слѣдственно Бонапарте умѣетъ иногда предпочитать старое новому. Тоскана, возвышенная имъ на степенъ Королевствъ, ожидаетъ отъ кроткаго своего Монарха щастливыхъ дней Леопольдовыхъ. — Римскому первосвященнику возвращено все, кромѣ Лаокона, Геркулеса Фарнезскаго, Бельведерскаго Аполлона и славнѣйшихъ произведеній Рафаелевой кисти, о которыхъ Римъ никогда жалѣть не перестанетъ. — Мы не сказали бы ни слова о бѣдственномъ Неаполѣ, естли бы онъ, напоминая ужасы, въ то же время не напоминалъ о славной дисциплинѣ шести тысячъ Русскихъ, которые спасли его отъ дальнѣйшихъ изступленій Италианской злобы. Нещастлива та

столица, въ которую Государь не спѣшитъ возвратиться! — Мальта была уже давно забыта Исторіею; но теперь снова займетъ въ ней нѣсколько страницъ, бывъ яблокомъ раздора между двумя державами. Ордену возвращается древняя столица; но вѣроятно, что въ его Статутахъ будутъ нѣкоторыя перемѣны, и что для увѣичанія общаго мира Мальтійскіе Кавалеры великодушно согласятся оставить въ покоѣ и самыхъ невѣрныхъ! — Константинополь торжествовалъ побѣды! Еще съ большею радостію должно ему торжествовать миръ, который служитъ временною опорой для ветхаго Магометова трона. Любопытно знать, на что рѣшится теперь Пасванъ-Оглу, одивъ въ немпогихъ людей въ Европѣ, которые не радуются общему миру! — О Гишпаніи и Португаліи можно сказать единственно то, что первая будетъ зависѣть отъ Франціи такъ же, какъ вторая отъ Англіи, съ тою разницею, что Гишпанія хотѣла бы прервать свои узы, и Португалія защищаетъ ими бытіе свое. *Князь мира*, доказавъ, что онъ можетъ быть и *Княземъ войны*, отдыхаетъ на своихъ лаврахъ и пользуется всею довѣренностію Короля.

Желаемъ, чтобы Амьенской Конгрессъ былъ въ Исторіи славнѣе всѣхъ Утрехтскихъ и Ахенскихъ Конгрессовъ; чтобы съ него началась новая эпоха не только для Политики, но и для самаго человечества. По крайней мѣрѣ истинная Философія ожидаетъ хотя сего единственнаго щастливаго дѣйствія ужасной Революціи, которая останется пятномъ осьмаго-надесять вѣка, слишкомъ рано на-

званнаго *Философскимъ*. Но девятой-надесять вѣкъ долженъ быть щастливѣе, увѣривъ народы въ необходимости законнаго повиновенія, а Государей въ необходимости благодѣтельнаго, твердаго, но отеческаго правленія. Сія мысль утѣшительна для сердца, которое въ самыхъ бѣдствіяхъ человѣческаго рода находитъ такимъ образомъ залогъ добра для будущихъ временъ.

Мы желаемъ увѣдомлять нашихъ Читателей о мирномъ благоденствіи Державъ, о полезныхъ учрежденіяхъ во всѣхъ земляхъ, о новыхъ мудрыхъ законахъ, болѣе и болѣе утверждающихъ сердечную связь подданныхъ съ Монархами. Военные громы возбуждаютъ нетерпѣливое любопытство: успѣхи мира пріятны сердцу. Оставляя Издателямъ вѣдомостей сообщать въ отрывкахъ всякаго рода политическія новости, мы будемъ замѣчать только важныя, и *Вѣстникъ Европы* въ продолженіи своемъ можетъ составить избранную библіотеку Литературы и Политики.

Генв. 1802.

=

II.

О ПОЧЕТНОМЪ ЛЕГІОНѢ.

Въ Мониторѣ напечатанъ органическій уставъ *Почетнаго Легіона*, который, не смотря на умную, ораторскую рѣчь Луцана Бонапарте, кажется

странною выдумкою. Его не лзя назвать дворянствомъ: ибо онъ не даетъ никакихъ гражданскихъ преимуществъ; не лзя назвать рыцарскимъ Орденомъ: ибо всякой Орденъ имѣлъ, какую нибудь цѣль, а Легионъ никакой не имѣетъ: особенная клятва Членовъ быть защитниками Правленія должна быть клятвою всѣхъ Французовъ. Онъ будетъ наградою храбрости и добродѣтели, говорятъ Консулы: въ чемъ же состоитъ сія награда? въ имени и въ жалованьи; но люди никогда не повѣрятъ имени, естли они не знаютъ человѣка; оно будетъ всегда пустымъ титуломъ, когда не соединено съ особенными гражданскими выгодами. Что касается до жалованья, то не могло ли Правительство давать пенсіи по извѣстнымъ заслугамъ, безъ всякаго рыцарскаго обезьянства въ такой землѣ, гдѣ сін учрежденія противны кореннымъ политическимъ законамъ? Какая нужда дѣлить всю Францію на Когорты, назначать удѣлы, заводить большіе и малые Совѣты, то есть, особенныя правленія въ общемъ, и единственно для того, чтобы нѣкоторымъ людямъ дать жалованье? Политическая мудрость соразмѣряетъ во всякомъ отношеніи средства съ дѣйствіями: Почтенный Легионъ представляетъ удивительную сложность въ средствахъ для произведенія весьма обыкновеннаго дѣйствія. Потомство не на мраморныхъ доскахъ Легиона будетъ искать славныхъ именъ, а въ Исторіи. Естли Бонапарте и на золотой доскѣ велитъ написать имя Генерала Мену, Европа не будетъ уважать его.—А такъ называемыя *Легионныя гостиницы*

въ самомъ дѣлѣ не что иное, какъ трактиры; должно вычитать изъ жалованья Членовъ нужную сумму для ихъ содержанія въ сихъ домахъ. Мы еще не упомянули объ одной выгодѣ легионныхъ воиновъ: въ чрезвычайныхъ засѣданіяхъ Совѣта будутъ говорить похвальное слово всякому, кто умретъ изъ нихъ; это общаетъ по крайней мѣрѣ успѣхи краснорѣчію.

III.

О ПОХИТИТЕЛЯХЪ.

Въ Парижскомъ Журналѣ, называемомъ Bulletin de Paris, напечатана статья о похитителяхъ, которая обратила на себя общее вниманіе. Авторъ говоритъ, что похитителями должно именовать однихъ бунтовщиковъ, ужасными и незаконными средствами восходящихъ на престолъ (какъ-то не рѣдко случалось въ Азіатскихъ государствахъ), а не тѣхъ Героевъ, которые присвоиваютъ себѣ власть только для блага согражданъ, вводятъ порядокъ тамъ, гдѣ была анархія, и дѣлаются отцами народовъ. Онъ жалуется на *вѣтренность Исторіи*, называющей сихъ Героевъ оскорбительнымъ именемъ похитителей, и ставитъ въ примѣръ Деіоцеса, который *избавилъ народъ отъ опасныхъ мечтаній свободы, съ щастливою дерзостію объявилъ себя первымъ Царемъ Мидійскимъ, завелъ бле-*

стящій Дворъ, и новымъ подданнымъ своимъ являлся только въ сѣнни вѣнца Царскаго. «Можно ли (продолжаетъ Авторъ) называть похитителемъ «мудраго Сиракузскаго Царя Герона? Если бы онъ остался простымъ гражданиномъ, то Сиракузы, изнуренныя анархіею, не сдѣлались бы ша-стливѣйшею страною міра въ его тридцатилѣтнее правленіе.» Издатель сего Журнала есть, какъ извѣстно, важной челоуѣкъ въ Республикѣ; онъ не даромъ помѣстилъ такую статью — и Лондонскіе Журналисты называютъ ее манифестомъ, увѣряя, что Бонапарте хочетъ объявить себя Гальскимъ Императоромъ, надѣтъ корону на голову, сдѣлать ее наследственнойю и быть начальникомъ новой династїи. Все возможно; однакожь мы еще не хотимъ вѣрить тому до времени. Видимъ только, что Бонапарте будетъ скорѣе Герономъ, нежели Тимолеономъ. Впрочемъ друзья или льстецы его (ихъ, сказываютъ, мудрено различать при Дворахъ) напрасно доказываютъ, что Бонапарте не есть похититель, и заранѣе бранять Исторїю: нѣтъ, она не назоветъ его симъ именемъ, а скажетъ, что онъ людей считалъ людьми, и даже самъ не хотѣлъ быть выше челоуѣка. Не Бонапарте свергнулъ Бурбоновъ съ трона; не Бонапарте сдѣлалъ Революцію: онъ только воспользовался ею для своего властолюбія.

=

IV.

ПАДЕНІЕ ШВЕЙЦАРІИ.

Сія несчастная земля представляетъ теперь всѣ ужасы междоусобной войны, которая есть дѣйствіе личныхъ страстей, злобнаго и безумнаго эгоизма. Такъ исчезаютъ народныя добродѣтели! онѣ, подобно людямъ, отживаютъ свой вѣкъ въ государствахъ; а безъ высокой народной добродѣтели Республика стоять не можетъ. Вотъ по чему монархическое правленіе гораздо щастливѣе и надежнѣе: оно не требуетъ отъ гражданъ чрезвычайностей, и можетъ возвышаться на той степени ответственности, на которой Республики падаютъ. Развратъ Швейцарскихъ нравовъ начался съ того времени, какъ Телевы потомки вздумали за деньги служить другимъ Державамъ; возвращаясь въ отечество съ новыми привычками и съ чуждыми пороками, они заражали ими своихъ согражданъ. Ядъ дѣйствовалъ медленно въ чистомъ горномъ воздухѣ; но благодѣтельное сопротивление Натуры уступило наконецъ зловредному вліянію. *Духъ торговый*, въ теченіе времени овладѣвъ Швейцарами, наполнилъ сундуки ихъ золотомъ, но истощилъ въ сердцахъ гордую, исключительную любовь къ независимости. Богатство сдѣлало гражданъ эгоистами, и было второю причиною нравственнаго паденія Гельвеціи. Но древнія гражданскія и политическія связи Швейцаріи могли бы еще долго не разрушиться (ибо древность имѣетъ

удивительную силу), если бы злой духъ Французской Революціи не сорвалъ сей, нѣкогда щастливой Республики съ ея основанія. Для новыхъ политическихъ зданій нужно отмѣнное величіе духа одного или многихъ людей: Гельвеція не имѣетъ сихъ Геніевъ, и пять новыхъ Конституцій ея, мелькнувъ, исчезли какъ тѣни.

Октября 1802 г.

=

V.

ШВЕЙЦАРІЯ.

Президентъ Швейцарскаго Сейма, славный Алойсъ Редингъ, Генераль Ауфдермауръ и Цирихскій ученый, Гирцель, взяты подъ стражу Французскимъ Генераломъ Неемъ и заключены какъ преступники въ Арбургской крѣпости. Эрлахъ, Ваттенвиль и другіе Бернскіе Аристократы также (какъ слышно) будутъ посажены въ темницу.... Всѣ тѣ, которые занимаются происшествіями времени, судьбою государствъ и человѣчества, по справедливости должны были удивиться такому дѣйствию строгости, напоминающему жестокия правила Революціи. Мы сомнѣваемся въ патриотической добродѣтели Рединга и друзей его, и не хвалимъ Бернской Олигархіи, которую они хотѣли возстановить; но Франціи ли наказывать сихъ гражданъ! Когда бы Сеймъ сопротивлялся, тогда

бы Генераль Ней имѣлъ неограниченное право завоевателей; но общать мирное посредство и схватить безоружныхъ людей какъ преступниковъ — самыхъ тѣхъ, которыхъ Бонапарте звалъ въ Парижъ для совѣта, и которые торжественно объявили, что они не хотятъ противиться силѣ — кажется намъ великою несправедливостію. Не Франція ли ввергнула Швейцарію въ хаосъ анархіи? не Франція ли способствовала многимъ революціямъ въ Гельветическомъ правленіи? не ея ли Министры были главною опорою тамошнихъ честолюбивцевъ? слѣдственно она менѣе всѣхъ другихъ Европейскихъ Державъ можетъ винить Швейцаровъ; признавъ же, Люневильскимъ трактатомъ, ихъ независимость, должна была отказаться средствъ отъ насилія и деспотизма. Соглашаемся, что послѣдняя Гельветическая Конституція могла бы успокоить Швейцарію; соглашаемся, что Редингъ и друзья его только по личнымъ страстямъ хотѣли испровергнуть ее: но естли всѣ Кантоны и города пристали къ нимъ, то они уже оправданы. Бонапарте могъ ввести Французское войско въ Гельвецію, но единственно для сохраненія порядка, обузданія черни для свободы выборовъ и законодательныхъ дѣйствій въ сей Республикѣ, а не для того, чтобы сажать въ темницу знаменитыхъ гражданъ, удостоенныхъ общей довѣрности. Каковъ ни есть Редингъ, но сограждане читаютъ его; вліяніе, которое онъ имѣетъ на общую волю, есть дѣйствіе свободы; но, естли они составляютъ народъ,

Должно помогать сосѣдамъ, но не должно быть ихъ притѣснителемъ.

Мысль собрать Депутатовъ Гельвеціи въ Парижѣ льститъ самолюбію Консула, но оскорбительна для патріотизма Швейцаровъ, которые умѣли быть свободными гораздо прежде Французовъ, и безъ униженія не могутъ явиться въ передней гражданина Талейрана. Если отрасль древней славной фамиліи кажется намъ почтенною; если великія дѣла человѣка бросаютъ какой-то лучъ на самыхъ отдаленныхъ его потомковъ: то Швейцары могутъ требовать всеобщаго уваженія. Они не Чизальпинцы, пожалованные Консульскимъ указомъ въ преемники древнихъ Римлянъ. Не въ тѣсномъ и шумномъ Парижѣ, гдѣ люди всегда превращали басню Хамелеона въ истину, но среди гордыхъ Альпъ, гдѣ болѣе четырехъ вѣковъ гремѣло имя свободы — на равнинахъ, гдѣ пастухи, одушевленные любовію къ отечеству, истребляли лучшія Европейскія арміи — среди величественныхъ предметовъ Натуры и славныхъ воспоминаній народнаго геройства должны сыны Гельвеціи совѣтоваться о благѣ страны ихъ и средствахъ воскресить патріотизмъ въ гражданахъ. Пусть тамъ легіоны Французскіе въ почтительномъ отдаленіи окружаютъ ихъ своими дружескими щитами, чтобы революціонная необузданность — сіе чудовище, которое родилось во Франціи — не мѣшала спокойному дѣйствию умовъ и законодательной мудрости! Пусть Бонапарте, какъ другъ народнаго благоденствія, объявитъ имъ свое мнѣніе о

лучшемъ образѣ правленія для Гельвеціи, не требуя Депутатовъ передъ Консульской тропѣй своей! Тогда онъ поступилъ бы какъ великодушный властелинъ и герой добродѣтели; а теперь поступаетъ — какъ *Генераль Европы*, дающій воинскіе строгіе приказы.

Знаемъ, что власть и сила могутъ смѣяться надъ идеями Филантроповъ; знаемъ, что о вкусахъ спорить не должно (по старинной Латинской поговоркѣ), и что иному пріятнѣе жить въ какомънибудь великолѣпномъ замкѣ, нежели въ храмѣ богини Кліо; но въ такомъ случаѣ не надобно уже думать о славѣ, не надобно говорить *о потомствѣ, справедливости, мнѣніи вѣковъ*: ибо не Профекты Сен-Клудскаго замка будутъ писать Исторію.

Слышно, что Министръ Талейранъ изготавилъ уже *новѣйшую* Конституцію для Швейцаріи къ пріѣзду Депутатовъ въ Парижъ. Французы набили руку въ семь дѣлъ: нигдѣ не сочиняется столько романовъ и Конституцій, какъ въ Парижѣ!

Гельветическое Правительство обнародовало свое оправданіе, которое еще болѣе обвиняетъ его въ глазахъ народа. Оно говоритъ, что Швейцары заслуживаютъ бѣдствіе, дерзнувъ возстать противъ властей своихъ; но можетъ ли назваться народною та власть, которую ненавидитъ народъ? а сію ненависть заслужило Гельветическое Правительство своею безразсудною жестокостію противъ несчастнаго Цириха. И можетъ ли избранное Республиканское начальство говорить такія грубости *всей* націи, то есть, утверждать, что она безразсудна,

не знаетъ своей пользы и во всемъ виновата? Демосеенъ жестоко бранилъ Аѳинянь; но онъ говорилъ какъ простой гражданинъ: а начальство избранное, унижая народъ, ослабляетъ собственную силу свою, которую оно единственно отъ него получило. Гельветическое Правительство должно было или молчать или говорить только о заблужденіи *нѣкоторыхъ*, а не *всѣхъ*. Надобно по крайней мѣрѣ сохранять пристойность, когда уже справедливость нарушена.

Къ несчастію, мы не видимъ еще, какъ миръ и благоденствіе могутъ быть восстановлены въ бѣдной Швейцаріи!

Дек. 1802.

—

VI.

ВЗОРЪ НА ПРОШЕДШІЙ ГОДЪ.

1802 Годъ былъ мирный для Европы, но важный своими великими государственными феноменами. Амьенскій трактатъ, столь удивительный — преобразование Чизальциской Республики (эпоха достопамятная, ежели сія Республика будетъ существовать въ мірѣ, и не есть одна театральная декорация, или домъ, на пескѣ построенный) — великія перемѣны во Франціи: уничтоженіе послѣднихъ законовъ такъ называемой свободы, основаніе рѣшительнаго, твердаго самовластія до смерти

Консулы; амнистія для Эмигрантовъ съ единствен-
нымъ исключеніемъ тѣхъ, которые лично ему не-
пріятны; мудрые законы для народнаго ученія во
Франціи; въ Англіи — любопытные Парламентскіе
споры, смѣшеніе партій, начало новой *Оппозиціи*
малочисленной, но сильной талантомъ двухъ Ора-
торовъ; уничтоженіе *славнаго* налога на доходы,
возстановленіе закона личной безопасности; два
Сейма въ Европѣ: въ Сициліи и въ Венгріи, изъ
которыхъ первый оказалъ болѣе усердія къ свое-
му Двору, нежели второй, только отчасти испол-
нившій желаніе и надежду Римскаго Императора;
въ Германіи новое раздѣленіе властей и земель,
предложенное Россією и Францією; въ Баваріи
(гдѣ донынѣ царствовалъ самый ревностный Ка-
толицизмъ) церковныя реформы и перемѣны въ
духъ Іосифа; бѣдствія Швейцаріи и совершенная
утрата ея независимости; въ Турціи миръ Султа-
на съ Пасваномъ; въ Россіи новое мудрое образо-
ваніе Министерства и новыя права, данныя Сена-
ту: вотъ великіе предметы для будущаго Историка,
поле обширное для ума и сужденій его! — Не за-
будемъ Короля, сказавшаго съ мудрымъ Соломо-
номъ: *суета суеть!* и сложившаго съ себя корону,
правда, не весьма тяжелую своимъ величіемъ. Яв-
леніе Русскихъ войскъ въ Іонической Республикѣ
есть также любопытное дѣйствіе новыхъ, донынѣ
безпримѣрныхъ политическихъ связей, сношеній
и видовъ.

Главный историческій характеръ нашего вре-
мени, Наполеонъ Бонапарте, въ теченіе сего года

вышелъ изъ сомнительныхъ тѣней надежды и страха, и явился въ полномъ свѣтѣ истины, къ стыду романическихъ головъ, которыя въ наше время мечтали о Тимолеонахъ. Наполеонъ лучше ихъ знаетъ дымъ славы. Онъ думаетъ безъ сомнѣнiя :

Нешастный! что тебѣ до мнѣнiя потомковъ?
Среди могилъ, костей и гробовыхъ обломковъ
Не будешь чувствовать, что скажутъ о тебѣ!
Безуменъ славы рабъ! безуменъ кто Судьбѣ
За сей *кимвальный* звонъ отдастъ узъ доброй воли
Утѣхи пышности, блаженство царской доли!

Между тѣмъ мы должны изъясниться, и сказать, чего еи забавные Романисты ожидали отъ Консула. Они думали, что Наполеонъ сильною рукою своего Генiя остановивъ бурное стремленiе Революцiи, воспользуется опытами вѣковъ, всѣми лучшими идеями Философовъ; что онъ дастъ Францiи почти совершенное (Монархическое или республиканское) Правленiе, сдѣлаетъ власть могущею, но только благотворною и спасительною, подобною не грозной рѣкѣ, которая безпрестанно можетъ выливаться изъ плоскихъ береговъ своихъ, но тихою и мирною, текущею безъ всякаго помѣшательства среди высокихъ стѣнъ, утвержденныхъ мудрымъ искусствомъ. Они думали, что онъ, совершивъ великое творенiе, сложитъ съ себя всѣ знаки Диктаторскаго достоинства, оставитъ на головѣ своей одинъ вѣнокъ лавровый, уступитъ Консульскiй тронъ закону и успокоится, на капунѣ безмер-

тія, среди народа благодарнаго, въ объятіяхъ славы, подъ кровомъ хижины, въ обществѣ однихъ великихъ мужей Плутарховыхъ: ибо мы, современники, не осмѣлились бы тогда къ нему приблизиться, и только издали удивлялись бы его величію. — Надобно признаться, что сей романъ стоитъ Морусовой Утоніи!

Хотя мы никакъ не осуждаемъ Бонапарте, однакожь историческая справедливость заставляетъ насъ примѣтить, что число ревностныхъ обожателей Наполеона весьма уменьшилось въ Европѣ, естьли вѣрить Англійскимъ и Нѣмецкимъ Журналамъ. Предсказаніе добродушнаго Лафатера можетъ сбыться: онъ говорилъ, что Бонапарте переживетъ славу свою. Такова неблагодарность смертныхъ: кто однажды удивилъ насъ и еще остается на сценѣ, отъ того мы не перестаемъ требовать новыхъ чудесъ и въ случаѣ отказа готовы освѣстать славнаго Актера. Напрасно друзья Наполеоновы: Секретарь Бурьень, Ценсоръ Барреръ, Совѣтникъ д'Анжели, доказываютъ въ своихъ періодическихъ листахъ, что Бонапарте слѣдуетъ примѣру какого-то Мидійскаго Царя; шумная, безразсудная Публика кричитъ: *это старая Геродотова сказка! намъ надобно великаго челоуька!* однимъ словомъ, всего досаднѣе имѣтъ дѣло съ партеромъ Европы, и Бонапарте поступилъ весьма благоразумно, заключившись въ высокихъ палатахъ Сен-Клу, гдѣ онъ слышитъ только окликъ часовыхъ, умныя привѣтствія Сенаторовъ и Версадскія фразы Шевалье Жокура.

Естьли же мы, переставъ на минуту быть въ комъ иностранныхъ крикуновъ, называемыхъ Журналистами, должны объявить собственное мнѣніе о Консулѣ, то скажемъ, что онъ, умертвивъ чудовище Революціи, заслужилъ вѣчную благодарность Франціи и даже Европы. Въ семъ отношеніи будемъ всегда съ удовольствіемъ хвалить его, какъ великаго Медика, излечившаго головы отъ опаснаго круженія. Пожалѣемъ, естьли онъ не имѣетъ законодательной мудрости Солона и чистой добродѣтели Ликурга, который, образовавъ Спарту, самъ себя навѣки изгналъ изъ отечества!..... Вотъ дѣло героическое, передъ которымъ всѣ Лоди и Маренго исчезаютъ! Черезъ 2700 лѣтъ оно еще воспаляетъ умъ, и добрый юноша, читая Ликургову жизнь, плачетъ отъ восторга.... Видно, что быть искуснымъ Генераломъ и хитрымъ Политикомъ гораздо легче, нежели великимъ, то есть, героически-добродѣтельнымъ человѣкомъ.

3

VII.

ИЗВРАЖЕНІЕ РЕСПУБЛИКИ.

Французскій Законодательный Корпусъ собрался при стрѣльбѣ пушечной, и Министръ Внутреннихъ Дѣлъ, Шапталъ, открылъ его пынною рѣчью; но гораздо важнѣе рѣчи Министра есть *изображеніе*.

не Республики, представленное Консулами Законодателямъ. Надобно признаться, что сія картина блещетъ живостию красокъ и плѣняетъ воображеніе добрыхъ людей, которые искренно—и всѣмъ народамъ въ свѣтъ — желаютъ успѣха въ трудномъ искусствѣ государственнаго щастія. Бонапарте, зная сердца людей, весьма кстати даетъ чувствовать, что онъ не забываетъ смертности человѣка, и думаетъ о благѣ Франціи за предѣлами собственной жизни его. (*Que les premières magistratures viennent à vaquer, les devoirs et la marche du Sénat sont tracés, etc.*) Такія черты всегда имѣютъ сильное дѣйствіе: хочется вѣрить искренности говорящаго, чтобы любить въ немъ твердость духа и добродѣтель. Можно осуждать Бонапарте въ системѣ его правленія; однакожъ надобно согласиться, что онъ имѣетъ рѣдкой талантъ повелѣвать людьми и государствами. — Читая съ удовольствіемъ сіе *изображеніе Республики*, мы замѣтили двѣ мысли, которыя не всякому покажутся справедливыми. Бонапарте говоритъ, что Англія *одна* безъ союзниковъ не можетъ нынѣ противиться Франціи: на сухомъ пути, такъ; но Великобританія есть морская Держава, и сражается на моряхъ, гдѣ всѣ соединенные флоты Европы не могли бы безъ дерзости вступить въ бой съ ея непобѣдимымъ флотомъ. Не справедливѣ ли будетъ сказать, что нынѣ одна только Англія въ силахъ воевать съ Французами безъ союзниковъ? Она всегда, когда захочетъ, можетъ

отнять ихъ колоніи и запереть гавани ; правда, что и ничего болѣе не сдѣлаетъ. Давно уже Францію сравниваютъ со львомъ, а Великобританію съ котомъ: одинъ грозенъ на берегу, а другой на волнахъ; они взаимною злобою своею не причиняютъ большаго вреда другъ другу. — Вторая мысль Консулова, нами замѣченная, рѣшитъ важный вопросъ государственной Морали о пользѣ роскоши : онъ явно возбуждаетъ къ ней Французовъ, для успѣха Лионскихъ фабрикъ!! Жаль, что нѣтъ уже на свѣтѣ Дидрота и его товарищей *Философистовъ* : какъ они обрадовались бы сему мнѣнію, основанному на ихъ системѣ! Обширность и важность предмета не позволяютъ намъ вступить здѣсь въ его изслѣдованіе; скажемъ только одно: если роскошь не совмѣстна съ чистыми нравами людей, то хорошо ли Законодателю ободрять ее? можетъ ли частное добро перевѣсить общій вредъ? Въ Бретіи многіе люди питаются тѣмъ, что дѣлаютъ прекрасные ножи и кинжалы; но зная, что Италіянскіе Бандиты по большой части тамъ запасаются смертоноснымъ оружіемъ своимъ, доброй человѣкъ не можетъ любить Бретіянскихъ фабрикъ. Нравы должны быть основаніемъ и частнаго и государственнаго щастія; а мы сомнѣваемся въ благонравіи роскошной жены и матери. Когда умѣренность справедливо называется добродѣтелію, то роскошь есть вѣрно порокъ. Ошибки въ системахъ Писателя и Правителя имѣютъ не одинакія слѣдствія: Дидротъ былъ смѣшенъ, утверждая, что мотъ гораздо благодѣтельнѣе того человѣка, кото-

рый питаетъ нищихъ; но Бонапарте законодатель миллионовъ!

Марта, 1803.

=

VIII.

О ВЫСАДКЪ.

Можно сказать, что Европа имѣетъ нынѣ только одну мысль: всѣ умы занимаются Французскою высадкою, для которой благопріятное время наступаетъ. Извѣстно, что въ Октябрѣ и въ Ноябрь мѣсяцѣ свирѣпствуютъ югозападные бурные вѣтры, которые могутъ разсѣять флоты Англійскіе; гавани Республики, теперь *осажденные* ими, будутъ свободны, и Французы, пользуясь щастливою минутою, выдутъ въ море — такъ пишутъ въ Вѣдомостяхъ; такъ думаютъ не только Журналисты и частные люди, но (какъ увѣряютъ насъ) и самые Министры. Страшныя приготовленія Французовъ увѣрили Европу, что Консулъ дѣствительно и непремѣнно хочетъ завоевать Великобританію. Франція вездѣ представляетъ картину ревностной, неусыпной воинской дѣятельности. Дороги усыяны войсками, которыя спѣшатъ изъ всѣхъ Департаментовъ къ западнымъ и сѣвернымъ берегамъ Республики; большая часть лѣсовъ вырублена; на всѣхъ рѣкахъ строятъ лодки и суда; въ арсеналахъ день и ночь трудится около 300,000

работниковъ. Уже Бонапарте назначилъ Адмирала: Брюн (который нѣкогда весьма щастливо утѣдился на моряхъ отъ Англичанъ и привелъ въ Брестъ флотъ Гишпанскій) долженъ командовать *народною флотиліею*, распустилъ флагъ свой въ Кале, и въ торжественной прокламаціи говоритъ Республиканцамъ: «уже гремитъ вопль мщенія. День ужасный готовится. Благопріятный вѣтръ въ нѣскольکو часовъ поставитъ васъ на берега Англіи!» — 180,000 Французовъ собирается въ разныхъ лагеряхъ для высадки. Главная квартира въ Гентѣ, куда Консулъ немедленно отправится, чтобы, находясь въ цѣнтрѣ войскъ, управлять ихъ движеніями. Одни увѣрены, что Бонапарте хочетъ самъ командовать экспедиціею; а другіе думаютъ, что онъ останется на берегу, въ ожиданіи успѣха, и поручитъ армію Массенѣ или другому Генералу. О Моро не говорятъ ни слова. Консульская гвардія выступаетъ въ походъ.... «Если первая экспедиція не удастся (пишутъ изъ Франціи), то мы отправимъ вторую, а за нею и третью армію....» Это легко сказать, а не сдѣлать; первая удача или неудача должна все рѣшить. Между тѣмъ признаемся, что намъ и нынѣ не хотѣлось бы еще вѣрить сему гигантскому предпріятію. Не уже ли умъ Консула можетъ быть такъ ослѣпленъ желаніемъ мести? Донынѣ онъ во всемъ, или почти во всемъ, имѣлъ успѣхи; но *Фортуна женицана*, говорятъ мудрые. Дерзость бываетъ спасительна только въ крайности: а Франція сильна и велика. Намъ всегда казалось, что мстительность не

входитъ въ здравую Политику. Британцы ненавидятъ величіе Франціи, зная, что ихъ паденіе неименуемо, еслии Республика удержится на той степени могущества, на которую поставилъ ее Бонапарте. Сія ненависть должна ему казаться естественною и даже справедливою, будучи основана на патриотизмѣ. Еслии онъ сохранитъ настоящую силу и вліяніе Франціи на твердой землѣ, то безъ всякихъ отважныхъ предпріятій въ нѣсколько лѣтъ побѣдитъ Англичанъ. Самовластіе ихъ на моряхъ оскорбляетъ всѣ Державы: рано или поздно онѣ могутъ прибѣгнуть къ чему нибудь рѣшительному — могутъ наконецъ затворить свои гавани для Англичанъ, тѣмъ охотнѣе и скорѣе, тѣмъ болѣе Консулъ уважалъ бы достоинство нейтральныхъ государствъ и независимость Европы. Пусть Великобританія царствуетъ въ Индіи и владѣетъ всѣми островами на свѣтѣ: ежели не будутъ пускать ея кораблей черезъ Зундъ, то она, уже почти совсѣмъ отрѣзанная отъ южной Европы, безъ сомнѣнія смиритъ гордость свою и захочетъ мира, чтобы Индѣйскіе и Американскіе товары не сгнили въ Лондонскихъ магазинахъ и фабрики ея не остались безъ дѣла. Тогда Бонапарте восторжествовалъ бы совершенно, и гордые враги его признали бы *свободу морей*, которую онъ обѣщаетъ доставить свѣту своею грозною высадкою. Но для ускоренія сей щастливой эпохи ему не надлежало бы вводить войска въ Ганноверъ и наказывать Германію за Англичанъ: дѣйствіе силы оскорбительное для всѣхъ друзей справедливо.

сти — и для самыхъ Кабинетовъ, какъ надобно думать!

Мы удивляемся, что нѣкоторые Политики съ такою легкостію говорятъ о возможности завоевать Англию. Какое государство исчезло вдругъ, будучи, подобно Великобританіи, на высочайшей степени величія? Народы такъ скоро не переходятъ отъ славы къ рабству, — отъ славы, которая доказываетъ силу ихъ духа. 17,000 Англичанъ завоевали Египеть, гдѣ было столько же Французскаго войска, и притомъ отборнаго: слѣдственно они умѣютъ и на землѣ сражаться. 50,000 человекъ милиціи, столько же регулярнаго войска и полмилліона волонтеровъ не положить ружья передъ Консуломъ, когда имъ надобно будетъ спасти отечество и народную независимость. Такой арміи еще никто не побѣждалъ отъ начала міра. Не только Каналь, но и берегъ Англии по всѣмъ вѣроятностямъ долженъ быть могилою для Французовъ. Иное дѣло, если бы удалось имъ 40 или 50 тысячъ высадить на берега Ирландіи; сіе войско осталось бы безъ сообщенія съ Франціею, но легко могло бы выгнать оттуда Англичанъ, которыхъ ненавидятъ Ирландцы. Сія страна есть нынѣ самая несчастная на земномъ шарѣ, будучи театромъ ужаса, казней, остервененія заговорщиковъ и хотя необходимыхъ, но печальныхъ мѣръ строгаго воинскаго правленія. Никто изъ жителей не увѣренъ въ своей безопасности; доносы и подозрѣніе наполняютъ тюрьмы отцами семействъ; въ домахъ безпрестанные осмотры; солдаты штыками отво-

ряютъ дверь въ кабинеты и въ спальни самыхъ знаменитыхъ гражданъ, которымъ дозволяется выходить изъ дому единственно въ назначенное для того время. Если Бонапарте въ самомъ дѣлѣ хочетъ отважиться на высадку, то всего вѣроятнѣе, что не Англія, а Ирландія будетъ ея предметомъ.

Но точно ли онъ имѣетъ сіе намѣреніе? Не хочетъ ли единственно того, чтобы Англія, безпрестанно ожидая Французовъ, истощала казну на содержаніе многочисленной арміи, изнуряла народъ податями и не предпринимала важныхъ экспедицій? Въ такомъ случаѣ хвала и слава его хитрости: ибо ему удалось обмануть не только Гакесбури съ Аддингтономъ, но и всю Европу. Напряженіе силъ, въ которомъ видимъ теперь Англію, вредно для ея торговли и промышленности; если оно еще долго не прекратится, то народъ безъ сомнѣнія захочетъ мира: чего только, можетъ быть, и желаетъ Консулъ.

Октябръ, 1803.

ПАНТЕОНЪ
РОССІЙСКИХЪ АВТОРОВЪ.

БОЯНЪ.

За нѣсколько лѣтъ передъ симъ въ одной монастырской Архивѣ нашлось древнее Русское сочиненіе, достойное Оссіана, и названное *Словомъ о полку Игоревѣ*. Знатоки нашихъ древностей утверждаютъ, что оно должно быть произведеніемъ XII вѣка. Въ немъ живо описываются бѣдствія Россіи и храбрость сыновъ ея, дикость нравовъ и сила Героевъ. Авторъ неизвѣстенъ; но въ началѣ своей пѣсни онъ именуетъ другаго Пѣснопѣвца, Бояна, славить его дарованія и называетъ *Соловьемъ древнихъ лѣтъ*. Мы не знаемъ, когда жилъ Боянъ, и что было содержаніемъ его сладкихъ Гимновъ; но желаніе сохранить имя и память древнѣйшаго Русскаго Поэта заставило насъ изобразить его въ началѣ сего изданія. Онъ слушаетъ поющаго соловья, и старается подражать ему на лирѣ.

Можетъ быть, жилъ Боянъ во времена Героя Олега; * можетъ быть, пѣлъ онъ славный походъ

* Изъ нѣкоторыхъ мѣстъ *Слова о полку Игоревѣ* можно заключить, что Боянъ жилъ при Князѣ Полоцкомъ Всеславѣ I.

сего Аргонавта къ Царю-Граду, или несчастную смерть храбраго Святослава, который съ горстію своихъ погибъ среди безчисленныхъ Печенѣговъ, или блестящую красоту Ольги, ея невинность въ сельскомъ уединеніи, ея славу на Тронѣ.

НЕСТОРЪ.

МОНАХЪ КІЕВСКАГО ПЕЧЕРСКАГО МОНАСТЫРЯ, РОДИЛСЯ ВЪ 1056, УМЕРЪ ОКОЛО 1120 ГОДА.

Несторъ жилъ во мракѣ первагонадесять вѣка: и такъ могъ ли быть Тацитомъ? Всѣ лѣтописи тогдашнихъ временъ говорятъ о суевѣрныхъ преданіяхъ, единообразныхъ войнахъ, нападеніяхъ, отраженіяхъ, и молчатъ о томъ, что было бы для насъ гораздо любопытнѣе: о нравахъ, обычаяхъ народовъ, ихъ понятіяхъ, отличныхъ людяхъ, перемѣнахъ въ образъ жизни, и пр. Не смотря на то, Несторова лѣтопись есть сокровище нашей Исторіи, какъ по своей древности, такъ и по нѣкоторымъ характернымъ чертамъ, важнымъ и, такъ сказать, лучезарнымъ для прозорливаго Историка новыхъ счастливейшихъ временъ. На примѣръ, краткая рѣчь Князя Святослава къ его Дружинѣ передъ битвою съ Греками, не есть ли достаточное, славное изъясненіе древняго Русскаго мужества и народной гордости? *Не посрамитъ земли Русскія, но ляжемъ костями: мертвые бо срама не имуть. Станемъ крѣпко; иду предъ вами.* Что можетъ быть сильнѣе и разительнѣе? Такихъ золотыхъ мѣстъ довольно въ Несторѣ. Будемъ ему благодарны. Старинныя лѣтописи другихъ народовъ едва ли совершеннѣе нашихъ.

НИКОНЪ,

ПАТРИАРХЪ МОСКОВСКІЙ, РОДИЛСЯ ВЪ 1613, УМЕРЪ ВЪ
1681 ГОДУ.

=

Простой чернецъ Кожеозерскаго монастыря и черезъ семь лѣтъ Патріархъ Россіи, знаменитый не ученостію, но благочестіемъ и дѣятельною ревностію къ Вѣрѣ: чему служить доказательствомъ исправленіе духовныхъ книгъ и другія церковныя учрежденія его времени. Вдохновенный Христіанскимъ смиреніемъ, Никонъ сложилъ съ себя верховный санъ, и въ тихомъ уединеніи Воскресенскаго монастыря, въ тѣсной кельѣ, осѣненной густыми деревьями, провождалъ дни свои, Богу и душеспасительнымъ трудамъ посвященные. Тамъ въ часы отдохновенія, собиралъ * онъ древнія лѣтописи Россіи, извѣстныя нынѣ подъ его именемъ, и служащія основаніемъ нашей Исторіи.

Въ семъ прекрасномъ монастырѣ, окруженномъ богатствами Природы, и донынѣ все еще напоми-

* Но не сочинялъ ихъ.

наетъ Никона и строгое житіе его. Когда цвѣтеть весна и громкія пѣсни соловьевъ раздаются въ долинахъ Воскресенскихъ, обитатели Москвы посѣщаютъ Новый Іерусалимъ, и съ чувствомъ благоговѣнія входятъ въ кельи смиреннаго Патріарха.

МАТВѢЕВЪ,

(АРТЕМОНЪ СЕРГѢЕВИЧЪ).

Ближній Бояринъ, Намѣстникъ разныхъ городовъ, Царскія большія Печати и Государственныхъ Посольскихъ дѣлъ оберегатель; Приказовъ: Стрѣлецкаго, Казанскаго и другихъ, такъ же и Монетнаго Двора Главный Судя. Родился въ 1625, убитъ Стрѣльцами во время бывшаго Московскаго мятежа въ 1682 году.

Бояринъ Матвѣевъ, наперсникъ и другъ Царя Алексѣя Михайловича, при юномъ Царѣ Феодорѣ страдалъ семь лѣтъ въ заточеніи, по нелѣпому доносу изверговъ, обвинявшихъ его въ тайномъ сношеніи съ злыми духами; возвратился наконецъ съ честію и славою въ Москву, чтобы чрезъ нѣскольکو дней... умереть на копьяхъ Стрѣлецкихъ! Жертва своихъ достоинствъ, зависти людей и злобы мятежниковъ.

Историкъ народа Россійскаго когда нибудь осѣнитъ гробъ Матвѣева пальмою славы: она, и любовь чувствительныхъ сердець останутся послѣднею надеждою добродѣтели въ семъ бурномъ мірѣ.

Мы изображаемъ его здѣсь какъ Автора: онъ сочинилъ Исторію Князей и Царей нашихъ, поднесенную имъ Царевичу Теодору.*

Напомнимъ читателю, что славный Полководецъ Россіи — тотъ, кто именовъ Русскихъ военовъ заключилъ вѣчный союзъ съ побѣдою — однимъ словомъ, Румянцовъ-Задунайскій былъ правнукъ Матвѣева.

* См. Письма его, изданныя Новиковымъ.

ЦАРЕВНА СОФІЯ АЛЕКСѢВНА.

Родилась въ 1656, скончалась въ 1704 году.

Здѣсь не мѣсто описывать характеръ Софіи, которая есть одна изъ великихъ женщинъ, произведенныхъ Россією. Скажемъ только, что она по уму и свойствамъ души своей достойна была называться сестрою Петра Великаго; но ослѣпленная властолюбіемъ, хотѣла одна повелѣвать, одна царствовать, и наложила на Историка печальный долгъ быть ея обвинителемъ.

Софія занималась и Литтературою; писала Трагедіи, и сама играла ихъ въ кругу своихъ приближенныхъ. Мы читали въ рукописи одну изъ ея Драмъ, и думаемъ, что Царевна могла бы сравняться съ лучшими Писательницами всѣхъ временъ, естли бы просвѣщенный вкусъ управлялъ ея воображеніемъ.

СИМЕОНЪ ПЕТРОВСКІЙ СИТІАНОВИЧЪ

ПОЛОЦКІЙ.

Іеромонахъ, родился въ 1628, умеръ въ 1680 году.

Учитель Петра Великаго, просвѣщеннѣйшій мужъ своего времени, Богословъ и Стихотворецъ. Онъ переложилъ въ стихи — или, лучше сказать, въ рифмы: ибо Греческій *метръ* былъ тогда еще не извѣстенъ — не только пѣсни Давидовы, но и самый церковный мѣсяцесловъ; имѣлъ даръ слова, который не есть даръ краснорѣчія; говорилъ и писалъ для современниковъ, слѣдственно не для насъ; но какъ древніе Философы, описывая твореніе міра, всегда начинали съ темнаго, неустроеннаго Хаоса, такъ и философическій изслѣдователь нашего языка долженъ начать любопытный трудъ свой съ произведеній Симеона Полоцкаго.

Извѣстно предсказаніе его о рожденіи Петра Великаго. Стихотворцы часто бываютъ Астрологами, и не всегда обманываются.

ДИМИТРІЙ, ТУПТАЛО.

Святой Митрополитъ и Чудотворецъ Ростовскій и Ярославскій, родился около 1671 года, скончался въ 1709 году.

Димитрій, Митрополитъ Ростовскій, не столько извѣстенъ по своему авторству, сколько по святому житію и добродѣтелямъ своимъ; но онъ много писалъ, и въ разныхъ родахъ: *Поучительныя слова* (въ коихъ довольно риторическихъ фигуръ) *о Славянскомъ народѣ, о Всемирной Исторіи, Духовныя Комедіи стихами и Розыскъ*, которымъ хотѣлъ онъ обратить въ истинную вѣру Брынскихъ раскольниковъ, и который писанъ съ жаромъ благочестія. Петръ Великій изъявилъ ему особенное свое благоволеніе за сію книгу. Но важнѣйшее изъ его твореній есть собраніе историческихъ извѣстій о всѣхъ Святыхъ, изданное подъ именемъ Миней. Примѣчанія достойно то, что Димитрій, посвящая всю жизнь Христіанской добродѣтели, находилъ время и для чтенія Стихотворцевъ. Онъ любилъ Горация, и зналъ наизусть многіе стихи его.*

* См. Келейныя письма Димитрія,

ОЕОФАНЪ ПРОКОПОВИЧЪ.

Архіепископъ Великаго - Новограда и Великихъ-Луки, Святѣйшаго Правительствующаго Синода первенствующій Членъ, родился въ 1681 году, умеръ въ 1736 году.

Ученый Богословъ и природный Ораторъ. Въ рѣчахъ его, духовныхъ и свѣтскихъ, разсѣяно множество цвѣтовъ краснорѣчія, хотя слогъ ихъ нечистъ и, можно сказать, непріятенъ. Мысль, что Петръ Великій бывалъ часто его слушателемъ; искреннее, жаркое чувство, съ которымъ онъ говоритъ о великихъ дѣлахъ его, обращаясь лично или къ нему самому, или къ его знаменитымъ сподвижникамъ; означеніе славныхъ эпохъ Россіи, и наконецъ щастливяя, живыя черты вдохновеніе истиннаго Генія: вотъ прелесть Теофановыхъ рѣчей, которая всегда будетъ дѣйствовать на Русское сердце! Забывая негладкость языка, плѣняемся ихъ содержаніемъ, и льемъ радостныя слезы, читая слово о незабвенномъ торжествѣ Полтавскомъ, о юномъ, но уже славномъ флотѣ Россійскомъ, о возвращеніи Монарха и чужихъ земель къ подданнымъ и дѣтямъ своимъ. Когда же Ораторъ, въ кипѣніи горести, въ отчаяніи сердца,

воблицаеть: что дѣлаемъ? ПЕТРА Великаго погребаемъ!.... И теперь, и теперь еще благодарные сыны отечества рыдаютъ съ нимъ! Преданіе говорить, что Феофанъ, сказавъ сіе ужасное слово, не могъ продолжать отъ собственныхъ слезъ и всеобщаго стenanія.

Щастливый вѣкъ Поззіи и Витійства, когда предметъ ихъ столь великъ и любезень!

Въ Феофанѣ сіяеть уже заря Россійскаго краснорѣчія; но, будучи предшественникомъ Ломоносова, онъ не похитилъ у него славы быть нашимъ лучезарнымъ Фебомъ.

Имъ сочинены многія Богословскія, правоучительныя книги и даже предисловіе къ Морскому Уставу. Какъ мужъ просвѣщенный, благоразумный политикъ и любимецъ ПЕТРА, онъ старался доказывать мудрость всѣхъ новыхъ Его учрежденій; первый открылъ талантъ молодаго Кантемира; ободрялъ, наставлялъ его, и вмѣстѣ съ нимъ писалъ стихи: два челоуѣка, съ конми, по тогдашнему времени, никто не могъ спорить въ остроуміи и въ учености.

Феофанъ имѣлъ блестящія достоинства, слѣдственно и непріятелей, которые обвиняли его ересью въ умствованіяхъ и въ Теологіи; но въ царствованіи ли ПЕТРА Великаго могло быть опасно такое злословіе?

КНЯЗЬ ХИЛКОВЪ,

(АНДРЕЙ ЯКОВЛЕВИЧЪ).

Ближній Стольникъ и при Шведскомъ Дворѣ Резидентъ. Годъ рожденія его и смерти нигдѣ не показанъ; а известно только, что онъ умеръ въ Швеции, и что тѣло его привезено оттуда въ Санктпетербургъ въ 1718 году.

Былъ Министромъ Россійскимъ при Дворѣ Карла XII. Петръ Великій находилъ его достойнымъ сей важной, по тогдашнимъ обстоятельствамъ, должности: слѣдственно онъ заслуживаетъ наше почтеніе.

Заключенный въ Вестерасъ при началѣ войны, Князь Хилковъ въ скукѣ невольнаго уединенія искалъ способовъ заняться пріятнымъ образомъ, и сочинилъ Ядро Россійской Исторіи, которое лѣтъ 50 было жертвою безмысленныхъ копістовъ, и наконецъ, по возможности исправленное, выдано Г. Миллеромъ. Предлагая извлеченіе изъ нашихъ лѣтописей, Авторъ описываетъ новѣйшіе случаи по словесному преданію и запискамъ современни-

ковъ; иногда же сообщаетъ себѣ догадки и мысли о разныхъ политическихъ предметахъ. Книга его полезна для всякаго, кто желаетъ имѣть легкое свѣдѣніе о Россійской Исторіи, не требуя ни основательной критики, ни красиваго слога.

КНЯЗЬ КАНТЕМИРЪ,

(АНТЮХЪ ДМИТРИЕВИЧЪ).

ТАЙНЫЙ СОВѢТНИКЪ, КАМЕРГЕРЪ И ЧРЕЗВЫЧАЙНЫЙ
ПРИ АНГЛІЙСКОМЪ И ФРАНЦУЗСКОМЪ ДВОРѢ ПОСОЛЪ,
РОДИЛСЯ ВЪ 1709, УМЕРЪ ВЪ 1744 ГОДУ.

Нашъ Ювеналъ. Сатиры его были первымъ опытомъ Русскаго остроумія и слога. Онъ писалъ довольно чистымъ языкомъ, и могъ по справедливости служить образцомъ для современниковъ, такъ, что раздѣляя слогъ нашъ на эпохи, *первую* должно начать съ Кантемира, *вторую* съ Ломоносова, *третію* съ переводовъ *Славяно-Русскихъ* Господина Елагина и его многочисленныхъ подражателей, а *четвертую* съ нашего времени, въ которое образуется *пріятность слога*.

Въ стихахъ Кантемировыхъ пѣтъ еще истинной мѣры — долгіе и короткіе слоги смѣшаны безъ разбора — но есть гармонія. Въ прозѣ онъ лучше выражалъ *свои*, нежели чужія мысли; на примѣръ, стиль въ предисловіи къ Фонтенелевой книгѣ о множествѣ міровъ несравненно глаже, нежели въ самомъ переводѣ. Мы имѣли случай видѣть его Министерскія донесенія изъ Лондона и Парижа,

писанныя ясно и правильно. Между прочимъ характеристическое изображеніе Роберта Вальполя, славнаго Министра Англїи, доказываетъ, что Кантемиръ имѣлъ острый взоръ для замѣчанія тайныхъ сгибовъ человѣческаго сердца и легкое перо для описанія своихъ замѣчаній.

Самые просвѣщенные иноземцы чувствовали цѣну его ума и нравственныхъ достоинствъ. Кантемиръ былъ другомъ извѣстнаго Аббата Гуаско и пріятеlemъ славнаго Монтеस्कё. * Любовь къ наукамъ и словесности, слѣдствіе нѣжнаго образованія души, всегда бываетъ соединена съ благороднымъ влеченіемъ къ дружбѣ, которая, питая чувствительность, даетъ уму еще болѣе силы и па-ренія.

* L'abbé Venuti — пишетъ Монтеस्कё къ Аббату Гуаско — m'a fait part de l'affliction que vous a causée la mort de votre ami le Prince Cantemir, et du projet que vous avez formé de faire un voyage dans nos Provinces méridionales. Vous trouverez partout des amis pour remplacer celui, que vous avez perdu, mais la Russie ne remplacera pas si aisément un ambassadeur du mérite du Prince Cantemir.

ТАТИЩЕВЪ

(ВАСИЛІЙ НИКИТИЧЪ).

Тайный Советникъ и Астраханскій Губернаторъ.

Годъ рожденія его не извѣстенъ, а умеръ въ
1750 году.

Ревностный любитель отечественной Исторіи, употребившій тридцать лѣтъ на собраніе всего, что до нее касается; но сей трудолюбивый мужъ, достойный нашего почтенія, вмѣсто Исторіи оставилъ намъ только матеріалы ея, и прибавилъ къ Лѣтописямъ свои замѣчанія. Въ догадкахъ его не всегда находимъ вѣроятность, а въ соображеніяхъ ту ясную простоту, которую любятъ читатели для своего покоя. Онъ заставляетъ насъ еще работать умомъ, и вмѣстѣ съ нимъ теряться въ Хаосъ противорѣчій. Историкъ долженъ все обдѣлать въ головѣ своей; ему трудъ, а намъ плоды трудовъ его. Мы охотно идемъ за нимъ во мракъ давно прошедшихъ вѣковъ, естли факель его свѣтитъ передъ нами ясно. Г. Татищевъ издалъ между прочимъ весьма любопытные отрывки Лѣтописи, сочиненной будто бы еще прежде Нестора Новгородскимъ

Епископомъ Іоакимомъ; но знатоки нашихъ древностей не хотятъ, къ сожалѣнію, вѣрить истинѣ ея. Впрочемъ онъ былъ рѣдкимъ человѣкомъ (у насъ въ Россіи) по дѣятельности ума своего и страстной охотѣ къ историческимъ наукамъ.

КЛИМОВСКІЙ

(СЕМЕНЪ).

Малороссійской Козакъ. Жилъ около 1724 года.

Козакъ и Стихотворецъ. Въ Императорской Библіотекѣ хранится его рукописное сочиненіе о Великодушїи и Правдѣ, въ которомъ много хорошихъ чувствъ и даже хорошихъ стиховъ (безъ опредѣленнаго теченія стопъ.) Сказываютъ, что Климовскій не менѣе семи Греческихъ Мудрецовъ былъ славенъ и почтенъ между его собратьями Козаками; что онъ, какъ вдохновенная Пифія, говорилъ въ бесѣдахъ высокопарными стихами, давалъ прїателямъ благоразумные совѣты, твердилъ часто пословицу: *Намъ добро и никому зло, то законное житье*; и любопытные приходили изда- лека слушать его. Малороссійская пѣсня: *не хочу я ничего, только тебя одного*, которую поютъ наши любезныя дамы, есть также, какъ увѣряютъ, сочиненіе Климовскаго, ученика природы, къ сожалѣнію не доученнаго искусствомъ.

Авторы Россїи, здѣсь изображенные! не стыдитесь видѣть его въ вашемъ обществѣ.

БУСЛАЕВЪ

(ПЕТРЪ).

Былъ Діакономъ Московскаго Успенскаго Собора,
и жилъ около 1734 года.

Авторъ большой Поэмы, названной имъ: *Умозрительство душевное о преселеніи въ вѣчную жизнь Превосходительной Баронессы Марьи Яковлёвны Строгоновой* и напечатанной въ 1734 году. Тредіаковскій плѣнялся разными мѣстами сей Поэмы, и восклицалъ: *что выше сего выговорить возможно? что сладостнѣе и вымышленнѣе? что глаже и плавнѣе?* Хотя вкусъ и свидѣтельство творца Тилемахиды не очень надежны, однакожь на сей разъ подпишемъ его судейское опредѣленіе, съ нѣкоторымъ исключеніемъ, и скажемъ, что въ стихотвореніи Буслаева подлинно есть и *вымыслъ* и *гладкость*. На примѣръ, въ описаніи Христа многіе стихи прекрасны.

ТРЕДІАКОВСКІЙ

(ВАСИЛІЙ КИРИЛОВИЧЪ).

Надворный Советникъ и Санктпетербургской Академіи Наукъ Краснорѣчія Профессоры Родился въ 1703, умеръ въ 1769 году.

Естьли бы охота и прилѣжность могли замѣнить дарованіе, кого бы не презрѣлъ Тредіаковскій въ стихотворствѣ и краснорѣчій?

Но упрямый Аполлонъ вѣчно скрывается за облакомъ для самозванцевъ-Поэтовъ, и сыплетъ лучи свои единственно на тѣхъ, которые родились съ его печатію.

Не только дарованіе, но и самый вкусъ не приобрѣтается: и самый вкусъ есть дарованіе. Ученіе образуетъ, но не производитъ Автора.

Тредіаковскій учился во Франціи у славнаго Роллея; зналъ древніе и новыя языки; читалъ всѣхъ лучшихъ Авторевъ и написалъ множество томовъ въ доказательство, что онъ.... не имѣлъ способности писать.

Однакожь труды его были не совсѣмъ бесполезны. Онъ первый изъяснилъ на Русскомъ языкѣ

мѣру стиховъ, и перевелъ древнюю Исторію, которую по сіе время читають наши Провинціальныя Дворяне.

Имя Тредіаковскаго будетъ извѣстно самымъ отдаленнымъ потомкамъ. Сохранимъ же образъ его, и почитимъ въ немъ... трудолюбіе, науки и нещастіе природы.

П. П. Не многіе, можетъ быть, знаютъ слѣдующій анекдотъ. Екатерина II, любя успѣхи Россійскаго языка, желала, чтобы въ избранномъ обществѣ Эрмитажа всѣ говорили по-Русски. Ея воля была закономъ. Но законодатель долженъ предвидѣть и неисполненіе: какое же наказаніе опредѣлила Монархиня для преступниковъ? За всякое иностранное слово, виѣшанное въ разговоръ, виновный осуждался прочесть сто стиховъ изъ Тилематиды Тредіаковскаго.

СИЛЬВЕСТРЪ КУЛЯБКА.

**АРХІЕПИСКОПЪ САНКТПЕТЕРБУРГСКІЙ и РЕВЕЛЬСКІЙ и
АРХИМАНДРИТЪ ТРОИЦКАГО АЛЕКСАНДРОНЕВСКАГО Мо-
настыря. Родился около 1701, умеръ въ 1761 году.**

Сочинилъ много проповѣдей; нѣкоторыя изъ нихъ напечатаны. Кажется, что онъ самъ не думалъ быть Ораторомъ, и хотѣлъ говорить только простымъ языкомъ Христіанскаго учителя. Слогъ его весьма не чистъ и теменъ, ко вреду многихъ хорошихъ мыслей, разсѣянныхъ въ поучительныхъ словахъ сего Архіепископа.

КРАШЕНИННИКОВЪ

(СТЕПАНЪ....)

САНКТПЕТЕРБУРГСКОЙ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМИИ НАУКЪ ПРОФЕССОРЪ БОТАНИКИ И НАТУРАЛЬНОЙ ИСТОРИИ. Родился въ 1713, умеръ въ 1755 году.

Онъ, живъ четыре года въ Камчаткѣ, описалъ сію любопытную страну, гдѣ человекъ поселился вопреки Naturѣ, среди глубокихъ снѣговъ, влажныхъ тумановъ и горъ огнедышущихъ. Въ описаніи его нѣтъ той пріятности, которою талантъ все украшаетъ, не отходя отъ исторической истины; однакожь видѣнъ умъ и хорошее расположеніе. Г. Крашенинниковъ славился въ свое время чистотою и правильностію слога. Его переводъ Квинта Курція считался совершеннымъ классическимъ; онъ и теперь имѣетъ цѣну свою, по крайней мѣрѣ въ сравненіи съ другими переводами Латинскихъ Авторовъ. — Достойно замѣчанія, что Г. Крашенинниковъ умеръ въ самой тотъ день, какъ отпечатался послѣдній листъ Описанія Камчатки.

ВАРКОВЪ

(ИВАНЪ....)

ПЕРЕВОДЧИКЪ ПРИ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМИИ НАУКЪ.
Когда родился неизвѣстно; умеръ въ 1768 году.

Переводъ Горациевы Сатиры и Федровы басни, но болѣе прославился собственными замысловатыми и шуточными стихотвореніями, которыя хотя и никогда не были напечатаны, но рѣдкому неизвѣстны. Онъ есть Русской Скарронъ и любилъ однѣ каррикатуры. Разсказываютъ, что на вопросъ Сумарокова: «Кто лучший Поэтъ въ Россіи?» *Студентъ* Барковъ имѣлъ смѣлость отвѣчать ему: «Первый Ломоносовъ, а второй я!» У всякаго свой талантъ: Барковъ родился конечно съ дарованіемъ; но должно замѣтить, что сей родъ остроумія не ведетъ къ той славѣ, которая бываетъ цѣлю и наградю истиннаго Поэта.

ГЕДЕОНЪ

Епископъ Псковскій и Нарвскій. Родился въ 1728,
умеръ въ 1763 году.

Проповѣди Гедеоновы славны, и достойны того. Онѣ исполнены Христіанскаго благочестія, умныхъ разсужденій, нравственныхъ истинъ и самыхъ Ораторскихъ движеній. Слогъ ихъ неравенъ, однакожь ясенъ и вообще имѣетъ довольно гармоніи. Гедеонъ отмѣнно любилъ брать примѣры изъ Исторіи и Натуры (видно, что онъ зналъ хорошо древнихъ Историковъ и Плинія); любилъ также проводить мѣста изъ Святыхъ Отцевъ и Церковныхъ Учителей, всегда кстати и къ истинному украшенію своихъ проповѣдей; однимъ словомъ, былъ ученъ, имѣлъ великій природный разумъ и талантъ краснорѣчія. Его справедливо называютъ вторымъ Теофаномъ. Онъ, можетъ быть, не уступалъ ему въ дарованіяхъ; но талантъ Теофана былъ возвеличенъ чрезвычайными своими предметами. Гедеонъ умѣлъ также пользоваться обстоятельствами времени: на примѣръ, ужасное Лиссабонское землетрясеніе послужило ему матеріею для одного изъ лучшихъ словъ его.

ДИМИТРІЙ

(СЪЧЕНОВЪ).

Митрополитъ Новгородскій. Родился 1708, умеръ
въ 1767 году.

Мы изображаемъ здѣсь Димитрія, какъ Автора многихъ проповѣдей, конхъ достоинство состоитъ не въ искусствѣ Ораторскомъ, но въ чистомъ Христіанскомъ ученіи и въ смѣломъ изображеніи мірскихъ пороковъ. Онъ въ присутствіи Двора громгласно укорялъ льстецовъ и знатныхъ Вельможъ, для которыхъ низкая и личная польза есть обожаемый идолъ. Добродѣтель жизни его давали ему право быть строгимъ на кафедрѣ. Замѣчанія достойнѣйшая проповѣдь Димитріева есть Слово на день Благовѣщенія, гдѣ онъ изображаетъ состояніе Религіи и служителей ея въ Россіи передъ восшествіемъ на тронъ Императрицы Елисаветы Петровны. Екатерина Великая оказывала отмѣнное уваженіе къ добродѣтелямъ Димитрія, который имѣлъ славу быть ея совѣтникомъ во всемъ, что касалось до нашего Духовенства.

ЛОМОНОСОВЪ

(МИХАЙЛО ВАСИЛЬЕВИЧЪ).

Статскій Советникъ, Санктпетербургской Императорской Академіи Наукъ Профессоръ, Стокгольмской и Болонской Членъ. Родился въ 1711, умеръ въ 1765 году.

Рожденный подъ хладнымъ небомъ Сѣверной Россіи, съ пламеннымъ воображеніемъ, сынъ бѣднаго рыбака, сдѣлался отцемъ Россійскаго краснорѣчія и вдохновеннаго Стихотворства.

Ломоносовъ былъ первымъ образователемъ нашего языка; первый открылъ въ немъ изящность, силу и гармонию. Геній его совѣтовался только самъ съ собою, угадывалъ, иногда ошибался, но во всѣхъ своихъ твореніяхъ оставилъ неизгладимую печать великихъ дарованій.

Онъ вписалъ имя свое въ книгу безсмертія, тамъ, гдѣ сіяютъ имена Пиндаровъ, Гораціевъ, Руссо.

Современники могли только удивляться ему; мы судимъ, различаемъ, и тѣмъ живѣе чувствуемъ его достоинство.

Лирическое Стихотворство было собственнымъ дарованіемъ Ломоносова. Для Эпической Поззіи нашего вѣка не имѣлъ онъ, кажется, достаточной силы воображенія, того богатства идей, того всеобъемлющаго взора, искусства и вкуса, которые нужны для представленія картины нравственнаго міра и возвышенныхъ, проихскихъ страстей. Трагедіи писаны имъ единственно по волѣ Монархини; но Оды его будутъ всегда драгоценностію Россійской Музы. Въ нихъ есть конечно слабыя мѣста, излишности, паденія; но всѣ недостатки замѣняются разнообразными красотами и пѣвическимъ совершенствомъ многихъ строфъ. Никто изъ послѣдователей Ломоносова въ семь родѣ стихотворства не могъ превзойти его, ниже сравняться съ нимъ.

Проза Ломоносова вообще не можетъ служить для насъ образцомъ; длинныя періоды его утомительны, расположеніе словъ не всегда сообразно съ теченіемъ мыслей, не всегда пріятно для слуха; но талантъ великаго Оратора блистаетъ въ двухъ похвальныхъ Рѣчахъ его, которыя и теперь должно назвать однимъ изъ лучшихъ произведеній Россійскаго, собственно такъ называемаго, Краснорѣчія.

Естли Геній и дарованія ума имѣютъ право на благодарность народовъ, то Россія должна Ломоносову Монументомъ.

СУМАРОКОВЪ

(АЛЕКСАНДРЪ ПЕТРОВИЧЪ).

ДѢЙСТВИТЕЛЬНЫЙ СТАТСКИЙ СОВѢТНИКЪ И Св. Анны
КАВАЛЕРЪ, РОДИЛСЯ 1718, УМЕРЪ ВЪ 1777 ГОДУ.

Имя Сумарокова было въ свое время такъ же велико, какъ имя Ломоносова. Одинъ славилъ Елисавету на лирѣ и на кафедрѣ Академической: другой плѣнялъ Ея чувствительность драматическими картинами на сценѣ. Оба талантами своими украсили и прославили время Ея царствованія. Имя того и другаго напоминаетъ щастливое рожденіе нашего новаго Стихотворства.

Сумароковъ еще сильнѣе Ломоносова дѣйствовалъ на публику, избравъ для себя сферу обширнѣйшую. Подобно Вольтеру, онъ хотѣлъ блистать во многихъ родахъ — и современники называли его нашимъ Расиномъ, Мольеромъ, Лафонтеномъ, Буало. Потомство не такъ думаетъ; но зная трудность первыхъ опытовъ и невозможность достиг-

нута вдругъ совершенства, оно съ удовольствіемъ находитъ многія красоты въ твореніяхъ Сумарокова и не хочетъ быть строгимъ критикомъ его недостатковъ.

Уже оніамъ не дымитя передъ кумиромъ; но не тронемъ мраморнаго подножія; оставимъ въ цѣлости и надпись *Великій Сумароковъ!*.... Соорудимъ новыя статуи, естли подобно; не будемъ разрушать тѣхъ, которыя воздвигнуты благородною ревностію отцовъ нашихъ!

Но признавая (вмѣстѣ со всѣми) басни Сумарокова лучшимъ его твореніемъ, мы не сравниваемъ ихъ съ Лафонтеновыми, которыя плѣщаютъ любезной простотою и живописными стихами. Русской бассейнникъ можетъ нравиться только легкостію и рѣзкою сатирою; Лафонтенъ такъ же колеетъ глаза пороку, но всегда съ видомъ неизъяснимаго добродушія: Сумароковъ язвитъ сильнымъ стихомъ безъ пощады.

Въ Трагедіяхъ своихъ онъ старался болѣе описать *чувства*, нежели представлять *характеры* въ ихъ эстетической и нравственной истинѣ; не искалъ чрезвычайныхъ положеній и великихъ предметовъ для трагической живописи, но въ надеждѣ на пріятную кисть свою, основывалъ Драмѣ всегда на самомъ обыкновенномъ и простомъ дѣйствіи; любилъ такъ называемыя *прощальныя сцены*, для того, что онѣ извлекали слезы изъ глазъ чувствительной Елисаветы; и называя Героевъ своихъ именами древнихъ Князей Русскихъ, не думалъ соображать свойства, дѣла и языкъ ихъ съ

характеромъ времени. Но многіе стихи въ его Трагедіяхъ нѣжны и милы; многіе сильны и разительны. Довольно для вѣчной славы Поэта, открывшаго въ Россіи Сцену Мельпомены!

ЭМИНЪ ѲЕДОРЪ....

Титулярный Советникъ и Кабинетный Переводчикъ. Родился 1735, умеръ въ 1770 году.

Самый любопытнѣйшій изъ романовъ Г. Эмина есть собственная жизнь его, какъ опъ разсказывалъ ее своимъ пріятелямъ, * а самый неудачный — Россійская его Исторія. Онъ родился въ Польшѣ, былъ воспитанъ Иезуитомъ, странствовалъ съ нимъ по Европѣ и Азій, неосторожно заглянулъ въ Гаремъ Турецкій, для спасенія жизни своей принялъ Магометанскую Вѣру, служилъ Янычаромъ, тихонько уѣхалъ изъ Константинополя въ Лондонъ, явился тамъ къ нашему Министру, снова крестился, пріѣхалъ въ Петербургъ и сдѣлался — Русскимъ Авторомъ. — Вотъ богатая матерія для шести или семи томовъ! Сочинивъ *Мирамонда*, *Ѳемистокла*, *Эрнеста и Доравру*, *Описание Турецкой Имперіи*, *Путь къ спасенію*, онъ издавалъ журналъ подъ именемъ *Адской Почты*, и наконецъ увѣнчалъ свои творенія *Россійскою Исторією*, въ которой ссылается на *Полибіевы* из-

* См. Опытъ Историческаго Словаря.

вѣстія о Славянахъ, на *Ксенофонову Скиѣскую Исторію* и множество другихъ книгъ, никому въ мірѣ неизвѣстныхъ. Ученый и славный Шлецеръ всего болѣе удивляется тому, что Академія напечатала ее въ своей Типографіи. — Впрочемъ Г. Эминъ неоспоримо имѣлъ остроуміе и плодовитое воображеніе; зналъ, по его увѣренію, болѣе десяти языковъ, и хотя выучился по-Русски уже въ среднихъ лѣтахъ, однакожь въ слогѣ его рѣдко примѣтенъ иностранецъ.

МАЙКОВЪ ВАСИЛІЙ....

Онъ хотѣлъ итти по слѣдамъ Сумарокова: писалъ Трагедіи, Басни, Оды, Эклоги, Эпистолы, которыя въ свое время нравились Публнкѣ, хотя и тогда не считались превосходными. Но истинное дарованіе его обнаружилось въ двухъ комическихъ Поэмахъ: *Игрокъ Ломбера* и *Елисей или раздраженный Вакхъ*. И въ той и въ другой находимъ воображеніе, то забавную важность, то шутиливое остроуміе. Многія каррикатуры въ *Елисей* живописны, и точно Русскія; онѣ никогда не теряютъ цѣны своей. — Г. Майковъ не зналъ иностранныхъ языковъ, и потому Дидеротъ, обѣдая съ нимъ во дворцѣ, * сказалъ ему черезъ переводчика: «угадываю, какъ пишутъ Господа Сумароковъ и Херасковъ, которые читаютъ Французскихъ Авторовъ; но я желалъ бы знать по-Русски, чгобы видѣть въ стихахъ вашихъ Поэта оригинальнаго.» Такое заключеніе несправедливо. Знаніе язы-

* Екатерина Великойъ угодно было познакомить Дидерота съ Русскими Авторами и пригласить ихъ къ обѣду.

ковъ не мѣшаетъ оригинальности, и всякой истинный, зрѣлый талантъ имѣетъ свою физиогномію. Можно также не знать иностранныхъ языковъ и быть все еще подражателемъ; какимъ и былъ Г. Майковъ во многихъ своихъ твореніяхъ, взявъ себѣ за образецъ Сумарокова.

ПОПОВСКІЙ

(НИКОЛАЙ....)

ПРОФЕССОРЪ. Родился около 1730 года; умеръ въ 1760 году.

Онъ всего болѣе извѣстенъ переводомъ славнаго Опыта о человѣкѣ, *Essay on man*. Ломоносовъ называлъ Поповскаго надеждою Россійскаго Парнасса и весьма усердно хвалилъ его. Въ самомъ дѣлѣ нѣкоторыя мѣста *Опыта* переведены очень хорошо, хотя и не съ подлинника, а съ Французскаго. Судьба сего творенія на Русскомъ языкѣ всѣмъ извѣстна: Ценсура ослабила въ немъ многіе стихи; но умъ Автора и талантъ переводчика сохранили печать свою. — Локково сочиненіе *о воспитаніи* и Гораціева Эпистола *о стихотворствѣ* переведены такъ же Г. Поповскимъ. Стихи его лучше прозы, довольно ясной, но не довольно гладкой, хотя и въ первыхъ онъ не успѣлъ еще достигнуть до возможнаго совершенства: къ сожалѣнію, Г. Поповскій скончался на тридцатомъ году отъ рожденія, будучи Профессоромъ Красноярчія при Московскомъ Университетѣ; и за

нѣсколько дней до смерти сжегъ всѣ свои рукописи, считая ихъ недостойными напечатанія: такая строгость вкуса бываетъ знакомъ необыкновеннаго дарованія. — Если бы онъ пожилъ долѣе, то Россія конечно могла бы гордиться его изящными произведеніями.

ПОПОВЪ

(МИХАЙЛО....)

СЕКРЕТАРЬ КОММИССИИ СОЧИНЕНІЯ ЗАКОНОВЪ.

Его сочиненія, стихи и проза, изданы вмѣстѣ подъ именемъ *Досуговъ*; а пѣсни были нѣсколько разъ особливо напечатаны: слѣдственно онѣ правились Публикѣ; многія изъ нихъ замысловаты и нѣжны.... Вообще стихи Г. Попова не *пусты мыслями*; въ нихъ есть и щастливья выраженія, хотя слогъ не всегда чистъ и пріятенъ.

Сей Авторъ любилъ Русскія древности и сочинилъ описаніе Славянскаго богослуженія, которое Левекъ перевелъ и выдалъ за историческое, не зная, что оно не имѣетъ никакой достовѣрности: ибо Религія Россійскихъ Славянъ въ самомъ дѣлѣ намъ неизвѣстна. Несторъ не говоритъ объ ней почти ни слова. Въ деревьяхъ нашихъ сохранились сказки о *Льшихъ* и *Русалкахъ*; въ припѣвѣ старыхъ пѣсенъ слышимъ имена *Дидо*, *Лудо* — и болѣе ничего не знаемъ. Такъ по крайней мѣрѣ скажетъ Историкъ, который умѣетъ отличать истины отъ басенъ.

Переводы Г. Попова были въ великомъ уваженіи: особливо Тассовъ *Освобожденный Иерусалимъ*, о которомъ Екатерина Вторая упоминаетъ съ похвалою въ одномъ изъ писемъ своихъ къ Вольтеру.

(Писано въ 1802 году.)

О БОГДАНОВИЧѢ

И

ЕГО СОЧИНЕНІЯХЪ.

О БОГДАНОВИЧѢ

и

ЕГО СОЧИНЕНІЯХЪ. *

Коллежскій Совѣтникъ Ипполитъ Феодоровичъ Богдановичъ родился въ 1743 году, Декабря 23, въ царствіи императрицы Екатерины II, въ мѣстечкѣ Переволочномъ, гдѣ отецъ его былъ при должности; ему и нѣжной матери онъ единственно обязанъ своимъ образованіемъ. — Таланты иногда долго зрѣютъ, но всегда рано открываются: уже въ дѣтствѣ Богдановичъ страстно любилъ чтеніе, рисованіе, музыку и стихотворство.

Въ 1754 году отвезли его въ Москву и опредѣлили въ Юстицъ-Коллегію Юнкеромъ. Президентъ

* Съ величайшею благодарностію Авторъ воспользовался извѣстіями, доставленными ему почтеннымъ братомъ творца *Душеньки*, Иваномъ Феодоровичемъ Богдановичемъ, но прибавилъ къ нимъ и нѣкоторые анекдоты, слышанные имъ отъ людей, которые были коротко знакомы съ покойникомъ.

ея, Г. Желябужскій, замѣтилъ въ немъ особенную склонность къ наукамъ, и дозволилъ ему учиться въ Математической школѣ, бывшей тогда при Сенатской Конторѣ. Но Математика не могла быть наукой человѣка, рожденнаго для Поэзіи; числа и линіи не питаютъ воображенія. Богдановичъ, утомленный Ариметикою и Геометріею, отдыхалъ за твореніями Ломоносова, котораго лира гремѣла и плѣняла тогда Россіянь, еще не строгихъ судей въ Поэзіи, но уже чувствительныхъ къ великимъ красотамъ ея.

Драматическое Искусство сильно дѣйствуетъ на всякую нѣжную душу; разборчивость вкуса приходитъ только съ лѣтами и съ тонкимъ образованіемъ душевныхъ способностей: не мудрено, что пылкой молодой человѣкъ, увидѣвъ въ первый разъ драматическія представленія, сіи живыя картины страстей, такъ плѣнился ими, что готовъ быть сдѣлать безразсудность. Однажды является къ Директору Московскаго Театра мальчикъ лѣтъ пятнадцати, скромной, даже застѣнчивой, и говоритъ ему, что онъ дворянинъ и желаетъ быть актѣромъ! * Директоръ, разговаривая съ нимъ, узнаетъ его охоту къ ученю и стихотворству; доказываетъ ему неспрличнотть актѣрскаго званія для благороднаго человѣка; записываетъ его въ Университетъ и беретъ жить къ себѣ въ домъ. Сей

* Это слышалъ я отъ самаго безсмертнаго творца Россіады.

мальчикъ былъ Ипполитъ * Богдановичъ, а Директоръ Театра (что не менѣе достойно замѣчанія) Михайло Матвѣевичъ Херасковъ. И такъ счастливая звѣзда привела молодаго ученика Музъ къ ихъ знаменитому любимцу, который, имѣя самъ великій талантъ, умѣлъ открывать его и въ другихъ. — Тогда Богдановичъ узналъ правила языка и стихотворства, языки иностранныя, и приобрѣлъ другія свѣдѣнія, необходимыя для надежныхъ успѣховъ дарованія; наука не даетъ таланта, но образуетъ его. Творецъ Россіады былъ ему полезенъ наставленіями, совѣтами и примѣромъ. Богдановичъ учился въ классахъ, писалъ стихи, которые печатались въ Журналѣ, выходившемъ при Университетѣ. ** Они были еще далеки отъ совершенства, но показывали въ Авторѣ способность къ нему приблизиться.

Кромѣ Михайла Матвѣевича Хераскова (который былъ тогда Членомъ Университета) молодой Стихотворецъ нашъ имѣлъ еще ревностнаго покровителя въ Князѣ Михайлѣ Ивановичѣ Дашковѣ. Уваженіе, оказанное къ юному таланту, достойно всегда признательнаго воспоминанія, добрыхъ сердець: сей нѣжный цвѣтъ, отъ знаковъ холодности и не вниманія, часто безъ всякаго плода увядаетъ. Но къ чести Русскихъ замѣтимъ, что

* Шиптичское имя Ипполита пріятнѣе ушамъ безъ отчества.

** Въ Полезномъ Увеселеніи.

молодые люди съ дарованіемъ всегда находили и находятъ у насъ дѣятельное покровительство, особливо если нравственный характеръ ихъ вышашаетъ цѣпу ума, какъ въ Ипполитѣ Богдановичѣ, который отличалъ себя и тѣмъ и другимъ — а всего болѣе милымъ *простосердечіемъ*, свойственнымъ любимцу Аполлонову....

Сынъ Фебовъ не рожденъ быть тонкимъ знатокомъ
Обычаевъ, условій свѣта;

Невинность, простота видна въ дѣлахъ Поэта.

Ему вселенная есть домъ,

Гдѣ онъ живетъ съ чужими

Какъ съ братьями родными;

Свободу и покой любя,

Не мыслить принуждать себя.

Нѣкоторые Поэты составляютъ исключеніе изъ сего правила; но таковъ былъ Лафонтенъ—и Богдановичъ! Осмнадцати лѣтъ онъ казался еще младенцемъ въ свѣтѣ; говорилъ, что думалъ, дѣлалъ, что хотѣлъ; любилъ слушать умные разговоры и засыпалъ отъ скучныхъ. Къ счастью, Поэтъ жилъ у Поэта, который требовалъ отъ него хорошихъ стиховъ, а не рабскаго наблюденія свѣтскихъ обыкновений, и забавляясь иногда его невинностію, любилъ въ немъ какъ дарованіе, такъ и рѣдкое добродушіе. Богдановичъ отъ искренности своей казался иногда смѣлымъ; но еслили слово его оскорбляло человѣка, то онъ готовъ былъ плакать отъ раскаянія; чувствовалъ нужду въ осторожности и черезъ десять минутъ слѣдовалъ опять движенію

своей природной откровенности: слабость души нѣжной и прекрасной, которая иногда и самую долговременную опытность побѣждаетъ!.... Стихотворецъ нашъ, богатый единственно рѣчами, не могъ сыпать золота на бѣдныхъ, но (какъ сказалъ любезной переводчикъ Греевой Элегіи).

Дарилъ несчастныхъ онъ, чѣмъ только могъ — слезою!

Пріязнь находила въ немъ самую ревностную услужливость. Однажды, ночью, слѣлался пожаръ близъ знакомаго ему дома: онъ забылъ крѣпкой сонъ молодого человѣка, дурную погоду, разстояніе, и въ одномъ камзолѣ явился тамъ предложить услуги свои. — Хозяинъ и хозяйка, столь любезные и почтенные, обходились съ нимъ какъ съ роднымъ: онъ во всю жизнь сохранилъ къ нимъ сердечную привязанность. — Но мы еще должны замѣтить одну черту характера его, едва ли не во всѣхъ Поэтахъ явную и рѣзкую — чувствительность: къ любезности женской, которая всегда служила вдохновеніемъ для стиховъ пріятныхъ. Кто рожденъ быть Поэтомъ Граціи, въ томъ рано обнаруживается сія пѣжная симпатія съ ихъ подругами — но симпатія часто безмолвная. Молодой стихотворецъ видѣлъ, обожалъ, краснѣлся и вздыхалъ только въ нѣжныхъ мадригалахъ. Какая строгая женщина могла оскорбиться такими чувствами?

Въ 1761 году Богдановичъ опредѣленъ былъ въ надзиратели надъ Университетскими классами съ чиномъ Офицера, а по восшествіи на престолъ Императрицы Екатерины II, въ Члены Коммисіи

торжественныхъ приготовленій, и сочинялъ надписи для воротъ Триумфальныхъ. Въ 1763 году, черезъ покровительство Княгини Екатерины Романовны Дашковой, * онъ вступилъ переводчикомъ въ штатъ Графа Петра Ивановича Панина, и въ то же время издавалъ Журналъ, ** въ которомъ сія знаменитая любительница Русекой Словесности участвовала собственными трудами своими. Уже дарованіе его съ блескомъ обнаружилось тогда въ переводѣ Вольтеровыхъ стихотвореній, а всего болѣе въ Поэмѣ на разрушеніе Лиссабона, которую Богдановичъ перевелъ такъ удачно, что многіе стихи ея не уступаютъ красотѣ и силѣ Французскихъ. Напримѣръ:

Богъ держитъ цѣпь въ рукахъ, но ея Онъ не связать.

Когда Творецъ такъ благъ, почто же страдаетъ тварь?

Я живъ, я чувствую, и сердце отъ мученья
Взываетъ ко Творцу и проситъ обличенья...

О дѣти бѣдныя всемогнутаго Отца!

На то ли вамъ даны чувствительны сердца?

* «Благодѣтельница фамиліи Богдановичей» прибавляетъ И. Ф. Б. въ своихъ извѣстіяхъ: «ибо и братъ его обязанъ ей своимъ воспитаніемъ.» — Мы должны были сохранить сіе изъясненіе благородной признательности.

** Подъ титуломъ *Песенное Упражненіе*.

Кому, о Боже мой! Твои судьбы известны?
Всесовершенный зла не может произвести.
Другаго нѣтъ Творца, а зло на свѣтѣ есть.

Одинъ лишь можетъ Онъ дѣла Свои открыть,
Исправить немощныхъ и мудрыхъ умудрить.

Отверженъ Эпикуръ, оставленъ мной Платонъ:
Бель знаетъ боль ихъ. — но можно ль основаться?
Держа вѣсы въ рукахъ, онъ учить — сомнѣваться!
И не пріемля самъ системы никакой,
Всѣ только опровергъ, сражаясь — съ собой,
Подобно какъ Самсонъ, лишенный глазъ врагами,
Подъ зданьемъ палъ, его разрушеннымъ руками!

Калифа нѣкогда, оканчивая вѣкъ,
Въ послѣдній часъ сию молитву къ Богу рекъ:
«Я все то приношу Тебѣ, о Царь вселенной!
Чего нѣтъ въ благосги Твоей всесовершенной:
Грѣхи, невѣдѣнье, болѣзни, слезы, стонъ!»
Еще прибавить могъ къ тому *надежду* онъ.

Такіе стихи, написанные молодымъ человекомъ двадцати лѣтъ, показываютъ рѣдкой талантъ для стихотворства; нѣкоторые изъ нихъ можетъ осудить только набожный, строгій Христіанинъ, а не Критикъ; но и въ первомъ случаѣ долженъ отвѣтствовать Вольтеръ, а не Богдановичъ. — Вмѣстѣ съ переводами печатаны въ семъ Журналѣ и многія его сочиненія, изъ которыхъ иныя отличаются нѣжностію и хорошими мыслями; на примѣръ слѣдующіе стихи къ Клименѣ:

Чтобъ щастливымъ намъ быть,
Я буду жить за тѣмъ, чтобъ мнѣ тебя любить;
А ты люби меня за тѣмъ, чтобъ могъ я жить.

Въ 1765 году Богданочичъ, считаясь въ Иностранной Коллегіи Переводчикомъ, издалъ маленькую Поэму *Сугубое Блаженство*. Онъ раздѣлилъ ее на три нѣсни: въ первой изображаетъ картину золотого вѣка, во второй успѣхи гражданской жизни, наукъ и злоупотребленіе страстей, а въ третьей спасительное дѣйствіе законовъ и царской власти. Сей важный предметъ требовалъ зрѣлости дарованій: еще Стихотворецъ нашъ не имѣлъ ее; однакожь многіе стихи умны и вриятны. Поэтъ складно и хорошо описываетъ наслажденія человѣка въ его невинности:

Въ тотъ часъ, какъ онъ свое увидѣлъ совершенство,
Природою одной и сердцемъ наученъ;
Какъ всякій взоръ ему казалъ его блаженство
И всякимъ новымъ былъ предметомъ восхищенъ:
Пять чувствъ ему вещей позваніе открыли,
Которое его ко щастію вело,
И чувства лишь къ его довольствію служили;
Не зналъ * онъ ихъ тогда употреблять во зло.
Невинности его не развращали страсти;
Желаній далъ вуждъ своихъ не простиралъ;
Желалъ того, что онъ всегда имѣлъ во власти
И слѣдственно имѣлъ онъ все, чего желалъ.

* *Послѣ: не зналъ*, должно сказать *какъ* — то есть, *не зналъ, какъ употреблять во зло*.

Хорошо также описаны, въ піитическомъ видѣ-
ніи; различныя славы Царей....

Безчисленные зрю тамъ скипетры, державы,
И разные вѣнцы для кроткихъ или злыхъ.
Одни получаютъ народною любовью,
Предзнаменуя миръ, спокойство, тишину;
Другіе купятся злодѣйствами и кровью:
*Имъ будетъ ненависть покорствовать въ плъну.**
Пребудутъ первые спокойны, безопасны,
И слава возгласитъ по свѣту имя ихъ;
Но будутъ наконецъ послѣдніе несчастны,
Собою дѣлая несчастными другихъ.

Сія Поэма, приписанная тогда его Высочеству,
Августѣйшему Наслѣднику трона, заключается
слѣдующими прекрасными стихами:

Учпсь, Великій Князь, чпсломъ примѣровъ спхъ,
Великимъ быть Царемъ, великимъ челоувѣкомъ,
Ко щастью Твоему и поданныхъ Твоихъ.

Опа, сколько намъ извѣстно, не сдѣлала сильна-
го впечатлѣнія въ публикѣ. Лавровой вѣнокъ спле-
тался для Автора, но еще невидимо.

Въ 1766 году, опредѣленный въ должность Се-
кретаря Посольства къ Саксонскому Двору, Бог-
дановичъ отправился въ Дрезденъ съ Министромъ,
Княземъ Андреемъ Михайловичемъ Бѣлосель-
скимъ. Любезность сего Посланника. блестящія

* Лучшій стихъ въ Поэмѣ.

собранія его въ домѣ, хорошія знакомства, живописныя окрестности города и драгоцѣнности Искусствъ, въ немъ соединенныя, сдѣлали тамошнюю жизнь весьма пріятною для Богдановича, такъ, что онъ всегда любилъ воспоминать объ ней: она безъ сомнѣнія имѣла щастливое вліяніе и на самый піитическій талантъ его. Но, гуляя по цвѣтущимъ берегамъ Эльбы и мечтая о Нимфахъ, которыхъ они достойны; нлѣняясь одушевленною кистію Корреджіо, Рубенса, Веронеза, * и собирая въ ихъ картинахъ милыя черты для своей *Душеньки*, которая уже занимала его воображеніе, онъ въ то же время описывалъ Конституцію Германін и соглашалъ удовольствія человѣка свѣтскаго, любителя Искусствъ, Поэта съ должностію ученаго Дипломата.

Въ 1658 году возвратясь изъ Дрездена, онъ совершенно посвятилъ себя Литтературѣ и Стихотворству, перевелъ разныя статьи изъ Энциклопедіи, Вертотову Исторію бывшихъ перемѣнъ въ Римѣ, мысли Аббата Сен-Пьера о вѣчномъ мирѣ пѣснь Екатерины Микеля Анджело Джіанетти (за которую имѣлъ щастіе быть представлень сей великой Государынѣ) выдавалъ 16 мѣсяцевъ Журналь, подъ титуломъ Петербургскаго Вѣстника, и наконецъ, въ 1775 году, положилъ на олтарь Грацій свою *Душеньку*. Богдановичъ съ удовольствіемъ говаривалъ послѣ о времени ея сочиненія.

* Всѣмъ извѣстна Дрезденская картинная галлерей.

Онъ жилъ тогда на Васильевскомъ Острову, въ тихомъ, уединенномъ домикѣ, занимаясь музыкою и стихами: въ щастливой безпечности и свободѣ; имѣлъ пріятныя знакомства; любилъ иногда выѣзжать, но еще болѣе возвращаться домой, гдѣ Муза ожидала его съ новыми идеями и цвѣтами..... Мирныя, неизъяснимыя удовольствія творческаго дарованія, можетъ быть самыя вѣрнѣйшія въ жизни! Не рѣдко призраки суетности и другихъ страстей отвлекаютъ насъ отъ сихъ любезныхъ упражненій; но какой человѣкъ съ талантомъ, вкусивъ ихъ сладость, и послѣ вверженный въ шумную, дѣятельную праздность свѣта, среди всѣхъ блестящихъ забавъ его не жалѣлъ о плѣнительныхъ мипутахъ вдохновенія? Сильный, хорошій стихъ, щастливое слово, искусный переходъ отъ одной мысли къ другой, радуютъ Поэта какъ младенца, и не рѣдко на цѣлый день дѣлаютъ веселымъ, особливо, если онъ можетъ сообщать свое удовольствіе другу любезному, снисходительному къ его авторской слабости! Оно живо и невинно; самый трудъ, которымъ его приобрѣтаемъ, есть наслажденіе; а впереди ожидаетъ Писателя благоволеніе добрыхъ сердець. Говорятъ о зависти: но ея жалкія усилія не рѣдко еще болѣе способствуютъ торжеству дарованій, и всегда, какъ легкія волны, отражаются твердымъ подножіемъ, на которомъ талантъ возвышается, въ честь отечеству, ко славѣ разума и въ память вѣка. . .

Басня Психеи есть одна изъ прекраснѣйшихъ Мифологій и заключаетъ въ себѣ остроумную аллего-

рію, которую стихотворцы затмили наконецъ своими вымыслами. Древняя басня состояла единственно въ сказаніи, что богъ любви сочетался съ Психеею (душею), *земною* красавицею, и что отъ сего брака родилась *богиня наслажденія*. Мысль аллегоріи есть та, что душа наслаждается въ любви божественнымъ удовольствіемъ. Апулей, славный остроумецъ и колдунъ, по мнѣнію народа Римскаго, сочинилъ изъ нее любопытную и даже трогательную сказку, совсѣмъ не въ духъ Греческой Мифологіи, но похожую на волшебныя сказки новѣйшихъ временъ. Лафонтенъ плѣнился ею, украсилъ вымыслъ вымыслами и написалъ складную повѣсть, смѣшавъ трогательное съ забавнымъ и стихи съ прозою. Она служила образцомъ для Русской *Душеньки*; но Богдановичъ, не выпуская изъ глазъ Лафонтена, идетъ своимъ путемъ и рветъ на лугахъ цвѣты, которые укрылись отъ Французскаго Поэта. Скажемъ безъ аллегоріи, что Лафонтеново твореніе полнѣе и совершеннѣе въ эстетическомъ смыслѣ, а *Душенька* во многихъ мѣстахъ пріятнѣе и живѣе, и вообще превосходнѣе тѣмъ, что писана стихами: ибо хорошіе стихи всегда лучше хорошей прозы; что труднѣе, то имѣетъ и болѣе цѣны въ Искусствахъ. Надобно также замѣтить, что нѣкоторыя изображенія и предметы необходимо требуютъ стиховъ для большаго удовольствія читателей, и что никакая гармоническая, цвѣтная проза не замѣнитъ ихъ. Все чудесное, явно несбыточное, принадлежитъ къ сему роду (слѣдственно и басня *Ду-*

шеньки). Случай неестественные должны быть описаны и языкомъ необыкновеннымъ; должны быть украшены всеми хитростями Искусства, чтобы занимать насъ повѣстію, въ которой нѣтъ и тѣни истины, или вѣроятности. Стихотворство есть пріятная игра ума, и богатѣе обыкновеннаго языка, разнообразными оборотами, измѣненіями тона, особливо въ вольныхъ стихахъ, какими писана *Душенька*, и которые, подобно Англійскому саду, болѣе всякаго правильнаго единства обнаруживаютъ умъ и вкусъ Артиста. Лафонтенъ самъ это чувствовалъ, и для того не рѣдко оставляетъ прозу; но онъ сдѣлалъ бы гораздо лучше, если бы всеѣмъ оставилъ ее и написалъ Поэму свою, отъ начала до конца, въ стихахъ. Богдановичъ писалъ ими, и мы все читали его; Лафонтенъ прозою; и романъ его едва ли извѣстенъ одному изъ пяти Французовъ, охотниковъ до чтенія. Правда, что есть люди, которые не любятъ стиховъ — такъ же, какъ другіе не любятъ музыки и прекрасныхъ женщинъ; но такая антипатія есть чрезвычайность, и мы изъ учтивости — ничего не скажемъ о сихъ людяхъ!

Желая украсить гробъ сего любезнаго Поэта собственными его цвѣтами, напомнимъ здѣсь любителямъ Русскаго стихотворства лучшія, мѣста *Душеньки*. Она не есть Поэма Героическая; мы не можемъ, слѣдуя правиламъ Аристотеля, съ важностію разсматривать ея басню, нравы, характеры и выраженіе ихъ; не можемъ, къ щастію, быть въ семъ случаѣ педантами, которыхъ боятся Гра-

ціи и любимцы ихъ. *Душенька* есть легкая игра воображенія, основанная на однихъ правилахъ пѣжнаго вкуса; а для нихъ нѣтъ Аристотеля. Въ такомъ сочиненіи все правильно, что забавно и весело, остроумно выдуманно, хорошо сказано. Это, кажется, очень легко—и въ самомъ дѣлѣ не трудно—но только для людей съ талантомъ. Пойдемъ же, безъ всякаго ученаго масштаба, въ слѣдъ за Стихотворцемъ; и чтобы лучше цѣнить его дарованіе, будемъ сравнивать *Душеньку* съ *Лафонтеновымъ* твореніемъ.

Мы уже говорили о томъ, что Богдановичъ не рабски подражалъ образцу своему. На примѣръ, въ самомъ началѣ онъ весьма забавно описываетъ добраго Царя, отца Геронни,

Который свѣту былъ полезенъ,

 Богамъ любезенъ;

 Достойно награждалъ,

 Достойно осуждалъ;

И естели находилъ въ подсудныхъ злыя души,

Такимъ ослиныя приклеивалъ онъ уши;

Завистникамъ велѣлъ, чтобъ щастіе другихъ

 Скучало взорамъ ихъ,

И не моглибъ они покоемъ наслаждаться;

Скупымъ опредѣлилъ у золота сидѣть,

 На золото глядѣть,

 И золотомъ прельщаться,

 Но пмъ не насыщаться;

Спѣсивымъ предписалъ съ людьми не сообщаться,

И ихъ потомкамъ въ казнь давалась та же спѣсь,

Какая видима осталась и поднесъ.

У Лафонтена нѣтъ о томъ ни слова. И какъ все пріятно сказано! какъ перемѣна стиховъ у мѣста и щастлива! — Любезное имя, которымъ Богдановичъ назвалъ свою Героиню, представляетъ ему щастливую игру мыслей, которой Лафонтенъ могъ бы позавидовать:

Звалась она *Душа* по толку мудрецовъ:
А послѣ, въ повѣстяхъ старшинныхъ знатоковъ,
У Русскихъ *Душенькой* она именовалась,
И пишутъ, что тогда
Изыскано не безъ труда
Къ ея названію приличнѣйшее слово,
Которое еще для слуха было ново.
Во славу *Душеньки* у насъ отъ тѣхъ временъ
Поставлено оно народомъ въ лексиконѣ
Между пріятнѣйшихъ именъ,
И утвердила то любовь въ своемъ законѣ.

Это одно гораздо лучше всякаго подробнаго описанія Душенькиныхъ прелестей, котораго нѣтъ ни у Богдановича, ни у Лафонтена: ибо они не хотѣли говорить слишкомъ обыкновенно. — Жалобы Венеры въ Русской Поэмѣ лучше, нежели во Французской сказкѣ, гдѣ она также въ стихахъ. Читатели могутъ судить.

Амуръ! Амуръ! вступишь за честь мою и славу;
Яви свой судъ, яви управу.
Ты знаешь Душеньку, пль могъ о ней слыхать:
Простая смертная, ругаяся богами,
Не ставить ни во что твою бессмертну мать;
Уже и нашими слугами
Осмѣлилась повелѣвать,

И въ областяхъ моихъ надъ мной торжествовать.
Могу ли я сносить и видѣть равнодушно,
Что Душенькѣ одной вездѣ и все послушно?
За ней гоняся, отъ насъ отходятъ прочь
Поклонники, друзья, Амуры и Зефиры.

Юпитерьь самъ по ней вздыхаетъ день и ночь,
И слышно, что беретъ себѣ ее въ супруги:
Гречанку наглуую, едва ли царску дочь,
Забывъ Юнонины и вѣрность и услуги!
Какой ты будешь богъ, и гдѣ твой будетъ тронъ,
Когда отъ нихъ другой родится Купидонъ,
Который у тебя отниметъ лукъ и стрѣлы,
И нагло покоритъ подвластны намъ предѣлы?
Ты знаешь, какъ сыны Юпитеровы смѣлы:

По волѣ ходятъ въ небеса,
И всякія творятъ на свѣтѣ чудеса.
И можно ли терпѣть, что Душенька собою,
Безъ помощи твоей, во всѣхъ вселяетъ страсть,
Какую возжигать одинъ имѣлъ ты власть?
Она давно уже смѣется надъ тобою,
И ставитъ въ торжество себѣ мою напасть.

За честь свою, за честь Венеры,
Яви ты строгости примѣры;
Содѣлай Душеньку постылою навѣкъ,
И столь худою,
И столь дурною,
Чтобъ всякой отъ нее чуждался человекъ;
Иль дай ты ей въ мужья, ктобъ всѣхъ сыскался хуже
Чтобы нашла она себѣ тирана въ мужѣ,
И мучила себя,
Жестокаго любя;
Чтобы ея краса увяла,
И я покойна стала.

Лафонтенова Венера, сказавъ, что изъ Пифоса бѣжали къ Душенькѣ всѣ Игры и Смѣхи, продолжаетъ :

L'un de ces jours je lui vois pour époux
Le plus beau, le mieux fait de tout l'humain lignage,
Sans le tenir de vos traits ni de vous;
Sans vous en rendre aucun hommage.
Il haitra de leur mariage
Un autre Cupidon qui d'un de ses regards
Fera plus mille fois que vous avec vos dards.
Prenez y gard; il vous y faut songer.
Rendez la malheureuse, et que cette cadette,
Malgré les siens épouse un étranger,
Qui ne sache où trouver retraite;
Qui soit laid, et qui la maltraite,
La fasse consumer en regrets superflus,
Tant que ni vous ni moi nous ne la craignons plus.

Для чести Русскаго таланта мы не побоялись длинной выписки. Богдановичъ и мыслями и выраженіями побѣждаетъ опаснаго совѣстника. Онъ гораздо приличнѣе заставляетъ сказать Венеру, что самъ Юпитеръ можетъ жениться на Душенькѣ, а не лучший изъ смертныхъ красавцевъ, отъ котораго нельзя было родиться второму Купидону. Стихи: ты знаешь, какъ сыны Юпитеровы смѣлы — и столь худою и столь дурною — и мучила себя, жестокаго любя, живы и прекрасны: Лафонтеновы только изрядны, кромѣ: sans le tenir de vos traits, ni de vous, гдѣ одно сказано два раза для наполненія стиха. — Венерино шествіе у Лафонтена эскизъ, у Богдановича картина. Первый

сказалъ: P'un (Тритонъ) lui tient un miroir fait de cristal de roche, а второй:

Несетъ отломокъ горъ кристалльныхъ
На мѣсто зеркала предъ ней.
Сей видъ пріятность объявляетъ
И радость на ея челъ.
«О естлибъ видъ сей, онъ вѣщаетъ,
Остался вѣчно въ хрусталѣ!»
Но тщетно онъ того желаетъ!
Исчезнетъ сей призракъ какъ сонъ;
Останется одинъ лишь камень — и *прог.*

Лафонтенъ говоритъ: Thétis lui fait ouïr un concert de Sirenes. *Богдановичъ*:

Сирены, сладкія пѣвицы,
Межъ тѣмъ поютъ стихи ей въ честь,
Мѣшаютъ съ былью небылицы,
Ее стараясь превознести.

Сама Ѳетида ихъ послала
Для малыхъ и большихъ услугъ,
И только для себя желала,
Чтобъ дома былъ ея супругъ!

Послѣдняя черта забавна. Ѳетида рада веселить Венеру, но съ тѣмъ условіемъ, чтобы влюбчивый богъ морей не выѣзжалъ къ ней на встрѣчу съ трезубцемъ своимъ! — Лафонтенъ:

Tous les vents attentifs retiennent leurs haleines;
Le seul Zéphir est libre, et d'un souffle amoureux
Il caresse Venus, se joue à ses cheveux;

Contre ses vêtements par fois il se courrouce.
L'onde pour la toucher à longs flots s'entrepousse
Et d'une égale ardeur chaque flot à son tour
S'en vient baiser les pieds de la mère d'Amour.

Французскіе стихи хороши, но Русскіе еще игри-
вѣе и живѣе:

Летятъ обратно бѣглецы,
Зефиры, древни наглецы.
Иной власы ея взвѣваетъ;
Но вдругъ, открывъ прелестну грудь,
Перестаетъ на время дуть,
Власы съ досадою опускаетъ,
И съ ними спутавшись летитъ.
Гонясь за нею, волны тамъ
Толкаютъ въ ревности другъ друга,
Чтобъ вырвавшись скорѣй изъ круга,
Смиренно пасть къ ея ногамъ.

Такъ Стихотворцы съ талантомъ подражаютъ.
Богдановичъ не думалъ о словахъ Лафонтеновыхъ,
а видѣлъ передъ собою шествіе Венеры и писалъ
картину съ натуры.

Что Французъ остроумно говоритъ прозою, то
Русской не менѣе остроумно, и еще милѣе ска-
залъ въ стихахъ. Всѣ любовники оставляютъ кра-
савицу. Народъ приходитъ въ ужасъ отъ небыва-
лаго чуда, и Венера грозитъ государству еще но-
выми бѣдствіями, если не принесутъ ей въ жер-
тву самой Душеньки....

Но Царь и вся родня
Любили Душеньку безъ мѣры;

Безъ ней пріятнаго не проводили дня:
Могли ль предать ее на мщеніе Венеры?

И всё въ единый гласъ,
Богивѣ на отказъ,
Отвѣтствовали смѣло,
Что то не сбыточное дѣло.

Иные подняли на смѣхъ ея олтарь;
Другіе стали горько плакать;
Другіежь не дослушавъ такать,
Когда лишь слово скажетъ Царь;

Иные Душенькѣ въ утѣху говорили,
Что толь особая вина

Для ней похвальна и славна,
Когда къ стыду богинь ее боготворили;
И что Венеры къ ней и ненависть и мѣсть
Ея умножать честь.

Царевнѣ жь тѣ слова хотя и лестны были,
Но были бы милѣй,

Когда бы ихъ сказалъ какой любовникъ ей.

Отъ гордости она скрывала
Печаль свою при всѣхъ глазахъ;
Но втайнѣ часто унывала,
Себя несчастной называла,
И часто въ горестныхъ слезахъ
Къ Амуру такъ взывала:

«Амуръ, Амуръ, веселій Богъ!

«Зачто ко мнѣ суровъ и строгъ?

«Давно ли всё меня ласкал?

«Въ побѣдахъ я вела часы;

«Могла плѣнять, любить по волѣ:

«Зачтожь теперь въ несчастной долѣ?

«Къ чему полезны мнѣ красы?

«Бѣднѣйшая въ поляхъ пастушка

«Себѣ находить пастуха;

«А я одна — —,
«Не бывъ дурна, не бывъ лпха!»

Сія жалоба Душеньки отиѣнно любезна своею простотою. Но въ доказательство нашего безпристрастія согласимся, что темный отвѣтъ Оракула лучше выраженъ во Французскихъ стихахъ. Отчаяніе красавицы, и то, что она говоритъ своему отцу, желая предаться въ волю таинственной Судьбы, также совершеннѣе и трогательнѣе въ Лафонтенѣ. Онъ рассказываетъ прозою: одно легче другаго. За то нѣкоторыя мѣста лучше въ стихахъ Богдановича. Лафонтенова Песиша говоритъ: *Qu'on me mette sur un chariot, sans cocher ni guide; et qu'on laisse aller les chevaux à leur fantaisie: le sort les guidera infailliblement au lieu ordonné.* Стоитъ ли эта бездушная проза слѣдующихъ стиховъ? Душенька

Сказала всей роднѣ своей,
Чтобъ только въ путь ее какъ должно снарядили,
И въ колесницу посадили,
Пусть на волю лошадей,
Безъ кучера и безъ возжей.
«Судьба, сказала, будетъ править;
Судьба покажетъ вѣрный слѣдъ
Къ жилищу радостей пль бѣдъ,
Гдѣ должно вамъ меня оставить.»

Вотъ славное преимущество языка Поззіи! Если Стихотворецъ умѣетъ побѣждать трудности и ставить каждое слово въ своемъ мѣстѣ, то са-

Соч. Карам. Т. I. 58

мыя простыя выраженія отмінно нравятся, и прозаистъ далеко назади остается.

Ужасы Душенькина путешествія изображены во Французской сказкѣ какъ дѣйствительные ужасы, а въ Русской съ пріятною шутливостію:

Тамъ всѣ при каждомъ шагѣ
Встрѣчали новой страхъ:
Ужасныя пещеры,
И къ верху крутизны
И къ безднѣ глубины.
Инымъ являлись тамъ Мегеры;
Инымъ летучи Дромадеры,
Инымъ драконы и Церберы.

Царевнина кровать
Въ рукахъ несущихъ сокрушилась,
И многіе отъ страха тутъ
Не мало шапокъ пороняли,

Которы на подхватъ драконы пожирали.

Иные по кустамъ одежды изодрали,

И наготы имѣя видъ,

Едва могли прикрыть отъ глазъ стороннихъ стыдъ.

Осталось наконецъ лишь нѣсколько булавокъ

И нѣсколько стиховъ Оракула для справокъ.

Надобно быть въ весьма дурномъ расположеніи, чтобы не засмѣяться отъ двухъ послѣднихъ стиховъ. Мы жалѣемъ, что Стихотворецъ нашъ предпочелъ здѣсь важному описанію карриатуру: она хороша.

Какъ ни складно, ни красно описываетъ Лафонтенъ Кушидоновъ дворецъ, сады, услужливость

Нимфъ, но проза его не дѣлаетъ мнѣ такого удовольствія, какъ слѣдующіе стихи Богдановича:

Явился передъ ней
Прекрасный видъ аллей
И рощей и полей.
Высокіе балконы

Открыли царство тамъ и Флоры и Помоны,
Каскады и пруды
И чудные сады.

Оттуда сорокъ Нимфъ вели ее въ чертоги,
Какіе созидать удобны только боги;

И тамо Душеньку, къ прохладѣ отъ дороги,
Въ готовую для ней купальню привели.

Амуры ей росы чистѣйшей привесли,
Котору вмѣсто водъ повсюду собирали.
Зефиры воздухъ тамъ дыханьемъ согрѣвали,
Изъ разныхъ ароматъ вздували пузыри,

И составляли мыла,

Какими моются восточные Цари,
И коихъ вѣдома живительная сила.

Царевна со стыдомъ
Со споромъ и трудомъ,
Какъ водится при томъ,
Взирая на обновы,

Какія были тамъ на выборъ ей готовы,
Дозволила сложить съ красоть своихъ покровы.

Полки различныхъ слугъ, предъ тѣмъ отдавъ поклонъ,

Безъ горя не могли оттуда вытти вонъ,

И даже за дверьми, не будучи въ услугѣ,

Охотно слѣдъ ея лобзали на досугѣ.

Зефиры лишь одни, имѣя входъ вездѣ,

Зефиры хищные, за тѣмъ, что ростомъ мелки,

Нашли въ дверяхъ и окнамъ щелки,

Прокрался между Нимфъ и спрятался въ водѣ,
Гдѣ Душенька купалась.

Богдановичъ, угощая и веселя музыкою Героиню во дворцѣ Купидоновомъ, составилъ оркестръ свой лучше Лафонтена, и велѣлъ даже, весьма кстати, невидимо управлять имъ самому Аполлону; но жаль, что хоръ пѣвицъ его, хваля любовь, не повторилъ на Русскомъ языкѣ слѣдующей строфы гимна Французскаго:

Sans cet amour tant d'objets ravissans,
Lambris dorés, bois, jardin et fontaines
N'ont point d'appas qui ne soient languissans,
Et leurs plaisirs sont moins doux que ses peines.
Des jeunes cœurs cest le suprême bien:
Aimez, aimez — tout le reste n'est rien.

Въ доказательство, что Поэты, вопреки старинному злословію, умѣютъ быть иногда скромными, и Французъ и Русской не хотѣли описать перваго свиданія Душеньки съ Амуромъ. Послѣдній отдѣлался отъ читателей пріятною шуткою, говоря, что эта сцена осталась навѣки тайною между супругами...

Но только поутру примѣтили Амуры,
Что Нимфы межъ собой смѣялись подъ тшпкомъ,
И гостя, будучи стыдлива отъ природы,
Казалась между ихъ съ завѣшаннымъ ушкомъ.

Въ изображеніи палатъ съ ихъ драгоценностями
я люблю статую Душеньки...

Смотря на образъ сей, она сама дивилась;
Другая статуя казалась въ ней тогда,
Какой не видывалъ никто и никогда.

Черта прекрасная! взята съ Французскаго (*elle demeura longtems immobile, et parut la plus belle statue de ces lieux*); но выраженная въ стихахъ, болѣе нравится... Люблю также разныя живописныя изображенія Душеньки:

Въ одномъ она, съ щитомъ прешрашнымъ на груди,
Палладой наряжаясь, грозитъ на лошади,
И болѣ, чѣмъ копьемъ, своимъ прекраснымъ взоромъ.

Въ другомъ видимъ передъ нею Сатурна, который

Старается забыть, что онъ давнишній дѣдъ,
Прямить свой дряхлый станъ, желаетъ быть моложе,
Кудрять оставшіе волосъ своихъ клочки,
И видѣть Душеньку вздѣваетъ онъ очки.
А тамъ она видна, подобая Царицѣ,
Съ Амурами вокругъ, въ воздушной колесницѣ.
Прекрасной Душеньки за честь и красоту
Амуры тамъ сердца стрѣляютъ на лету;
Летятъ великою толпою;
Летятъ, поднявши лукъ, на цѣлый свѣтъ войною;
А тамъ свирѣпый Марсъ, рушитель мирныхъ правъ,
Увидѣвъ Душеньку, являетъ тихой нравъ,
Полей не обагрятъ кровью,
И наконецъ, забывъ военный свой уставъ,
Смягченъ у ногъ ея пылаетъ къ ней любовью.

На третьей картинѣ Зефиръ списываетъ съ нея портретъ; не боясь нескромности,

Скрываетъ въ спискѣ ояъ большую часть красотъ;
И многія изъ нихъ, конечно чудесами,
Предъ Душенькою вдругъ тогда писались сами.

Всего же болѣе люблю обращеніе Поэта къ красавицѣ:

Во всѣхъ ты, Душенька, нарядахъ хороша:
По образу ль какой царицы ты одѣта,
Пастушкою ли гдѣ сидишь у шалаша,
Во всѣхъ ты чудо свѣта;
Во всѣхъ являешься прекраснымъ божествомъ —
И только ты одна прекраснѣе портрета.

Просто и такъ мило, что, можетъ быть, никакое другое мѣсто въ Душенькѣ не дѣлаеть въ читателѣ столь пріятнаго впечатлѣнія. Всякому хочется сказаать сіи нѣжные, прекрасные стихи той женщинѣ, которая ему всѣхъ другихъ любезнѣе; а послѣдній стихъ можно назвать золотымъ. — Мы не пеняемъ Автору, что онъ не хочетъ далѣе описывать Купидонова дворца,

Гдѣ все плѣвляю взглядъ
И было неподобно,
Но всюду тамъ умомъ
Я Душеньку встрѣчаю,
Прельщаюсь, и потомъ
Палаты забываю.

Но съ палатами Стихотворецъ забылъ и хозяина; забылъ, между портретами, упомянуть объ его изображеніяхъ. Скрываясь отъ Душеньки, Амуръ долженъ былъ помазаться ей хотя на картинѣ.

Лафонтенъ представилъ на обояхъ разныя чудеса
Купидоновы: на примѣръ, ужасный хаосъ, приво-
димый его рукою въ стройность...

Que fait l'Amour? Volant de bout, en bout,
Ce jeune enfant, sans beaucoup de mystere,
En badinant vous debrouille le tout,
Mille fois mieux qu'un sage.

Какъ бы хорошо могъ Богдановичъ сказать это
въ Русскихъ стихахъ! какъ бы хорошо могъ, слѣ-
дую Лафонтену, описать приступы любопытной
Душеньки къ невидимому Амуру и его отговорки,
столь остроумныя! *Necessairement je suis Dieu ou
je suis Démon. Si vous trouvez que je suis Démon,
vous me hairez; et si je suis Dieu, vous cesserez de
m'aimer ou du-moins vous ne m'amierez plus avec
tant d'aideur: car il s'en faut bien qu' on aime les
Dieux aussi violemment que les hommes.* Но Поэтъ
вашъ, какъ Поэтъ, не любилъ закона и принужде-
нія; хотѣлъ брать не все хорошее въ образцѣ
своемъ, а что слегка и само собою попадалось ему
въ глаза —

Любя свободу я мою,
Какъ вздумается мнѣ, пою.

Довольно, что Богдановичъ, проходя иногда ми-
мо красотъ Лафонтеновыхъ, щедро замѣнялъ ихъ
собственными и разнообразными. Умѣя быть нѣж-
нымъ, забавнымъ, онъ умѣлъ и колоть — даже
кровныхъ своихъ, то есть Стихотворцевъ. Вводя
Душеньку въ Амурову библиотечку, онъ говоритъ:

Царевна тамъ взяла читать стихи ;
Но ихъ читаючи какъ будто за грѣхи,
Узнала въ первый разъ мучительную скуку,
И бросивъ ихъ подъ столъ, притомъ, зашибла руку.
Носился послѣ слухъ, что будто наконецъ
Несчастныхъ сихъ стиховъ творецъ,
Указомъ Аполлона
Навѣки согнанъ съ Геликона;
И будто Душенька, боясь подобныхъ *скукъ*, *
Иль ради сохраненья рукъ,
Стиховъ съ ведѣлю не читала,
Хотя любила ихъ и нѣкогда слагала.

Сей несчастный, согнанный съ Геликона, былъ конечно не похожъ на Богдановича, котораго Душенька съ удовольствіемъ могла бы читать даже и тогда, какъ онъ съ пѣническою искренностію описываетъ лукавство ея въ гибельную ночь любопытства. Злые сестры уговорили ее засвѣтить лампаду во время сна Купидонова....

Прекрасна Душенька употребила тутъ
И хитрость и приворство,
Какія свойственны женамъ,
Когда онѣ, дѣла имѣя по ночамъ,
Скорѣе какъ нибудъ покой даютъ мужьямъ.
Но хитрости ль ея въ то время успѣвали,
Иль самъ клонился къ сну отъ дѣйствія печали:
Онъ мало говорилъ, вздохнулъ,
Зѣвнулъ,
Заснулъ.

* Скука не употребляется у насъ во множественномъ числѣ.

Это напоминаетъ одинъ изъ славнѣйшихъ стиховъ въ Lutgin и стоитъ десяти прозаическихъ страницъ Лафонтевыхъ.

Въ описаніи Душенькиныхъ бѣдствій нѣкоторыя черты также гораздо щастливѣе у Богдановича; на примѣръ, трогательное обращеніе его къ жалкой изгнанницѣ:

Умри, красавица, умри! твой сладкой вѣкъ
Съ минувшимъ днемъ уже протекъ;
И естли смерть тебя отъ бѣдствій не избавить,
Сей свѣтъ, гдѣ ты досель равнялась съ божествомъ,
Отнынѣ въ скорбь тебѣ наполненъ будетъ зломъ,
И всюду горести за горестымъ представить.

Къ нещастію тебя оставилъ Купидонъ.

Твой рай, твои утѣхи,
Забавы, игры, смѣхи,
Прошли какъ будто сонъ.

Вкусивши сладости, кто въ мірѣ ихъ лишился,

Любя съ любимымъ разлучился,
И радости себѣ уже не чаеъ впрядь.
Легко почувствуетъ, безъ дальнѣйшаго слова,
Что лучше Душенькѣ въ сей долѣ умереть.

Стихотворецъ нашъ, описывая съ Лафонтею всѣ образы смерти, избираемые Душенькою, представляетъ отъ себя еще одинъ, не весьма пѣщическій, но игриво и забавно имъ представленный:

Избравъ крѣпчайшій сукъ, послѣдній шагъ ступила
И къ вѣтви свой платокъ какъ должно прицепила,
И въ петлю Душенька головушку вложила.

О чудо изъ чудесъ!

Потрясся долъ и лѣсъ;

Дубовый, грубый сукъ, на чемъ она повисла,

Съ почтениемъ къ ея прекрасной головѣ

Пригнулся такъ какъ пруть — — —

И здраву Душеньку поставилъ на травѣ;

И вѣтви всѣ тогда, нанизъ влекомы ею,

Иль сами волею своею,

Шумѣли радостно надъ нею,

И соединяючи концы,

Свивали разны ей вѣнцы.

Одинъ лишь наглый сукъ за платье зацѣпился,

И Душенькинъ покровъ въ верху остановился;

Тогда увидѣлъ долъ и лѣсъ

Другое чудо изъ чудесъ — —

Вольность бываетъ маленькою слабостию Поэтовъ; строгіе люди давно осуждаютъ ихъ, но снисходительные многое извиняютъ, естли воображеніе неразлучно съ остроуміемъ, и не забываетъ правилъ вкуса. Когда горы и лѣса, видя *чудо*, восклицали, что Душенька всѣхъ на свѣтѣ прекраснѣе,

Амуръ, смотря изъ облаковъ,

Прилѣжнымъ взоромъ то оправдывалъ безъ словъ!

Поэту хотѣлось сказать, что Душенька прошла *сквозь огонь и воду*, и для того онъ заставляетъ ее броситься въ пламя, когда Наяды не дали ей утнуть въ рѣкѣ....

Лишь только бросилась во пламя на дрова,

Какъ вдругъ невидимая сила

Подъ нею пламень погасила;

Мгновенно дымъ исчезъ, огонь и жаръ потухъ;
Остался только лишь потребный теплый духъ,
За тѣмъ, чтобъ ножки тамъ Царевна осушила,
Которая въ водѣ не давно замочила.

Это смѣшно, и рассказъ имѣетъ всю точность хорошей прозы. — Лафонтенъ, для разнообразія своей повѣсти, вводитъ исторію Философа-рыболова: въ Душенькѣ она могла бы только остановить быстроту главнаго дѣйствія. Сказки въ стихахъ не требуютъ множества вымысловъ, нужныхъ для живости прозаическихъ сказокъ. Богдановичъ упоминаетъ о старомъ рыбацкѣ единственно для того, чтобы Душенькѣ было кому пожаловаться на ея несчастіе....

Ты помнишь бытность всѣхъ временъ
И всякихъ въ мірѣ перемѣнъ:
Скажи, какъ свѣтъ стоитъ съ начала,
Встрѣчалось ли когда кому
Несчастье равно моему?
Я рѣзалась и въ петлю клалась,
Топилась и въ огонь бросалась;
Но въ горькой участи моей,
Прошедъ сквозь огонь, прошедъ сквозь воду,
И всѣми видами смертей
Приведши въ ужасъ всю природу,
Противъ желанія живу
И тщетно смерть къ себѣ зову.
.
Но кто ты? старецъ спросилъ .
•Я Душенька — люблю Амура. •

Послѣдній стихъ прекрасенъ и трогателенъ, не смотря на шуточный тонъ Автора. — Объявленіе Венеры, прибитое на всѣхъ перекресткахъ, взято съ Французскаго, но гораздо смѣшнѣе на Русскомъ.

Понеже Душенька прогнѣвала Веперу,
И Душеньку Амуръ Венерѣ въ стыль хвалить;
Она же Душенька румяна унижаетъ,
Мрачить передъ собой достоинство бѣлилъ;

.....
Она же Душенька, имѣя стройный станъ,
Прелѣстные глаза, пріятную усмѣшку;

.....
Она же взорами сердцамъ творя изъяснъ:

.....
Того пли пнаго ради,
Венера каждому и всѣмъ
О гнѣвъ на нее своемъ
По должной формѣ объявляетъ.

Въ обращеніи Душеньки къ богинямъ всего забавнѣе представлена важность Минервы, которая, занимаясь астрономическими наблюденіями и хвостами Кометъ, съ презрѣніемъ говоритъ бѣдной красавицѣ,

Что міръ безъ Душеньки стоялъ изъ вѣка въ вѣкъ;
Что въ обществѣ она не важной человекъ;
А паче какъ хвостомъ Комета всѣхъ пугаетъ,
О Душенькѣ тогда никто не помышляетъ.

Богдановичъ хотѣлъ осмѣять Астрономовъ, которые около 1775 году, естли не ошибаюсь, пу-

гали дюдей опасностію Кометы. Но должно признаться, что о ревливой Юнонѣ Лафонтенъ говоритъ еще забавнѣе Русскаго Стихотворца. Вотъ его слова: «Пастушкѣ нашей не трудно было найти «Юнону. Ревливая жена Юпитерова часто сходить «на землю, чтобы освѣдомляться о супругѣ. Псиша «встрѣтила ее гимномъ, но воспѣла одно могуще- «ство сей богини, и тѣмъ испортила дѣло свое. На- «добно было хвалить ея красоту, и какъ можно «усерднѣе. Царямъ говори объ ихъ величїи, а Ца- «рицамъ совѣмъ объ другомъ, естли хочешь «угодить имъ. Юнона отвѣчала, что должно нака- «зать смертныхъ прелестницъ, въ которыхъ влю- «бляются боги. За чѣмъ они таскаются на землю? «развѣ на Олимпѣ еще мало для нихъ красавицъ?» Богдановичъ шутить только на щетъ Юпитеровыхъ метаморфозъ: здѣсь Лафонтенъ тожѣ. Но скоро Поэтъ нашъ беретъ верхъ, описывая ошибку людей, которые, видя въ Венериномъ храмѣ Душеньку въ крестьянскомъ платьѣ, считаютъ ее богинею и шепчуть другъ другу на ухо:

Венера здѣсь тайкомъ!
Венера за столбомъ!
Венера подъ платкомъ!
Венера въ сарафанѣ!
Пришла сюда пѣшкомъ!
Конечно съ пастушкомъ!

Здѣсь короткіе стихи на одну рѣму прекрасно выражаютъ быстроту народныхъ словъ. И съ какимъ любезнымъ простосердечїемъ говорятъ Душенька раздраженной Венерѣ,

Колѣна преклоня:

Богиня всѣхъ красотъ! не сѣлуй на меня!
Я сына твоего прельщать не умышляла.
Судьба меня, судьба во власть къ нему послала.
Не я ищу людей, а люди въ слѣпотѣ
Дивятся всегда малѣйшей красотѣ.
Сама искала я упасть передъ тобою;
Сама желала я твоею быть рабою.

Богдановичъ поступилъ также гораздо милостивѣе съ своею Героинею, нежели Лафонтенъ, который заставлялъ Венеру немилосердо сѣчь ее розгами! Какое варварство! Русская Душенька *служить* только трудныя, опасныя *службы* богинѣ, совершенно въ тонѣ Русскихъ старинныхъ сказокъ, и прекрасно; идетъ за живою и мертвою водою, къ змѣю Гарыничу, и такъ хорошо, съ женскою хитростію, ублажаетъ его:

О змѣй Гарыничъ, Чудо-Юда!
Ты сытъ во всяки времена;
Ты ростомъ превзошелъ слона,
Красою помрачилъ верблюда;
Ты всяку здѣсь имѣешь власть;
Блестишь златыми чешуями,
И смѣло разѣваешь пасть,
И можешь всѣхъ давить когтями!
Пусти меня, пусти къ водамъ!

Богдановичъ, приводя Душеньку къ злому Кашею, не сказываетъ намъ его загадокъ: жаль! здѣсь былъ случай выдумать нѣчто остроумное. Но Авторъ уже довольно выдумывалъ, спѣшитъ

къ концу, отдохнуть на миртахъ вмѣстѣ съ своею Героинею, и мимоходомъ еще описываетъ Тартаръ несравненно лучше Лафонтена. Какъ скоро Душенька показала тамъ ногу свою, все затихло....

Церберы перестали лаять,
Замерзлый Тартаръ началъ таять.
Подземна царства темный царь,
Который возлѣ Прозерпины
Дремалъ съ надеждою на слугъ,
Смутился тишиною вдругъ:
Возвысилъ вокругъ бровей морщины,
Сверкнулъ блистаньемъ ярыхъ глазъ,
Взглянулъ... начавши рѣчь, запнулся,
И съ роду первый разъ
Въ то время улыбнулся!

Сими прекрасными стихами заключаемъ нашу выписку. Амуръ соединяется съ Душенькою, и Богдановичъ, вспомнивъ аллегорическій смыслъ древней басни, оканчиваетъ свою Поэму хвалою душевной, вѣчно неувядаемой красоты, въ утѣшеніе, какъ говоритъ онъ, всѣхъ земныхъ не красавиць.

Замѣтивъ хорошія и прекрасныя мѣста въ Душенькѣ, скажемъ, что она конечно не вся писана такими щастливыми стихами; но вообще столь пріятна, что благоразумный Критикъ, чувствительный къ красотамъ Искусства и дарованія (а судъ другихъ есть пустословіе или злословіе) не захочетъ на счетъ ея доказывать своей тонкой разборчивости, и не забудетъ, что Исполить Бог-

дановичъ *первый* на Русскомъ языкѣ игралъ воображеніемъ въ легкихъ стихахъ: Ломоносовъ Сумароковъ, Херасковъ, могли быть для него образцами только въ другихъ родахъ.

Мудрено ли, что Душенька единогласно была прославлена всѣми любителями Русскаго Стихотворства? Шесть или семь листовъ, съ безпечностію брошенныхъ въ свѣтъ, перемѣнили обстоятельства и жизнь Автора. Екатерина царствовала въ Россіи: Она читала Душеньку съ удовольствіемъ и сказала о томъ Сочинителю: что могло быть для него лестіе? Знатные и придворные, всегда ревностные подражатели Государей, старались изъяслять ему знаки своего уваженія, и твердили наизусть мѣста, замѣченныя Монархицею. Тогдашніе Стихотворцы писали эпистолы, оды, мадригалы въ честь и славу творца Душеньки. *Онъ былъ на розахъ*, какъ говорятъ Французы.... Но многія блестящія знакомства отвлели Богдановича отъ жертвенника Музы въ самое цвѣтущее время таланта * — и вѣнокъ Душеньки остался единственнымъ на головѣ его. Хотя онъ и неувядаемъ, однакожь любители дарованій не перестанутъ жалѣть, что Поэтъ нашъ имъ удовольствовался и не захотѣлъ новыхъ. Онъ доказалъ, къ нещастію, что авторское славолубіе можетъ имѣть предѣлы! Правда, что Богдановичъ еще писалъ, но мало, или съ небреженіемъ, какъ будто

* Ему тогда было съ небольшимъ 30 лѣтъ.

бы не-хотя, или въ дремотѣ Генія. Иной сказалъ бы, что Поэтъ, любя свою Душеньку, хотѣлъ оставить ей честь быть единственнымъ, изящнымъ твореніемъ его таланта. — Отъ 1775 до 1789 году онъ сочинилъ *Историческое изображеніе Россіи*, часть I (опытъ легкій, несовершенный, но довольно пріятный) — лирическую Комедію: *Радость Душеньки*, Драму *Славяне*, и двѣ маленькіе театральныя піесы изъ Русскихъ пословицъ. Сама Екатерина ободряла Богдановича писать для театра, и въ знакъ Своего благоволенія пожертвовала ему табакерку за *Радость Душеньки*, а за Драму *Славяне* перстень. Въ первой есть забавная сцена, пиръ боговъ, гдѣ Момусъ смѣшитъ своимъ божественнымъ простосердечіемъ; а во второй двадцати-пяти-лѣтнее торжество Славянъ въ честь великой Государынѣ, которая навѣки основала ихъ благоденствіе, тронуло въ представленіи всѣхъ зрителей: ибо сію Драму играли въ то время, когда совершилась четверть вѣка по восшествіи на тронъ Екатерины. — Исполняя также волю сей Монархини, онъ издалъ Русскія пословицы, въ которыхъ сохранились драгоцѣнные остатки ума нашихъ предковъ, ихъ истинныя понятія о добрѣ и мудрыя правила жизни. Мы должны еще упомянуть о мелкихъ его стихотвореніяхъ, напечатанныхъ въ *Собесѣдникѣ*: нѣкоторыя изъ нихъ отличаются замысломъ и вкусомъ. — Но ни которая изъ пріятныхъ бездѣлокъ Богдановича не была такъ извѣстна и славна, какъ его пѣсня: *мнѣ минуло пятнадцать лѣтъ*. Она сдѣлалась *народною*,

и до нынѣ — не смотря на множество новыхъ любимыхъ пѣсенъ — сохраняетъ свое достоинство. Въ ней есть истинная *затѣйливость* и нѣжная простота, которыя равняютъ ее съ лучшими Французскими пѣснями. Что можетъ быть простѣе и любезнѣе слѣдующихъ куплетовъ :

«Далабъ ему я посохъ свой:
Мнѣ посохъ надобенъ самой;
И чтобъ звѣрей остерегаться,
Съ собачкой мнѣ не лъзя разстаться.

Въ пустынной скучной сторонѣ
Свирѣлки также нужны мнѣ.
Овечку дать ему я рада,
Когда бы не считала стада.»

Пастушка говорить тогда:
«Пускай пастухъ придетъ сюда;
Чтобъ не было убытка стаду,
Я сердце дамъ ему въ награду!»

Онъ перевелъ также всѣ лучшіе Французскіе стихи, написанные въ честь Екатерины, Вольтеры, Мармонтелевы, и проч. Сии Поэты умѣли хвалить Великую языкомъ благороднымъ, и Богдановичъ не унижалъ его. На примѣръ, онъ такъ заставляетъ говорить Мормонтеля на Русскомъ языкѣ:

О ты, Которая въ законахъ и геройствѣ
Совмѣстниковъ Своихъ далеко превзошла, —
Божественный примѣръ Монархамъ подала

Нещио подлавныхъ о щастьи и спокоѣствѣ!
Являй всегда Твоей величество души,
И славныхъ дѣлъ своихъ пачатки соверши!
Щастливому въ Твоемъ владѣннѣ народу
Осталоея имѣть одну лишь свободу.

Въ переводѣ его Вольтеръ, подобно какъ и въ оригиналѣ, то важенъ, то забавенъ, говоря :

И гдѣ Великій Петръ людей содѣлать могъ,
Екатерина тамъ содѣлала Героевъ...

Трудится день и ночь возставить всѣхъ покой,
И межъ трудовъ ко мнѣ писать находить время.
Тогда же Мустафа, гордясь предъ Визиремъ,
Въ чертогахъ роскошью безчувственною дышетъ,
Зѣваетъ въ праздности, не мыслитъ ни о чемъ,
И никогда ко мнѣ, въ прибавокъ, онъ не пишетъ!

Занимаясь стихотворствомъ Богдановича, мы забыли службу его. Въ 1780 году онъ былъ опредѣленъ въ новоучрежденный тогда Государственный Санктпетербургскій Архивъ Членомъ, въ 1788 Предсѣдателемъ его, а въ 1795 отставленъ съ полнымъ жалованьемъ, служивъ 41 годъ.—Наконецъ, въ 1796 году, онъ выѣхалъ изъ Петербурга. Тогдашнѣя бѣдствія Европы, разительная картина непостоянствъ Фортуны въ отношеніи къ людямъ и къ государствамъ, самая свѣтская печальная опытность, могли въ добромъ и нѣжномъ сердцѣ его произвести склонность къ мирному уединенію. Пріятный климатъ, любезныя воспоминанія дѣтства и самая вѣрнѣйшая связь въ мірѣ, дружба

родственная, влекли Богдановича къ счастливымъ странамъ Малороссіи. Онъ пріѣхалъ въ Сумы съ намѣреніемъ вести тамъ жизнь свою въ кругу ближайшихъ родныхъ и наслаждаться ея тихимъ вечеромъ въ объятіяхъ Природы, всегда любезной для чувствительнаго сердца, особливо для Поэта. Первые дни и мѣсяцы казались ему совершеннымъ очарованіемъ; никогда душа его не бывала такъ свободна и безмятежна. Уже никакія мечты не тревожили ея спокойствія. Мирная совѣсть; пятьдесятъ лѣтъ проведенныхъ въ наблюденіи строгихъ правилъ чести; кроткая, но всегдашняя дѣятельность благородныхъ способностей человѣка: ума образованнаго и зрѣлаго, воображенія еще не угасшаго; чтеніе Авторвъ избранныхъ; обхождение съ людьми добрыми и близкими къ сердцу; самое единообразіе простой жизни, любезное въ нѣкоторыхъ лѣтахъ, были щастіемъ Богдановича, истиннымъ и завиднымъ, котораго желаютъ всѣ люди, живущіе для славы собственной и пользы другихъ въ шумѣ свѣтскомъ, и котораго милымъ образомъ украшаютъ они *въ мысляхъ* послѣдніе дни свои въ мірѣ, дни отдохновенія и покоя!... Но

Пристанища въ семъ мірѣ нѣтъ!...

Здѣсь должны мы осторожно повторить извѣстіе неясное, хотя и вѣрное. Руссо на шестомъ дѣсятилѣтій жизни испыталъ всю силу романтической страсти, забавной въ глазахъ молодаго

свѣтскаго Адониса, но трогательной для челоуѣколюбиваго наблюдателя. Можно съ покойною совѣстію шутить надъ старикомъ Селадономъ; но для особенной и случайной привязанности нѣтъ сроку: всегда можно любить, пока сердце живо и взоръ чувствительной женщины изъявляетъ намъ симпатію. Самолюбіе, нѣкоторымъ образомъ справедливое въ челоуѣкѣ достойномъ; имя дружбы, которымъ часто закрываемъ любовь отъ самихъ себя; надежда быть — естли не прелестнымъ, то хотя пріятнымъ, и нравиться самымъ тѣмъ, чтобы не думать нравиться — заводятъ иногда и не Поэтовъ весьма далеко.... Не знаемъ обстоятельствъ; но кто, и зная ихъ, могъ бы безъ нарушенія правилъ скромнаго благоразумія открыть свѣту подробности сердечной связи? Скажемъ только, что тихая, мирная, щастливая жизнь Богдановича вдругъ сдѣлалась ему несносною. Онъ долженъ былъ разлучиться съ другомъ и братомъ... Какъ остаться въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ все напоминало ему и блаженнѣйшіе часы для сердца и неожидаемыя ихъ слѣдствія? Оскорбленное самолюбіе бываетъ антидотомъ любви, но жестокимъ!... И всякая сильная переменна чувствъ ужасна въ то время, когда мы близки къ западу жизни, и когда Натура преднисываетъ челоуѣку *спокойствіе*, какъ необходимое условіе еще возможнаго для него щастія! Надежда замѣнить потерю облегчаетъ ее въ молодости; но лѣта отнимаютъ у насъ сіе дѣйствительное утѣшеніе. Мы слышимъ только голосъ строгаго разсудка, который запре-

щаетъ даже и жаловаться на судьбу!... Мысль о послѣднихъ годахъ нашего любезнаго Стихотворца печальна для всякаго, кто умѣетъ воображать себя на мѣстѣ другихъ.

Въ 1798 году онъ переселился въ Курскъ. — Александръ восшелъ на тронъ; и когда всѣ Патріоты съ радостными надеждами устремили на Него взоры, Богдановичъ взялъ лиру, уже давно имъ оставленную — и юный Монархъ въ знакъ Своего благоволенія прислалъ ему перстень. Муза *Душеньки* имѣла славу и щастіе нравиться Великой Екатерины: Августѣйшій Внукъ Ея могъ ли не удостоить ее Своего вниманія?

Въ началѣ Декабря 1802 году Богдановичъ занемогъ, бывъ всегда не крѣпкаго сложенія; томился четыре недѣли, и кончилъ жизнь 6 Января, въ горести родныхъ друзей и всѣхъ любителей Русской Словесности: ибо онъ еще не дожилъ до глубокой маститой старости, которая бываетъ послѣднимъ знакомъ Небснаго благоволенія къ земнымъ странникамъ, облегчая ихъ переходъ въ вѣчность.

Говорятъ, что жизнь и характеръ Сочинителя видны въ его твореніяхъ; однакожь мы, любя послѣднія, всегда спрашиваемъ о первыхъ у тѣхъ людей, которые лично знали Автора. Всѣ знакомые и пріатели Богдановича единогласно хвалятъ его свойства, тихой нравъ, чувствительность, безкорыстіе и какую-то невинную веселость онъ сохранилъ до старости, и которая дѣлала его пріятнымъ въ дружескомъ обществѣ. Никто не замѣ-

чалъ въ немъ авторскаго самолюбія. Богдановичъ даже рѣдко говаривалъ о Поэзій и Литтературѣ, и всегда съ нѣкоторою застѣнчивостію, бывшею природнымъ свойствомъ его. Не мудрено, что онъ не любилъ Критики, пугающей всякое нѣжное самолюбіе, и признавался, что она своею грубою строгостію могла бы совершенно отвратить его отъ Авторства.

Друзья Богдановича — которыхъ онъ, однажды нашедши, не терялъ никогда — а еще долѣе любители Русскихъ талантовъ сохранять его память: ибо творецъ *Душеньки* будетъ извѣстенъ потомству — какъ Стихотворецъ пріятный, нѣжный, часто остроумный и замысловатый.

1803 года.

КОНЕЦЪ ПЕРВАГО ТОМА.

PG
3314
A1

STANFORD UNIVERSITY LIBRARIES
CECIL H. GREEN LIBRARY
STANFORD, CALIFORNIA 94305-6004
(415) 723-1493

All books may be recalled after 7 days

DATE DUE

APR 28 1999
APR 28 1999

Stanford University Libraries

PG
3314
A1

STANFORD UNIVERSITY LIBRARIES
CECIL H. GREEN LIBRARY
STANFORD, CALIFORNIA 94305-6004
(415) 723-1493

All books may be recalled after 7 days

DATE DUE

APR 28 1999
APR 29 1999

